

•

Коннор Хоторн великий воин и темный, завоевавший себе славу отвагой и силой. Ему прочили быструю карьеру, почет и выгодный брак...

...а ему вручили меня...

...светлую, которую он ненавидел всем сердцем.

Приказ, противиться которому не мог никто.

Союз, в который никто не верил.

Пять лет вдали друг от друга и случайная встреча, которая изменила все.

противостояние, вынужденный брак, от ненависти до любви

Женаты против воли

Татьяна Серганова

Пролог

Я стала женой врага в тринадцать лет.

Наша скромная свадьба проходила в абсолютной тишине.

Не было слышно ни вздохов, ни взволнованных шепотков, ни всхлипов умиления. И это несмотря на то, что в небольшой часовне, расположенной на границе двух враждующих семей, собралось не менее двух сотен гостей.

Они вынуждены были присутствовать на этой церемонии, которая была призвана объединить давних врагов. И теперь стояли с каменными лицами, не сводя с нас глаз.

Тишина.

Как же ужасна она была в этот момент.

Звонящая, пронзительная. Такая стылая, что дрожь колючей иглой прошла по позвоночнику, заставляя поежиться от холода, несмотря на знойное летнее утро.

А погода сегодня была, как назло, ясная. Впервые за неделю бесконечных дождей на синем небе появилось яркое солнце, озаряя

мир светом. Зеленела трава с капельками влаги на сочных листьях, распускались бутоны разноцветных цветов и радостно пели птицы.

Но это где-то там... за пределами этой часовни, где меня выдавали замуж за монстра.

Они стояли по разные стороны. Могучая, многочисленная семья Монрей — потомки светлых — с левой стороны, и семья Хоторнов — проклятые, рожденные самой тьмой — с правой.

А посередине огромный каменный алтарь, украшенный древними письменами. Рядом с ним, переминаясь с ноги на ногу, стоял молоденький священник в парадном облачении из золотой парчи, с вышивкой винного цвета и белым воротником у тощего горла с выступающим кадыком.

Отец Эммет. Посланник самого императора и его доверенное лицо.

Священник явно волновался, поэтому то и дело запинаясь и путал слова, отчего краснел и путался еще больше.

Его руки дрожали, когда он связывал длинной алой лентой наши руки. Мою и моего будущего мужа. Да и вино отец Эммет чуть не разлил, подавая поочередно тяжелый золотой кубок с драгоценными камнями.

Я впервые пробовала вино. Оно оказалось терпким, немного горьким, с удивительным пряным послевкусием, от которого сердце гулко застучало в груди, а голова внезапно стала легкой.

За спиной священника солнце ярко светило в огромный разноцветный витраж, и эти краски причудливым образом разукрашивали часовню, усиливая гнетущее впечатление. Как и солнечные зайчики, нашедшие свое отражение в позолоченных магических светильниках, которые сейчас были потушены.

— Согласен ли ты, Коннор Хоторн, взять в жены Айрин Монрей, чтобы любить, беречь и защищать ее?

Голос отца Эммета был слишком пронзительным и тонким, а усиленный эхом от стен, казался совсем невыносимым.

Наследник Хоторнов и старший сын главы рода лишь презрительно скривил губы и многозначительно взглянул на священнослужителя.

Его мнения, как и моего собственного, не спрашивали, когда отдавали приказ.

Я знала о своем будущем муже ничтожно мало, но и этого хватило, чтобы тревожно застыть.

Ему около двадцати пяти.

Очень высокий, худощавый, с длинными каштановыми волосами, которые свободно лежали на плечах, и темно-карими, почти черными глазами. Казалось, будто сама тьма смотрела на нас. Черты лица резкие, но тем не менее притягательные. Хотелось задержаться на нем, взглянуться и рассмотреть.

Коннор Хоторн уже завоевал себе славу отвагой и силой, отличившись во время Большого прорыва у реки Быстрянки и в бою в Котловине Духов. Ему прочили карьеру, почет и выгодный брак...

...а вышло...

...ему вручили меня...

...светлую, которую он ненавидел всем сердцем.

Приказ, противиться которому не мог никто. Союз, в который никто не верил.

На меня будущий муж даже не смотрел. Лишь раз взглянул в самом начале церемонии и презрительно скривился. Видимо, выбор императора ему совершенно не понравился.

Что ж, я тоже от радости не прыгала, но свой долг готова была выполнить.

Тишина стала просто невыносимой.

— Вы должны ответить, — робко заявил отец Эммет, еще сильнее покраснев, и прокашлялся, отчего кадык заходил туда-сюда.

— Таковы правила.

Хоторн нахмурился и коротко сквозь зубы процедил:

— Да.

Священнослужитель кивнул и только потом повернулся ко мне. В глубине его светлых глаз застыла вина.

— А вы, Айрин Монрей, берете ли в мужья Коннора Хоторна, чтобы любить, почитать и уважать его отныне и вовек?

«У него были другие слова. И ничего про почитание и уважение», — внезапно поняла я, но спорить не стала.

Это все не имело значения. Все давно решено за нас.

— Да.

Мой голос прозвучал как-то жалко и испуганно.

Хоторн снова на меня взглянул и тут же отвернулся.

Обидно.

Знаю, что не красавица, но зачем так себя вести?

Я же не виновата, что оказалась единственной незамужней девочкой брачного возраста из ближнего окружения главы рода Монрей.

Финне Монрей был моим дядей по матери. Достаточно близкое родство, чтобы удовлетворить требования самого императора.

От острых, насмешливых взглядов горели щеки и хотелось провалиться сквозь землю. Впервые в жизни я оказалась в центре внимания.

И это совершенно не радовало.

Я была толстой.

Пусть матушка называла это детской припухлостью и обещала, что через год или два фигура сформируется, но я ей не верила.

Я была толстой. А еще маленькой и плоской, как кубышка, и свадебное платье, которое наспех перешили слуги за ночь, некрасивым мешком висело, делая меня еще более бесформенной.

Отвратительное платье. Кружево кололось, а пояс впивался в талию в жалкой попытке ее найти и сделать из меня хоть какое-то подобие невесты.

Лицо тоже было далеко от совершенства.

Округлые щеки с россыпью веснушек, которые украшали лоб, нос, подбородок, отчего лицо казалось рябым, а кожа смуглой.

Слишком большие губы делали меня похожей на лягушку, а нос был узким и упрямо вздернутым вверх. Брови и ресницы неожиданно светлые, и казалось, что их вообще нет.

Но самой моей большой бедой были волосы. Их было много! Так много, что шпильки не справлялись и ломались под их тяжестью. Непокорные темно-каштановые кудри торчали в разные стороны, делая меня похожей на ведьму из сказок, которые рассказывала нам ба.

Единственное, чем я гордилась, — это глаза. Огромные, красивого сине-зеленого цвета, который бывает на берегу Соленого моря в ясную погоду.

Я видела это на акварелях, которых было так много в доме дяди.

Но я сомневалась, что в сложившейся ситуации мои глаза что-то изменят.

— Перед ликом трех богов, властью, данной мне волей Императора, объявляю вас мужем и женой, — поспешно закончил отец Эммет и с облегчением захлопнул священную книгу, которая лежала перед ним на алтаре. — Можете... Можете...

Закончить священник так и не смог наткнувшись на полный злости и ярости взгляд жениха. Ненависть была такой силы, что я невольно отпрянула, наступив на подол платья и зашатавшись.

Лишь чудом мне удалось удержать равновесие и не упасть. Такого позора я бы точно не пережила.

Лента, связывающая наши запястья, натянулась, болезненно впиваясь в кожу и заставляя испугано ахнуть.

Целовать молодую жену наследник Хоторнов точно не собирался. И я была этому только рада.

— ...поздравлять молодых, — поспешно закончил священник и покраснел еще сильнее.

Ответом ему была тишина.

— Воля императора выполнена, — отрывисто произнес Коннор, срывая ленту с запястья.

Она вспыхнула и задымилась, практически полностью рассыпавшись в прах. Я с удивлением смотрела на крохотный алый клочок, который остался на моем запястье.

— Можете сообщить, что союз заключен, — заметил дядя, выступая вперед.

Я тут же прильнула к нему в поисках защиты и не сводя настороженного взгляда с монстра, который только что стал моим мужем.

— Я передам, а невеста...

— Останется в своей семье.

— Но... — попытался возразить отец Эммет.

— Айрин всего тринадцать. Свои обязанности жены наследника Хоторнов она сможет исполнить через пять лет, как только достигнет совершеннолетия. Не знаю, как принято у темных, но мы чтим свет и не отдаем детей на брачное ложе. Даже по воле императора.

О каких именно обязанностях говорил дядя, я понимала мало, но на всякий случай кивнула.

Каким бы интересным и притягательным ни был мой муж, оставаться с ним наедине, а тем более делить одну комнату, не

хотелось.

— А как же... — начал священник, но мой супруг его тут же перебил.

— Не торопись, Монрей, она мне не нужна, — процедил Коннор, сбегая по ступенькам. — Ни сейчас, ни потом.

Быстрым шагом молодой мужчина направился к выходу, так ни разу и не оглянувшись. Следом за ним потянулся весь род Хоторнов.

— Не надейся, что это конец, Монрей, — бросил Салах Хоторн, прежде чем последним покинуть часовню.

Угрюмый мужчина с темными волосами, чуть тронутыми сединой.

От его злого взгляда мне стало не по себе. В нем тоже полыхала тьма, как у его наследника. Но иная — колючая, едкая и опасная.

Вот кого действительно стоило опасаться.

— Ты тоже, Хоторн, — процедил дядюшка.

Отец Эммет тяжело вздохнул.

И я его прекрасно понимала.

Всем с самого начала было понятно, что эта затея ничем хорошим не закончится. Не сможет брачный союз положить конец вековой вражде двух семейств, как бы сильно император этого ни хотел.

Никогда потомки светлых не примут порождений самой тьмы.

— Да помогут нам боги, — прошептал священник.

«Пять лет... Дядя сказал, что не отдаст меня ему целых пять лет. Если подумать, то это еще так долго...»

Но наша следующая встреча состоялась чуть раньше, чем мы ожидали, при обстоятельствах, на которые не рассчитывали, и... Хоторн меня не узнал.

А я скрыла правду.

Глава 1

Айрин

Я часто думала о минусах своего замужества.

Их было очень много.

Я — светлая, потомок древних воинов, которые вот уже много веков стояли на страже нашего мира, не позволяя монстрам бездны проникнуть за купол.

Хоторны — выскочки, как всегда называл их дядя. Глупцы и экспериментаторы, которые своими исследованиями едва не уничтожили хрупкий мир и купол.

— Они всегда завидовали нам. Всегда. Род Монрей издревле стоял на страже, пользовался уважением и почетом, был приближен к императору. Это вызывало зависть. Но лишь Хоторны решились на невозможное. Переступили черту, нарушив все правила и законы... Они смогли подчинить тьму, впусив ее в свое сердце.

Мы расположились в кабинете дяди, куда он привел меня сразу после того, как мы вернулись из часовни.

Глава рода стоял у окна. Высокий, широкоплечий, с непокорными каштановыми волосами, чуть тронутыми сединой, и светло-кариими глазами в окружении мелких морщинок.

Финне Монрей, сильнейший из светлых, стоящий не только во главе нашей многочисленной семьи, но и на страже всего мира.

Я сидела на стуле с резными и обитыми красным бархатом ножками и, уже не стесняясь, пыталась почесать зудящую покрасневшую кожу под жестким кружевом.

Брак с Хоторнами оказался не таким страшным, как я думала. Мне даже позволили остаться дома на целых пять лет.

— Разве это плохо?

Мой взгляд упал на огромную картину, которая висела напротив.

Монстры бездны, существа с эфемерными телами, будто сотканными из черного дыма, и с горящими красными глазами. Они скалили морды, нависая над одинокой фигурой светловолосого мужчины, который поднял вверх светящийся меч, готовый в любой момент отразить атаку.

Орел Монрей — великий маг и волшебник, основатель нашего рода. Тот, кто ценой своей жизни создал купол, который непроницаемым пологом укрывал наш мир, и остановил первый, самый мощный прорыв тварей из бездны.

— Плохо.

Дядя повернулся, и я заметила некрасивую складку меж его бровей.

— Тьму невозможно обуздать, Айрин, и покорить полностью, она всегда будет искать выход, бороться, пытаться вырваться. Пока Хоторнам удастся ее сдерживать. И то нам неизвестно, какими способами.

Я перестала чесаться и уставилась на главу.

— Ходят слухи о жертвоприношениях и жутких обрядах, но доказательств мне так и не удалось найти. Но когда-нибудь... когда-нибудь придет момент, и тьма окажется сильнее. Она вырвется на свободу и бросится к куполу, чтобы уничтожить ее снаружи, и тогда...

Дядя выдержал паузу, давая мне возможность прочувствовать момент и сделать выводы.

— Что тогда? — испуганно спросила я, забыв о кружеве и неудобном платье.

Он обернулся.

— Тогда наш мир падет. И даже воины света не смогут спасти его.

— Ох!

— Ты должна помнить об этом, Айрин. Раз уж волей императора ты стала женой одного из Хоторнов. Помни, что все они зло. Может, ими и руководят благие побуждения, но тьма у сердца не исчезнет никогда.

— И что же мне делать, дядюшка?

Финне Монрей подошел ближе и опустил передо мной на колени, обхватив их руками.

— Дядя! — ахнула я, порываясь встать.

Где это видано, чтобы глава рода преклонялся перед какой-то девчонкой!

— У всех есть слабые стороны, Айрин, — тихо произнес он, хватая меня за руку. — И если ты не хочешь стать еще одной жертвой темного мира, то должна бороться, понимаешь?

Я испуганно закивала.

— И первой нанести удар.

— Но как? Я не смогу...

— Сможешь, я сам научу тебя, — произнес дядя, поднимаясь. — Подскажу, как обезглавить род Хоторнов.

В этом как раз и заключалась положительная сторона моей новой жизни: меня стали учить пользоваться даром.

Жизнь в роду Монрей была четко расписана и регламентирована. И этот уклад не менялся много столетий.

Мужчины сражаются с монстрами у купола, несут службу на сторожевых башнях, женщины — занимаются домом и рожают детей. Как можно больше детей, и желательно мальчиков, ведь нашему миру нужны сильные воины.

Девочки из рода Монрей навсегда оставались в роду и выходили замуж лишь за своих соотечественников. Так кровь нашего предка не покидала семьи, делая нас еще сильнее. Мужчинам было разрешено и даже приветствовалось брать и приводить в семью женщин из других родов, даже лишенных магии.

Родители нашли мне жениха еще во младенчестве. В восемнадцать лет я должна была выйти замуж за Питера Монрей из южных земель, переехать к нему и радовать род десятком детишек.

Священники вели строгий учет всех детей и следили за тем, чтобы браки не заключались между ближайшими родственниками.

Все мы произошли от Орела Монрей и его трех сыновей, которые встали на защиту после гибели своего великого отца.

Но с тех пор прошло не одно столетие. Род стал намного больше. С Питером мы были родственниками, но очень и очень дальними, именно поэтому он идеально подходил мне в мужья.

Светлый дар великого основателя передавался каждому из его потомков, даже девочкам. После брака он бы никуда не делся, и я могла бы даже им пользоваться, но на самом низком уровне и в пределах дома. Настоящие чудеса по праву силы могли творить лишь мужчины.

Но теперь дядя собирался пойти против правил и позволить мне стать кем-то большим.

И все для того, чтобы, когда придет время, я смогла уничтожить наследника семьи Хоторнов — само воплощение тьмы.

Долой занятия по домоводству, скучные и унылые вечера, когда женщины и девочки собирались в одной комнате и занимались рукоделием.

Шитье мне никогда не давалось. Я могла испортить самую красивую заготовку, стежки получались кривыми и некрасивыми,

строчка топорщилась, а пальцы были исколоты в кровь.

— Почему нельзя использовать магию? — посасывая очередную ранку на пальце, возмущалась я. — Зачем все делать руками?

— Вот нетерпеливая, — вздыхала бабушка.

Дед много лет назад привез ее из другого рода. Магическими способностями, даже самыми крохотными, бабуля не обладала и была обычным человеком. Поэтому всегда бранила нас за лень.

— Силу ей подавай. А коль не будет, что тогда? Ложись и помирай? Нельзя так, Аричка, надо уметь все делать самой.

— Но у меня не получается, — с тоской ворчала я, наблюдая, как на рубашке, где надо было зашить дырку, расплывается кровавое пятно.

«Ну вот, еще и стирать заставят».

— Терпение, деточка. Это самая главная добродетель.

Но мое терпение на шитье не распространялось.

Как и на вязание. Попытка связать Питеру шарф обернулась полным провалом. Я потеряла часть петель, потом еще больше запуталась в нитках и в конце концов бросила это занятие.

Так же закончилась попытка вышить его имя на платке.

Поняв, что с рукоделием не складывается, матушка пыталась приобщить меня к рисованию.

— Смотри, какие у Наты великолепные акварели. Уверена, она не откажет тебе в паре уроков.

Младшая дочь дяди Ната действительно отлично рисовала, но даже у нее не получилось научить меня хоть чему-нибудь. Лошадь в моем исполнении была похожа на побитую собаку, собака — на умирающую крысу. Когда же со злости решила нарисовать крысу, все решили, что это сосиска на ножках.

Когда пришло письмо от императора, то именно Нате предстояло стать женой наследника Хоторнов.

— Этого не будет, — твердо заявил дядя, глядя на заплаканную дочь и жену. — Священника сюда. Срочно.

В тот же вечер в нашей семейной часовне было заключено три брачных союза. И незамужней из окружения главы осталась лишь я.

Дядя лично сообщил мне о великой чести, явившись в комнату вместе с двумя служанками.

— Завтра ты станешь женой Хоторна, — сдержанно произнес он.
— Подготовьте все к церемонии.

Я даже испугаться не успела.

Жена Коннора Хоторна.

Никому не признаюсь, но эта мысль заставила меня не сжиматься от ужаса, а вздрагивать от любопытства.

Все мы слышали о наследнике Хоторнов. Как бы матушка и ба ни старалась, но слухи доходили.

Старшие братья считали его героем, хотя при отце и дяде всячески ругали, но я-то знала, что они им восхищались.

И вот теперь я, обычная девчонка, должна была стать его женой!

Невероятно.

Это же самое настоящее приключение!

И жизнь, которая всегда казалась серой и безликой, вдруг заиграла новыми красками.

Я хорошо помнила, как поздней ночью, не в силах заснуть от мыслей, которые не переставая кружились в голове, поднялась с постели и тенью прошмыгнула на первый этаж. Мой путь лежал к кабинету дяди, где он ссорился с мамой.

Моя кроткая и спокойная матушка, выдержке и самообладанию которой завидовали все, сейчас была сама на себя похожа.

— Не лезь не в свое дело, Есения.

— Это мое дело, раз оно касается Айрин.

Я вздрогнула, услышав свое имя, и стала красться еще тише.

— То, что ты моя сестра, не дает тебе право...

— Свою дочь ты спас, и дочерей Ангуса и Марка тоже. Чем моя хуже?

Дверь была приоткрыта, и мне удалось заглянуть в кабинет.

— Так надо.

Дядя стоял у окна, убрав руки за спину. Судя по напряженной спине, он был недоволен. Обычно этого хватало, чтобы замолчать и отступить, признавая его власть, но не сегодня.

— Финне, ей всего тринадцать! Тринадцать! Айрин же совсем ребенок, а ты ее в постель к этому монстру! За что ты так со мной?

Мама упала в кресло и громко разрыдалась, пряча лицо в руках. Я с трудом подавила желание броситься к ней, чтобы обнять и утешить.

Дядя медленно повернулся, смерив матушку недовольным взглядом, и спокойно ответил:

— Никто ничего с Айрин не сделает. Ты права: она ребенок. Брак будет номинальным до ее совершеннолетия, император не станет настаивать и даст отсрочку.

— А что потом? Что это изменит?

— Все, Есения, это изменит все. У нас будет время, чтобы все устроить и подготовить твою дочь для главного удара!

Тогда я не поняла, что это означает но потом все стало на свои места.

Учение азам силы и магии оказалось делом не простым и даже сложным. Через пару дней моя эйфория закончилась и даже захотелось вернуться к ненавистному шитью и вязанию. Но назад дороги уже не было.

Финне Монрей оказался весьма требовательным и въедливым учителем, привыкшим всегда и во всем добиваться совершенства.

Мне приходилось соответствовать его запросам.

Каждое утро — неважно, летом или зимой, в дождь или вьюгу, — я вставала до восхода солнца и спешила на полигон, где наравне с мальчишками, младшими меня лет на пять, ползала, бегала и училась использовать светлую сторону своей магии.

Первые месяцы было особенно тяжело.

Лишний вес и припухлость давали о себе знать, как и неповоротливость. Я выполняла все упражнения медленнее всех, однажды даже застряла в трубе, чуть ли не плача от унижения и издевательских выкриков мальчишек.

— Все это зря, — говорили все дяде. — Ты посмотри на нее. Айрин не справится.

Как же я ревела ночами, заглушая вой подушкой, которая вся промокла от слез обиды и унижения.

Обессиленная и уставшая, с телом, сплошь покрытым синяками, я едва могла дышать от боли, но все равно шла на полигон, где подвергалась новым мучениям и унижениям.

А потом однажды проснулась злость.

Мне во что бы то ни стало надо было доказать им всем, что я способна на многое.

Стиснув зубы, я снова и снова с упорством горного барана лезла на скользкое бревно. Падала и снова вставала. Ползала по лужам, карабкалась на стены, использовала силу.

Училась призывать непокорную светлую магию и старалась удержать баланс, пока пальцы из-за неправильного применения не покрывались огромными волдырями от ожогов.

Постепенно смешки и издевательские выкрики сошли на нет.

Одежда, которая раньше некрасиво обтягивала рыхлое тело, внезапно стала свободной. Я вытянулась, лишний жирок ушел, уступив место мускулатуре. Пропали ненавистные щеки, неожиданно посветлели веснушки, а лицо покрылось ровным загаром.

Как-то незаметно я стала другой, и однажды это спасло жизнь не только мне, но и сотне других людей.

За полгода до моего совершеннолетия матушка внезапно решила, что нам просто жизненно необходимо отправиться отдыхать, о чем и сообщила дяде во время ужина.

— Отдыхать? — недоуменно переспросил тот. — Сейчас?

— А почему бы и нет? Ты и так замучил девочку. За эти годы она ни разу не присела и не отдохнула. Через полгода ей исполнится восемнадцать, и тогда...

Мама всхлипнула и поднесла платок к глазам, смахивая крохотную слезинку.

Я с трудом проглотила кусок рыбы, который застрял в горле, и потянулась к стакану с водой.

Не очень приятная тема для разговора, которая точно не способствовала нормальному пищеварению.

Осушив стакан наполовину, я облегченно вздохнула и только потом осторожно взглянула на дядю, который сидел во главе стола. Смотрела на него не только я, но и все присутствующие.

В столовой наступила гнетущая тишина.

Мы все ждали ответа так, словно от этого зависело что-то важное. А ведь, по сути, ничего не произойдет, если я поеду или, наоборот, не поеду. Но мы все равно молчали и ждали.

Дядя перевел на меня задумчивый взгляд и неожиданно кивнул.

— А знаешь, Есения, действительно замечательная идея. Заморск отлично для этого подойдет. И лучше, если вы отправитесь туда уже завтра.

— Правда? — переспросила я, первой нарушив молчание.

— Правда, — кивнул дядя. — Я сейчас же распоряжусь о билетах на возопаре, а вы после ужина можете собирать чемоданы.

Было в этом что-то подозрительное и тревожное.

За эти годы дядя ни разу не позволял мне куда-нибудь уехать. Я даже не могла вернуться домой к своей семье, отцу и старшим братьям. Это они периодически приезжали в дом главы, а матушка вообще проводила рядом более половины года.

К чему такие перемены? Дядя хочет выпроводить меня отсюда? Но зачем? Какая для этого причина?

К сожалению, правды мне так и не удалось добиться. Решившись, поздним вечером я поймала в коридоре кузена и попыталась у него хоть что-то выяснить.

Честно говоря, я ни на что особо не рассчитывала, но не попробовать не могла.

— У тебя слишком богатое воображение, Айрин, — усмехнулся Тиан, слегка дернув меня за локон. — Отец дает тебе возможность отдохнуть от постоянных тренировок, так воспользуйся случаем.

— Все равно здесь что-то не так.

— Глупости. Заморск — чудесное место, тебе понравится. У нашей семьи там есть свой дом. Погуляешь по древним улицам, искупаешься в соленой воде, погреешься на песочке. Купол над морем защищен особенно хорошо. Прорывов там никогда не было.

— Тебе не кажется это подозрительным?

Старший сын дядя и его наследник бросил на меня странный взгляд, который я не успела понять.

У нас вообще были странные отношения.

Тиан, в отличие от остальных, никогда не унижал меня, не издевался, но и теплоты и участия я от него не видела.

Равнодушие. Именно так можно было охарактеризовать наши отношения.

— Наверное, ты прав, — отозвалась я, стараясь загнать непонятное беспокойство как можно дальше.

— Так что не переживай, все будет хорошо.

Тиан неожиданно подмигнул мне, вогнав в ступор, и снова слегка дернул за локон, после чего продолжил путь.

«Нет что-то действительно не так, если даже Тиан себя так странно ведет!»

Я вернулась к себе в комнату. Надо было проследить за сбором чемоданов.

Через полчаса меня навестил дядя.

— Готова?

Глава рода застыл в проеме, не делая попыток войти.

— Да, дядя.

Я стояла посреди комнаты, убрав руки за спину и почтительно склонив голову. Так же, как стояла и все эти годы, готовая встретить любое замечание или удар.

— Хорошо. Билеты на возопар куплены. Вы отправляетесь завтра.

— Почему? Зачем вы меня отсылаете?

Я рискнула поднять голову и посмотреть на главу рода.

Дядя усмехнулся, и светло-карие глаза заледенели, словно превратившись колкие кусочки замерзшей воды.

— Не поверила в жест доброй воли?

— Нет.

— Через три дня здесь будет император. Инкогнито, разумеется. Тебя видеть он не должен.

Я будто окаменела, до боли сжав кулаки.

— Он приедет за мной?

Этот вопрос дался с трудом.

Да, я ни на секунду не забывала о своем статусе, но сейчас не смогла бы исполнять свой долг.

— Ты не настолько важная персона, Айрин, чтобы за тобой приезжал сам император, — фыркнул он. — Причина другая. Но увидеть тебя он не должен, как и твой муж.

На этот раз эмоции сдержать не получилось.

Я вздрогнула всем телом, пошатнулась и хрипло прошептала:

— Хоторн будет здесь?

Детская влюбленность и восторженность давно исчезли. Коннор Хоторн был врагом, с которым мне предстояло сразиться и убить.

— Да. А ты уедешь с матерью в Заморск. Или предпочтешь остаться?

— Нет... нет.

Я пока не была готова встречаться со своим мужем. Совсем не готова.

— Тогда мы договорились. И запомни: никому об этом ни слова.

— Да, дядя.

На следующее утро мы сели в экипаж и отправились на станцию. Дядя выкупил нам целый вагон в возопаре. кроме того, приставил личную охрану.

— Это будет чудесная неделя. Только ты и я, — улыбалась матушка.

Впервые за столько лет она была по-настоящему счастлива и довольна. Словно над нами не тяготела воля императора и тень Хоторнов.

Путь до Заморска занял у нас сутки, которые мы провели с комфортом.

Честно говоря, я боялась, что будет намного хуже. Мы с мамой не всегда понимали друг друга. Даже до моей свадьбы с Хоторном наши отношения сложно было назвать ровными.

Я любила и уважала матушку, но никогда не понимала ее стремления сделать из меня кого-то другого, того, кем я стать не могла, как ни старалась.

Эти постоянные уроки, занятия по музыке, вокалу или рисованию. Мама отказывалась понимать, что я другая.

После брака ситуация стала еще хуже. Дядя сразу же забрал меня к себе и полностью взял под контроль мою жизнь, запретив маме вмешиваться.

Конечно, это негативно сказалось на наших и без того непростых отношениях.

Но все было на удивление мирно.

Мы обсуждали наш отдых. Мама все время что-то рассказывала, советовалась, строила планы, а я лишь кивала, со всем соглашаясь.

И лишь однажды непонятная тревога заставила сердце забиться и сжаться от непонятного предчувствия.

Это было на проходной станции. Наш возопар остановился на полчаса, пропуская шедший навстречу, и нам позволили выйти на улицу, размять ноги и немного погулять.

Матушка тут же спряталась под зонтом, пытаясь спасти нежную кожу от палящего солнца, а я давно перестала об этом заботиться.

Игнорируя просьбы мамы, я спустилась по старым, уже разрушающимся от времени ступенькам на поле, которое пестрым ковром лежало у ног, благоухая невероятными цветочными ароматами.

— Айрин! Не уходи далеко!

— Я и не уйду! — крикнула я, наклоняясь, чтобы сорвать голубой цветок.

Следом еще один. К ним присоединилась веточка с небольшими розовыми цветами и красивый бутон темно-лилового оттенка с желтой сердцевинкой.

Вылетевшая из бутона пчела обиженно зажужжала, сделала круг вокруг меня и села на другой цветок в поисках нектара.

Я проводила ее улыбкой и взглянула на цветы в моих руках.

Красивый букет получается. Можно будет поставить его в вазу на нашем столике. Будет уютно и по-домашнему.

Раздался пронзительный гудок проезжающего мимо возопара, который громко стучал колесами по рельсам.

Ничего необычного, но меня вдруг будто молнией прошибло.

Вздвигнув, я с силой сжала букет и беспомощно огляделась, пристально вглядываясь в мелькающие мимо окна вагонов.

Кто это?

Кто смотрел на меня так, что внутри все перевернулось от тревоги и непонятного предвкушения?

Но разглядеть что-либо или кого-либо просто невозможно.

Еще мгновение, и возопар пронесся мимо, громко гудя.

— Все в порядке?

Ко мне подошел один из охранников.

— Да, — рассеянно отозвалась я, не сводя взгляда с удаляющихся вагонов.

Там на одном из них я на мгновение смогла рассмотреть крылатую призрачную тень.

Всего лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы испугаться и отшатнуться.

«Хоторн! Там был один из Хоторнов! И даже... возможно...
ОН
».

Глава 2

Коннор Хоторн

— Может, стоит отправить тебя к Монрей на перевоспитание? Месяца на три?

Молодой сероглазый мужчина с кривым шрамом на левой скуле вальяжно откинулся на спинку сиденья и покосился на сидящую рядом брюнетку с короткими волосами.

— Отстань.

Симпатичная девушка старательно пыталась делать вид, что ее совершенно не трогают обидные ремарки друга.

В дорогом купе возопара было душно. Солнце нагрело вагон, и даже открытые окна не спасали от изнуряющей жары.

Настроения четверем путешественникам это не добавляло, а вот раздражение готово было в любой момент выплеснуться в небольшой конфликт.

— Сделали бы из тебя порядочную даму. Может, даже готовить научили. Потому что твоей стряпней только тварей тьмы травить, — снова хохотнул Дик и тут же охнул, получив от девушки хорошую затрещину. — Эй! Больно же!

— Зато бесплатно! — огрызнулась она, сверкнув светло-кариими глазами сквозь длинную темную челку.

— Так и знал! — Дик почесал затылок. — За правду всегда страдают.

— Смотри, как бы еще не отхватил, страдалец. Еда ему моя не нравится! Ха! Вот и готовь сам!

— Это не мужское дело, — насмешливо произнес он. — А бабье.

— Ну раз бабье, вот сам и займись. Тебе-то до мужика расти и расти!

— Что?!

Сидящий напротив Рейн с трудом держал смешок и выразительно глянул на молчаливого друга: «Останови их, пока не поздно».

Но Коннор ничего не заметил. Мужчина вообще мало что замечал в последнее время, не сводя рассеянного взгляда с проплывающего мимо пейзажа.

— Не выйдет из тебя дамы, Мел, — выдал Дик и тут же спросил, решив ударить по больному: — Кто ж тебя такую замуж возьмет?

— А кто сказал, что я хочу замуж?! — тут же парировала Мелисса, моментально вспыхнув. — Что я там не видела?!

— Сказал бы я тебе, да мала еще.

— Ну конечно, как с вами прорывы блокировать, так взрослая, а как мужское дост...

— Мелисса.

Коннор произнес имя младшей сестры едва слышно, и даже тон был далек от гневного, но этого хватило, чтобы спорщики тут же притихли, забыв о назревающей ссоре.

— Не стоит, — заметил Хоторн, выразительно глянув на Дика. — Мы не дома. И даже не в столице. Не забывайте, что здесь ваши шутки никто не оценит и не поймет. Зато могут расценить, как оскорбление.

— Монрей, — кивнул голубоглазый и рыжеволосый Рейн, поддержав друга. — Светлые. Как думаешь, какую гадость они устроят на этот раз?

— Финне не рискнет, — отозвался Коннор, слегка касаясь темного камня, который болтался на груди. — Только не при императоре.

— Будем изображать счастливых соседей, на пару стоящих на защите целого мира? — хмыкнул Дик и тут же получил от Мелиссы тычок под ребра.

— Будем, — кивнул Коннор, пристально взглянув на друга. — И без глупостей. Нам сейчас очередная стычка с Монрей не нужна. Хотим мы этого или нет, но они нам нужны. Так что придется договариваться.

— Светлые, — процедила Мелисса и не смогла скрыть гримасу отвращения. — Как же они раздражают этой своей правильностью и

показной идеальностью.

— Придется потерпеть, — отозвался старший Хоторн и снова повернулся к окну.

— Ничего. Император не даст нам поругаться, — заметил Рейн не очень уверенно. — По крайней мере, сильно.

— Мел, а Мел, — тут же пристал Дик к девушке. — А ты платье взяла?

— Отстань.

— Ты же хочешь произвести хорошее впечатление на его императорское величество. А тут без платья никак.

— Я уже произвела на него впечатление два месяца назад, когда помогла сдержать прорыв, — отрезала Мел, убирая короткие пряди, которые снова и снова лезли в глаза.

— И что? Совсем без платья? А еще девушка.

— Можем тебя нарядить!

— И не мечтай.

Спор тут же сошел на нет, стоило Коннору подняться со своего места и подойти к двери купе.

— Ты куда? — тут же встрепелась Мелисса, проводив брата тревожным взглядом.

— Пройдусь немного по вагону, — отозвался Хоторн. — Один.

После его ухода в купе наступила тишина, шутить и балагурить никто больше не собирался.

Дин первым нарушил молчание.

— Чего это он?

— Не знаю, — с досадой отозвалась Мелисса, с силой сжав кулаки. — В последнее время он сам не свой. Спит плохо...

— Эфир? — тут же нахмурился Рейн.

— Под контролем. Ты же знаешь, что Коннор не стал бы рисковать. Слишком многое сейчас поставлено на карту.

Они снова замолчали, тревожно переглядываясь.

— Прорывы все чаще, — заметил рыжеволосый мужчина, потирая щетину на подбородке. — Даже Монрей это понимают.

— Только во всем обвиняют нас, — резко произнесла Мелисса. — Снова.

— Придется договариваться. Все все помнят?

— Ага, — закидывая руки за голову, ответил Дик. — Много улыбаться, ни с кем не спорить, не скандалить, на девушек не засматриваться и, самое главное...

— Даже мысленно не вспоминать жену Коннора, — закончил Рейн.

— Чтоб ее тьма поглотила, — пробормотала Мелисса и тут же замолчала, наткнувшись на предупреждающие взгляды друзей.

Коннор вышел из вагона, коротко кивнув ребятам из охраны, которые при виде наследника вытянулись по струнке. После чего прошагал в тамбур и остановился у окна.

«Нечем дышать...»

Мужчина с силой дернул окошко, опуская его вниз. И тут же порыв ветра ударил в лицо, заставив задержать дыхание.

Но именно этого Коннор и хотел.

Воздуха!

Постояв так около минуты с закрытыми глазами и пытаясь восстановить сбившееся дыхание, мужчина тряхнул головой и снова коснулся камня на груди.

Эфир привычно отозвался, заворочался, готовый в любой момент прийти на зов. Надо лишь немного ослабить контроль, позволить твари выбраться, окутать темными крыльями...

Древний враг, который как-то незаметно стал самым близким существом во всем мире. Вечный соперник, понимающий с полуслова, с полувздоха.

Монстр тоже чуял изменения, скребясь острыми когтями о стены темницы, в которую его засадили несколько лет назад.

Он засадил.

Коннор снова вздохнул и пристально взглянул на ясное, безоблачное небо и широкие поля с пестрой луговой травой, пытаясь хоть как-то отвлечься.

Пронзительно загудел возопар, заставив болезненно поморщиться от громкого неприятного звука.

«Скорее всего, подъезжаем к какой-то станции», — рассеянно подумал Коннор, опираясь на стекло.

А дальше...

Изящная девичья фигура в простом светлом платье с широкой юбкой. Толстая темная коса и букет полевых цветов в руке.

Он видел ее всего секунду. Возможно, даже меньше. Ничтожно мало, но внутри словно все неожиданно всколыхнулось, а камень на груди стремительно нагрелся, болезненно обжигая кожу даже через ткань рубашки.

Всего лишь какая-то девушка, селянка... на которую и внимание не стоило обращать.

Коннор сам не заметил, как вновь рванул окно, словно... словно хотел выскользнуть наружу. Но каким-то чудом успел остановиться.

Эфир уже выбирался из своего логова, расправляя темные призрачные крылья. Мужчина быстро отправил его назад и застыл, привалившись спиной к металлической стенке и тяжело дыша.

— Тьма! Что это было?

Айрин

Заморск оказался именно таким, каким я видела его на акварелях Наты.

Старинные дома, выложенные из песочного камня с коричневыми крапинками, увитые ярко-зелеными цветами с большими розовыми или белыми бутонами. Ах, как вкусно они пахли! Красивые узкие окошки, небольшие уютные балкончики, на которых можно было позавтракать. Мощенные бешеным булыжником мостовые, широкие центральные улицы и тесные переулки.

И море.

Лазурно-голубое, яркое и неожиданно теплое. Соленый воздух, которым пропиталось все побережье, белый песок и смешные пальмы с волосатыми стволами и зелеными макушками.

Здесь все было немного другим.

Маленький рай на земле, где никто не ждал удара.

Но что-то все равно не давало мне покоя.

Просыпаясь каждое утро на рассвете, я выходила на балкон и пристально всматривалась в безупречное голубое небо.

Магическое зрение позволяло мне при желании разглядеть сверкающий купол над головой.

Тиан был прав, когда говорил, что здесь защита особо сильная. Но я все равно не могла избавиться от ощущения тревоги, которое становилось все сильнее, заставляя ежиться от страха.

Это случилось на третий день нашего отдыха.

После позднего завтрака, который стал моим обедом, потому что я, в отличие от мамы, просыпалась на рассвете, мы взяли купальные принадлежности и отправились на женский пляж. Это была отдельная, строго охраняемая бухта, в которой можно было спокойно искупаться вдали от повышенного мужского внимания.

— Никогда нельзя забывать, кто ты, Айрин, — говорила матушка. — Мы Монрей. Великая семья, и нам не место среди обычных отдыхающих на центральных пляжах. Какой ужас — мужчины и женщины купаются вместе. А ты видела их купальные костюмы? Это же позор! Они полностью обтягивают тело и даже открывают колени!

— Ты права, матушка, — покорно согласилась я, втайне мечтая надеть один из таких нарядов.

Он, в отличие от моего купального комплекта, выглядел намного удобнее.

Вчера я слышала, как одна из служанок рассказывала другой о небольшом гроте недалеко от города, где никого не было и можно было искупаться в одной сорочке, не боясь, что тебя увидят.

А может и вообще без всего, голышом.

Об одной только мысли о таком нарушении всех правил, сердце начинало биться быстрее.

Ничего не могла с собой поделаться, правила навивали на меня тоску, а запреты, наоборот, заставляли встрепнуться и расправлять крылья.

Я как раз размышляла, как бы мне наведаться в этот грот. Да так, чтобы матушка не узнала.

Возможно, ближе к вечеру, когда мама отправится на послеобеденный сон. Надо только узнать поточнее, где этот грот находится.

Стоило нам выйти на улицу и пройти несколько сотен метров, как вдруг на высокой башне пронзительно зазвонил колокол.

— Что это? — придерживая рукой соломенную шляпку, удивленно спросила мама и повернула голову к башне.

Щурясь от яркого солнца, она старательно вглядывалась.

— Не знаю.

Я, в отличие от нее, смотрела по сторонам и видела, как испуганно выглядывали из окон и дверей жители, как взволнованно перешептывались и прятались в домах.

Захлопали ставни и двери. Завибрировал воздух от активированных магических кристаллов.

Колокол продолжал трезвонить. И с каждым новым ударом внутри все тревожно сжималось от предчувствия беды.

— Mam, я думаю, нам лучше вернуться назад, — произнесла я, беря ее за руку и утягивая в сторону.

— Да, наверное, ты права. Все равно в этом шуме отдохнуть невозможно.

«Если бы проблема была только в этом».

Но я сердцем чуяла, что все намного хуже.

Тогда-то мы и услышали страшное слово «прорыв».

Прорыв

.

Это было кошмаром для каждого жителя нашего мира. Но лишь для меня и моей семьи это было нечто особенное. Смысл жизни, работа и то, ради чего мы существовали и столько тренировались.

Купол, каким бы мощным он ни был, все равно оставался уязвимым. Ведь монстры бездны не оставляли попыток уничтожить его, пробить защиту и пробраться в наш мир. И в тех местах, где купол истончался от постоянных ударов извне, возникали прорывы — трещины, пока небольшие, но уже пропускающие тьму.

Но это же Заморск! Дивный райский уголок с максимальной защитой. Да здесь даже сторожевых башен не было никогда.

Башен с разными уровнями защиты. И, самое главное, в них были светлые. Наши родичи, обученные сражаться с тьмой и ликвидировать прорывы.

А кто будет делать это здесь?

В этот момент колокол затих и над городом пронесся, усиленный магией, голос мэра.

— Жители и гости Заморска! Просьба немедленно вернуться в свои дома и активировать кристаллы. Повода для паники нет. У нас прорыв. Помощь уже близко.

Я на мгновение прикрыла глаза, чувствуя, будто внутри все обрывается, и только потом взглянула на маму.

«Прорыв! Прорыв! Прорыв!»

Бледная, растерянная, она будто не понимала, что происходит.

— Мам.

Я подалась вперед, обнимая ее за плечи и пытаюсь привести в чувство.

— Мам, нам надо уходить.

Но она неожиданно заупрячилась.

— Айрин... он сказал прорыв?

Над нашими головами снова раздался голос мэра, повторяющего свое обращение.

— Да, поэтому нам надо вернуться, — настойчиво произнесла я.

— Но это невозможно. В Заморске не бывает прорывов... Это чья-то шутка. Очень грубая шутка. Я непременно буду жаловаться.

— Хорошо, — покорно согласилась я, продолжая тянуть ее назад.

— Вот дома и напишем жалобу. Вместе.

— Да, конечно. Ты права.

Мэр в третий раз начал свое обращение.

Удивительно, по паники не было. Люди спешили по домам, прятались, закрывались на замки, активируя кристаллы, но истерики я не заметила. Либо они не понимали, чем грозит прорыв, либо слишком надеялись на скорую помощь.

А ведь до ближайшей сторожевой башни три сотни километров. Успеют ли они прибыть сюда до того, как трещина станет больше? Путь на пегасах займет час-полтора.

Мы продвигались к нашему дому. На улицах внезапно стало слишком многолюдно.

Я ни на секунду не отпускала мамину руку, боясь потерять ее в толпе, и шла вперед, утягивая за собой.

Вот и наш дом появился на горизонте. Уютный трехэтажный особняк с небольшим садиком и тяжелыми железными воротами.

Мы быстро вошли во двор и тут же натолкнулись на взволнованного управляющего.

— Слава богам, вы вернулись, — облегченно произнес господин Турк.

— Что слышно? — быстро спросила я, спеша за ним по мощенной плиткой дорожке, мимо высоких кустов роз и небольших кустарников.

— Говорят, прорыв. У нас никогда не было прорывов.

— Я же говорю: злой розыгрыш, — вмешалась мама.

— Боюсь, что все немного серьезнее, леди Есения, — покачал головой управляющий.

— За помощью уже послали? — снова спросила я, на ходу развязывая узел шляпки.

Сердце в груди стучало, а внутри все натянулось стрелой от странного предвкусения.

— Да, но ближайшая башня в пяти часах езды.

— На пегасах успеют за час или два, — заметила я.

— О боги, — ахнула мама, застыв на ступеньках, — так это правда?

— К сожалению, — кивнул Турк.

— Мама, нам срочно нужно в дом.

— Да! Под защиту! Немедленно. Кристаллы спасут нас, а там и помощь подойдет, — уверенно произнесла матушка, первой входя в дом.

Я кивнула, прекрасно понимая, что никакие кристаллы нам не помогут, если трещину не заделать в течение первых двух часов. Дальше прорыв будет не остановить.

Прежде чем зайти в дом, я обернулась, пытаюсь хоть что-то рассмотреть над крышами домов. Но небо оставалось все таким же ясным и светло-голубым.

— Не волнуйтесь, леди Айрин, — произнес мужчина, поняв причины моего волнения. — Мне доподлинно известно, что в Заморске на отдыхе находится светлый.

— Что? — переспросила я, поворачиваясь к нему. — Это точно? Здесь один из Монрей?

— Да, некто Питер Монрей.

— Питер? — переспросила матушка и счастливо вздохнула, захлопав в ладоши. — Здесь Питер? Слава богам, мы спасены. Айрин, все будет хорошо! Я уверена.

— Но нам все равно стоит укрыться под защитой кристаллов, — заметил господин Турк, ведя нас вниз, в подвальные помещения.

Я покорно согласилась и уже собиралась спуститься, как внезапно раздался странный звон, переходящий в скрежет.

— Что это? Что это такое? — ахнула мама, прикрывая уши ладонями. — Айрин?

— Этого не может быть, — пробормотала я, тяжело сглотнув. — Просто не может.

— Айрин! — взвизгнула она, словно прочитав мои мысли. — Не смей!

Наши глаза на мгновение встретились.

— Я должна.

— Ничего ты не должна! Мы просто пойдем вниз и будем ждать. Как все.

Скрежет вновь повторился. На этот раз он был тише предыдущего, но я знала, что это лишь видимость благополучия.

— Леди Айрин?

— Береги ее, — прошептала я управляющему, отступая на шаг назад, потом еще на один.

— Айрин!

— Прости, мама...

Вторая трещина.

Судя по звукам, прямо у нас над головами. Такое было крайне редко, и то в самых ослабленных местах. Не здесь.

Значит, все намного сложнее, чем могло показаться.

Именно поэтому я не могла остаться в стороне.

Выбежав на крыльцо, глубоко вздохнула, срывая с груди небольшой медальон с перламутром в центре, и мысленно вызвала Эфри.

Воздух предо мной задрожал, завибрировал, покрываясь едва различимыми волнами.

Первым появился огромный, размером с кулак, сверкающий перламутровый камень, который украшал грудь моего звездного

пегаса. Затем стали проявляться очертания: мощная шея, изящное тело, крепкие и сильные ноги и огромные крылья на спине.

Одновременно с этим стали видны глаза, которые вмещали в себе всю красоту звездного неба.

— Эфри, — прошептала я, подаваясь вперед и обнимая верного пегаса за шею, ощущая, как белоснежная густая грива щекочет кожу.

Она ткнулась мордой в мое плечо и тихо фыркнула.

— Нам придется поработать.

Я чуть отстранилась, глядя в ее необыкновенные глаза и находя в них неожиданное успокоение.

Пегас не только верный помощник, но и друг который всегда поймет и никогда не предаст.

Над нашими головами вновь затрещал купол, напоминая об опасности, которая угрожала всем жителям и гостям Заморска.

Эфри вздрогнула и тревожно переступила с ноги на ногу. Для нее все происходящее было так же в новинку, как и для меня.

Мой пегас стал еще одним камнем преткновения между главой и всем родом. Тем, за что дядю ругали и пугали карами божественными.

Женщина не имеет права призывать пегаса и тем более садиться на него верхом. Это право и обязанность мужчин.

Но я снова стала исключением.

— Раз ты обучаешься управлению даром, то имеешь полное право призвать своего собственного пегаса, — заявил дядя на второй год моего обучения.

Я от страха и надежды даже забыла, как дышать. Так и застыла посреди тренировочного поля.

— Что замерла-то? — рассмеялся он, глядя на мое вытянувшееся лицо.

— Вы позволите мне... но это же запрещено.

— Мы и так много чего запрещенного совершили. А своего пегаса ты обязательно получишь. Нельзя давать Хоторну преимущество. Ты ведь слышала по монстра, которого оседлал этот мальчишка?

Дяде было за пятьдесят. И для него все, кто моложе его на десять и более лет, считались мальчишками.

— Эфир, — кивнула я. — Тварь бездны, которую Хоторн поймал и приручил во время большого прорыва близ реки Быстрынки семь лет назад.

Тот прорыв вошел в историю не только из-за размера и количества трещин, которых после насчитали в количестве семи штук, но и из-за Коннора Хоторна. За несколько столетий он стал первым из Хоторнов, кто смог приручить тварь высшего разряда.

— Вот. Помни, что это создание бездны, — довольно кивнул дядя. — Было, есть и будет. И еще неизвестно, смог ли он его приручить до конца. Если Хоторн летает на этой огнедышащей твари, то у тебя будет пегас.

— Прямо сейчас? — с придыханием спросила я, сжав кулаки.

— Рано еще. Ты не готова.

Мне очень хотелось возразить, броситься вперед и доказать дяде, как он не прав, что я готова и многому успела научиться, но я лишь смиренно кивнула.

Первое, что вбил мне в голову глава, взявшись обучать, — это слушаться его всегда и во всем.

— Да, дядя.

— Молодец, — довольно кивнул он и даже чуть улыбнулся. — Для вызова пегаса надо много сил, да и практика не помешает. Начнем тренироваться и через месяц попробуем.

Я до сих пор помню момент, когда смогла впервые вызвать Эфри. В тот день на тренировочной площадке собралась куча народу. Всем не терпелось посмотреть на чудо, которым должны были стать я и мой пегас.

И ведь дождались.

Эфра стала сюрпризом для всех. Единственная девочка-пегас для юной Монрей.

Но тогда я так боялась, что у меня не выйдет, не получится, что ни один пегас не явится на зов какой-то девчонки.

Я стояла посреди полигона, ничего не видя перед собой, с дрожащими руками и заходившимся от тревоги сердцем, с потом, который противно тек по позвоночнику, заставляя тело дрожать. С пересохшим горлом и онемевшим языком.

А еще я страшно боялась подвести дядю. Потому что понимала: он не простит ошибки. Слишком высокой была цена.

Но Эфра меня услышала и пришла.

Кипенно-белая, с темными как ночь глазами, в которых сияли звезды, и длинной гривой, похожей на снежную вьюгу. А какие

красивые у нее крылья.

Покрытые мелкими белыми перышками и такие мягкие на ощупь.

Моя Эфри. Чудо, в которое никто не верил. Как и в меня.

И вот теперь нам предстояло совершить невозможное.

Забираться на спину Эфри в платье было сложно, почти невозможно, слишком узкой оказалась юбка. Поэтому пришлось ею пожертвовать.

Наклонившись, я схватилась за подол и рванула его в разные стороны. Раздался треск дорогой ткани, и разрез оказался слишком большим, оголив не только колено, но и бедро.

«Матушку хватит инфаркт».

Но это наименьшее из зол, которые ждали впереди.

Забравшись на спину Эфри, я обхватила пегаса за шею. За спиной с тихим шорохом раскрылись крылья.

Через пару секунд мы взлетели над городом и понеслись туда, где группа магов пыталась сдержать трещину до прихода светлых.

Глава 3

Айрин

Разглядеть трещину сложно. В первые несколько часов она практически не видна для обычных людей. Но магически одаренные могут рассмотреть темное пятно на небе.

Словно небольшая грозовая тучка, она довлела бы над ними, притягивая к себе взоры.

Те, кто имел большой потенциал, сосредоточившись, могли бы увидеть отвратительные черные разводы, которые, будто щупальца спрута, расползались от трещины в разные стороны.

Взлетев над городом, мы на мгновение зависли на месте, пытаюсь выбрать верное направление. Я быстро осмотрелась и почти сразу увидела ее.

— Помоги нам боги, — пробормотала едва слышно.

От ужаса, который, несмотря на изнуряющий зной, ледяной иглой пробирался под кожу, внутри все застыло.

Не просто трещина, которую легко заделать за десяток минут. О нет. Это был многоуровневый прорыв.

Я читала о таком лишь в старинных книгах, но никогда не могла представить, что смогу не только увидеть, но и поучаствовать в ликвидации.

«Дядя будет в бешенстве!»

Но сейчас даже он не смог бы меня остановить!

Это же настоящее наложение. Когда трещин больше трех, но они расположены так близко, что сливаются в одну, вводя в заблуждение магов.

И это в Заморске! В одном из самых защищенных мест мира. Сильнее берегли только столицу и императорскую резиденцию.

— Быстрее! — приказала я Эфри, сильнее сжимая гриву в руках и упираясь пятками в ее бока.

А вот и группа одаренных.

Расположившись на плоской крыше одного из домов, они изо всех сил пытались удержать трещину от роста, не понимая, что своими действиями делают только хуже.

— Здесь же надо действовать совсем по-другому! — в сердцах выдохнула я и направила Эфри к ним.

Я нутром чувствовала тьму, которая клубилась над головой, готовая в любой момент вырваться. И если это случится, то даже кристаллы не спасут жителей Заморска.

Неприятное, жуткое чувство ответственности, которое мешало трезво мыслить.

«А если не успею? Если не смогу? Ведь дядя никогда не допускал меня до работы с прорывами, берег для другого».

Но времени на сомнения не было.

Всего пара мгновений, и мы приземлились.

— Стойте! Стойте! — закричала я, спрыгнув на крышу, и замахала руками, пытаюсь привлечь внимание.

Но это было лишним. Наше феерическое появление сложно было не заметить.

Их было пять. Четыре совсем молодых мага. Высокие, стройные, со светлыми волосами и глазами.

Безусые. Именно так называл дядя совсем молоденьких магов, только вчера окончивших обучение. И, судя по страху, который плескался в глубине их глаз, все именно так и было.

А вот пятый, по внешнему виду, явно командир, был намного старше. Седая борода лопатой, кустистые брови, сквозь которые так сложно было рассмотреть холодные, злые глаза. Длинные волосы собраны в низкий хвост. Плотный, сильный и достаточно крепкий. По крайней мере, доспехи из кожи и металлических заклепок на нем были тяжелые.

Именно он первым среагировал на мое появление.

— Не останавливаться! — басом рявкнул старший, приводя застывших магов в чувство, и уставился на меня. — Ты кто такая? Откуда пегаса взяла?

— Я Монрей и пришла...

Но договорить мне не дали, перебив самым бесцеремонным образом.

— Совсем сдурела, девка?! Не знаю, где ты взяла пегаса, но тебе тут делась нечего.

От этого натиска я даже растерялась на мгновение.

На меня никто никогда не повышал голоса. Даже дядя отдавал приказы совершенно спокойным тоном. И чем тише глава говорил, тем страшнее всем было.

Но растерялась я всего на мгновение.

— Я хочу помочь. Я могу...

— Можешь! — продолжал рычать старший, у которого от гнева даже борода колом стала. — Сесть на эту крылатую лошадь и вернуться к матери под крылышко и под защиту кристаллов. Тебе здесь делать нечего.

Но этого было мало, чтобы заставить меня уйти.

— Вы что, не поняли? Я Монрей! Светлая, я могу вам помочь залатать прорыв. То, что вы делаете, неправильно...

— Еще учить меня будешь? — рявкнул он и двинулся на меня. — Я за двадцать лет службы стока этих прорыв видел — не сосчитать. А

ты, мелочь, явилась учить. Совсем бабы от рук отбились. Как еще тебе позволили выйти!

«Боги, да здесь еще хуже, чем дома. Там хоть привыкли к тому, что я отличаюсь от остальных женщин рода Монрей. Но здесь для всех, а особенно для этого вояки, я лишь досадное недоразумение, которое только мешает!»

— Я не уйду! — твердо ответила ему и даже с места не сдвинулась. — И вы меня не запугаете.

— А я не стану тебя пугать. Только домой отправлю.

— Это наложение! — выкрикнула я в ответ и вздрогнула от очередного трезвона, раздавшегося над головами.

Зажмурившись на мгновение, задрала голову, изучая темные полосы.

Трещин было пять. И, судя по побелевшим краям, совсем скоро стоит ждать выброса тьмы. Пока мелких тварей, но чем больше трещин, тем они сильнее.

Времени на разговоры просто не было.

Я снова зло уставилась на мужчину.

— Наложение, понимаете? Там не одна трещина, а пять!

Мужчина пожевал губу и скривился:

— Я должен тебе верить? Всем известно, что Монрей не обучают женщин. Может, ты помешанная, которая считает, что обладает достаточной силой, чтобы влезть в самую гущу событий. Самоубиться решила?

— Помочь хочу! — отрезала я. — И не уйду.

— А мне твоя кровь на руках не нужна. Не пущу.

Я сама шагнула к нему, сокращая расстояние между нами.

— И вы готовы рискнуть всем? Пегас мой. Вы же знаете, что я чужого оседлать не могла. А если есть пегас, есть и сила. Ну так что? — с вызовом спросила у него. — Может, дадите мне шанс попробовать?

Мужчина снова пожевал губу и нехотя кивнул.

— Ладно. Пять минут у тебя. Ежели не получится, мы возобновим работу.

— Спасибо, — выдохнула я, бросаясь назад к Эфри.

— Ребятки, действуем по плану А, — раздалось у меня за спиной недовольное бурчание. — Дадим девчонке себя показать.

План А.

Меня этому никогда не учили.

Никто не рассказывал, не показывал и не объяснял, что делать, когда купол трещит над головами и создания бездны готовы в любой момент проникнуть в наш мир. Когда никто в тебя не верит, и даже ты сама не знаешь, на что способна. Лишь надежда толкает вперед, прогоняя животный страх.

Меня не учили... А вот мальчишек, которые были младше, да. Им-то это надо было по роду службы. Это они, достигнув совершеннолетия и освоив азы управления светлым даром, отправятся к сторожевым башням и будут нести вахту.

Для Айрин Монрей изначально была уготована другая судьба — убить Коннора Хоторна. А для этого тактика и основные правила уничтожения трещин были не нужны.

Но никто не мог помешать мне слушать и смотреть. Наблюдать.

Конечно, я делала это тайком, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Дядя бы запретил... и даже наказал.

Нет, он догадывался о том, что я интересуюсь прорывами и пристально наблюдаю за работой других. Не мог не догадываться. Но считал это блажью девчонки. Мол, пройдет время, и Айрин выбросит эти глупости из головы.

Но Финне Монрей слишком плохо меня знал.

Да, дядя несколько лет растил меня по своему усмотрению, лепя идеального и послушного исполнителя. А я старательно изображала покорность.

В конце концов, притворяться другой я умела с рождения, как и добиваться своего.

Как бы ни была благодарна дяде за шанс стать другой и показать себя, слепо следовать его советам и подчиняться не получалось. Даже в мелочах.

Несмотря ни на что я училась работать с прорывами. Даже тренировалась в своей комнате, снизив мощность заклинаний до минимума.

Каким-то чудом мне удалось стащить из дядюшкиной библиотеки старую потертую книгу с потемневшими страницами и бледными

чернилами. Ею давно никто не пользовался, знания и навыки считались устаревшими и бесполезными.

Но я думала иначе. Особенно когда на одной из страниц увидела истлевшую печать с инициалами "Эй. Ор. М."

Эйган Орел Монрей. Старший сын великого Орела Монрея, создавшего купол.

Уж ему-то можно было доверять.

Сама не знаю, зачем я это делала. Может... может, просто мечтала, что потом, когда долг будет выполнен, мне позволят остаться в сторожевых башнях и нести службу наравне с остальными.

Глупая надежда. Хоторны никогда не простят мне смерть наследника и захотят отомстить.

Дядя ведь никогда не говорил, что будет со мной потом. А я боялась спрашивать.

Итак, план А.

У меня было всего пять минут, чтобы добраться до трещин. Именно на пять минут маги останавливались.

Вверх, вверх, под облака, когда дома становятся совсем крошечными, дороги напоминают извилистые линии, а людей вообще не рассмотреть.

Ветер бил в лицо, Эфри тяжело и хрипло дышала, стремясь унести меня как можно дальше.

— Я справлюсь, я смогу, — шептала сама себе, пытаюсь хоть как-то приободриться.

А трещины все ближе.

Уродливые, угловатые, с острыми побелевшими краями и небольшими утолщениями, которые уже начали краснеть.

Небольшие темные искры сыпались каждые пять-десять секунд, почти сразу растворяясь в воздухе. Я знала, как они были опасны для всех живущих.

— Еще ближе, — прошептала я, наклонившись к Эфри и успокаивающе похлопав ее по шее. — Еще на пару метров.

Искры становились все больше, а утолщения прямо на глазах наливались багряным цветом. Еще немного, и тьма начнет пробираться в наш мир, образуя причудливые и опасные формы.

— Давай, сейчас, — приказала я своему пегасу, выпрямляясь в седле.

Отпустив поводья, я позволила себе соскользнуть с тела Эфри и полететь вниз.

Конечно, было страшно. Даже очень. Я все-таки зажмурилась, едва не оглохнув от ветра, который ударил по ушам, разметав волосы, больно ударившие по лицу.

Свободное падение длилось всего несколько секунд, а потом Эфри нагнала меня, на ходу обратившись и вбиваясь в сердце ярким солнечным клинком.

Я выгнулась, с трудом сдержав рваный вздох, больше похожий на стон, и крепко зажмурилась.

Как же это больно.

Что в первый раз, что в последующие. Ничего не меняется, сколько ни тренируйся, как ни старайся. Острая боль распространилась по телу, парализуя его на мгновение, показавшееся мне вечностью. Невозможно дернуться и даже вздохнуть, любое движение превращается в муку.

Но проходит секунда, вторая, и ты вдруг понимаешь, что живешь. Да и боль ушла, осталось лишь тепло — обжигающее, горячее, но такое родное.

Эфри — сейчас я чувствовала ее особенно ярко.

Светлая сила так же эфемерна и многогранна, как и темная. Она не только дает способности, но и может принимать самый разный облик.

Эфри могла быть пегасом, волшебным крылатым конем. А стоит мне пожелать, и она свернулась бы мягким котенком у ног.

Но самое главное — Эфри могла дать мне крылья. В прямом смысле этого слова.

Я чувствовала их за спиной так же ярко, как и огонь у сердца.

Вперед, под облака!

Треск стал громче и протяжнее.

Одна из трещин, которая уже давно сменила цвет на алый, разошлась в разные стороны. Просвет был небольшой, всего десяток сантиметров, но этого хватило, чтобы сгустки тьмы стали пробираться в наш мир.

На этот раз они приняли облик больших бабочек. Совершенно черные, словно измазанные смолой, с темно-фиолетовой окантовкой и

ярко-красными крохотными глазиками. Красивы и ужасны одновременно.

Они закружили вокруг трещин, посыпая темной переливающейся пылью все вокруг но улетать не спешили.

«Рабочие»,

— поняла я и невольно вздрогнула, когда вокруг неожиданно появился яркий свет.

Это маги перешли ко второй стадии плана А и замкнули нас в защитном контуре. Надолго их не хватит, да и против более крупных созданий им не выстоять, но это тоже была помощь.

А бабочки уже вернулись к трещине и принялись увеличивать ее, прогрызая защитный купол.

Но они были слишком слабы. Две-три секунды — и бабочка умирала, осыпаясь горьким пеплом. Но ее место тут же занимала новая. И так по кругу, снова и снова.

Коснувшись кулона на груди, я прошептала одно из заклинаний, которое нашла в старинной книге. Жар распространился по телу, ручейками побежал по венам и сосудам на руках, золотистыми искрами вспыхнув на пальцах. Прошло всего мгновение, и в руках потяжелели острые клинки.

— А теперь можно повоевать, — прошептала я, глубоко вздохнув

И едва не чихнула от горького привкуса пепла от погибших бабочек.

Оставалось надеяться, что первая битва не станет для меня последней.

Коннор Хоторн

Его влекло на юг.

Неудержимо. Непонятно. Постоянно.

С того самого момента, как он заметил ту девушку на поле у небольшой станции.

Конечно, это всего лишь совпадение, но...

Эта тяга не проходила ни днем, ни ночью, превращаясь в настоящее наваждение, противиться которому становилось все сложнее.

Стоило закрыть глаза, и Хоторн видел лазурную гладь Соленого моря, белоснежный песок и чистое небо над головой с единичными пушистыми облаками.

Иногда Коннор мы поклясться, что чувствовал солоноватый запах воды и слышал шум набегающих на берег волн.

Сумасшествие какое-то, природу которого мужчина понять не мог.

Но инстинкты и внутреннее чутье редко его подводили.

Он вспомнил себя много лет назад. Сопливый юнец, только недавно прошедший инициацию, дурак, бросивший вызов высшей твари. А после, несмотря на приказ отца, не уничтоживший ее, а приручивший.

Первый Хоторн за много столетий, совершивший невозможное.

Тогда инстинкты тоже кричали и вопили.

Тогда почему так сложно было поверить им в этот раз? Что так давит на сердце? Почему непокорный Эфир так неожиданно спокоен?

Столько вопросов, ответов на которые он найти не мог.

Да еще эти переговоры зашли в тупик.

Глупая надежда на перемирие и новый виток отношений между двумя враждующими семьями канули в тьму. Тут даже император не смог помочь. Глава светлых его не слушал. Он никого не слушал. У Финиса Монрей было только одно зло в этом мире — Хоторны.

Выйдя на балкон, Коннор оперся ладонями о широкие перила и устремил свой взгляд на юг, вновь и вновь вслушиваясь в тишину, в которую погрузился дом и вся округа.

Сумрак ночи принес долгожданную прохладу, как и свежий ветерок, налетевший из ниоткуда.

Он тоже пах морем.

Коннор нахмурился и еще сильнее сжал перила.

— Вот ты где.

Мел нашла его быстро.

Младшая сестра вообще старалась не упускать его из вида и всегда быть рядом.

Смешно.

Это он должен был беспокоиться и оберегать ее. А выходило наоборот.

— А где мне еще быть? — спросил Коннор, продолжая вглядываться в ясное звездное небо.

— Мало ли. Вдруг решил сбежать.

Мел подошла ближе и встала рядом.

Платье ей все-таки нашли. Из мягкой и легкой ткани какого-то светлого оттенка, который служанка торжественно объявила персиковым. Короткие рукава, украшенный вышивкой в тон платью лиф, широкая юбка. Наряд действительно был красивым и страшно шел сестре, несмотря на кроткие волосы.

Только Мелисса совершенно не умела его носить и даже не пыталась. Коннору казалось, что сестра специально шагает в нем слишком быстро и по-мужски широко, давая всем и каждому понять, что платье и наряды не для нее.

Вот и сейчас. Девушка ловко потянулась и быстро забралась на перила, свесив ноги и болтая ими, как маленькая девочка.

По сути, она ею и была. Девочкой, которая слишком быстро стала взрослой.

Коннор был против ее инициации и даже сильно поругался с отцом, но сделать ничего не смог. Мелисса бредила защитой, сторожевыми башнями и отказывалась думать о чем-то другом.

— Я бы тебя не винила за побег, — продолжала девушка.

— Неужели?

— Угу. Здесь же скукота смертная. Монрей еще более нудные, чем я думала. Мужчины властные, женщины запуганные и полные смирения и послушания. Ты знаешь, по-моему, у них своего мнения нет. Я тут попыталась поговорить с одной, так она, едва меня увидела, сразу и сбежала. Как только защитным кристаллом не швырнула.

— Мелисса, — Коннор укоризненно взглянул на сестру, — я же просил не приставать к местным. Особенно к женщинам. Ты же знаешь, что это может осложнить и без того непростую ситуацию.

— Это ты парней просил. Мне-то что.

— И тебя тоже. Не хватало нам новых проблем.

Девушка вздохнула и придвинулась чуть ближе.

— Ты же сам видишь, что переговоры зашли в тупик. Монрей нас не слышит.

— Услышит.

— И император ему верит. Прорывы все чаще и яростнее, а они отказываются это признавать! Разве это нормально?! — не в силах сдержать эмоции, произнесла Мелисса и повысила голос.

— Тише, Мел, не забывай, что мы не дома.

— Забудешь такое, — отозвалась она и чуть повернулась, всматриваясь в темный сад, который раскинулся под ними.

Молчание затянулось.

— Как думаешь, она здесь? — вдруг спросила Мелисса.

Коннор даже не стал уточнять.

Айрин Монрей. Его жена.

Только родная сестра могла набраться смелости и заговорить о ней.

— Я же просил.

— Интересно же.

Девушка пожала плечами.

— Сколько лет прошло со свадьбы? Четыре? Еще немного, и она достигнет совершеннолетия.

— И что?

— А вдруг следующий приказ императора будет касаться вашего потомства?

Коннора слегка передернуло от с трудом сдерживаемого отвращения.

— Нет. Ее здесь нет, — резко произнес мужчина.

— Откуда ты знаешь? Спрашивал?

— Нет.

— Чувствуешь? — выдвинула она новое предположение, совершенно проигнорировав взгляд брата.

— Нет. Но на месте Монрея я бы увез девчонку отсюда. Подальше от императора. И меня.

— Ну да, — кивнула Мел, поменять тему разговора не спешила.

— Неужели тебе совсем не интересно?

— Что именно? — устало спросил Коннор.

— Какая она сейчас.

— Нет.

— Но почему?

Девушка чуть склонила голову набок, не сводя с брата темных глаз.

— Просто не интересно.

— А вдруг твоя жена изменилась? Похудела, похорошела?

— Сомневаюсь. Да это и неважно. Изменилась она или нет, это ничего не изменит. Ты же сама сказала, что все женщины рода Монрей одинаковы: послушны, скучны и совершенно предсказуемы. А эта еще и боится меня, — пожал плечами Хоторн.

Мелисса рассеянно кивнула и предложила:

— Стоит попросить императора расторгнуть брак.

— Ничего не выйдет.

— Всем же понятно, что это ошибка.

— Никто не любит признавать свои ошибки. Особенно император, — с кривой усмешкой отозвался Коннор, а затем неожиданно добавил: — Завтра мы отправимся на юг.

Мел от неожиданности чуть с перил не упала. Удержав равновесие, девушка прыгнула и удивленно уставилась на брата.

— Что? На юг? Но зачем?

— Не знаю.

Она пристально всмотрелась в лицо Коннора.

— Не хочешь мне рассказывать?

— Дело не в этом.

Хоторн просто не знал, что ей сказать. Не мог же он сообщить Мелиссе о странных, навязчивых мыслях и соленом ветре. О предчувствии, которое становилось все сильнее, и затихшем монстре у сердца, который словно выжидал для главного удара.

— Так надо.

— Хорошо. Скажу парням.

Через два дня они были уже в паре часов езды от морского побережья, когда внезапно ощутили легкую вибрацию, дрожью прокатившуюся по телу. Потом послышался небольшой звон. Такой тихий, что, кроме них четверых, его никто не услышал.

— Чтоб меня тьма поглотила, — вздохнул Дик потрясенно. — Прорыв!

— Здесь? — Мел все еще отказывалась верить, хотя инстинкты не обманывали.

— Здесь, — кивнул Коннор, хваталась за камень на груди. — Я вперед, вы за мной.

Небольшой вагон слегка тряхнуло. Одновременно с этим раздался скрежет тормозов, вызвав испуганные возгласы у других пассажиров.

Бросившись к окнам, они увидели огромную тень, которая поднялась в небо и, расправив широкие крылья, устремилась к морю.

Глава 4

Айрин

Клинки в моих руках горели огнем.

Казалось, что стоит их отпустить — и на ладонях останутся багряные шрамы от ожогов.

Если бы только у меня было время передохнуть...

Я не успевала.

Боролась, не останавливаясь рубила черные нити тьмы и понимала, что не успеваю, трещины становились все больше.

И уже не бабочки выбирались наружу, стремясь как можно быстрее пробраться в наш мир.

Крохотные птички с длинными острыми клювами и огнем в глазах.

Они летали так быстро, что взмах крыльев рассмотреть было невозможно, казалось, что они и не летали, а парили в воздухе.

Красивые, с крохотными черными перышками, которые отливали темно-фиолетовым блеском. И такие же смертельно опасные.

Они не собирались расширять трещины, для этого были созданы бабочки.

О нет, это прекрасные создания готовы были уничтожить все на своем пути, отравляя своим ядом каждого, кому не посчастливилось оказаться без защиты магических кристаллов в этот час.

Отлетев на метр, я начертила клинками в воздухе древний знак, который на мгновение вспыхнул огнем и тут же погас.

Щит. Небольшой, не забирающий много сил, но относительно надежный. По крайней мере, против птичек выдержит.

А остальному я не позволю пробраться в наш мир.

Никогда не думала, что могу быть настолько кровожадной, но смотреть, как крохотные птички быстро сгорают и осыпаются горьким пеплом, натываясь на щит, оказалось довольно приятно.

Щит дрожал передо мной, то и дело сверкал, слепя глаза, но справлялся со своей задачей.

Тем более что вскоре птички поняли, что толку нападать на меня нет никакого, поэтому бросились на разрушение защиты, которую выстроили вокруг трещин магии.

«Твари тьмы», — мысленно прошипела я, вновь бросаясь к трещинам.

Нельзя было разрываться и бросаться на защиту укрепления. Гораздо важнее уничтожить первопричину... и принять эту правду...

Нельзя успеть все... нельзя спасти всех.

Именно этому учил дядя мальчишек... Принимать горькую правду, что даже светлые не могут сделать все.

Птички прорвутся. Не сразу но проделают бреши в укреплении магов и спустятся в город. Сколько их там будет летать по пустынным улицам, пытающихся проникнуть в каждый не защищенный кристаллами дом, находя беззащитных людей и отравляя их своим ядом?

Я видела этих несчастных.

Женщины Монрей, обладающие достаточными силами, иногда допускались к лечению раненых. Многие даже становились великими целительницами.

Так, к маме часто обращались несчастные, которые когда-то попадали под воздействие темной магии... Лишь раз оказавшись на пути этих тварей, полностью излечиться от них было невозможно.

У нас дома жил один такой старик. Добрый, веселый и такой одинокий. Все знали, что от Хилгарда много лет назад сбежала жена с детьми, и жалели, но скрасить его одиночество никто не спешил.

Папа страшно ругался, когда узнал, что я тайком бегала к нему послушать сказки и принести еды из кухни.

— Хилгард отмеченный!

— И что? — не понимала я, упрямо качая головой, что еще больше раздражало отца.

— Вот дура, — хмыкнул Кай и тут же получил от отца звонкую затрещину. — Ой, а меня-то за что?

— Помолчи!

Отец повернулся ко мне и твердо произнес:

— Айрин, я запрещаю тебе ходить к старику! Ты поняла меня?

— Но почему? — я едва не плакала от бессилия, но сдаваться не собиралась.

— В нем живет тьма.

— Это неправда!

Но я сама вскоре убедилась в этом. Мне тогда было всего десять...

Через неделю я все-таки послушалась отца и прокралась к старику, прихватив из дома корзинку с ароматными пирожками с капустой и бутылку сладкого компота из дикой ягоды.

Подходя к дому, я услышала стон, который как-то незаметно перешел в вой.

Будто собака рычала от боли. Но у старика не было животных. Они, как и люди, избегали его, стараясь не вставать на пути.

Застыв на пороге, я нерешительно потопталась, не зная, что делать дальше.

— Дядька Хилгард? Это Айрин.

Ответом мне была тишина, которую внезапно нарушило тяжелое сбивчивое дыхание, от которого у меня мурашки побежали по телу.

Надо было бежать, но я не могла даже пошевелиться.

С тихом скрипом открылась дверь, и на порог... выползло нечто.

Не вышло, а именно выползло. Да и на человека оно мало было похоже. Пусть были руки-ноги, тело, да и голова. Только двигался старый Хилгард странно: руки-ноги вывернуты, голова под непонятным углом, словно ему шею свернули. Да и глаз не было, лишь красное пламя бездны в окружении чернильной тьмы.

Корзинка выпала из ослабевших рук и с грохотом приземлилась под ноги. Лопнул пузырь с компотом и залил ароматные пирожки.

А существо среагировало на звук и бросилось на меня.

Боги, как же я кричала. Аж уши заложило.

А еще я и глаза зажмурила.

Поэтому и пропустила вспышку света, который ударила в грудь старика, отбрасывая его назад к двери, которая, не выдержав напора, слетела с петель.

— Жива? Он тебя не тронул?

Кай, с трудом стоявший на ногах после выброса, принялся лихорадочно меня ощупывать.

— Д-да.

Кто бы мог подумать, что старший брат из вредности отправится за мной, мечтая доложить потом отцу, а вышло... А ведь тогда ему было лишь четырнадцать.

Я повисла на шее Кая и, уже не скрываясь, громко разревелась.

А там и отец подрос.

Выпорол он меня знатно, да я и не сопротивлялась.

Хилгарда связали цепями и принесли в дом, где над ним всю ночь просидела мама.

Старик потом долго просил у меня прощения. Я простила и поняла. Но это ничего не могло изменить. Все изменилось безвозвратно. А забыть его кровавые глаза и саму тьму в их глубине у меня так и не получилось.

Лишь Монрей и Хоторны были невосприимчивы к яду тварей тьмы. Да, мы реагировали, могли неделю валяться в горячке, но справлялись и потом жили как раньше.

Сжав кинжалы, я бросилась к трещинам, которые за этот короткий промежуток времени будто стали еще больше.

«Не успеваю. Не получается».

Позорное отчаяние и сомнения в собственных силах сковали все тело, и болезненный спазм перехватил горло, мешая нормально дышать.

Пришлось выделить драгоценные секунды для успокоения.

«Это ничего не значит! Пока я здесь! Пока жива и могу сражаться, ничего не кончено!»

Я с удвоенной скоростью принялась рубить нити. Именно они не давали трещинам сомкнуться.

Уничтожу нити и смогу заделать прорывы.

Треск, грохот пепел и пот, застилающий глаза, шелест множества крыльев и ветер в ушах вперемешку с грохочущим пульсом. Расслышать что-то еще в этом шуме было практически невозможно.

Но когда птички пробрались за защиту, я отследила.

И дело не только в том, что звуки немного изменились. Сама обстановка стала вдруг другой. Когда падает один из уровней защиты, это сразу чувствуется.

Стиснув зубы, я снова занялась трещинами, стараясь не думать о том, что происходит в городе. Там есть маги. Они помогут.

Но все равно, как бы я ни старалась, сосредоточиться получалось все сложнее.

Снова раздался оглушительный треск, который увеличил дальние разрывы еще на пару сантиметров. Вроде не так много, но последствия не заставили себя ждать.

Отбиваясь от фиолетовых бабочек и крохотных птичек, которые вновь попытались добраться до меня, разрушая щит, я вглядывалась в разлом, уже зная, что там увижу.

Третья ступень прорыва.

Летающие ящеры. Крохотные, размером с садовую ящерицу, только с перепончатыми крылышками.

Сначала из разломов показались острые коготки, затем уродливые вытянутые морды с раздвоенными языками, а после и сами тела кроваво-красного цвета с фиолетовыми прожилками. А крохотные глазки были черными.

Вот этим не надо было увеличивать трещины или ломать щиты, чтобы отравить всех вокруг ядом. Нет, эти твари были созданы для другого.

Черное пламя.

Жуткие пожары, которые не могла затушить никакая вода. Огонь, который пожирал не только дерево, но также металл и камень.

Вы видели, как горит камень, за час превращаясь в труху, как плавится металл, превращаясь в жалкую лужу? Лишь магия и заклинания могли утихомирить черное пламя.

Один такой дракончик мог уничтожить целую улицу. А что, если этих исчадий тьмы будет несколько десятков?

Заморск всего за пару часов сгорит дотла, и даже кристаллы не помогут.

О трещинах пришлось забыть на время.

Сначала надо было остановить крылатых ящуров.

— Эфри, — едва слышно прошептала я, обращаясь к своей незримой помощнице.

Она услышала и поняла, теплом отозвавшись у сердца.

Резкий взмах руками.

В ту же секунду кинжалы в моих ладонях удлинлись, превратившись в своеобразные сверкающие кнуты с острыми наконечниками. С ними я обращаться умела. Не так хорошо, как хотелось бы, но этого должно было хватить, чтобы избавиться от ящуров.

Стоило наконечнику коснуться красного тела, как оно темнело на глазах и рассыпалось на части.

Конечно, все было совсем непросто и не так радужно, как мне бы хотелось.

Ящур и остальные создания тьмы не собирались просто висеть в воздухе и ждать, когда я их испепелю. Они бросились на меня, стараясь уничтожить щит. Теперь к птичкам добавилось черное пламя их собратьев.

Щит сверкал и трещал, но держался, пока я с помощью кнутов пыталась остановить созданий тьмы и не дать им выбраться.

Не знаю, сколько времени прошло, оно не остановилось, а просто перестало существовать и иметь хоть какое-то значение.

Я обливалась потом от жара и усталости, задыхалась от гари и пепла, умирала от бессилия, но не сдавалась.

А силы уходили.

Громче и жалобнее трещал щит, который уже с трудом держался под градом ударов, белели на глазах кнуты, утрачивая свою силу, и ящур уже не так бодро рассыпались на части от моих попаданий.

Мне стоило отступить. Спуститься вниз, взять короткую передышку, глотнуть воды. Это не позорно. Это правильно.

Если бы здесь был единичный прорыв, я бы справилась. Но наложение... его нельзя закрыть в одиночку. Как бы я ни хотела.

Я лишь продлевала агонию и подводила себя к краху.

Снова болезненно звякнул щит, в последний раз принимая удары, и исчез, не выдержав напора.

И это неожиданно привело в ярость.

С громким воплем я бросилась на трещины в глупой попытке закрыть их своими руками... телом, но не смогла.

Ослепительный свет поймал меня в свои сети, словно я была не человек, а муха, попавшая в янтарь и застывшая там навеки.

Скосив глаза, я смогла разглядеть сквозь слезы и пот силуэт, возникший из ниоткуда.

— Ты кто такая?

Сфокусировав взгляд, я с трудом изучила красивого молодого мужчину в сияющей броне светлых. Золотистые локоны, чувственные губы и пронзительно-синие глаза, вмещающие в себя всю синеву неба.

Питер Монрей.

Мой жених, который никогда не станет мужем.

В последний раз мы виделись с ним года четыре с половиной назад.

Традиционное свидание, которое устраивалось в день тринадцатилетия невесты.

Питер приехал к нам домой с родителями, младшими братьями и сестрой Заликой, которая приходилась невестой Каю.

Я помню, как переживала и волновалась. Как выбирала платье, стараясь угодить будущему мужу, как отчаянно втягивала живот и пыталась найти у себя талию под язвительные насмешки братьев.

Они никогда меня не щадили и, глядя в глаза, называли кубышкой или булочкой. И это были самые добрые прозвища. А я в ответ грозила поколотить их и подсунуть в постель лягушек.

— И чего ты распереживалась? — усмехался Кай, глядя на мое покрасневшее от натуги лицо. — Хоть чучелом нарядись, все равно это ничего не изменит. Питер обязан на тебе жениться. Таков закон. Тебя ему священники навязали.

Я знала это, но все равно хотела понравиться жениху.

Все знали, как мне повезло, и чуть ли не каждый день сообщали об этом. Молодой, сильный, отважный, да еще и красивый. Словно с картинки сошел.

— Волосы словно пшеница спелая, глаза как небо ясное, — шептались служанки меж собой, думая, что я не слышу.

Знаю, подслушивать нехорошо, но я не могла удержаться.

Девушки кучкой собрались в тени сада, как раз под открытой террасой. Так что подслушать не составило большого труда.

— Силен, как сам Орел Монрей. Истинный продолжатель традиций легендарного предка. Я слышала, что он в одиночку

уничтожил целое полчище отродий бездны.

— И закрыл за раз аж три прорыва.

— Да такой хорошенький... а ему Айрин сосватали, — вдруг горестно прошептала Тилли.

На нее тут же зашикали остальные. А я лишь сильнее сжала перила и затаила дыхание, боясь хоть чем-то себя выдать.

— Ты что несешь? Юная госпожа хорошая. То, что пухленькая, так вытянется, похорошеет.

— Может, и похорошеет, — согласилась Тилли. — А с характером как быть? Где это видано, чтоб девица Монрей так себя вела? Ох, бедовая она.

— Сама ты бедовая!

Как мне хотелось вцепиться этой девице в волосы и с помощью кулаков доказать, как она не права. Но нет, я решила действовать иначе.

Вот появлюсь красавицей пред женихом и его семьей, и поймут все, как ошибались.

Я три дня ничего не ела, худела, надела самое лучшее платье, волосы выпрямила, стараясь понравиться.

Питер мне улыбался. Мягко и даже нежно. Это придавало мне сил и уверенности...

Пока я не увидела разочарование в его глазах, которое он так и не сумел скрыть. Не такой Питер Монрей хотел увидеть свою невесту.

Так уж вышло, что ни жениху, ни мужу законному я оказалась не нужна.

Вот и сейчас Питер смотрел на меня и не узнавал.

Конечно, под таким слоем копоти и грязи меня бы мать родная не узнала.

— Ты кто такая и как здесь оказалась?! — снова спросил он, легко отбиваясь от ящуров.

Нашел время и место беседы вести!

Видимо, он не знал о планах дяди.

— Наложение, — с трудом произнесла я. — Помоги. Одной не справиться.

Питер сильнее нахмурился. Пришлось поторопить.

— Ну же! Я Айрин! Айрин Монрей! — И, не удержавшись, ехидно добавила: — Невеста твоя бывшая.

Уверена, что за эти годы он ни разу обо мне не вспомнил и даже вздохнул с облегчением, когда узнал, что толстую, неповоротливую девчонку отдали в жены другому.

— Айрин?! — Взгляд синих глаз пробежал по мне сверху вниз.

Не верил.

— Ну! Быстрее же! Их все больше!

Питер кивнул, освобождал меня. И еще неожиданно силой поделился. Она приятной щекоткой прошлась по телу, вызвав легкую дрожь.

Радовало, что не отвращение. Во время тренировок на полигоне чужая сила мне никак не подходила. Один раз я даже сознание потеряла от боли, в другой меня рвало так, что дядя сутки запретил вставать с постели.

Но с магией Питера все прошло неожиданно хорошо. Она словно родной показалась.

Что ж, может, и правы были священнослужители, когда хотели поженить нас. Похожи мы с ним. Даже больше, чем думали.

— Спину мне прикроешь! — крикнул Питер, создавая световой вихрь с острыми краями, который в одно мгновение уничтожил полсотни разнообразных тварей.

Пусть и недолговечная штука, зато какая эффективная.

Эх, мне такому еще учиться и учиться.

Да, старинные книги — это хорошо, но они не могут научить меня такому. Тут нужна практика и учитель толковый.

— Хорошо.

Я вновь создала щит вокруг себя и кнуты в руках, благо теперь сил хватало.

— Наложение. Нам бы еще помощь не помешала.

— Будет, — отозвался он и нехотя добавил: — Темные рядом...

Ох, нет. С Хоторнами мне встречаться не стоило! Я и так почти все. Но и уйти сейчас я не могла.

— Я помогу, — вдруг пообещал Питер, бросив на меня странный взгляд через плечо.

И в этот раз отвращения в нем не было. А что-то другое было — такое, отчего в груди вдруг стало теплее и сердце странно защемило.

Мужчина вновь направил на меня часть силы.

— Зачем? — только и успела спросить я и закусила губу, пытаюсь сдержать тихий стон.

Снова странный взгляд и неожиданная искра в глубине синих глаз. И это не переставая уничтожать монстров бездны!

— Мне достаточно сил, не стоит их тратить, — пробормотала едва слышно.

— Попроси своего пегаса создать тебе шлем и доспехи побольше. Чтобы фигуру скрыть. Понятно?

— Д-да.

Я не стала спорить. Надо так надо.

Эфри отозвалась сразу, и уже через десять секунд на голове у меня был огромный шлем с забралом и тяжелые доспехи, в которых даже дышать было неловко, такими громоздкими они были.

Питер бросил на меня быстрый взгляд и кивнул:

— Отлично.

Что именно отлично — непонятно, но я на всякий случай порадовалась и в следующую секунду почувствовала такой страх и ужас, что все волосы на теле встали дыбом.

Высшая тварь!

Нет, не так! Наивысшая!

Максимальный порог.

Кровь застыла в жилах, и страшно хотелось бросить все и сбежать. Спрятаться в самом глубоком подвале и закрыть глаза, лишь бы не чувствовать этот леденящий ужас.

Даже от трещин так не фонило, а их было больше пяти.

И эта тьма. Этот кошмар двигался к нам со стороны. В нашем мире!

— Почувствовала? — понимающе хмыкнул Питер, превращая в пепел еще десяток ящуров. — Он уже рядом.

— Кто? — с трудом спросила я.

— Твой муж. И его монстр.

Глава 5

Мой муж.

Не знаю, чего я испугалась больше, Хоторна или его монстра.

Наверное, и того и другого сразу. Так уж вышло, что в моем сознании эти двое шли неразрывно.

— Не бойся. Он не поймет — произнес Питер, — не догадается, кто ты.

Мужчина произнес это тихо, даже еще гул стоял жуткий, но я все равно его услышала. И на всякий случай кивнула, в очередной раз взмахнув кнутом.

Теперь понятно, для чего этот тяжелый шлем и неудобные, громоздкие доспехи.

В них Хоторн меня не узнает. Мало того, он даже не поймет что я девушка.

Я позволила себе короткую улыбку.

Ведь девушки из рода Мейсон не обучены сражаться с монстрами и не могут заделывать трещины.

Надо же, никогда не думала, что буду радоваться этой несправедливости, с которой борюсь всю свою жизнь. Но сейчас нормы и правила Монрей были на моей стороне.

Так что бояться было нечего... но я все равно боялась.

Особенно когда нашла взглядом черную точку в небе, которая с каждой секундой становилась все больше.

Эфир.

Боги, как же красив и ужасен он был. Огромный черный дракон, созданный из пепла, дыма и огоньков пламени. С рванными крыльями, горящими алыми глазами и острыми зубами.

А на его спине сидел Коннор Хоторн.

Один короткий взгляд, чтобы понять, что мой муж за эти годы мало изменился. Разве что стал чуть шире в плечах, сильнее и мужественнее, да и морщинок прибавилось на лице.

Сердце невольно пропустило удар, когда Хоторн встал во весь рост и прыгнул со спины своего монстра. Эфир взревел, да так, что уши на мгновение заложило, и упал за ним следом.

Их слияние было так похоже на наше с Эфри, что даже становилось немного страшно и неловко. Разве так может быть?

И Монрей, и Хоторн впускали в свое сердце силы. Только мы свет а они тьму.

Дядя прав, добром такие эксперименты точно не закончатся. И теперь, когда я видела это своими глазами, все больше убеждалась в правильности уготованной мне роли... Хотя червячок сомнения никуда не делся.

Тело Хоторна в одно мгновение покрылось сверкающей броней, а за спиной выросли огромные черные крылья. Намного больше моих или Питера.

— Монрей, — глухо произнес муж, оказавшись с нами.

Защиту магов он даже не заметил. Просто прошел сквозь, будто ее и не было.

Зато на его появление среагировала твари бездны. Бросили атаковать нас, сгруппировались, зашипели и отступили к трещине, готовые отстаивать ее до конца.

— Хоторн, — отозвался Питер. — Долго ты.

— Быстрее, чем другие. Смотрю, тебе тут несладко приходится, — коротко отозвался темный и впервые бросил на меня взгляд. — А это кто?

У меня от волнения язык к небу прирос. Все мысли разом исчезли в мгновенно опустевшей голове.

«Надо же что-то ответить! И быстро! Но что?»

— Это Кай, — отозвался Питер, представив меня именем брата. — Первый бой, так что паренек совсем без сил. Мы тут вообще на отдыхе. Никто не ожидал такого прорыва.

— С боевым крещением, — хмыкнул Хоторн, сжимая и разжимая кулаки. Мгновение, и в его руках появились клинки с черными лезвиями, на которых огнем горели непонятные письмена. — Зато будет что друзьям рассказать.

— Наложение. Пять трещин.

— Надо же... хорошо подготовились. — Мужчина поднял голову и взгляделся в трещины.

Мне показалось или в его глазах вспыхнуло пламя, идентичное тому, что я видела в глазах монстров?

Не знаю, что именно там он увидел, но Хоторн внезапно снова посмотрел на меня. Как-то слишком пристально.

«Понял? Узнал?!»

Как же сложно притворяться безразличной и ничем не выдать себя.

— Ты держал оборону?

Я неловко кивнула.

— Молодец, Кай. Мастерски сработано.

Вот этого я точно не ожидала, поэтому и растерялась.

— Все силы отдал, почти перегорел, хорошо, я успел на подмогу, — вмешался Питер. — Еще один прорыв над морем. Небольшой, скорее всего отвлекающий. Кай, возвращайся домой. Дальше мы сами.

— Но... — с трудом произнесла я, радуясь, что голос от напряжения и пепла звучал грубо и больше походил на скрип камня по стеклу.

— Питер прав, — согласился Хоторн, утратив ко мне интерес. — Еще немного — и перегоришь. Отправляйся домой. С тебя хватит на сегодня приключений.

Было обидно.

Я тут так долго удерживала трещины, боролась с исчадьями тьмы, а меня вот так просто отправляют домой? Даже не дав посмотреть? Я ведь имела лишь общее представление о том, как Хоторны и Монрей взаимодействуют, заделывая трещины. Совсем другое — увидеть это живую, тем более здесь!

Этот прорыв же войдет в историю!

Но, с другой стороны, я отлично понимала, что сил больше нет.

Сейчас я держалась лишь на упрямстве и на помощи Питера. Но когда-нибудь иссякнут и его силы, а значит, исчезнет и шлем с доспехами. И от моей маскировки не останется и следа.

Этого допустить было нельзя.

— Хорошо, — глухо произнесла в ответ, чуть наклонив голову и пряча глаза.

Я отступила, но взгляда от трещины не отводила.

Все дальше и дальше.

Крыльям было тяжело нести меня, надо было вызвать Эфри, но я все оттягивала этот момент.

Хоторн не должен ее увидеть! Не должен рассмотреть и понять, как она необычна. Возникнут вопросы, на которые я не могла дать ему ответы.

Вперед и вперед.

Это оказалось сложнее, чем я думала. Крылья были созданы не для этого и сил забирали много. Тот импульс силы, что дал мне Питер, быстро заканчивался. Делать нечего.

Надо открываться.

«Эфри!»

Я закрыла глаза, стараясь удержать броню хотя бы на пару минут, и полетела вниз.

Там меня уже подхватил пегас.

До дома мы добрались уже без сил.

Эфри тяжело опустилась на землю и упала на колени, тяжело дыша.

— Умница, — шепнула я, глядя ее по волосам, и сползла вниз. — Возвращайся назад. Тебе надо набраться сил.

Пегас вернулась в медальон, который тут же потяжелел на груди, а я направилась к дому, медленно шагая, на большее меня не хватило.

Шлем и доспехи исчезли где-то на полпути, и сейчас на мне было грязное, покрытое сажей и пеплом платье. Волосы спутаны и растрепаны, горло першило и болело, и так тяжело было дышать.

Я смогла сделать всего десяток шагов, потом просто надоело.

«Хватит, — решила я, опускаясь на землю. — Какая мягонькая травка, как пух. Вот здесь я и посижу... или полежу».

Я легла под куст и свернулась калачиком, наконец позволяя себе отключиться.

Хватит навоевалась.

Очнулась я уже гораздо позже.

В своей комнате, в своей кровати. И рядом с мамой, которая сидела рядом в высоком кресле, не сводя с меня глаз. Судя по нездоровой бледности на лице и усталости во взгляде, сидела матушка не просто так, а приводила неразумную дочь в чувство, используя значительную часть собственных сил.

Тут же проснулось вина.

— Добрый... — я мельком взглянула на окно и тут же сориентировалась, — вечер.

— Как себя чувствуешь? — спросила матушка обманчиво ласковым тоном, который не предвещал ничего хорошего.

— Спасибо, уже лучше. Можно мне воды?

В горле страшно пересохло, и я никак не могла отделаться от вкуса пепла на губах и горечи во рту, которые вновь и вновь возвращали меня назад к трещине.

Она подала стакан, который я быстро осушила и счастливо вздохнула.

«Так намного лучше!»

Снова покосилась на маму, не зная, с чего начать и с каких извинений. Да и нужны ли они сейчас?

Поэтому я решила немного потянуть время. Осторожно приподнялась и неловко поправила многочисленные подушки, сооружая небольшую горку. На нее-то я и облокотилась, готовясь встретить материнскую истерику. А в том, что она будет, сомнений уже не оставалось.

— Ну что? Довольна?

«Началось!»

— Мама...

— Ты хоть понимаешь, как рисковала, Айрин!

— Понимаю.

— Здесь этот... Хоторн и его свора.

Мама не произнесла, а будто выплюнула имя моего мужа.

— Знаю, я его видела, — тут же сообщила я.

Кажется, от этой информации стало только хуже.

— Видела? — просипела матушка и побледнела еще больше, отчего под глазами отчетливо выступили круги и некрасиво выделились складки у губ, добавляя ей десяток лишних лет. — Ты его видела? А он тебя?

— И он меня, но не переживай, все хорошо, — попыталась утешить ее я.

Но сделала это так неуклюже и неумело, что самой стало неприятно.

— Хорошо? Как это может быть хорошо? Айрин, ты хоть представляешь, что натворила?!

Голос матушки поднялся до таких высот, что я невольно вздрогнула и сморщилась от головной боли.

— Ничего я не натворила. Просто выполняла свой долг.

— Долг каждой девушки из рода Монрей — чтить традиции предков, выполнять наказания старших и не лезть туда, куда не просят! —

произнесла она резко.

— Я не могла иначе. Трещина...

— Ее ликвидировали бы и без твоего участия, — оборвала меня матушка. — Своей выходкой ты загубила все.

— Ничего я не загубила, — пробормотала в ответ, потирая ноющие от боли виски. — Хоторн меня не узнал. Я в шлеме и доспехах, кроме того, там был Питер. Он помог. Так что Хоторн не знает, что это была я.

Радоваться матушка не спешила, лишь сильнее поджала губы:

— Ты в этом уверена?

— Да, для него я Кай Монрей.

— Кай? Ты представилась именем брата?

— Не я, Питер представил.

Она на мгновение задумалась.

— Что ж, может, это и к лучшему. Слава богам, мы находимся здесь под чужими именами, но все равно ты не должна была так рисковать, Айрин! И ради чего? Ради чего ты едва не перегорела и не уничтожила труды дяди?

— Я не дала трещинам стать больше, помешала тварям пробраться в наш мир.

По мне, уже это было немало. Если не для прощения, то для смягчения приговора, который читался в глазах матушки.

Я не ждала похвалы и одобрения, но заслужила хоть немного понимания. И не получила даже этого.

— Это не твоя обязанность! — резко заявила матушка.

— Это было наложение. Сразу пять трещин!

Я все еще не оставляла попыток достучаться до нее, объяснить, рассказать. Но все было бесполезно.

— Справились бы и без тебя.

— Справились, — я не стала отрицать. — Но жертв и разрушений было бы намного больше. Черное пламя уничтожило бы дома и спрятавшихся в них людей.

Но это не произвело на нее должного впечатления.

— Ты забыла наказ предков, Айрин? Нельзя спасти всех.

Я замолчала, раздумывая, что сказать. В голове не укладывалось, что моя любимая, добрая матушка могла так думать.

— Глава уже все знает.

— Уже? — переспросила я.

«Что ж, этого стоило ожидать».

— Он не доволен, — сообщила родительница, поднимаясь.

— Мы возвращаемся домой? — устало спросила у нее.

— Пока нет. Это может привлечь лишнее внимание. В Заморске сейчас слишком много чужаков. Мы не можем так рисковать. Глава велел переждать пару дней.

— Я поняла.

— И без приключений, Айрин. Ты и так натворила слишком много дел. Я распоряжусь, чтобы ужин принесли сюда. А теперь отдыхай.

— Да, матушка, — покорно кивнула я.

Поевши, я снова легла и почти сразу уснула.

На следующее утро силы практически восстановились. Я встала с постели, умылась и уже собиралась спуститься к завтраку, как в комнату вбежала взволнованная матушка.

— Айрин! Он скоро будет здесь! — вскрикнула она, покраснев от волнения.

— Кто? — испуганно спросила я, чувствуя, как от тревоги и страха подкашиваются колени.

«Неужели Хоторн? Он все узнал и теперь...»

— Питер!

Матушка произнесла имя моего бывшего жениха с таким благоговением, словно он был императорской крови.

— И что?

Я ее восторгов не понимала и радоваться не спешила.

— Причешись, надо соорудить что-нибудь приличное из твоих волос. Переоденься и спускайся к нам! — велела она, разворачиваясь к двери.

— Ноя уже одета! — только и успела выкрикнуть я, прежде чем матушка убежала.

И тут же была удостоена нового критического взгляда.

— Это платье не подходит.

Я осмотрела свой наряд. Симпатично вышло. Лиловое платье с белыми оборками и низким вырезом. Может, не очень нарядное, зато удобное.

— Это еще почему? Нормальное платье.

— Надень то синее, с бабочками.

Нет, не готова я была сейчас вспоминать бабочек и тем более надевать что-то с ними. Уж очень свежими были воспоминания о фиолетово-черных созданиях с алыми глазами.

— Или нежно-голубое, с цветами, — предложила матушка и даже в ладоши хлопала. — Да, точно, голубое будет идеальным. Я немедленно пришлю к тебе служанку. Она поможет сделать прическу.

Я лишь кивнула, решив не спорить.

Если мама что-то решала, то лучше не вставать на ее пути.

Уже через час я спускалась по лестнице, когда меня увидела матушка, которая вышла в холл встречать гостя.

— Айрин, чего ты тут делаешь? — громким шепотом спросила она.

Я замерла на середине и непонимающе на нее уставилась.

— Спускаюсь к завтраку.

— Сейчас?

— Но ты же сама сказала спуститься, — растерявшись, спросила я. — Силь сделала мне прическу, я надела это глупое голубое платье и спустилась. Что не так-то?

— Не сейчас! — зашипела она и жестами велела мне подниматься назад. — Питер же еще не пришел!

Естественно, я ее проигнорировала.

— Ну и хорошо. Я встречу его вместе с тобой, — кивнула в ответ и спустилась еще на две ступеньке.

— Нет! Не так! — закричала родительница.

Вновь пришлось остановиться.

— Мам, я ничего не понимаю. Почему мне нельзя спуститься? Хорошо, я не буду его встречать, подожду в столовой.

Матушка закатила глаза и тяжело вздохнула, словно я произнесла какую-то страшную глупость.

— Питер придет, и только тогда ты спустишься. У него на глазах!

— Но почему?

— Представь. Мы с Питером стоим здесь в холле. Он поднимает взгляд, а тут ты... такая красивая и милая, спускаешься по лестнице. Это же так эффектно! Ваша первая встреча должна запомниться.

— Мы вчера виделись, — заметила я.

— Да что вы там виделись, — отмахнулась она. — Шум, грохот, гарь. Ты еще вся перепачканная была. Так что не считается. А сегодня он должен увидеть, какой ты стала! Как изменилась!

— Мам, — собирая остатки терпения, произнесла я. — Не понимаю, зачем ты все это затеяла.

— Для тебя же стараюсь, глупая. Вы же были помолвлены.

— Были! Но я замужем за другим, — напомнила ей.

— Это ненадолго. А Питеру так и не нашли невесту. Милая, уверена, это судьба! — воскликнула она, прижимая руку к груди. — Надо лишь заручиться его поддержкой.

— Это безумие какое-то. Зачем?

— Ты же не вечно будешь замужем. Надо же подумать о будущем, — многозначительно произнесла она и бровями поиграла.

— Ты серьезно?

— Ну конечно. Долго быть вдовой не обязательно...

«Боги!»

— Мам, прости, но принимать в этом участие я не стану. У меня совершенно пропал аппетит. — Я подхватила подол и начала подниматься по лестнице. — Думаю, у тебя отлично получится развлечь высокого гостя и без меня.

— Айрин! Немедленно вернись!

Именно в этот момент в холл вошел управляющий. И не один.

— Питер Монрей.

— Доброе утро. Прошу прощения за столь ранний визит.

Светловолосый мужчина шагнул вперед, кивнул покрасневшей матушке и поднял голову выше.

Наши глаза встретились. Все получилось, как хотела мама.

Бежать было глупо, и теперь я медленно спускалась по лестнице под пристальным взглядом голубых глаз.

— Питер, я так рада, что ты нашел время, чтобы провести нас. Не так ли, Айрин?

— Разумеется. Доброе утро, Питер.

Я спустилась и сдержанно улыбнулась гостю.

— Здравствуй, Айрин, — тихо произнес мужчина, смотря на меня так...

Пять лет назад за этот взгляд я бы отдала многое.

Но не сейчас... слишком многое изменилось. И прежде всего — я сама.

— Позавтракай с нами, Питер, — произнесла матушка. — Так приятно видеть родное и знакомое лицо в этом городе. Заодно и расскажешь, когда снимут ограничения.

— С удовольствием, — отозвался он, подавая мне руку. — Айрин, я могу проводить тебя к столу.

— Какая чудесная мысль.

И мне осталось только вложить ладонь ему в руку.

Глава 6

Завтрак проходил... странно.

Другое слово я была не в состоянии подобрать. Очень странно есть и чувствовать при этом на себе взгляд голубых глаз. Причем Питер совершенно не скрывал, что смотрит на меня.

И даже если я поднимала глаза, своих не отводил. Эта игра в гляделки заканчивалась моим полнейшим фиаско.

Я опускала взгляд на тарелку и силилась проглотить ком, стоящий у горла.

Зато как была счастлива мама. Она улыбалась так широко, что были видны все зубы. Ее план по нашему сближению удался, и родительница совершенно не собиралась этого скрывать.

Временами мне хотелось встать и уйти, и лишь упрямство и гордость мешали это сделать.

Я никогда не бегала от опасности и не прятала голову от неприятностей. Не уйду и сейчас.

— Надеюсь, ты еще останешься в городе на пару дней, — щебетала матушка в перерывах между поглощением еды.

— Останусь. Тем более что здесь вы. Мы так давно не виделись, — отозвался Питер.

— Да, ты совсем забыл к нам дорогу. Даже с Заликой не приезжал на очередные смотрины, — пожурела его она.

— Работа. Сами понимаете, прорывов все больше. Даже здесь, у моря, где никто не ждал.

— Да-да, ужасное происшествие, просто ужасное. Я так испугалась. Как хорошо, что ты оказался рядом.

— Как хорошо, что Айрин здесь, — вдруг мягко произнес Питер.

Я слегка дернулась, и нож неприятно скрипнул по тарелке.

— Я? — переспросила у него, не поднимая глаз.

— Конечно.

— Думаю, нам всем повезло, что мы все здесь, — тут же вмешалась матушка.

— Вам удалось воспитать удивительно смелую и храбрую девушку, Есения. Броситься на защиту города, рискнуть всем. Невероятная самоотверженность.

— Ох, ну что вы, — отозвалась матушка, явно гордая собой.

— Поверьте, если бы не Айрин, жертв было бы намного больше.

— Она у нас такая... всегда готова броситься на помощь. Никогда себя не жалеет.

«Ну да, вчера, когда я сообщила ей то же самое, ответ был другим. Она кричала и шумела, а сейчас скромно отводит взгляд и улыбается... Ох, мама».

— Уникальная девушка, — тихо произнес Питер.

Я все-таки подняла взгляд и замерла.

Слишком уж пристальным был ответный взгляд мужчины. Слишком обжигающе откровенным.

Я потупилась и протянула руку к стакану с соком.

— Вы можете не переживать, Хоторн ни о чем не узнает.

— Да, Хоторн, — тон матушки упал на пару градусов ниже, став холодным и немного раздраженным. — Надеюсь, он уедет как можно скорее.

— Боюсь, это невозможно. Угроза новых прорывов еще осталась. Он обязан быть здесь. Но обещаю вам, Хоторн вас не потревожит. Все мы знаем, как тяготит этот брак Айрин.

«Я бы так не сказала. Пока он лишь приносит мне удачу и позволяет делать то, что раньше было под запретом!»

— Да, нам так жаль, Питер, — вздохнула матушка и накрыла ладонью его руку. — Вы с Айрин такая прекрасная пара. Если бы не приказ императора, если бы все можно было отменить... ах, сколько «если бы».

Молчание затянулось.

Я уже не могла дожидаться, когда этот завтрак закончится и можно будет уйти в свою комнату.

— Айрин, я разговаривал с магами, — вдруг произнес Питер, обращаясь ко мне. — Они не расскажут о тебе.

— Маги? — переспросила я и закусила губу от досады, поняв, кого именно он имеет в виду. — Точно, те маги на крыше.

Они-то точно знали, что я была девушкой и никакого Кая в помине не существовало. Если бы Хоторн спросил... это был бы кошмар.

«Как я могла забыть о них?!»

— Какие маги? — вмешалась матушка.

— Уже неважно. Они не раскроют секрет Айрин. Я позаботился об этом.

— Питер, ты такой молодец. Мы так благодарны тебе за заботы. Да, дорогая?

Мама весьма выразительно на меня взглянула.

— Да, большое спасибо, — поблагодарила я мужчину, изучая воротник его рубашки. — Я совсем забыла о них. Еще раз спасибо.

— Я рад помочь, Айрин. Мы же не чужие люди друг другу.

— Действительно...

Я вздохнула, отложила приборы и уже собиралась со всеми распрощаться, как Питер меня опередил.

— Мне пора, — произнес мужчина, вставая. — Спасибо за чудесный прием. Айрин, ты не проводишь меня?

— Конечно, проводит. Дорогая, ну же, проводи дорогого гостя, — поторопила матушка, отрубая пути к возможному отступлению.

— Непременно.

Мы вышли на террасу.

— Не покажешь мне ваш сад? — произнес Питер.

Я бы садом это назвала с большой натяжкой — так, три куста да пара дорожек. Но отказаться не посмела. Он очень сильно выручил меня, когда поговорил с магами. А оставаться в долгу я не любила.

— Еще раз спасибо за помощь, — произнесла я, когда мы шли по дорожке к небольшой беседке.

— Рад помочь, ты же знаешь.

— Угу.

Ничего я не знала.

В последний раз, когда мы виделись пять лет назад, он был далеко не так приветлив и сад показать не просил.

— Ты очень изменилась, Айрин.

— Стала достойна столь великого героя? — не удержалась я от усмешки, быстро поднимаясь по ступенькам и легко касаясь одной из колонн.

Провела ладонью по дереву, наслаждаясь его гладкостью и обработкой.

От моего насмешливого взгляда Питер смутился. Он явно не ожидал от меня такого выпада. Конечно, обычно все девы при виде него млели, краснели и заикались.

— Я никогда не считал тебя недостойной.

— Родословная не позволяла? — уточнила у него.

Теперь я, не таясь, смотрела ему прямо в глаза и не смущалась. Странно, мне даже нравилась эта игра, разговор и некая власть, которая внезапно оказалась в моих руках.

— Чья? — вдруг спросил, принимая условия игры.

Питер стоял на нижней ступеньке и смотрел на меня снизу вверх, в уголке чувственных губ застыла улыбка.

— Твоя, моя, — отозвалась я, пожав плечами. — Племянница главы очень хороший вариант для жены. А ты был слишком вежлив, чтобы сказать мне в глаза, как я... не подхожу тебе.

— Ты подходила. Не зря же священники обручили нас в детстве. Да и магию мою ты приняла легко, не так ли?

Я отошла от колонны.

— Да, спасибо за помощь.

— Я никогда не считал, что ты мне не подходишь, — заметил Питер, поднимаясь по ступенькам. — Наверное, странно звучит, но я... я просто не знал, как вести себя с тобой. Тогда не знал и сейчас тоже.

Я бросила на него взгляд из-за плеча и фыркнула:

— Никогда не поверю, что ты не умеешь общаться с девушками.

— Ты не такая, как все, Айрин, и все так же ставишь меня в тупик, как и пять лет назад, — неожиданно признался мужчина, подходя еще ближе.

Так близко, что я чувствовала жар и сладкий запах его тела.

— Неужели.

— Дерзкая, непослушная, честная и открытая. Ты всегда смотришь в глаза и говоришь правду, какой бы горькой она ни была. Никаких ужимок, кокетства и флирта.

— О да, — я тихо рассмеялась, отступая на шаг. — Флиртовать я никогда не умела. Да и сейчас не научилась.

— Тебе и не надо... ты и так...

«Стоп! Все зашло слишком далеко!»

Я резко развернулась, натываясь на потяжелевший взгляд синих глаз, и четко произнесла:

— Мы больше не помолвлены, Питер. Не знаю, что ты подумал, особенно после этой сцены, устроенной матушкой, но напоминаю. Я — жена другого.

— Всем известно, что этот брак лишь фикция, Айрин.

— Но он есть. Ты же был тогда в часовне, я знаю, что был. Нет, я тебя не видела, я тогда мало что успела разглядеть, но мне точно известно, что был. Брак был заключен священником императора и принят богами. Этого не изменить.

— Он отказался от тебя, Айрин.

— Думаешь, меня это заботит? — улыбнулась я. — Отказался или нет, но союз есть. Я жена Коннора Хоторна.

— Почему же тогда ты вчера ему не открылась? Почему скрыла свое я?

— А почему ты мне помог? — вопросом на вопрос ответила я. — Ты же мог легко меня сдать ему, раскрыть правду, а вместо этого создал мне чужую личину? Почему?

— Потому что хочу помочь.

— Помочь? В чем?

— Кто обучал тебя этому? Глава?

— Сама по книжкам изучала. Дядя никогда бы не позволил мне заниматься прорывами, — отозвалась я, решив не говорить всей правды.

— Но он позволил дару развиваться, научил пользоваться пегасом. Интересно, для чего?

Я отвернулась, опираясь ладонями о деревянные перила.

— Если тебе так любопытно, то можешь у него спросить. Я ответов не дам, можешь не стараться.

Питер промолчал, и молчал довольно долго.

— Я хочу помочь.

— И чем же? — устало просила у него.

— Я могу научить тебя работать с прорывами. Не по учебникам, а на практике. Поверь, я знаю многое. Ты же хочешь этого, Айрин, не так ли?

Я медленно повернулась, опираясь бедром о террасу.

— А что взамен?

Питер улыбнулся.

— Почему я должен требовать что-то взамен?

— А почему бы и нет?

— Я просто хочу быть рядом.

Я нахмурилась.

— И что это значит?

— Ничего. Просто хочу быть рядом с тобой. Не знаю, что задумал глава и какая роль тебе отведена, но я буду рядом и готов помогать. А когда... когда все закончится, мы начнем с того, на чем остановились.

— И с чего это?

Питер за пару шагов сократил разделяющее нас расстояние до минимума, заставив меня взяться в перила и затаить дыхание.

— С нас...

Коннор Хоторн

— Вот такая работа мне по душе, — довольно щурясь, усмехнулся Дик.

Сероглазый молодой мужчина закинул руки за голову и с наслаждением вытянулся на узком лежаке, который слегка закрипел под его весом.

Сидящая на тонком покрывале в тени раскидистого дерева Мелисса картинно закатила глаза.

«Опять за свое», — читалось в ее взгляде.

Девушка хмыкнула и с наслаждением впилась зубами в сочный персик с розовым бочком. Сладкий сок брызнул и потек по губам и подбородку, оставляя липкий след.

Погода была отличная. Ясное голубое небо, легкий ветерок, приносящий прохладу с моря и невероятное ощущение покоя, от которого они так отвыкли.

Да, действительно, давно у них не было полноценного отпуска и возможности вот так просто полежать. Поэтому и настроение было отличное, и портить лишними препирательствами его не хотелось.

— Смотри не обгори, — заметил Рейн.

Рыжеволосый мужчина сел рядом с Мели, оперся спиной о ствол дерева, подав девушке глубокую прозрачную миску, в которой горкой лежали самые разные фрукты.

— А мне? — тут же вскинулся Дик и успел поймать персик, который в него бросила Мелисса. — Эй! Аккуратнее!

— Сам же просил, — отозвалась она, усаживаясь поудобнее.

В этот раз Мел сама надела платье. Правда, приличным его можно было назвать с большой натяжкой. Легкая ткань не скрывала сильного и стройного тела, выгодно обрисовывая его черты. Цвет платья — синий, непозволительно яркий для молодой незамужней женщины. Вырез слишком глубокий, а подол, наоборот, короткий, открывающий изящные щиколотки с узкими ступнями. И туфли она так и не надела, предпочитая ходить по траве босиком.

— Эх, хорошо-то как! В кои-то веки монстры выбрали удачное место для прорыва, — произнес сероглазый мужчина.

— Удачного места для прорыва не существует, — заметил Коннор.

Он сидел чуть дальше от остальных и слегка раскачивался на ножках стула.

Туда-сюда. И вертел в пальцах медную монетку, задумчиво смотря перед собой.

— Не придирайся. Ты понял, что я имел в виду, — совершенно не смутился Дик, потирая шрам на щеке. — Прорывы всегда будут. Но обычно устранять их приходится в самых неудобных местах. Вот, например, тот прорыв в Черных болотах.

— Ну началось, — стирая сок с губ, отозвалась Мел и отбросила косточку в сторону. — Дались тебе эти болота? Так и будешь каждый раз жаловаться и плакаться?

— Да, это были самые худшие дни в моей жизни. Постоянный дождь, грязь, мошкара эта проклятая. Целая неделя по самые яй... —

Дин запнулся, скосил глаза в сторону девушки и тут же поправился: — Уши. По самые уши в противной черной жиже.

— Да, комары тебя особо полюбили, — хихикнула Мел.

— Согласитесь же, кошмарное местечко.

— По мне, так самое худшее место для прорывов — это Бесконечные пески, — вдруг произнес Рейн, вмешавшись в их перепалку. — Солнце так пекло, что без магического полога работать у трещин было просто невозможно.

Для рыжего мужчины с бледной кожей это было особо опасно.

— Солнечные ожоги, — кивнула девушка. — Иногда и полог не помогал.

— Это да. Я ожоги неделю сводил, — согласился Дик. — А еще этот песок. Он был везде! В одежде, в волосах, в еде и напитках.

— Скрипел на зубах, — добавил рыжеволосый. — Витал в воздухе. Вдыхать горячий песок то еще удовольствие.

— Северные стойбища не лучше, — заметила Мел и передернула плечами, словно вновь ощутила ледяную стужу северных земель. — Морозы такие, что дышать больно. Снег, лед и несколько слоев шкур, которые никогда не снимаешь. Неделю не помыться. Просыпаешься оттого, что воротит от собственного запаха.

— Меня от твоего тоже воротило, — не удержался Дик.

— Кто бы говорил. От тебя даже яки шарахались.

— Зато тебя они сразу приняли за свою.

— А ты, Коннор? — спросил Рейн, который все это время внимательно наблюдал за другом. — Какое место больше всего запомнилось?

— Прорывы у Стомиска и на Широком плато, — почти сразу ответил он, перестав раскачиваться на стуле.

Веселое настроение тут же исчезло. Да и препираться больше не захотелось.

Они все помнили эти прорывы. Но не из-за погодных условий или тяжелых испытаний.

Во время них погибли их друзья.

Темные были сильны и хорошо защищены, но жертвы были. И в последнее время все чаще.

Дик неловко крикнул, бросив быстрый взгляд на друзей, и снова откинулся на лежак.

А вот Мелисса молчать не собиралась.

Девушка взяла гроздь темного винограда и оторвала одну ягоду, которую тут же отправила в рот.

— Что тебя тревожит?

Коннор промолчал, подбрасывая монетку вверх и ловя ее.

— Думаешь, новый прорыв? — не успокаивалась она.

— Дело не в прорывах, — наконец соизволил ответить Хоторн.

— А в чем? — насторожился Рейн.

— В Монрей.

— Ты про Пита? — поинтересовался Дин, приоткрыв один глаз.
— Чем этот герой тебе не угодил? Один из немногих светлых, которого можно вынести дольше десяти минут.

— Тот новичок. Было в нем что-то неправильное.

— Почему? — удивилась Мел. — Новички всегда от нас шарахаются. А ты еще прилетел верхом на Эфире. Тут кто угодно испугается.

— Дело не только в том, что он вел себя странно, да и техника защиты хромала... О Кае Монрей тут никто не слышал.

— Это как? — удивился Рейн, выпрямляясь.

Остальные тоже подались вперед, внимательно вслушиваясь в слова командира.

— А вот так. Его здесь не было и нет. Пробовал расспросить магов на крыше, но они ничего толком не сказали.

Друзья переглянулись.

— Не понимаю. Зачем Питеру скрывать какого-то мальчишку? — удивился Дик. — Что в нем такого?

— Хороший вопрос. И было бы неплохо получить на него ответ
Коннор поднялся.

— Ты куда? — встрепелась Мелисса.

— Пойду прогуляюсь.

— Я с тобой.

— Мел, я уже давно вышел из того возраста, чтобы иметь няньку,
— усмехнулся мужчина.

— Но...

Договаривать она не стала, ощутив ладонь у себя на плече. Рейн чуть сжал руку, словно предупреждая.

— Скоро буду, — бросил Коннор, быстро удаляясь из сада в сторону ворот.

Некоторое время было тихо.

— Мне надо было идти с ним, — резко произнесла Мелисса, дернув плечом.

— Не надо, — покачал головой Рейн, отодвигаясь.

— Коннор справится, — неожиданно серьезно произнес Дик, поддерживая друга. — А твое присутствие рядом лишь разозлит.

— Я его сестра.

— Младшая. И иногда ты как заноза в заднице, — усмехнулся сероглазый мужчина. — Честно говоря, очень даже часто. Крутишься вокруг него все время, шагу не даешь ступить.

— Тебя не спросила, — огрызнулась девушка и снова повернула голову в сторону калитки.

Коннор уже ушел.

— Все, что происходит сейчас, неправильно. И вы это тоже чувствуете. Эфир становится сильнее. Еще немного, и он подчинит его себе.

— Тебе стоит больше верить в своего брата, — заметил Рейн. — Если он смог приручить высшую тварь, то сможет и удержать ее. Мы все волнуемся, Мел, но перегибать палку тоже не стоит.

— Еще этот Монрей, — с досадой произнесла она, убирая короткие волосы с лица. — Я знала, что они что-то задумали. Уж слишком любезен был глава с нами.

— Угу, — согласился Дик, снова откидываясь на лежанку и убирая руки за голову. — Вопрос только в том, что именно они задумали...

Глава 7

Коннор Хоторн

У Коннора не было определенного плана или маршрута для прогулки. Что бы ни думали друзья или младшая сестра, но шел он именно гулять.

Да, желание совершенно не свойственное Темному. Но кто сказал, что они соблюдают правила?

Захотел — пошел.

А Коннор хотел. И дело было совсем не в Эфире, дремавшем у сердца. Темное создание после ликвидации прорыва словно уснуло и совершенно не подавало признаков жизни.

Выйдя за ворота, мужчина через пару сотен шагов свернул за угол на узенькую улочку. Здесь царили полумрак и неожиданная прохлада. Песочного цвета стены, украшенные зеленым мхом, тянулись вверх на шесть-семь метров, не давая солнечным лучам попасть сюда. А еще пахло сыростью и свежестью.

Он не был единственным, кто выбрал эту дорогу. Иногда ему встречались прохожие, но их было так мало, что они не стоили его внимания. Как и их реакция на темного.

Увидев фигуру Хоторна, они замирали на мгновение, потом жались как можно ближе к стене и спешили как можно быстрее разминуться с мрачным путником, от которого веяло тьмой.

Коннор привык к такой реакции и уже давно не обращал внимания на других.

Улочка еще раз свернула в сторону и вывела прямо на набережную, которая располагалась на небольшом холме.

Это было популярное и довольно красивое место.

Большие гранитные плиты серого цвета с черными и белыми прожилками под ногами. Десяток деревянных скамеек под раскидистыми деревьями, на которых цвели огромные розовые цветы. Красивые перила из белого камня. На них можно было облокотиться и смотреть на бесконечную бирюзовую гладь моря.

Коннор так и поступил, подошел к краю и провел ладонью по гладким перилам, не сводя взгляда с горизонта.

Дик прав: давно у них не было такого отдыха.

Эта незнакомка не сразу привлекла его внимание.

Коннор даже не понял, в какой момент оторвал взгляд от морской глади и перевел его вниз, где по границе между песком и тротуаром, неся в руках босоножки, не спеша шла девушка в широкой соломенной

шляпе. Лица не разглядеть, поля ее головного убора были слишком широкими.

Единственное, за что зацепился взгляд. — это округлая фигура, босые ступни, мелькающие сквозь разрез платья, и толстая темная коса.

Ничего особенного. Просто девушка, куда-то спешащая по своим делам. Таких здесь было много. Если бы не одно но.

Она была светлой.

Коннор сразу это понял, но вот осознал чуть позже.

Подумаешь, светлая. Скольких он встречал на своем пути. Ничего необычного. Тем более что городок был курортным. Разве что...

Хоторн вцепился в перила пальцами, не сводя напряженного взгляда с девичьей фигуры в синем легком платье и соломенной шляпке.

Монрей при возникновении прорыва первым делом увозили прочь женщин и детей. Слишком большую ценность они представляли.

Но эта девушка осталась здесь. Мало того, она гуляла одна, без сопровождения, что являлось нарушением всех правил и норм. Но незнакомка точно была одна. Да еще босиком.

— Кто ты такая? — едва слышно спросил Коннор.

Она не услышала. Не могла услышать.

Но темный готов был поклясться, что девушка замерла на мгновение, неловко повела плечом, словно хотела оглянуться.

Но так этого и не сделала и уже через секунду затерялась в толпе.

Хоторн мог ее найти.

Это ведь совсем несложно.

Призвать силу, растормошить Эфира и пустить его по следу.

Все это займет от силы пару минут.

Схватить за руку, заставив испуганно охнуть, развернуть к себе и заглянуть в лицо, рассмотреть глаза.

Интересно, какого они цвета?

Коннор мог все это сделать. И даже больше.

Вот только...

Зачем ему все это?

Просто светлая. Немного странная, но ведь это не повод, чтобы устроить скандал. Девчонка может пожаловаться. А это точно не улучшит отношения между двумя семьями.

Темный убрал руки с перил и отступил.

Постоял так пару секунд, развернулся и пошел прямо в противоположную сторону.

Так будет лучше.

Айрин

Этот день был замечательным. Нет, просто великолепным.

И дело было не только в прекрасной погоде. Хотя она действительно была прекрасной. Светило яркое солнышко, дул легкий бриз, приносящий солоноватый аромат моря, а в небольшом саду у нашего дома расцвели новые розы, наполняя мир яркими красками.

Еще одним несомненным и самым главным плюсом стала предстоящая встреча с Питером, который согласился стать моим новым наставником и советником.

От мысли о новых знаниях, ранее скрытых от меня, внутри будто бабочки порхали. А улыбка как появилась на губах, так больше не пропадала.

Мама сразу заметила мое состояние во время завтрака и, конечно же, расценила его по-своему.

— Значит, Питер пригласил тебя на прогулку? — осторожно спросила она, размешивая трубочкой кубики льда в бокале со сладким фруктовым напитком.

— Да, — кивнула я. — Ты против?

— Разумеется, нет. Думаю, это отличная идея.

Я несколько не сомневалась, что она так бы и сказала, но хотела уточнить. Также у меня был к матери еще один очень важный вопрос.

— Ты пойдешь со мной?

Правила требовали, чтобы любую особь женского пола из рода Монрей, достигшую тринадцати лет, во время прогулки обязательно

сопровождал один из старших родственников. Именно согласно этим правилам матушка обязана была пойти со мной.

Но это бы точно помешало тщательным матримониальным планам. А этого она допустить никак не могла.

— Ох, милая, — тяжело вздохнула матушка, прижимая ладонь ко лбу и закатывая глаза. — Я бы так хотела, но не могу. У меня страшная мигрень. Так болит голова...

Снова тяжелый вздох.

«Ну конечно, так я и поверила».

— Неужели? Тогда мне лучше остаться с тобой, — тут же заявила я, решив немного поиграть на ее нервах.

Матушка кашлянула, захлопала ресницами, смешно вытаращив глаза, и неуверенно произнесла, пытаясь понять, как бы выкрутиться.

— Спасибо, дорогая, но ты не должна страдать из-за меня. Я побуду дома одна, а ты развеешься.

— Тыпустишь меня одну? — уточнила я.

— А почему бы и нет? До дома Питера всего десять минут быстрым шагом. Уверена, все будет хорошо.

— Спасибо за доверие, матушка.

Я спрятала улыбку за чашкой с холодным чаем.

«Все идет просто замечательно».

Выйдя на улицу я решила пойти длинным путем вдоль побережья. И все было просто прекрасно.

До того самого момента, пока я не почувствовала на себе чей-то пристальный и даже жесткий взгляд.

Это было схоже с ударом в спину. Также неприятно и неожиданно.

На ногах я удержалась и даже не споткнулась, но на мгновение замерла, раздумывая над тем, стоит ли мне обернуться или нет.

Нет.

Не стану!

Кто бы это ни был, но оборачиваться не буду!

Не хочу!

Расправив плечи, я вскинула подбородок и продолжила путь, быстро затерявшись в толпе.

Прошло всего несколько секунд, и неприятное ощущение пропало. А еще через две минуты я уже забыла обо всем.

Впереди был первый урок с Питером.

— Ты задержалась, — заметил мужчина, когда я появилась на пороге его дома, и смерил меня внимательным взглядом.

От макушки до босых ног. Туфельки, которые я сняла еще на побережье, мечтая пройтись по горячему песку, так и остались у меня в руке.

— Ты же не станешь читать мне лекцию, — заметила я, делая шаг вперед.

Питер тут же посторонился и закрыл за мной калитку.

— А где твоя Есения?

— Осталась дома, — осматриваясь, ответила ему.

Дом у Питера был значительно меньше нашего, всего один этаж, зато садик был больше и гуще. Множество деревьев, кустарников и узкие тропинки, мощенные красивой разноцветной плиткой.

— Ты что, шла сюда одна?

— Да. С дозволения матушки. Уж если она разрешила, то тебе волноваться точно не стоит, — обувая туфельки, сказала я и выпрямилась, смахнув непослушный локон с лица. — А у тебя здесь красиво.

Разговор перевести не удалось.

— Айрин, крайне безответственно было с твоей стороны идти сюда одной, — продолжил нравоучения мужчина. — Ты хоть понимаешь, что было бы, если бы тебя узнали?

— Так и быть, назад можешь меня проводить сам. Уверена, матушка будет в восторге.

Я подошла к ближайшему кусту и коснулась упругого белого бутона, вдыхая сладкий аромат цветка.

— Не понимаю, почему Есения отпустила тебя одну.

— Не хотела нам мешать.

Секундная пауза.

— Она знает о наших уроках?

Я все-таки обернулась, смерив его насмешливым взглядом.

— Неужели ты думаешь, что я рассказала бы матери об этом? Нет, я, конечно, очень ее люблю, но в некоторых случаях ей лучше не знать всей правды. Нет, у матушки свои планы на наш счет.

— Какие планы? — нахмурился Питер.

Или он действительно не знал, либо играл свою роль.

— Матушка решила, что мы с тобой отлично подходим друг другу, — пояснила я, внимательно за ним наблюдая. — И да, то, что я замужем, совершенно ее не волнует. В этом вы, кстати, очень похожи.

— Тебя это злит?

Я пожала плечами.

— Нет.

— Со мной ты была более категорична. Не позволяла даже думать о таком, — заметил Питер, делая шаг вперед.

— Сейчас мне это на руку. Пока матушка считает что нас с тобой связывают романтические отношения, и отпускает сюда, я буду молчать.

— Значит, все ради занятий.

— Да. И ты сам на это согласился, — напомнила ему. — Итак, если ты закончил обсуждать мою мать, то нам стоит перейти к делу.

— Ты права. Пошли.

Отошли мы недалеко.

Всего на десяток метров.

Там в тени высоких деревьев располагалась небольшая площадка.

— Готова? — спросил Питер и принялся расстегивать пуговицы своей рубашки.

И делал он это так быстро, что я не успела даже глазом моргнуть, как мужчина оказался обнажен по пояс.

— Кхм, — пробормотала, пытаюсь прочистить голос.

— Что-то не так? — невинно уточнил Питер, играя мускулатурой.

Но я по глазам видела, что он со мной играет.

Не знаю, что мой бывший жених задумал, но издеваться над собой не позволю.

— Нет. Но надеюсь, ты не думаешь, что я тоже буду раздеваться.

— Оставлю на твое усмотрение. Я просто не люблю, когда что-либо стесняет движения.

И ручками замахал, давая мне возможность насладиться совершенным телом с литыми мускулами, которые красиво ходили под бронзовой кожей.

Я видела полуобнаженных мужчин. Несмотря на все попытки дяди оградить меня от этого, подобные проколы случались. Ведь я

была единственной девушкой на полигоне. И подобные вещи меня раньше совершенно не волновали.

Но сейчас Питер заставил смутиться. Да и щеки загорелись. Скорее всего, я была красной как рак.

— Разминка — это хорошо.

Я тут же принялась энергично приседать и размахивать руками.

Пусть думает, что я так покраснелась от физической нагрузки.

— Достаточно, Айрин. Теперь показывай, что ты умеешь.

— Что именно ты хочешь увидеть? — уточнила у него.

Пусть не думает что я такая дурочка наивная, которая только два заклинания знает и три движения помнит.

— Глава должен был учить тебя основам, не так ли?

Я промолчала. Лишь выразительно на него глянула, давая понять, что данной темы мы касаться не будем.

— Но, судя по тому, что я видел во время прорыва, работе с трещинами ты не обучалась.

— Я много читала и занималась.

— Одна?

— Одна.

Вот тут я ни капли не солгала. Дядя бы за такое своеволие по головке точно не погладил.

— Тогда начнем. Вставай в позицию три...

Следующий час пролетел незаметно.

Питер мало объяснял и почти ничего не показывал. Сегодняшнее занятие он решил посвятить моим знаниям. Хотел разобраться, что я умею.

Конечно, мне было обидно. Я жаждала новых знаний, развития навыков, разгадку тайн, которые были скрыты столько времени. Но приходилось молчать и выполнять приказы.

Хотя и это далось нелегко.

Всего несколько дней отдыха и отсутствия тренировок — и тело непривычно ныло от нагрузок. Дыхание быстро стало частым и тяжелым. А пот застилал глаза. Даже тень не спасала от жары.

Питер оказался таким же требовательным учителем, как и дядя. Он не давал мне возможности отдохнуть и лишь изредка позволял глотнуть воды. И снова сначала.

— Плохо, — вынес свой вердикт мужчина, когда я не удержала равновесие, стоя на одной ноге, пытаясь нарисовать руками два совершенно разных знака, рухнула на бок и тихо застонала.

Мне хотелось встать, подойти к своему мучителю и стукнуть его.

И дело было не столько в мучениях, сколько в его не самой лестной оценке.

Ничего не плохо!

— Ты слишком придираешься, — мрачно заметила я, продолжая сидеть в центре площадки.

— Ты сама хотела учиться. И чтобы я относился к тебе как к равной и не делал поправку на твой пол, возраст и наше общее прошлое.

— Такое ощущение, что ты специально пытаешься вывести меня из себя, чтобы я сбежала и отказалась от этой затеи.

— После того, что я видел у трещины, сомневаюсь, что ты так сделаешь. Ты очень упряма, Айрин.

— Мне все об этом говорят.

Я осторожно поднялась и попыталась отряхнуть подол платья от пыли.

— Даже не сомневался, — рассмеялся Питер, отчего в уголках глаз появились мелкие морщинки. — Давай немного передохнем. Не хочу потом оправдываться перед твоей матерью за твой растрепанный внешний вид.

— Ей достаточно того, что мы проводим время вместе, — заметила я, подходя к краю площадки, где стоял кувшин с водой.

— Значит, мы с ней союзники в вопросах нашего с тобой будущего.

Я лишь фыркнула и сделала глоток.

— Как ты смотришь на то, чтобы сделать перерыв и сходить куда-нибудь вместе? — приблизившись, спросил Питер, не забыв подхватить по пути рубашку, которую уже накинул на плечи.

Я уже перестала реагировать на его тело, но все равно была рада, что мужчина прикрылся.

— Куда, например?

— Не знаю. В летнее кафе. Оно совсем недалеко. Там делают невероятно вкусный и освежающий фруктовый лед. Ты пробовала?

— Разумеется. Мы здесь уже почти неделю отдыхаем.

— Мы могли бы посидеть за столиком у моря и попить сладкой воды с пирожным? Поговорить.

Предложение было очень заманчивым.

Вот только... нельзя нам сближаться. Одно дело тренировка, а совсем другое кафе и пирожные. Это же почти свидание, которого я позволить не могла.

— Может быть, в другой раз.

Я поставила стакан на столик и решительно направилась в центр площадки.

— Мы еще здесь не закончили. Как, ты сказал, это делается?

Смахнув пот со лба, я вновь встала на одну ногу, глубоко вздохнула и...

— Что здесь происходит?

Этот голос я бы узнала из тысячи других.

Сколько раз он преследовал меня в кошмарах, заставляя просыпаться с колотящимся от ужаса сердцем.

Вздрогнув, я опустила ногу и медленно повернула голову, все еще надеясь, что у меня галлюцинации от жары и усталости.

Но нет, вот он во плоти.

Рядом с площадкой стоял Коннор Хоторн и внимательно за нами наблюдал.

— Я задал вопрос, Монрей. Что вы здесь делаете?

Я тяжело сглотнула, боясь даже пошевелиться.

Хотя не уверена, что смогла бы. Все тело сковало таким ужасом, что я даже дышала через раз.

Не такой должна была быть наша встреча. Совсем не такой!

— Хоторн? Как ты здесь оказался?

Питер быстро направился ко мне, словно хотел защитить, спрятать.

Но было уже поздно.

Ничего уже не исправить!

Взор черных глаз остановился на мне и стал еще более пронзительным.

А дальше... дальше все стало еще хуже.

— Я тебя узнал, — тихо, но четко произнес мой муж.

Глава 8

Айрин

Наверное, развернись сейчас над нашими головами бездна, разорвав защитный купол в хлопья, я бы все равно сильнее не испугалась.

Слова Хоторна, его взгляд...

Все это заставило меня окаменеть от ужаса. Я даже дышать не могла, открывая и закрывая рот как рыба, выброшенная на берег.

— Это не то, что ты думаешь!

Питер оказался рядом, закрывая меня собой и крепко беря за руку.

Наверное, я действительно заледенела, потому что его ладонь показалась сейчас обжигающе горячей. Но даже она не могла согреть меня, растопить этот леденящий холод, сковавший все нутро.

Боги, что же я натворила! Своей глупостью, безответственностью разрушила все! Дядя меня убьет! И не только дядя! И такого никто не простит. Ни мне, ни родителям и братьям. Я уничтожила и их судьбу тоже.

Нет, нельзя здесь оставаться! Нельзя!

Бежать! Бежать как можно дальше. От этого мужчины со взглядом, от которого внутри все переворачивается. От себя... и этих непонятных чувств, всколыхнувшихся против воли.

Не держи меня Питер, я бы точно сорвалась с места и бросилась бежать прямо сейчас.

— Неужели? — насмешливо поинтересовался Хоторн, и от его хриплых ноток я вздрогнула всем телом и до крови закусил губу. — А мне так не кажется. Не надо этой лжи, Монрей. Я узнал ее.

Интересно, как? Я была уверена, что Коннор Хоторн сразу же забыл ту толстую девчонку, которая стояла с ним у алтаря четыре с половиной года назад.

Оказывается, что нет. Он меня помнил.

Меня!

Эта мысль оказалась неожиданно приятной.

А может, я ему не так безразлична, как казалось.

— Кай Монрей, — продолжил мой муж.

«Кай? При чем тут мой старший брат?»

— Не притворяйся. Я знаю, что это ты. Тот парнишка у трещины, которого ты, Питер, так поспешно отослал прочь. Теперь понятно, что ты так отчаянно пытался скрыть ото всех.

Сердце замерло на мгновение и забилось снова, разгоняя едкое разочарование по венам и сосудам.

А я еще сильнее закусил губу, чувствуя солоноватый привкус во рту. Слово он мог перебить эту горечь.

Узнал.

Но не так, как я себе сейчас нафантазировала.

— Ты перегрелся, Хоторн, — презрительно фыркнул Питер, продолжая сжимать мою руку. — При чем тут Кай?

Но поздно. Играть больше не было смысла.

— Как вы меня узнали?

Я освободилась из захвата Питера и отступила в сторону, встречаясь взглядом с черными глазами.

На мгновение снова стало трудно дышать.

Словно Коннор Хоторн затянул меня в свою тьму, которая была его спутником столько лет.

— Ай... — Бывший жених вовремя запнулся, закашлялся и назвал меня по-другому: — Рин, не смей!

Рин Монрей. Именно под этим именем я жила в Заморске. Рин и Амелия Монрей. Хотя здесь все сходится.

— Смысла скрывать нет, Питер. Господин Хоторн узнал меня. Не так ли?

— Так. Все никак не мог понять, что смущало меня в шуплом мальчишке с сильным, но плохо развитым даром. Для этого и пришел сюда, хотел поговорить и наткнулся на вас. Как давно ты ее тренируешь?

Вопрос был адресован не мне, но молчать я не собиралась.

Сделав еще один шаг вперед, быстро спросила:

— А вам какое дело? Собираетесь нас сдать?

Невероятная смелость, граничащая с безумством.

Матушка бы давно в обморок грохнулась, кухни разрыдались. А я осмелилась не только стоять, но еще и бросать вызов сильнейшему из темных, упрямо глядя в глаза.

Дурочка. Он же все равно узнает правду. Узнает что я его жена. И тогда... Боже даже страшно подумать, что будет потом.

Беглая улыбка на губах, которая не затронула холод бездонных темных глаз, но сердце все равно пропустило удар.

— Надо же... Не думал, что когда-нибудь встречу девушку Монрей, которая умеет разговаривать, а не пищать от страха и ужаса при виде темного. Кто ты такая?

— Рин, тебе лучше вернуться в дом.

Питер схватил меня за руку и слегка потянул в сторону.

Но я понимала, что не могу сейчас уйти.

— Я останусь здесь, — упрямо произнесла в ответ.

— Рин.

— У тебя же нет сестры, Питер, — продолжил рассуждать вслух Хоторн, чуть склонив голову набок.

— Есть. У меня есть сестра.

— Но это не она. Вы не похожи.

— И что?

— И относишься ты к ней не так как к сестре. Поверь, я знаю. У меня есть младшая сестра.

Питер промолчал.

— Тогда кто эта Рин? Соседка? Нет. Она слишком дорога тебе. Это видно. Это не просто дружба. Может?..

— Невеста, — резко оборвал его Питер, а я едва не застонала от ужаса. — Рин моя невеста!

Такого я точно не ожидала.

«Боги, что мы творим? Все больше погружаемся во вранье, из которого нет выхода! Ладно я, но Питер! О чем думает он? Зачем говорит такое?»

— Ты прав, Хоторн. Рин не просто соседка или знакомая. Она девушка, которая обещана мне богами и одобрена священниками. Моя невеста! Невеста, которую я, вопреки всем законам, тренирую, позволяя дару развиваться. Теперь ты доволен?

— Невеста, значит, — глухо повторил мой муж.

Тьма в его глазах словно стала гуще и темнее...

Я отшатнулась, готовясь к худшему.

Секунда, вторая, третья.

И ничего не происходило.

Что бы ни вызывало такую резкую реакцию у Хоторна, он сумел совладать с собой, не давая монстру вырваться.

Тьма постепенно рассеялась, а черты лица мужчины расслабились. Он даже позволил себе легкую, немного издевательскую улыбку.

— Глава знает?

— Нет. Хочешь ему рассказать? — спокойно спросил Питер, глядя ему прямо в глаза.

Несколько секунд они так и простояли. Не двигаясь и смотря друг другу в глаза. Словно вели незримый бой, сути которого я понять не могла, поэтому просто молчала.

— Как же вам удалось так долго скрывать ваши... уроки? — вдруг спросил Хоторн. — Это ведь продолжается давно. Хотя ее знания не полные, но заметно, как долго ты над ней работал.

— Несколько лет. Да, обучение дается тяжело, я часто бываю в разъездах. Но мы стараемся.

Темный кивнул, снова перевел на меня взгляд и неожиданно заявил:

— Ты знаешь, а я даже рад, что ты на это решился, Монрей.

— Почему? — спросил Питер, и напряжение из его голоса исчезло.

А я позволила себе немного расслабиться.

— Финису давно пора принять перемены и заворочить то болото, в котором погрязла ваша семья.

— Вы ничего не знаете о нашей семье, — выдохнула я, делая крохотный шаг вперед, и снова застыла, пронзенная его взглядом.

— Я знаю достаточно, чтобы понять это. И вы тоже понимаете. Пусть и боитесь в этом признаться.

Хоторн перестал меня мучить и взглянул на Питера.

— То, что ты начал тренировать девчонку, говорит о переменах.

— Ты расскажешь ему?

Снова мимолетная улыбка на губах, которая появилась и сразу же исчезла.

— Не думаю, что Финне станет меня слушать. А даже если бы и стал... Нет. Рассказывать ему я не буду. Пока не вижу смысла.

— Но? Что ты хочешь получить за молчание?

— Я хочу присутствовать на ваших занятиях.

— Зачем? — снова не удержалась я.

Темный лишь повел плечами.

— Считайте это моей прихотью.

— Хорошо, — произнес Питер. — Но не сегодня. Рин очень устала, к тому же ей уже пора возвращаться. Приходи завтра. В это же время.

— Приду, — кивнул Хоторн.

После ухода темного мы еще около минуты просто стояли и молчали.

Гнетущую тишину разрушил мой едва слышный стон.

— Боги, что мы натворили, — выдохнула я, опускаясь на землю.

— Айрин...

Питер опустился рядом и попытался обнять меня за плечи.

— Не надо!

Я отстранилась и подняла голову вверх, пытаюсь собраться с мыслями.

— Айрин...

— Дядя меня убьет. Нас убьет.

— Мы все решим.

— Решим? — Я громко расхохоталась. — Серьезно? Питер, мы ничего не решим и не исправим! То, что мы натворили...

— Другого выхода не было.

— Был! Выход был! И ты это прекрасно знаешь!

— И что ты предлагаешь? Надо было сказать ему, что ты его жена? И глава несколько лет тренирует тебя втайне от всех, лепя идеального убийцу? Его убийцу. Знакомься, Хоторн, это твоя жена, которая хочет тебя убить! Так, что ли?

— Можно было хотя бы не говорить, что я твоя невеста.

— Ты моя невеста! — упрямо повторил Питер, глядя на меня со странной злостью, от которой внутри все перевернулось.

Гнев ушел так же быстро, как и появился.

— Бывшая, — тихо ответила я. — Я твоя бывшая невеста.

— Из-за него. Из-за Хоторна. И приказа императора. Если бы не они...

Ох, как же мне это надоело!

— Если бы не они, я бы осталась той толстой, неповоротливой девчонкой, которая бесила всех своим присутствием и отказом подчиняться правилам! Если бы не они, то ты так и не обратил бы на меня внимание.

— Неправда!

— Правда! Да, ты бы подчинился воле родителей и женился на мне... но это не то. Скажи честно, не изменись я сейчас, останься той прежней Айрин, ты бы относился ко мне так же?

— Да, — уверенно произнес мужчина.

Но я покачала головой.

— Это не так.

— Айрин!

— Это все бессмысленно, все эти разговоры...Это конец. Понимаешь, Питер? Конец всему. Столько лет сил и труда.

— Успокойся! Мы что-нибудь придумаем.

— Что мы придумаем? Что?

Я пристально вглядывалась в его лицо, словно хотела найти ответ. И не могла.

— Когда через полгода я предстану перед Хоторном, то кого темный увидит? Свою жену или чужую невесту? Как я объясню ему тренировки и этот разговор?

От всего этого страшно заболела голова и заломило виски.

— Все будет хорошо, Айрин. Я все исправлю, — продолжал уверять меня Питер.

— Не получится.

Тяжело поднявшись с земли, я медленно двинулась в сторону выхода.

— Куда ты?

Питер подскочил следом.

— Домой. Надо все обдумать.

— Я провожу тебя.

— Не стоит. Спасибо за предложение, но сейчас мне лучше побыть одной, — покачала я головой.

— Айрин!

Он быстро оказался рядом и взял за руки.

— Я с тобой. Слышишь? В любом случае в этом есть и моя вина. Я должен был обеспечить безопасность, выбрать для тренировок другое место. Поставить охрану.

Голова разболелась еще сильнее. Плюс во рту появился неприятный привкус, от которого слегка замутило.

— Пожалуйста, Питер. — Я покачала головой. — Не надо винить себя. Это я... Если бы я просидела в подвале. Если бы не ринулась к трещине... Мама же просила. Это я выдала себя. Мне и отвечать.

— Не смей так говорить. Ты спасла столько жизней. Если бы не ты, еще неизвестно, чем бы закончился прорыв. Я горжусь тобой, Айрин.

— Спасибо, — слабо улыбнулась я в ответ и отстранилась. — Я пойду...

— Хорошо. Только пообещай, что о произошедшем никому не скажешь.

— Ладно.

Бегом домой, быстрее. Не останавливаться, не отдыхать.

Мне надо было спрятаться под крышей дома, ощутить себя в безопасности, поверить хотя бы на секунду, что опасности нет.

Жаль только, что это невозможно.

— Айрин, дорогая, ты уже вернулась?

Матушка встречала меня на крыльце.

Румяная, счастливая, со сверкающими глазами. Она совершенно забыла про мигрень и плохое самочувствие.

— Вернулась, — отозвалась я, стараясь при этом выглядеть безмятежной и счастливой.

Получалось не очень хорошо.

Организм начал отходить от шока, связанного с появлением Хоторна. И меня слегка потряхивало.

Пришлось убрать руки за спину, чтобы они не выдали моего волнения.

Не вышло.

— Что-то случилось?

Улыбка сползла с лица матушки, и она нахмурилась.

— Нет, все хорошо. — Я улыбнулась еще шире, всем своим видом стараясь показать, что все отлично. — Как твое самочувствие?

— Мое? — переспросила родительница.

— Да, ты же жаловалась, — напонила ей, мысленно радуясь, что удалось перевести тему и слегка сбить с мысли родительницу. — Тебе стало хуже? И почему ты не отдыхаешь?

— Я отдохнула. Все хорошо. Но вот твое настроение мне не нравится. И внешний вид тоже.

Матушка осмотрела меня придирчивым взглядом, подмечая некрасивые складки ткани и пыль, которую я забыла стряхнуть.

— Айрин? Чем вы занимались?!

Судя по побледневшему лицу, она подумала о чем-то не совсем приличном.

Нет, тренировку сложно назвать приличным занятием для девушки, но, кажется, было что-то еще хуже.

— Гуляли, — поспешно заявила я. — Питер показывал мне город.

— Гуляли? Где? Вдвоем?

— Мам, ты чего так шумишь? Да, мы гуляли. Ты же сама меня отпустила.

Я поднялась по ступенькам и подошла ближе.

— Но я думала, что вы проведете время дома: посидите, поговорите, вспомните прошлое, обсудите будущее. Или сходите в кафе — полакомиться фруктовым льдом.

— Мы разговаривали, бродили по пляжу, смотрели на волны. Обсуждали будущее и ели лед. Все, как ты планировала...

— Я ничего не планировала! — тут же перебила меня матушка и принялась обмахиваться веером.

Хорошо хоть, цвет лица вернулся к нормальному.

— Давай не будем спорить. Я не маленькая и знаю, чего ты добиваешься.

— Я лишь забочусь о твоём будущем.

— Ну конечно. Как же всех стало волновать моё будущее.

— Что? Питер что-то тебе сказал? Обидел?

— Нет, мама, Питер меня не обидел и не сказал ничего неприятного. Все было отлично. Мы гуляли по набережной, а ты же знаешь, как там пыльно, отсюда грязь. А юбка измялась, потому что мы сидели на камнях у берега и кормили чаек.

— Чаек?

Наверное, надо было выбрать птичек поромантичнее. Чайки со своими жуткими воплями мало подходили на эту роль.

— Да.

— Как мило. — Она всплеснула руками и прижала их к груди. — Я так рада, что вы с Питером нашли общий язык.

— Мы его и не теряли, — буркнула я, направляясь в дом.

Навстречу тут же выскочила молоденькая служанка.

— Подготовь мне ванну и чистую одежду, — велела я.

Девушка кивнула и тут же удалилась.

— Айрин, подожди. — Матушка быстро вошла следом. — Но тебя не было всего пару часов. Когда вы все успели?

— Как-то успели, — отмахнулась я, подходя к графину с водой и наливая ее в стакан. — Поэтому я страшно устала, хочу принять ванну и отдохнуть. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты что-то от меня скрываешь, Айрин.

Родительница встала у меня за спиной, прожигая взглядом меж лопаток.

Совсем как дядя. М-да, они больше похожи, чем я думала.

— Прорывов больше не было, если ты об этом, — промочив горло, отозвалась я и сделала еще глоток.

— Питер точно тебя не обидел? Он, конечно, хороший молодой человек, и я знаю, что он не способен, но все-таки...

— Мам. — Я повернулась к ней. — Все хорошо. Я просто устала. И все. Так что перестань переживать и накручивать себя. А то вновь заболит голова.

Подойдя к матушке, я чмокнула ее в щеку и обняла, шепнув:

— Понимаю, ты волнуешься. Но совершенно зря.

— Ты же мне скажешь, если что-то случится? — отстранившись, произнесла матушка, заглядывая мне в глаза.

— Обязательно, — легко солгала я.

Лгать и хитрить я всегда умела. Но сейчас эта ложь была во благо. Не стоит ей знать про Хоторна. Не сейчас.

Я долго нежилась в ванне, периодически добавляя горячей воды. Мышцы приятно ныли после тренировки, но расслабиться все не получалось.

Стоило закрыть глаза, как я видела его.

Моего мужа.

Худощавое лицо. Резкие черты лица. Глаза — словно сама ночь. Жесткий взгляд, от которого внутри до сих пор все переворачивалось, а сердце подкатывало к горлу.

Я уже и забыла, что он такой... грозный, недостижимый...

Чужой!

Плеснув воду в лицо, я попыталась успокоиться.

Нет, не такой планировалась наша новая встреча.

А я к ней готовилась. С первого дня после свадьбы. Все тщательно продумала. Каждый взгляд, каждый жест.

И платье подобрала. Красивое. Из голубого шелка, украшенного красивой вышивкой и тончайшим кружевом. Такое, чтобы подчеркнуло каждый изгиб изменившегося тела, лишённого лишнего жира.

Волосы красиво уложила бы на голове короной, а часть прядей легла бы на обнажённое плечо.

Я бы ждала его у окна. Именно у окна, чтобы свет заходящего солнца красиво обрисовал мою фигуру, давая Хоторну возможность все хорошенько рассмотреть.

Он стремительно вошёл бы и застыл на пороге. А я... а я бы медленно повернулась, глянув на него с превосходством. Чтобы пожалел о тех словах, что сказал после венчания.

А что вышло?

Я нырнула с головой в остывшую воду и тут же вынырнула, тяжело дыша.

А вышло, что я была грязная, потная, лохматая. Представилась фальшивым именем и объявила себя чужой невестой. Мало того, занималась запрещённым колдовством.

М-да, но кое-чего добиться удалось. Хоторн явно был удивлён.

— Дядя меня убьёт, — прошептала я уже в сотый раз.

От всех этих потрясений к вечеру разболелась голова. И я нашла отличный повод не спускаться к ужину, несмотря на уговоры, просьбу и даже шантаж матушки.

— Айрин, но здесь Питер! Ты не можешь так поступить! — заявила матушка, ворвавшись в мою комнату.

— Ох, слишком громко!

— Что с тобой?

У матушки хватило совести поинтересоваться моим самочувствием.

— Я плохо себя чувствую, — совершенно искренне простонала я, прижимая пальцы к ноющим вискам.

— Это некрасиво. Ты обязана...

— Не обязана. Я Питера не приглашала.

— Но он ждет.

«Уф, опять она голос повысила. А у меня в голове будто колокола затрезвонили. Все разом».

— Скажите ему правду. Уверена, Питер поймет.

«Тем более что прекрасно знает причину плохого самочувствия! Зачем он вообще явился? Я же просила оставить меня одну и дать собраться с мыслями!»

— Нет, ты что-то от меня скрываешь!

Матушка села на кровать и схватила меня за руку.

— Питер сделал что-то... неприличное?

— Мам, ну сколько раз повторять? Все хорошо. Я просто устала. Да и после прорыва еще не пришла в себя. И только.

— Точно?

— Точно-точно, — отозвалась я, стараясь лишний раз не двигаться, чтобы не вызвать новый приступ боли.

— Хорошо. Я извинюсь перед Питером за тебя.

Матушка так выразительно на меня глянула, будто я совершила страшное преступление, за которое ей теперь придется расплачиваться.

— Спасибо.

— Приказать принести тебе ужин сюда?

— О нет, — скривилась я. — Не хочется пока. Попроси слуг принести лекарство.

— Хорошо, отдыхай, дорогая.

Она ушла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Выпив целебную настойку, я укуталась в одеяло и вскоре уснула.

Айрин

Благодаря тому, что легла рано, я проснулась на рассвете. Настойка действительно помогла: от боли не осталось и следа.

Сладко потянувшись, я умылась, переоделась и выскользнула из дома.

Тишина.

Можно спокойно уйти из дома, и никто не заметит. Матушка раньше обеда точно не встанет и не хватится. Значит, можно сделать то, о чем давно мечтала.

Я вернулась в спальню, схватила сумку и быстро сложила туда купальные принадлежности, взяла из ванной комнаты большой махровое полотенце.

Затем спустилась вниз и тут же наткнулась на повариху.

— Доброго утречка, госпожа, — произнесла она, сжимая в руке поварешку, словно грозное оружие.

Может, так оно и было. После того, как произошел прорыв, приходится все время быть настороже.

— Доброе. Можно мне яблок и пирожки вчерашние?

— Ох, — спохватилась кухарка, вспомнив о своих обязанностях, — вы же не ужинали вчера. Давайте я вам завтрак приготовлю. Яичек пожарю, каши сварю с маслицем топленым.

— Некогда. Я спешу на пляж.

Я сама схватила с большой тарелки пару яблок, тут же бросила их в сумку и потянулась к пирожкам, которые лежали на тарелке, укрытые тонкой салфеткой.

— В такую рань?

— Зато вода теплая и нет никого.

— Я конюха кликну, пусть проводит. Нельзя вам, госпожа, одной по городу ходить. Солнце только встает, мало ли какие разбойники по пути попадутся.

— Они уже спят давно, — рассмеялась я. — Ничего, я могу за себя постоять.

Повариха еще долго сопротивлялась, пытаясь меня переубедить, но потом сдалась.

К яблокам и пирожкам она добавила еще бутерброды с запеченными на гриле овощами и ароматной бужениной да небольшую бутылку с прохладным лимонадом.

— Спасибо.

Я бежала по узким улочкам, наслаждаясь прохладой раннего утра. И путь мой был не совсем на пляж.

Нет, я хотела найти тот самый грот, о котором совсем недавно шептались служанки. Грот с каменистым дном и теплой водой, скрытый от всех любопытных.

Я вышла на окраину городка уже через полчаса. Свернула к скалам, которые нависали над морем, и двинулась дальше по узенькой тропинке, которая вела все дальше и дальше. Мимо небольших домиков с обширными дворами к морю.

Мычание коров, кудахтанье куриц — все это было так знакомо с детства, когда мы жили всей дружной семьей. До того, как меня отдали замуж.

Я хорошо помнила вкус парного молока, которым меня поили слуги, когда я прибежала к ним на рассвете. Теплоту свежих куриных яиц, которые мы вместе с дворовыми детьми собирали в большую плетеную корзину, пока мама с отцом не видели.

Да, у меня было по-настоящему беззаботное и счастливое детство. Даже не думала, что так скучала по нему все эти годы.

Выйдя на край обрыва, я застыла на мгновение, любуясь открывшимся видом и подставляя лицо соленому ветру.

Ох, хорошо-то как.

Тропинка вела вниз.

Спуск был опасным и тяжелым.

Я продвигалась медленно, то и дело цепляясь за жесткие кусты, которые каким-то чудом выросли на песчанике, и большие камни, выступающие то тут, то там.

Оказавшись у берега, я придирчиво осмотрела огромную отвесную белую скалу, уходящую прямо в море. Волны с шумом разбивались о нее, разлетаясь сотней тысяч крохотных брызг.

Красиво как.

Я снова глубоко вздохнула, перехватывая сумку поудобнее.

Где-то здесь должен быть вход в грот.

Проблема в том, что пока его видно не было.

Подходя ближе, я пристально всматривалась в скалу.

— Ну же. Он должен быть где-то здесь, этот вход. Я не могла ошибиться. Служанки говорили именно про это место.

Ходить по камням было совсем неудобно. Подошва то и дело соскальзывала, и я была вынуждена притормозить.

А потом я увидела тень, которая странно падала и несколько отличалась от остальных. Это придало мне сил.

Подойдя ближе, я смогла рассмотреть узкую черную щель, которая и оказалась входом в грот.

Идти по проходу было сложно. Узкий и темный. Сверху, по бокам — везде был камень. Это ощущение каменной ловушки сильно давило, усиливая панику.

Страшно захотелось вернуться домой.

Подумаешь, грот. Он не стоит таких усилий.

Прогнав трусливые мысли, я ускорила и продолжала протискиваться вперед.

Постепенно глаза привыкли к сумраку, и двигаться стало немного легче.

Еще десяток шагов, и я зажмурилась от яркого солнца, которое, отражаясь от бирюзовой глади моря, освещало все вокруг.

Еще шаг — и я очутилась в пещере с высокими сводами. Под ногами мелкая разноцветная галька, а впереди море и такая прозрачная вода, что можно рассмотреть дно.

— Как же красиво, — прошептала я, бросая сумку с вещами под ноги и стремясь к воде.

Стянула сначала одну туфельку, потом другую и вошла в воду, чувствуя, как галька приятно щекочет стопы.

Теплая. Насколько это было возможно.

Недолго думая, я развернулась и сняла с себя платье, оставшись в одной сорочке, и с размаху нырнула в воду.

Выплыла и снова нырнула, погружаясь с головой.

Темную тень я заметила краем глаза.

Увидела и сначала не поняла, что это такое.

Может, тень от скалы, может, водоросли... или рыба какая-то.

Кулон с Эфри, который висел на груди, странно нагрелся и потяжелел, будто предупреждая об опасности.

Вынырнув, я смахнула пряди со лба и завертелась на месте, пытаюсь понять, что же такое заметила на дне.

Он вынырнул следом.

— Надо же... какая встреча, — произнес мужчина, не делая попыток приблизиться.

Я лишь вытаращила глаза, пытаюсь понять, за что боги так издеваются надо мной и как Коннор Хоторн оказался в этом гроте именно сегодня, именно сейчас.

— Что вы здесь делаете? — выпалила я и по самый подбородок опустила в море.

Еще минуту назад я радовалась прозрачным водам, а теперь мечтала о водорослях, песке, грязи и прочем не слишком приятном мусоре. Они бы скрыли мое тело, которое сейчас так хорошо подчеркивала мокрая сорочка.

Хорошо хоть я не рискнула и не полезла купаться голышом, как собиралась.

— То же, что и вы — купаюсь вдали от толпы, — отозвался Темный.

Он, в отличие от меня, скрываться не собирался и даже приподнялся, давая возможность оценить мощную шею, широкие плечи и верхнюю часть груди, по которым сейчас ручейками стекала вода, выгодно подчеркивая каждый мускул и шрам.

А их было много. Шрамов, имею в виду. Некрасивые, они темнели небольшими ямками или, наоборот, красовались изогнутыми кривыми линиями. Я заметила и парочку ожогов, изуродовавших кожу.

— Как вы нашли это место? — выдала я следующий гениальный вопрос, мысленно приказывая себе оторваться от изучения мужа, а вместо этого рассмотреть стену за его спиной.

Это намного безопаснее. Да и дышать становилось легче.

— Как и когда, — поправил меня Хоторн. — Лет шесть или семь назад, когда впервые тут оказался.

Про это служанки не рассказывали.

— Ясно, — пробормотала чуть слышно, отчаянно пытаюсь придумать, как же выпутаться из столь щекотливой ситуации, в которой оказалась.

Повернуться и выйти на берег?

Нет, невозможно. Я и шага не смогу ступить, зная, что Хоторн наблюдает за мной, следит за каждым движением и видит меня практически голой!

Попросить отвернуться? Да, отличная идея. Только где гарантия, что он не потребует что-нибудь взамен?

— Не знаете, что делать? — вдруг спросил Темный.

— Что?

Я перевела взгляд со стены на лицо мужчины, тут же попав в плен черных, как сама тьма, глаз.

— Ситуация весьма щекотливая, не так ли? И вы сейчас пытаетесь придумать, как из нее выбраться.

«Надо же, как легко он меня читает!»

— Вы находите это смешным?

— Я нахожу это интересным, — неожиданно заявил Хоторн, снова сбив меня с толку.

— Интересным? — переспросила я недоуменно и двинулась в сторону берега, пытаюсь нащупать ногами дно.

Удалось не сразу. Все-таки я отделилась от берега на небольшое, но расстояние.

— Да. Мне действительно интересно.

— Что именно?

Глупостью было поддерживать этот разговор, но мне нужно было время.

А вот и дно. Так значительно лучше.

Я замерла, скользя и пытаюсь удержаться на отполированных водой камешках.

— Было ли верным первое впечатление о вас?

— Что? — переспросила я, повернув к мужу голову. — Какое впечатление?

— Первое. Похожи ли вы на обычных женщин рода Монрей или все-таки отличаетесь. Как вы поведете себя сейчас и что будете делать.

Легкая издевка в голосе заставила меня нахмуриться и недовольно поджать губы.

«Для него это очередной эксперимент? Игра? Уф!»

Уходить я резко передумала.

— И как же должна была себя вести женщина из рода Монрей?

Хоторн сделал вид, что задумался. Но я знала, что это неправда. По глазам читала, и это рассердило еще больше.

Темный ничем не отличался от знакомых мне мужчин.

Они тоже считают себя самыми лучшими, сильными и опытными. Тоже смотрят на меня с насмешкой, ожидая очередного провала.

«А я-то думала, он другой....»

— Упасть в обморок, — ответил Коннор и добавил насмешливо: — Если вы все-таки решите это сделать, то для начала советую выйти на берег.

— Неужели? — процедила я, сжав под водой кулаки.

— Да. Если вы решите потерять сознание прямо сейчас, то рискуете наглотаться воды. А это значит, мне придется самому тащить вас на берег и делать искусственное дыхание.

О, я отлично знала, что такое искусственное дыхание, и представляла, как оно делается. Но мысль о том, что мы с ним станем делать это...

Несмотря на холод воды и прохладу грота, щеки предательски загорелись и наверняка покраснели.

Я, лежащая на влажных от воды камнях в мокрой сорочке, которая обтягивала тело словно вторая кожа, и Коннор Хоторн, склоняющийся к моим губам!

Картинка была слишком яркой. Такой, что дыхание на мгновение перехватило.

— Неужели? — сдержанно спросила у него, пытаясь скрыть свои эмоции и чувства.

— А еще вы можете устроить истерику, — выдал новую идею мужчина, продолжая насмехаться надо мной. — Зарыдать, крича о том, что проклятый темный покусился на вашу честь.

— В данный момент вы покусились лишь на мое спокойствие, — холодно бросила я.

— То есть падать в обморок или рыдать вы не собираетесь? — уточнил Хоторн. — Тогда как поступите?

— Никак. Насколько я помню, этот грот не является вашей личной собственностью. Не так ли?

— Так, — отозвался мужчина, и его губы тронула едва заметная улыбка.

— Тогда не вижу препятствий для того, чтобы сделать то, ради чего я явилась сюда этим утром. Если вас, конечно, не смущает вынужденное соседство со светлой.

— Не смущает. Я не настолько категоричен в вопросе о взаимоотношениях наших семей, как ваш глава, госпожа Рин Монрей. Вас же так зовут?

Этот вопрос вызвал секундное замешательство и растерянность.

Снова лгать, еще больше погружаясь в паутину обмана? Или уйти от ответа? Нет, это бессмысленно.

— Да, — отозвалась я и оттолкнулась от дна, поплыв вперед и давая таким образом знать, что беседа завершена.

Хоторн понял и больше заговорить со мной не пытался.

Я очень старалась казаться беззаботной и равнодушной, пыталась отрешиться от всего и не замечать темную тень мужчины, который хотя и держал расстояние, но все равно был рядом.

Избавиться от ощущения темного взгляда было еще сложнее.

Даже под водой я чувствовала его и ничего не могла с этим поделать.

Купание в чудесном гроте должно было принести успокоение и даже освобождение от тревог и сомнений, а вместо этого стало настоящей пыткой.

Вынырнув в очередной раз, я поняла всю тщетность своих попыток и повернулась к Хоторну.

— Надеюсь, я могу рассчитывать на вашу порядочность? — спокойно спросила у него.

Словно мы были не в воде, а на светском приеме.

— Разумеется.

— Тогда не могли бы вы отвернуться, я хочу выйти на берег.

— У меня есть идея лучше, — вдруг заявил Хоторн и стремительно поплыл в сторону берега.

— Что вы делаете? — ахнула я.

Мужчина, в отличие от меня, смущений не испытывал и о порядочности не спрашивал.

Надо было отвернуться.

Сразу же!

Но я не смогла.

Замерла, зачарованно наблюдая, как он медленно выбирается из воды, как постепенно обнажаются его широкие плечи, сильная спина, плавно переходящая в узкие бедра...

Нет, здесь я все-таки отвернулась, резко крутанувшись на месте и едва не захлебнувшись соленой водой, которая попала в рот и нос.

Кожа на лице и шее не просто горела — она пылала. Сейчас я, наверное, очень сильно походила на помидор и чувствовала себя так же.

Плеск воды, шуршание одежды и насмешливый голос, от которого привычно переворачивалось все внутри:

— Можно смотреть.

Но я не спешила поворачиваться.

А вдруг у нас разные понятия о приличиях, и он все еще не совсем одет?

— Ну же, Рин, вы же такая смелая и храбрая, неужели сейчас испугаетесь?

— Я вам не доверяю.

— Смущать вас я больше не стану, — пообещал Хоторн.

— И я должна вам верить?

— А почему нет?

Его вопрос так и остался без ответа.

Глубоко вздохнув, я медленно повернулась, готовая в любой момент отвернуться и закрыть глаза, но этого не понадобилось.

Темный действительно оделся. Надел брюки и рубашку, хотя тесемки не завязал, и теперь в глубокой прорези можно было рассмотреть часть обнаженного торса, тяжелый кулон из темного камня, который висел на веревочке.

Но не это удивило меня.

Мужчина держал на вытянутых руках мое полотенце, словно приглашая...

— Прошу, — усмехнулся Коннор, наблюдая за реакцией на свой поступок. — Не переживайте, смотреть не стану.

— Я... не надо... я сама.

— Так удобнее. Смелее, Рин Монрей.

Мужчина последний раз взглянул на меня и отвернулся, продолжая удерживать полотенце, словно проверяя степень моей безрассудности.

Боги, я сама не знала, на что способна, как далеко готова зайти, чтобы доказать ему и себе, что другая.

Но я двигалась вперед. Сначала плыла, потом шла по мокрым камням, не сводя глаз с лица мужчины, зная, что Коннор не смотрит, и...

...страстно, безумно желая, чтобы он повернулся и увидел меня вот такой.

Я сама себя ненавидела за эти чувства, но ничего поделать не могла.

Еще шаг вперед, и вода уже доходила лишь до колен, почти полностью обнажив меня.

Он слушал и слушал.

Это видно было по частоте его дыхания, которое внезапно участилось, по напряженным мышцам я чувствовала, как сама остро реагирую на происходящее. Как с трудом дышу.

Я уже выбралась на берег, и между нами была всего пара метров. Подойти ближе не рискнула, протянув руку, схватила полотенце и тут же укуталась в него, будто в кокон завернувшись.

Он повернулся очень медленно, или я совсем потеряла чувство времени.

Повернулся и просто посмотрел.

Странно, но его глаза из пронзительно-черных вдруг стали золотистыми.

— Все? Проверка закончена? — хрипло спросила у него, дрожа то ли от холода, то ли от всего произошедшего.

— Замерзли, — отрывисто произнес Темный. — Надо вас согреть.

— Не надо, — попыталась возразить я, переступая с ноги на ногу.

Не знаю, как он собрался меня согревать, но ничего приличного в этом точно не будет. А я и так нарушила за раз уже полсотни запретов.

— Надо. В таком виде я вас никуда не отпущу. Не хватало, чтобы вы заболели по моей вине.

Хоторн сделал всего полшага вперед, и я едва не шарахнулась, лишь силой воли заставив себя стоять на месте.

Но он заметил мое замешательство.

— Не бойтесь, я не кусаюсь. Это не больно.

Коннор вытянул вперед руку, и я заметила приглушенное свечение, которое окружало его ладонь.

— Всего лишь магия.
— Темная, — напомнила ему.
— Мы не такие разные, как пытается внушить ваш глава, — отозвался Темный, и его рука осторожно легла на мое плечо.

Глава 10

Айрин

Тепло.

Словно озорной солнечный лучик коснулся.

Но тело не спешило согреваться, холодной дрожью пройдя по телу и дыбом поднимая каждый волосок.

Тепло сменилось жаром домашнего очага, такого ласкового и опасного одновременно.

— В глаза, Рин Монрей, смотрите мне в глаза, это ускорит процесс, — вдруг хрипло произнес мужчина.

И я подчинилась, мгновенно утонув в золотистом омуте. Глаза мужчины вдруг поменяли цвет. Из темных, как ночь, они стали значительно светлее и ярче. Словно расплавленный мед.

«Дядя теперь точно убьет меня...»

Все происходящее было похоже на песчаную бурю, но только без песка. Горячий, обжигающий ветер касался кожи, растрепал волосы, мимолетной лаской проходя по телу и игриво забираясь под полотенце.

Но это тепло было не только снаружи, но и грело изнутри, жаркой волной пройдясь по всем венам и сосудам, согревая каждый миллиметр тела.

А может, виной тому не Темная магия, а пламя в глазах Коннора.

Клянусь, смотря в них, я видела не тьму... не только тьму. А невероятно красивый огненный цветок, который распускался, озаряя все вокруг солнечным светом.

Безумие какое-то.

Темная магия, пленницей которой я так неосторожно стала.

«Прав был дядя! Надо держаться от Коннора Хоторна как можно дальше!»

Моргнув, я отвернулась и отступила, пряча разгоряченное лицо в ладонях.

— Хватит!

— Что хватит? — мягко спросил Хоторн.

— Все хватит. Так нельзя, я...

— Закончил, — отозвался мужчина.

Я убрала руки от лица и непонимающе на него взглянула.

— Что?

— Говорю, что закончил. Разве вы не чувствуете?

Опустив взгляд, я осмотрела полотенце и свои обнаженные стопы, внезапно поняв, что высохла. Причем вся: не только тело и волосы, но и сорочка.

— Как вы это сделали? — ошарашенно спросила я, пропуская меж пальцев сухие пряди волос.

— Сказал же, магия, — улыбнулся Темный. — А теперь я с чистой совестью могу отвернуться и дать вам одеться. Обещаю, что подсматривать не стану.

Он действительно отошел к кромке воды и повернулся ко мне спиной.

Я секунд тридцать стояла неподвижно, прежде чем рискнула подойти к своим вещам. Для того чтобы решиться скинуть полотенце, понадобилось еще около минуты. Одевалась я поспешно, путаясь в складках платья и не сводя тревожного взгляда со спины Хоторна.

Но он не делал попытки повернуться, застыв безмолвным изваянием.

— У меня есть с собой вкусные лепешки с мясом и овощами. А еще сладкая вода, — неожиданно произнес мужчина, заставив меня вздрогнуть.

— Что?

Я замерла, перестав бороться со шнуровкой, которая отказывалась подчиняться.

— Понимаю, что прошу о многом, но как вы смотрите на то, чтобы позавтракать вместе?

Хоторн все еще стоял ко мне спиной.

Я внезапно поняла, что очень хочу этого.

Просто сидеть, есть и даже можно не разговаривать.

Желание было таким сильным, что мне пришлось постараться, чтобы не торопиться, а разузнать побольше о причинах этого предложения.

— Зачем?

— Знаете, вы первая девушка из рода Монрей, с которой я могу поговорить. Хочу этим воспользоваться.

— О чем вы хотите со мной разговаривать? — удивленно спросила у него, продолжая бороться с узлом на тесемке.

— Не знаю. А вы? Неужели не хотите расспросить жуткого Хоторна? У вас есть удивительная возможность узнать тайны темных.

— А вы ответите на мои вопросы?

Узел на тесемке все-таки поддался, и я быстро затянула вырез на груди и завязала узелок.

— А вы?

Хоторн повернулся, словно точно отследил момент, когда я смогла полностью одеться.

«Неужели подсматривал? Но как?»

— Попробую, — уклончиво отозвалась я, собирая волосы в низкий хвост. — И у меня тоже есть еда. Яблоки, пирожки домашние, бутерброды с овощами и бужениной и лимонад.

Я нагнулась к сумке и быстро достала провиант.

— В походах иной раз мы довольствовались и меньшим, — заметил мужчина, присаживаясь на ближайшую корягу, которую выбросило на берег во время последнего шторма.

Мне нашлось место на соседней.

Еду мы разложили на полотенце между нами.

— Моя сестра так и не научилась готовить, — неожиданно произнес Хоторн и откусил приличный кусок от пирожка. — М-м-м, с мясом. Очень вкусно.

— Ваша сестра ходит с вами в походы? — удивилась я, отщипнув кусочек от хлеба.

— Она полноправный член команды. У нас женщины и мужчины имеют практически одинаковые права и обязанности. Мел разрешили войти в команду после того, как она прошла испытание.

— Какое испытание?

— Сложное, — уклончиво ответил мужчина. — Питер вам не рассказывал об этом? О нашем укладе и правилах?

Упоминание бывшего жениха сейчас показалось неуместным и неправильным.

— Он мало что рассказывает о прорывах и трещинах, — отводя взгляд, ответила я. — А о вас никогда.

— Понимаю. Как давно вы знакомы?

— Много лет. Нас сосватали вскоре после моего рождения. Священники посчитали, что мы идеальная пара.

Прозвучало как-то не очень радостно, и я поспешила добавить:

— И не ошиблись. Питер — он... необыкновенный.

«Красивый, сильный, мужественный. Настоящий герой! Только не для меня. Уже не для меня».

— Да, — заметил Хоторн, который все это время пристально за мной наблюдал. — Мало кто пойдет против воли главы и начнет тренировать свою невесту. Видно, что он любит вас.

Я смутилась еще больше.

И чтобы хоть как-то это скрыть, наклонилась, поднимая с покрывала яблоко и пытаясь хоть как-то укрыться от пронзительного взгляда мужа.

— Я тоже его люблю.

Надеюсь, Хоторн не уловил сомнения в моем голосе.

— Когда ваша свадьба? — вдруг спросил мужчина.

— Через полгода. Когда мне исполнится восемнадцать.

Темный кивнул и потянулся за вторым пирожком.

— Я ровесница вашей жены, — брякнула я, жадно наблюдая за его реакцией.

Надо сказать, тут было на что посмотреть.

Он не подавился и не вздрогнул, но явно почувствовал себя некомфортно.

«Ничего, я тоже умею задавать неуместные вопросы».

— Угу. Ровесница, — сдержанно отозвался Хоторн. — Но вы совершенно разные.

— Откуда вы знаете?

Опасная тема для разговора. Очень опасная. Но остановиться я уже не могла. Мне необходимо было знать, что муж думает обо мне, вспоминал ли хоть раз за эти годы и что намерен делать потом.

Ведь все что я знала о своем муже — это слухи, домыслы и рассказа. Иногда не совсем правдивые.

— Вы встречались после свадьбы? — продолжала допытываться у него, хотя видела, что темному этот разговор неприятен.

— Нет.

Кажется, он уже был не рад, что пригласил меня на завтрак на берегу моря.

— Почему? Неужели вам совсем не интересно?

— Нет, — равнодушно отозвался Хоторн.

— Вы... вы ненавидите ее, — поняла я, откладывая недоеденное яблоко в сторону.

Аппетит пропал окончательно.

Мысль о том, что Хоторн может меня ненавидеть, вызвала ноющую боль в груди.

— Нет. Мне не за что ненавидеть Айрин Монрей.

Собственное имя в его устах прозвучало для меня словно удар. Я заерзала на пеньке, размышляя, как бы побыстрее уйти.

Плохая идея оставаться с ним тут. Но еще хуже было заводить разговор о нашей свадьбе.

— Она же ребенок, которого заставили стать женой монстра, — продолжил Темный.

— Сейчас Айрин уже не ребенок, — тихо заметила я. — Успела вырасти за эти годы. А может... может она даже на меня чем-то похожа.

Хоторн доверчиво хмыкнул и покачал головой.

— Нет, не похожа, — уверенно произнес он.

— Почему вы так думаете? Вы же совсем ее не знаете.

— Я знаю вашего главу. И прекрасно представляю, какие истории обо мне он рассказал, какие ужасы придумал. Айрин Монрей — типичная девушка вашего рода. Уверен, что при нашей новой встрече она упадет в обморок или будет рыдать сутками. Так что у вас точно нет ничего общего.

Описываемый им портрет мне совершенно не понравился. Тем более он был так далек от истины.

— Я ее видела, — вырвалось у меня.

Но должной реакции не увидела.

Темный лишь пожал плечами и отпил сладкой воды прямо из горла бутылки.

— Вам действительно неинтересно, — потрясенно выдохнула я.

— Действительно.

— Но... вы же понимаете, что пройдет всего полгода и вас обяжут быть вместе, жить как муж и жена?

— Очень надеюсь, что до этого не дойдет, — усмехнулся Хоторн и с хрустом потянулся.

— Но император...

— Ему сейчас не до этого союза, который совершенно себя не оправдал.

— А семья, дети?

Я вздрогнула от пламени, которое вспыхнуло в глубине его глаз и погасло.

— Детей можно завести и другим способом.

— Да?! — вскрикнула я потрясенно. — И каким?

Темный крикнул, хмыкнул и отвел взгляд, словно я сказала какую-то глупость.

— Пусть это тебе Питер расскажет — со смешком ответил он, потирая щечину на щеке.

— Но я думала, что для того, чтобы завести ребенка, надо вступить в брак. Разве нет? — продолжала допытываться я.

— Рин! Тебе не кажется, что пришла моя очередь задавать вопросы?

— О-о-о, задавайте, конечно, — несколько разочаровано протянула в ответ.

Занятая подготовкой и обучением, я как-то совсем забыла об этой стороне супружеской жизни. Да и зачем было о ней думать, когда и так все понятно.

У нас с ним никогда не будет нормальной семьи и о детях думать не обязательно.

Но все-так... Мне казалось, что для детей нужен брак. По крайней мере у нас дома всегда было именно так.

Вот Ната вышла замуж одновременно со мной и менее чем через год родила первого сына, недавно появился на свет второй.

Или другие девушки. Они рожали только от мужа.

У темных что иначе?

— Готова?

Я села поудобнее и приготовилась обманывать и уваливать. Ведь ничего хорошего от вопросов Хоторна ждать не следовало.

Но не пришлось...

— Твой любимый цвет?

Ответ нашелся не сразу.

— Что мой любимый? — переспросила осторожно, думая, что ослышалась.

— Цвет. У тебя есть любимый цвет?

— Синий, наверное.

— Хорошо. Что ты любишь делать в свободное время?

«Если бы оно у меня было. Тренировки у дяди отнимали все силы».

— Читать. Вы уверены, что хотите знать именно это?

— Как зовут твоего пегаса?

А вот это уже понятный вопрос.

— Эфри, — с готовностью ответила я и тут же прикусила язык.

«Эфри! Темный же заметит сходство с Эфиром! И как мне теперь оправдываться?»

— Необычное имя.

— Спасибо. Ей тоже нравится.

— Покажешь ее мне? — вдруг попросил мужчина, поднимаясь.

И я не смогла отказаться.

«Заметил или нет? Понял и теперь пытается выяснить причины такого сходства или ему все равно?»

Столько вопросов крутилось в голове, пока я сжимала камень в руке и призывала своего пегаса.

Эфри отозвалась сразу, появившись перед нами в неясном свете и сверкая глазами.

Увидев Темного, она тихо заржала, мотнула головой, но попыток напасть или исчезнуть не делала.

— Тихо, тихо, милая. — Я подошла ближе, прижала ее голову к своей груди и ласково погладила между ушей, пытаюсь успокоить и дать понять, что причин для страха нет. — Все хорошо, он тебя не обидит.

Она затихла, переступая ногами, но не двигалась, наблюдая за Хоторном.

— Надо же, действительно девочка, — заметил муж, не делая попыток приблизиться.

— А вы думали, я вас обманывала? — продолжая поглаживать Эфри, спросила я и обернулась.

— Нет. На моей памяти это первая кобыла из пегасов.

— Ничего удивительного, а я первая девушка из рода Монрей, которая решилась призвать своего пегаса.

— Вы друг другу идеально подходите, — кивнул Хоторн. — Я могу к ней подойти? Она не испугается?

— Эфри сильная и смелая.

— И в этом вы тоже похожи, — улыбнулся муж, делая шаг к нам.

Мой пегас не шевельнулся, видно было, что ей тоже любопытно.

— А ты любишь яблоки? — спросил мужчина, с улыбкой разглядывая Эфри и протягивая к ней ладонь, на которой лежало румяное яблочко.

Я поспешно спрятала улыбку.

«Надо же, каков хитрец! Знает, чем можно подкупить пегаса».

— Любит, но я не уверена...

Договаривать я не стала, но Хоторн и так все понял.

— А мы попробуем, — отозвался он и снова сосредоточился на ней. — Ну так что? Боишься меня? Или попробуем подружиться? Пегас Питера Арис позволяет себя кормить и даже дал погладить.

— Неужели? — хмыкнула я.

Я помнила Ариса — огромного пегаса серо-белого цвета. Само тело у него белое, а вот крылья серые, которые к кончикам перьев становились почти черными. Еще пять лет назад он славился вредным и неуживчивым характером. Сомневаюсь, что сейчас что-то изменилось.

— У нас были небольшие разногласия, но теперь мы друзья, — бросив на меня хитрый взгляд, отозвался муж.

Эфри тихо заржала, и я рискнула отойти от нее, наблюдая чуть в стороне.

— Какая красивая. Изящная, эффектная. Как и твоя хозяйка.

Я отвела взгляд, пытаюсь побороть неожиданное смущение, от которого загорелись щеки.

— Ты хорошо ее охраняешь, я видел во время прорыва, — медленно продвигаясь, продолжал Хоторн. — Не только красавица, но

и умница.

Вот уже их разделяло всего полметра.

Хоторн осторожно протянул руку с яблоком и застыл.

Эфри промучила его около минуты, переводя взгляд с него на яблоко и обратно. Переминалась с ноги на ногу, но яблоко все-таки взяла, осторожно подхватив его губами.

Взяла, фыркнула и отвернулась, давая понять, что дар принят, но она еще подумает.

Я не смогла сдержать смешок, глядя на все это.

— Настоящая женщина, — довольно улыбнулся Хоторн, отступая.

Я дождалась, пока Эфри доест свое яблоко, еще погладила ее по мощной шее, шепнула, что все будет хорошо, и вернула назад в камень.

— Мне пора возвращаться.

Нагнувшись к земле, я подняла сумку с вещами и подхватила полотенце, стараясь не смотреть на темного, близость которого сейчас ощущалась особенно остро.

— Уже?

— Мама будет волноваться. Я и так ушла без спросу.

— Я так понимаю, что провожать тебя не стоит, — заметил Хоторн.

— Разумеется, нет. Лучше будет, если нас никто не увидит вместе.

— Ты расскажешь Питеру? — вдруг спросил темный.

Я не собиралась.

Не стоило бывшему жениху знать о таком. Нервничать начнет и злиться. Но, поняв, как странно это будет звучать, кивнула.

— Конечно. У нас с Питером нет тайн друг от друга.

— Хорошо. Значит, мне не придется ему лгать.

Я еще немного потопталась, не зная, что еще сказать и надо ли это.

— Спасибо за компанию и прощайте.

— До свидания, — поправил меня Хоторн. — Я тут каждое утро. Буду рад видеть тебя снова.

— Не думаю, что это хорошая идея.

Я покачала головой, пытаясь к выходу из грота.

— Я все равно буду ждать, — бросил он напоследок.

И я поверила, только вот ответить на это мне было нечего.

Развернувшись, я поспешила прочь, остро чувствуя его взгляд на своей спине.

Дорога домой заняла намного меньше времени. Или мне так показалась. Занятая мыслями и воспоминаниями о коротком и необычном завтраке, я не заметила, как подошла к дому.

— Доброе утро, господин Турк, — поздоровалась с управляющим, который встретил меня в холле. — Матушка уже встала?

Сумку я оставила у двери, зная, что слуги все уберут, а вещи почистят, постирают и вернут на место.

— Полчаса назад. Госпожа Есения в малой столовой, завтракает и ждет вас.

«Значит, неприятного разговора не избежать».

— Спасибо, — поправляя спутанные волосы, кивнула я и направилась в сторону столовой.

— Вам подать завтрак?

— Только холодный чай. Я съела пирожки, которыми утром меня угостила кухарка.

— Хорошо.

В столовой, залитой ярким утренним солнцем, было светло и уютно. Большие окна были открыты, и тонкие занавески слегка колыхались под воздействием бриза, принесшего аромат моря и лета.

Матушка сидела в плетеном кресле и не спеша пила чай из белой кружки.

— Доброе утро, мама.

Я подошла ближе и осторожно поцеловала ее в щеку.

После чего села в ближайшее кресло.

— Где ты была? — спросила она после минутной паузы, во время которой я должна была осознать всю тяжесть своего проступка и раскаяться.

Тяжесть осознала, но каяться не спешила. Этот трюк даже в детстве со мной не работал. Но мама упорно продолжала его использовать.

— Ходила на море.

Снова пауза и цепкий взгляд матери.

— Одна?

— Одна.

Тяжелый вздох и красноречивый взгляд, на который я снова не среагировала.

— Айрин, это крайне безответственно, — наконец произнесла она.

— Очень, — тут же согласилась я и благодарно улыбнулась служанке, которая поставила передо мной прозрачную кружку с холодным чаем, в котором плавали веточки мяты.

— А если бы что-нибудь случилось? Если бы на тебя напали?

— Я могу за себя постоять. Ты же знаешь.

Она недовольно поджала губы и продолжила:

— Я знаю, что без контроля дяди ты стала совершенно неуправляема. Я думала, что мы отлично проведем время...

— Мы отлично его проводим. И я очень благодарна тебе за возможность отдохнуть от бесконечных тренировок.

Матушка нахмурилась, но я знала, что она начала оттаивать.

— Если хочешь, то мы можем пойти на пляж после обеда. Вместе. А еще заглянуть в торговую лавку. Говорят, там привезли новые ткани.

— После обеда не получится.

— Почему? — удивилась я, отпивая чай.

— На обед обещал зайти Питер.

Я едва не подавилась.

— Опять? Зачем? — откашлявшись, спросила у нее.

— Что значит зачем, Айрин? — отставляя чашку на столик, возмутилась матушка. — Ты же вчера не вышла на ужин, а мальчик ждал.

— Питер давно не мальчик, мама. И я не вышла, потому что плохо себя чувствовала, — напомнила ей.

— А сегодня тебе резко полегчало, раз ты рано утром помчалась на пляж без сопровождения.

— Наверное, это стресс. Ты же тоже очень быстро излечилась от мигрени.

— Это неважно, — отмахнулась она, быстро возвращаясь к главной теме разговора. — Питер придет на обед, и ты будешь присутствовать. Ты поняла меня, Айрин?

— А я не отказываюсь, — допив чай, ответила я и встала. — Обязательно буду.

— Прими ванну и приведи себя в порядок. Надень то платье... красивое.

— Мам, они у меня все красивые.

— То синее, с бабочками.

— Снова? — усмехнулась я.

— Ох, нет, ты в нем уже была. Значит, лиловое, с цветами. Я пришлю к тебе кого-нибудь, чтобы помогли привезти в порядок твои волосы.

Спорить с матушкой было бесполезно.

— Хорошо.

— Что-то ты быстро со всем согласилась, — тут же насторожилась она. — Ты что-то задумала, Айрин?

— Нет, я ничего не задумала. Не переживай, с обеда сбегать я точно не стану.

Я действительно готова была поговорить с Питером. Тем более что мне было что ему рассказать.

Глава 11

Айрин

— Питер, ты уже видел наш сад? — спросила я, бросив выразительный взгляд на молодого мужчину.

После сытного обеда мы вышли на крытую, залитую ярким солнечным светом террасу, где нас ждал столик, плетеная мебель и холодные напитки.

Мужчина удивленно посмотрел на меня, пытаясь понять, чем вызвано данное заявление, и кивнул.

— Видел. Ты же сама мне его показывала пару дней назад.

— Ах, это же было вечером, — отмахнулась я, краем глаза наблюдая за матушкой, которая жадно ловила каждое наше слово. — Днем он совсем другой.

— Неужели?

— Да. Я бы с удовольствием тебе показала, если мама, конечно, не...

— Не против! — перебила она меня. — Совершенно не против. Думаю, это отличная идея — показать наш небольшой садик в свете дня. Айрин права, он выглядит совершенно иным. И у нас зацвели кусты роз. Такие чудесные ароматы.

— А ты к нам не присоединишься? — невинно спросила я.

— Ох, нет. Вам намного лучше будет вдвоем. Я ведь могу доверять тебе, Питер? — родительница перевела взгляд на мужчину, пытливо его изучая.

— Разумеется.

Подойдя к мужчине, я тут же взяла его под руку, не забывая при этом широко улыбаться. Оставалось надеяться, что матушка поверит.

— Что случилось? — спросил Питер, стоило нам только выйти из дома и направиться по узкой дорожке к небольшой беседке, увитой зелеными лианами.

— Не здесь.

— Значит, действительно что-то случилось.

— Ты не поверил в честность моих намерений?

— Ни на секунду, — хмыкнул Питер. — Но мне нравится, когда ты рядом...

Его ладонь накрыла мою руку и слегка сжала.

Только когда мы скрылись от любопытных глаз в тени беседки, я отпустила его руку и сразу же отошла в сторону.

— Кое-что произошло, — издалека начала я. — И ты должен об этом знать.

— Ты рассказала главе о произошедшем?

— Нет. А ты?

— Нет, я же обещал, что помогу тебе выкрутиться.

— Это будет сложнее, чем ты думаешь.

— Что ты имеешь в виду? — тут же насторожился Питер.

— Случилось нечто важное, — уклончиво ответила я, присаживаясь на одну из скамеек.

— Когда? Вчера? Твоя матушка что-то заподозрила?

— Нет, дело в Хоторне.

Оказывается, это сложно — взять и во всем признаться. Особенно когда знаешь, что неправа и совершила глупость.

— Я встретила его сегодня утром.

— Хоторна? — уточнил Питер, наблюдая за мной.

— Да.

Смотреть на него было тяжело, поэтому я сделала вид, что изучаю узор на подоле своего платья.

— И где же ты его встретила?

— Сегодня на пляже. Мы вместе купались.

«...и завтракали... а еще разговаривали...»

— Что вы делали? — переспросил Питер.

Я его прекрасно понимала, сама с трудом верила в то, что произошедшее утром мне не приснилось.

— Купались. Это вышло случайно. Я пошла на пляж рано утром, и он тоже решил искупаться в одиночестве. Мы встретились, и... вот. Ну не стала бы я от него убежать с криком: «Спасите, помогите!» — это выглядело бы странно.

— Ты могла бы просто уйти.

Я все-таки рискнула взглянуть на бывшего жениха.

Не злился, скорее был встревожен, пытаюсь понять, чем произошедшее может обернуться для нас обоих.

— Нет, не могла. Я уже нырнула, а он только вынырнул... — Чем больше я говорила, тем больше путалась. Поэтому и закончила быстро: — Все сложно, Питер.

— Ты ему сказала, кто ты?

— Нет, конечно. Для Хоторна я твоя невеста и мы любим друг друга.

Мужчина удовлетворенно кивнул и даже слегка расслабился. По крайней мере, складка меж бровей разгладилась, а уголки губ приподнялись.

— Если так, то почему ты так переживаешь?

— А ты не понимаешь? — Я поднялась и принялась ходить по беседке туда-сюда. — Все слишком запуталось. Мы... я погрязла в этой лжи и теперь не знаю, как выпутываться. Что будет, когда встретимся? Когда Хоторн узнает, что я его жена и все это время лгала, притворяясь другой?

— Рано еще об этом думать, Айрин.

Я тихо и нервно рассмеялась:

— Рано? Осталось всего несколько месяцев до моего совершеннолетия. Сомневаюсь, что она за это время забудет ту Монрей, которая пошла против системы. Боги, мы сами загнали себя в ловушку.

— Не преувеличивай. Мы...

В следующую секунду над городом пронесся тихий, едва слышный звон, заставивший нас замереть и прислушаться.

— Питер, — прошептала я, чувствуя, как внутри все холодеет от ужаса.

— Оставайся здесь! — резко приказал он, направляясь к выходу из беседки.

— Питер, это же...

Я бросилась следом за ним.

— Прорыв. Снова. Где-то над нами трещина, — бросил мужчина, спускаясь по ступенькам.

— Но это невозможно.

— Выходит, что возможно.

Питер вдруг обернулся, сделал шаг ко мне и схватил за плечи, заглядывая в глаза.

— Оставайся здесь.

— Что?

— Айрин! Ты останешься здесь, поняла меня? Я запрещаю тебе приближаться к трещине. Ясно?

— Да, — нехотя прошептала я.

— Пообещай мне.

— Обещаю...

Питер снова глянул на меня, а потом вдруг резко подался вперед, впиваясь в губы в коротком и болезненном поцелуе.

— Я вернусь, — пообещал он и ушел, оставив меня одну.

А над нашими головами звенела новая трещина.

— Айрин! Айрин!

Путаясь в складках дорогого платья, с перекошенным от страха и ужаса лицом, по узким тропинкам, маневрируя между кустами, бежала матушка.

— Айрин! — снова взвизгнула она, остановившись на мгновение.
— Где ты?! Айрин!

— Мама, я здесь, — отозвалась я, выходя наружу и спускаясь по ступенькам беседки.

Выглядела мама ужасно. Длинные пряди высвободились из аккуратной прически, падая на лицо. Видимо, часть шпилек потерялась из-за быстрого бега.

Глаза сверкали, на лбу выступил пот. И я хорошо видела, как билась жилка на ее висках.

— Боже, милая. Я так испугалась! — воскликнула она с облегчением и тут же подбежала ко мне, хватая за руки, словно от этого зависели наши жизни.

— Я тут, не переживай.

— А Питер? Где он?

— Питер ушел. Ты же слышишь. Снова прорыв, — отозвалась я и вздрогнула, услышав очередной треск.

«Слишком громко».

Почти сразу же зазвонил колокол, сообщая о новых неприятностях. Кажется, сейчас должно быть выступление мэра. Совсем как пару дней назад.

— Кошмар. Ужасное место, просто ужасное. Никогда больше сюда не вернусь! — решительно заявила матушка и потащила меня к дому. — Вот только все закончится, и мы вернемся домой. И ты шагу не ступишь оттуда до совершеннолетия. Столько прорывов за такой короткий срок. Ужасно!

— Да, мама, — покорно кивнула я.

Возрази я ей сейчас или согласись, толку бы не было. Все равно она меня не услышит. Матушка была слишком расстроена и даже зла.

— Хорошо, что ты здесь, дорогая. И здесь останешься. Я запрещаю тебе идти туда! Поняла меня?

Она еще сильнее сжала мою руку, давая понять, что вырваться и сбежать не получится.

— Да, мама, — кивнула я и подняла взгляд на небо.

Светло-голубое, с крохотными пушистыми облаками, которые были так похожи на сахарную вату.

Лишь приглядевшись, можно было заметить крохотные темные нити. Они, словно паутина, расчертили небо, опутав его своими

жуткими сетями.

Странно. И неправильно.

Такого быть не должно.

— Айрин!

Очередной крик матушки и резкий толчок привели в себя.

— Даже не надейся, — произнесла она, моментально поняв, о чем я подумала.

Оказывается, мама не так безнадежна, как я считала, и легко читала мои мысли. К счастью, не всегда.

— Я останусь с тобой.

Дальше было все как по учебнику. Вместе со слугами мы спустились в подвал, где расположились в центре комнаты, а вокруг расставили магические кристаллы. Стоило замкнуть цепь, как они засияли мягким лунным светом.

И потянулись долгие минуты ожидания, которые перешли в часы.

Матушка и служанки занялись вышивкой. Мужчины поочередно дежурили. А я... я читала, потом сидела, старательно прислушиваясь к тому, что происходит снаружи, потом прохаживалась из одного угла в другой.

— Айрин, прекрати мельтешить перед глазами, — недовольно произнесла матушка, на мгновение оторвавшись от вышивки.

— Прости.

— Тебя стоит учить терпению, дорогая.

Быстро сев на стул, я закрыла глаза и снова прислушалась.

Вновь неясно прозвонил колокол на главной башне, напоминая о том, что опасность никуда не делась.

«Интересно, сколько времени мы уже здесь сидим? Час? Или два? Почему они еще не справились? Почему не закрыли трещину?»

Странное беспокойство не давало покоя и противной мушкой зудело в голове, мешая сосредоточиться и хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей.

— Бояться нечего, дорогая, — продолжила матушка, копошась в корзинке для рукоделия и пытаюсь найти нитки нужного цвета.

— Вот в прошлый раз было страшно, ведь светлых здесь не было, лишь Питер.

— Точно, точно! — нескладно загудели слуги, поддерживая ее.

— А сейчас здесь и светлые, и темные. Скоро все будет хорошо. Я уверена.

— Госпожа права, — кивнула кухарка.

Полная женщина с трудом помещалась на узкой скамейке, но присутствия духа не теряла.

— Может, кусочек пирога? — предложила она, доставая из большой сумки тарелку с румяной выпечкой. — Есть с мясом. А эти вон с ягодками. Угощайтесь.

— Спасибо.

Я благодарно улыбнулась и потянулась к первому пирожку. Но так и не надкусила, просто продолжала держать в руке.

Волнение никуда не делось.

Наоборот, возросло.

Что-то там снаружи было не так. И мне страшно хотелось выйти из подвала и увидеть все своими глазами.

Никогда не думала, что близость прорыва так действует на светлых.

«Не на всех, — тут же мысленно поправилась я. — Матушка даже не вздрагивает, когда слышит удары колокола. Да и остальные спокойны».

Я коснулась свободной рукой амулета на шее.

«Наверное, все дело в Эфри. В том, что мне, в отличие от мамы, позволили развивать свой дар. И теперь он бушует в крови, требуя решительных действий. Когда купол над головами трещит, светлые не должны сидеть в стороне».

Вот только и выйти мне не дадут.

Да и Питеру я обещала, что останусь под защитой кристаллов.

«Значит, остается только сидеть и ждать».

Я тяжело вздохнула, не в силах сдержать тоску и разочарование.

— Айрин, все хорошо? — тут же спросила матушка.

— Да, мама, — поспешно произнесла в ответ и собиралась уже откусить пирожок, когда увидела его.

Из темного угла у самого потолка на меня смотрели два красных огонька.

Сначала я решила, что мне показалось. В подвале было темно и влажно. Лишь пара магических светильников да кристаллы рассеивали сумрак.

Опустив руку с пирожком на колени, я зажмурилась, а потом открыла глаза.

Огоньки никуда не делись.

«Значит, не привиделось. Может, это летучая мышь? У нас в сарае такие водились. Мы с дворовыми еще устраивали охоту на них. Хотели казаться сильными и смелыми. Глупое ребячество».

Я бросила осторожный взгляд в сторону матушки. Она снова закопалась в корзине с нитками и моего волнения не заметила.

Конечно, можно было бы сказать про мышь, но...

«Мама страшно боялась мышей — что летучих, что ползучих. Наверняка, закричит, устроит истерику или упадет в обморок».

И не только она.

Сомневаюсь, что слуги женского пола отнесутся с пониманием к бедной зверушке.

Я снова взглянула в угол.

Красные огоньки глаз никуда не делись. И смотрели они на меня.

«Как-то слишком пристально... словно это и не мышь вовсе... словно у этого существа есть разум».

Я поднялась со стула и медленно подошла к краю защитного контура, пристально всматриваясь и пытаюсь разглядеть силуэт или хоть какие-то отличительные черты существа.

Кажется, я заметила крылья... и удлиненную морду. А еще шипы-наросты на непропорциональном теле.

Это точно была не летучая мышь.

«Боги, защитите нас!»

Пирожок выскользнул из ослабевших пальцев и беззвучно упал к ногам. Пошатнувшись, я задела стул, который противно заскреб по каменному полу.

— Осторожнее, дорогая! — тут же вскрикнула мать.

Длинный узкий хвост, похожий на змеиный... крохотные острые зубы, блеснувшие в свете защитных кристаллов.

— Дорогая, что с тобой?

Оборачивалась я очень медленно.

Мне казалось, что любое резкое движение — и я сорвусь. Или эта тварь бросится в атаку.

— Айрин? В чем дело? — встревожилась мама, прижав корзинку к груди.

Вперед вышел управляющий.

— Что-то случилось?

— Оно здесь, — едва слышно прохрипела я. — Тварь Бездны.

Они прорвались.

И меня услышали.

Реакция не заставила себя ждать.

Мама выронила из рук корзинку, и красивая вышивка упала на пол вместе с разноцветными нитками, которые пестрым ковриком легли у ее ног.

Две служанки закричали и повскакивали со своих мест, а кто-то, наоборот, сжался, скрючившись на стуле, стараясь быть как можно незаметнее.

— Тихо! Тихо! — вмешался управляющий, стараясь всех успокоить. — Бояться нечего! Мы под защитой кристаллов!

— Но... — залепетала молоденькая служанка, дрожа всем телом.

— Что бы госпожа Айрин ни увидела, эта тварь нас не достанет! — уверенно произнес господин Турк.

«Что значит «что бы ни увидела»? Они что, не замечают это существо? Не видят горящих кровью глаз?»

— Кристалл нас спасет! Так что все возвращаемся на свои места и ждем помощи. Она непременно придет... — продолжал увещевать управляющий.

И это помогало.

Я в общем обсуждении не участвовала, да и по сторонам почти не смотрела. Все мое внимание было сосредоточено на маленькой твари, которая продолжала сидеть в углу и сверкать красными глазами.

И которую, судя по всему, видела только я!

«Что-то тут не так. Не могла же она мне привидеться! Значит, она реальная. Просто остальные, в силу отсутствия способностей, ее заметить не могут».

Я ошиблась. Ошиблась, когда решила, что вижу это создание в первый раз. Это не совсем правда. Я уже встречала такое существо. Правда, оно было в десятки раз больше и страшнее. Да и видела его я тогда мельком.

— Эфир, — прошептала едва слышно.

Монстрик моргнул, словно соглашаясь, и стал медленно ползти на свет, давая мне возможность рассмотреть его лучше и убедиться в

своей правоте.

Вот появилась острая мордочка, затем голова с небольшими острыми рожками, а после и все тело.

Это действительно была уменьшенная копия Эфира.

— Что там, дорогая? Что ты увидела? — спросила матушка.

Судя по недовольству в голосе, она уже пришла в себя.

— Ничего, — не оборачиваясь, ответила я. — Показалось, наверное.

— Это у вас от голода, госпожа, — тут же вставила кухарка. — Вы же так отощали с этими тренировками.

— Поскорее бы все закончилось, — вздохнула одна из служанок.

И остальные поддержали ее нестройным гулом.

— Айрин! — вдруг воскликнула мама. — Немедленно отойди от защитного поля, это может быть небезопасно!

— Не волнуйтесь, госпожа Есения, все будет хорошо, — вмешался управляющий. — Надо лишь подождать.

— Айрин!

Я почти не слушала их. Голоса казались приглушенными и такими далекими, а крохотный Эфир, наоборот, близким и реальным.

«Он оказался здесь не просто так. Это сигнал или знак. Он нашел меня, чтобы передать сообщение... или попросить о помощи».

Айрин! — вновь закричала матушка, вскакивая со стула.

Но было уже поздно.

Я не стала что-то говорить или объяснять. Просто шагнула вперед, преодолев небольшое сопротивление защитного поля, и оказалась снаружи, прежде чем меня смогли остановить.

— Айрин!

Мама тоже бросилась вперед, но мужчины успели вовремя ее остановить, не давая совершить глупость.

— Вернись немедленно!

— Прости, — прошептала едва слышно, не в силах смотреть ей в глаза.

— Айрин! Не смей! — закричала матушка.

Она больше не пыталась вырваться. Застыла каменным изваянием. Лишь в глазах, полных боли, блестели слезы. Мама поняла, что я задумала. И знала, что меня уже не остановить.

Я лишь мотнула головой, попятилась назад, а затем развернулась и бросилась бежать.

Вперед, наружу.

Как можно быстрее, пока не передумала. Пока не позволила страху взять верх.

Я даже не стала оборачиваться, чтобы убедиться в том, что монстр следует за мной. И так понятно, что он рядом.

А то, что существо не бросилось в атаку, подтверждало то, что это действительно уменьшенная копия Эфира.

Оказавшись на улице, я прижала руку к груди, пытаюсь восстановить дыхание. И только потом, сделав глубокий вдох, взглянула на небо.

А выдохнуть уже не смогла.

— Боги...

Это был не просто прорыв. Я даже не знала, как это назвать, как описать увиденное. Никогда прежде не слышала, не видела и не читала о таком.

Небо над нашими головами утратило свой яркий голубой цвет, став грязно-лиловым, с красными прожилками.

— Как же это? — прошептала, едва шевеля вмиг пересохшими губами.

Ноги ослабли, колени подогнулись, и я опустилась на пол, не в силах оторвать взгляд от этого захватывающего и в то же время жуткого зрелища.

«Как же с этим бороться? Прорыв и не прорыв одновременно. Как можно залатать трещину, если сам купол над городом истончился так, что сквозь него проступает бездна?»

Совсем рядом раздался шорох, заставив меня вздрогнуть и резко обернуться.

Метрах в двух на перилах сидел крохотный монстр.

— Что тебе нужно?

Тишина.

Глупо было надеяться, что он заговорит со мной.

— Тебя Хоторн послал?

Мини-дракон мотнул головой.

«Кажется, это можно расценивать как «нет».

— Но ты пришел за мной?

Кивок.

«А вот это «да».

— Он... с ним все в порядке? Хоторн жив?

«Да».

— А Питер?

Монстр помедлил пару секунд, а потом снова кивнул.

— Зачем ты меня вытащил? Что тебе нужно?

Сложный вопрос, а ответ на него еще сложнее. Но у него получилось.

Дракончик задрал мордочку вверх, потом посмотрел на меня. Снова мордочка вверх и обратно.

— Я должна что-то сделать? Помочь остановить глобальный прорыв?

«Да».

Но вызывать Эфри и бросаться на помощь я не спешила.

— Почему я должна тебе верить? Ты создание бездны, явился сюда против воли хозяина. А вдруг ты хочешь меня убить? Правда, я не понимаю зачем. Опасности от меня нет, как и толку.

Монстр фыркнул, явно давая понять, что я сказала какую-то глупость.

— Не аргумент. — Я покачала головой. — Намного легче поверить, что ты на стороне тех, за куполом, а не на нашей. Там твои родичи, а мы враги.

Дракон снова фыркнул, а потом коснулся лапкой груди, отодвигая темные чешуйки и показывая...

В его груди была рана. Видно, что старая, но все еще кровоточащая.

А еще...

— Сердце. У тебя нет сердца... — потрясенно выдохнула я. — Как такое возможно?

Существо молчало и просто смотрело. И в красных огоньках его глаз я видела ответы на свои вопросы, в которые боялась поверить.

— Он вырезал твое сердце. Хоторн. — Я с трудом сглотнула. — Вот в чем заключается их запретный ритуал. Так он тебя поработил.

«Да».

— Выходит, что если Коннор Хоторн погибнет то и ты тоже.

«Да»...

— Тогда твоя верность понятна, — поднимаясь, произнесла я. — Ты знаешь, что надо делать?

Монстрик кивнул и поднялся в воздух, чтобы тяжело приземлиться у меня на плече. Я с трудом смогла удержаться и не сбросить его оттуда. Хотя было страшно.

И не зря.

В следующую секунду дракончик вдруг впился крохотными зубками в плечо, прокусив не только платье, но и кожу.

— Эй!

Я дернулась, одновременно хватаясь за ранку и пытаюсь сбросить создание бездны, которое воспользовалось моей беспечностью.

Но он уже улетел.

— Вот поганец, — пробормотала я, изучая красные капли на своих пальцах. — До крови прокусил... до крови...

Подняв глаза, я нашла существо, которое вернулось на перила.

— Моя кровь. Кровь светлой. Вот что ты хотел сказать.

«Да».

— Лишь кровь светлых может восстановить купол... Почему я? — спросила у него и тут же сама нашла ответ на этот вопрос. — Потому что никто, кроме меня, не поверит созданию бездны. Значит, Хоторн не знает, что ты здесь, — произнесла я, снова поднимая взгляд на небо, которое с каждой минутой становилось все темнее.

Зачем я это сказала — непонятно. Наверное, лишь для того, чтобы оттянуть время. То, что я должна была сделать, опасно, страшно и могло убить меня. Немудрено, что я не торопилась.

«Нет».

— Почему? Он бы не позволил?

«Да».

— Есть способ. Моя кровь, древние символы. Надо заново создать защиту купола. И... и я разговариваю с монстром из бездны, — со смешком добавила и снова взглянула на лиловое небо.

Кажется или оно стало еще более темным и грозным?

— Как мы могли допустить такое? Как пропустили? — прошептала я, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы и становится больно дышать. — Неужели дядя прав? И всему виной Хоторны и... ты?

Дракончик молчал и не делал попытки как-то ответить.

Этого и не требовалось.

— Я все сделаю, — смахнув слезы, произнесла я. — Сделаю.

Коснувшись камня на груди, я закрыла глаза и призвала Эфри.

Глава 12

Коннор Хоторн

Кровь...

Ее аромат смешался с гарью, пеплом и солоноватым запахом моря, который преследовал его несколько недель. И уже не понять, что именно щекочет ему ноздри, заставляя вдыхать все глубже и глубже.

Но Коннор чувствовал ее.

И не только он.

Эфир, который последние несколько дней вел себя очень странно и почти все время молчал, неожиданно активизировался, словно очнулся от сна.

Кровь...

Кто-то ранен?

Мужчина распылил очередное создание, выбравшееся из трещины, и огляделся.

Здесь сложно было что-то рассмотреть. Четыре мощные трещины шли одна за другой. Каждая была опасна и требовала особого внимания.

Они и прежде сталкивались с подобными прорывами, но никогда не встречали подобного яростного сопротивления.

Шум, треск, пепел, гарь и дым, такой густой, что сквозь него сложно было что-то рассмотреть.

Да и отвлекаться — дело опасное. Слишком много тварей выползло наружу, слишком многие хотели его уничтожить.

«Мелисса»...

Коннор потянулся к ней мысленно, осторожно, стараясь не навредить. Младшая сестра еще не привыкла к такому контакту и в прошлый раз едва не потеряла сознание.

Она отозвалась почти сразу.

Злая, недовольная, но живая.

«Здесь... Отвлекаешь, братишка».

«Мы рядом», — раздался в голове голос Дина, и Хоторн довольно кивнул.

«Ранены?»

«Даже не зацепило».

Это Рейн.

«Держитесь. Их слишком много, но мы справимся».

Здесь можно было не волноваться.

Сестренка была под защитой Дина и Рейна, которые не только успевали отражать атаки, но и негласно присматривали за ней.

Нет, с этой троицей все в порядке.

Тогда кто?

Еще один монстр рассыпался в прах, а следом за ним другой, подобравшись ближе, чем остальные. Темный отчетливо видел острые белые зубы, которые так стремились впиться ему в шею.

Коннор позволил себе короткую передышку и нашел взглядом Питера. Обычно веселый и общительный, сегодня Монрей был слишком молчалив, да и на Хоторна почти не обращал внимания.

Их нельзя было назвать друзьями, но раньше они хорошо ладили.

Темный точно знал, в чем причина таких перемен: Рин.

Невероятная Светлая с густыми волосами, глазами цвета спокойного моря и ямочками на щеках.

Чужая невеста, забыть которую не получалось.

Она рассказала жениху про утреннюю встречу. Коннор сразу же это понял. Одного взгляда на мрачного Питера хватило, чтобы догадаться.

Но все ли Рин сообщила? Сказала ли о том, что показала ему своего пегаса, или о том, что они завтракали, расположившись на кривых корягах? Или о том, что Рин — единственная, с кем Коннор заговорил о своей жене?

Рин... соблазнительная и невинная сразу. Робкая и смелая, решительная и испуганная. Она не была похожа ни на одну из

знакомых ему женщин.

Девушки Хоторна были решительны, спокойны и четко выражали свои чувства и эмоции. Монрей же были запуганными тенями своих мужей.

Другие женщины, которых он встречал во время своих путешествий, вели себя с наследником Хоторнов иначе. Большинство стремилось попасть в его постель. Одни восторгались, другие боялись. Ни то, ни другое радости ему не прибавляло.

Но ни одна не смотрела на него с таким спокойствием, словно... словно Рин знала его. Или скрывала какую-то тайну, которую ему никак не разгадать.

Темный тряхнул головой и принялся расчищать себе путь к светлему.

Это оказалось сложно. Монстры старались отсечь их друг от друга.

— Ты как? — выдохнул Коннор, оказавшись рядом.

— Не очень. Придержи их. Мне надо подобраться к трещине. Иначе мы тут надолго застрянем, — поражая световым мечом ближайшего монстра, произнес Питер.

— Ранен?

Монрей бросил на него странный взгляд, но все-таки ответил:

— Нет. А что?

Коннор послал мощный заряд в сторону крылатых тварей, и окружающее пространство заполнила очередная порция гари.

— Кровь. Я чувствую кровь, — произнес мужчина.

— Не от меня. Так ты поможешь?

— Давай. Я впереди, ты следом, — разминая затекшие плечи, которые сдавливала прочная черная броня, ответил Темный. — Позиция 3.4.

— Сил-то хватит? — криво усмехнулся Питер, создавая в руке отменный шар, который сразу же бросил в сторону трещины, испепелив десятка два монструозных птичек.

— Хватит. На счет три?

— Три!

К трещине они продвигались долгих пять минут Коннор впереди, максимально призвав силу и Эфира, который охотно отзывался. Питер следом, надежно прикрывая тыл.

— Давай! — проорал Коннор, открывая доступ к трещине.

В воздухе снова запахло кровью, когда Монрей разрезал ладонь и прижал ее к куполу.

Кровь светлых.

Ее ни с чем не спутаешь. Но тогда чей аромат он все это время так остро ощущал?

— В чем дело? — выкрикнул Коннор, заметив замешательство на лице светлого.

Твари бездны упорно лезли вперед, пытаясь до них добраться, и оторваться было сложно.

— Не выходит.

— Что? Что не выходит? — спросил темный, снова сосредоточившись на схватке.

— Она не закрывается! — проорал Питер, убирая руку.

— Этого не может быть!

— Может... Если дело не в трещине!

Монрей запустил светом в морду ящероподобного монстра, который сумел подобраться к нему слишком быстро, плюясь ядовито-зеленым ядом.

— А в куполе... — процедил Коннор и быстро осмотрелся. — Хитро! Дым и гарь. Мы не видим главного! Самого купола.

— И того, что они почти его уничтожили! — продолжал Питер, запустив золотой бумеранг.

Пролетая по кругу, он снес головы парочке тварей.

— Надо отсюда выбираться. Нужен просвет... Бездна! — Монрей вдруг побледнел и коснулся купола двумя руками, забыв о защите.

— Что не так? — тут же спросил Хоторн, быстро создавая вокруг них прозрачный щит.

Жаль, надолго его не хватит, а сил высосет достаточно.

— Волна. По куполу прошла волна силы.

— Они его разрушили? Сколько у нас времени?

— Нет, его... укрепляют.

— Укрепляют? — переспросил Коннор. — Но кто?

Новую волну силы темный почуял сам и вздрогнул, ощутив аромат крови, который стал еще ярче.

Тогда-то он все и понял.

— Рин!

— Рин? Ты сказал Рин? При чем тут она? — тут же насторожился Питер.

— Ты что, не понял? Это ее кровь! Это она обновляет купол! — крикнул Коннор, призывая Эфира.

Крылья за его спиной исчезли, а через мгновение мужчина приземлился на спину своего монстра.

— Неси меня к ней! — велел Хоторн.

«Лишь бы не опоздать».

Они долго выбирались из дыма.

Твари хорошо постарались, скрыв свои истинные замыслы и отвлекая от главного. Трещины — лишь мелочь. Они собрались уничтожить весь кусок купола над городом.

Если удастся выжить, надо пересмотреть весь порядок защиты от обнаружения трещин. Что бы глава светлых ни говорил, старые методы уже не работают. Пора внедрять новые. Иначе скоро будет уже поздно.

Вырвавшись из облака горького дыма, Коннор сразу же взглянул на небо и громко выругался.

Оно было не голубым. И уже не лиловым. Его цвет приближался к грязно-розовому, почти прозрачному.

Если хорошо присмотреться, можно было увидеть копошащиеся тени тварей, которые сейчас очень сильно напоминали клубки с гадюками.

Но время еще есть. И шанс все исправить тоже.

Хоторн быстро осмотрелся.

Долго искать не пришлось. Темная точка прямо по курсу притягивала взгляд и источала солоноватый аромат крови.

— Дурочка! Что ж ты делаешь!

Он уже встречал подобные попытки прорвать купол таким способом. Редко, но они случались. На его памяти раза два. И оба этих раза купол восстанавливали самые сильные бойцы рода Монрей. Но даже они с трудом справлялись и после этого неделю валялись на койке, а потом досрочно отправлялись на пенсию.

Страшно подумать, что станет с хрупкой девушкой, которая и силой-то полностью не владела.

— Быстрее! Быстрее! — приказал Хоторн, пятками впиваясь в бока Эфира.

Еще одна мощная силовая волна прошла по куполу, едва не сбив его с седла, заставив застыть на мгновение.

— Ничего себе. А девчонка-то сильна, — пробормотал он, всматриваясь в хрупкую фигурку с белоснежными крыльями, которая парила над городом, выводя кровавые символы защиты.

Всего их должно быть семь.

Семь кругов полной защиты, призванной укрепить купол. И только потом можно было бы закрыть трещины.

Судя по волнам, было сделано уже три.

— Не подходи! — выкрикнула Рин, резко обернувшись.

И Коннора едва не сбilo с седла огненным шаром.

— Остановись! — с трудом увернувшись, отозвался он.

Эфир исчез, сложившись темными крыльями за его спиной.

Она была в знакомых доспехах, но без шлема. И длинные волосы окутывали ее, словно покрывало.

— Ты не понимаешь...

— Понимаю. Ты не сможешь закончить. Твоих сил не хватит!

— Хватит! Ты не знаешь.

Девушка крутанулась на месте, и вокруг нее возникло небольшое силовое поле, которое слегка искрило и переливалось на свету.

— Знаю. Что это должна делать не хрупкая несовершеннолетняя девчонка, а сильный Светлый... Как ты вообще здесь оказалась? Ты же должна была быть в подвале.

— Я и была! — возвращаясь к символам, произнесла Рин. — Пока меня не позвали. И не надо говорить мне, что я слабая, что всего лишь девчонка... Если бы я не поспешила, то было бы поздно. Ты же видишь их... этих существ. Копошатся, монстры. У них почти вышло, они почти уничтожили купол.

— Остановись. Питер закончит.

— Начать и закончить должен один, — упрямо повторила девчонка.

Коннор подобрался к ней так близко, как только мог, лихорадочно размышляя, как вытащить ее из защитного кокона и не убить при этом.

Она дрожала всем телом. С пальцев текла кровь, которая, попадая на защитное поле, трещала и испарялась с легким шипением.

Новая волна.

Четвертая.

Не выдержав напора, Рин жалобно вскрикнула и сжалась от боли, с трудом дыша.

— Впусти меня! — прорычал Коннор и бросился на защитный кокон, который тут же отбросил его назад, слегка оглушив

— Нет, — прошептала она и защиту не убрала.

— Глупая девчонка!

Рин снова вздрогнула, но глаз не отвела.

Сейчас из-за магии они сияли так ярко, что можно было ослепнуть.

— Вы ошиблись... они вас перехитрили.

— Рин!

Коннор снова бросился на купол, отлетел и опять. Он готов был бросаться на него снова и снова, лишь бы добраться до девчонки, лишь бы остановить ее.

Светлая снова взялась за символы. И каждый давался ей все сложнее. Было заметно, что силы кончались. Что еще немного — и она иссякнет. Древняя магия высосет ее до дна.

— Нет! Остановись!

Это Питер.

Монрей подлетел ближе, едва не сбив Хоторна, и коснулся защитного кокона, который лишь слегка заискрил, но не ударил.

— Что ты делаешь?

— Твою работу, — отозвалась она, на мгновение обернувшись.

Темный едва не зарычал от бессилия, увидев алую струйку крови, которая вытекла из уголка ее губ.

— Я закончу!

— Нельзя, — отозвалась девушка, из последних сил выводя символ пятого круга силы.

— Можно. Мы одно целое. Жених и невеста! Наш союз одобрен богами и священниками.

— Был, — неожиданно прошептала Светлая и вдруг закричала, когда пятая волна прошла через ее хрупкое тело.

Они одновременно бросились к ней, и защита, не выдержав, рассыпалась.

Хоторн подхватил девушку на руки и взглянул на Питера, который попытался забрать ее себе.

— Заканчивай. Осталось всего два круга.

— А ты? — нахмурился Монрей, не сводя глаз с бледного лица невесты.

— Я спасу ее.

— Что ты задумал, Хоторн?

— Ты же хочешь, чтобы она очнулась? — прорычал Коннор. — Заканчивай тут побыстрее. Нам еще трещины заделать надо.

— Если ты что-то с ней сделаешь...

— Ничего. Клянусь! Я не трону твою невесту и уж точно не стану причинять ей вред, — неожиданно поклялся Темный.

Питер смотрел на него несколько секунд, а потом кивнул.

— Хорошо. Верни ее, Хоторн.

Мужчина развернулся, призывая Эфира.

Оказавшись на его спине, он сильнее прижал хрупкое тело к груди, направляя монстра к домику на окраине города.

Спустя пять долгих минут Эфир опустился на террасу и пригнулся, позволяя им слезть с него.

Коннор рванул в дом, пинком вышибая дверь. Оказавшись в коридоре, побежал в крохотную ванную комнату.

В центре на массивных ножках стояла чугунная ванна. Туда он и уложил Рин и принялся набирать воду.

«Уверен?» — раздался в голове тихий шепот, заставивший его вздрогнуть.

Слишком давно Эфир не подавал голоса.

— Да, — бросил мужчина, осторожно приподнимая ее голову.

Нельзя, чтобы она захлебнулась. По крайней мере, сейчас.

«Если они узнают...»

— Не узнают!

«Не простят...»

— Они не узнают. Никто! — упрямо повторил Коннор, пробуя воду.

Холодная. То, что нужно. Иначе она сгорит.

«Ни твоя, ни ее семья... не простят».

— Рин будет жить.

«Ты же ее не знаешь...»

— Это неважно! — рыкнул Хоторн, одной рукой удерживая голову девушки, другой пытаясь обнажить свои руки.

«Почему ты рискуешь ради нее?»

Мужчина замер на мгновение.

Если бы на этот вопрос было так легко ответить.

— Она должна жить.

Вода была холодной, но девушка не дрожала, да и дышала через раз.

Кожа бледная, почти прозрачная, и через нее можно даже разглядеть тонкие нити капилляров. Губы белые, обескровленные.

Коннор застыл на мгновение, проведя пальцами по ее губам.

— Все будет хорошо. Ты не узнаешь. Никто не узнает. Я никогда не требую с тебя клятвы...

Темный осторожно отпустил голову, и она погрузилась наполовину, но удержалась на плаву.

Не теряя времени, мужчина выхватил из голенища сапога короткий нож и полоснул себя по запястьям.

Алая кровь моментально окрасила воду в бледно-розовый свет, который с каждой секундой становился все темнее.

Древние слова тихим шепотом сорвались с губ, когда мужчина обхватил голову девушки двумя руками и надавил, погружая ее под воду.

Она не сопротивлялась. Не кричала, не вырывалась, когда он топил ее.

Слова становились все громче, вода темнее и теплее. Из холодной, почти ледяной, она становилась горячее.

Эфир, приняв облик крохотного дракончика, примостился рядом и дунул пламенем и пеплом, подтверждая совершенное темной силой.

Пепел и огонь закружились в вихре вокруг них, а потом погрузились в воду.

Коннор выдохнул последнюю фразу и рывком поднял девушку из обжигающе горячей воды. Жадно вгляделся в лицо с красными и черными от пепла разводами.

«Жива. Дышит».

Мужчина с трудом нащупал пульс и прислушался.

Сердце билось. Нервно, но билось. И с каждым ударом этот ритм становился все сильнее. «Свершилось».

То, как Эфир это произнес, заставило Коннора более пристально взглянуть на него.

«Я и была. Пока меня не позвали!»

Так она сказала. Что ее позвали.
Догадка молнией сверкнула в голове.
— Это ты! — прохрипел мужчина. — Это ты привел ее к куполу.
Ты сказал, что надо делать.
«Я», — не стал отпираться дракон.
— Зачем?
«Ты же сам сказал: она должна жить».
— Ты хоть понимаешь, что будет?
«Сам сказал: никто не узнает. Пока не знает, — прошипел монстр и довольно сощурился. — Теперь она наша...»

Глава 13

Айрин

Как же страшно очнуться и понять, какой же непроходимой дурочкой оказалась.

Придя в себя, я не открыла глаза, чтобы порадоваться дню или ночи. Не стремилась успокоить матушку заверениями, что больше никогда так не буду. Я бы обещала, она делала бы вид, что верит. И, конечно бы, пожурила, поплакала, а потом обняла.

Нет, я лежала с закрытыми глазами и размышляла, какой же идиоткой оказалась. И не просто идиоткой, а в квадрате.

Первый раз, когда поверила летающей ящерице с красными глазами и ринулась спасти купол в одиночку. В свое оправдание могу сказать, что думала о том, чтобы найти Питера и ему все рассказать. Но от этой идеи пришлось отказаться.

Взлетев над городом, я увидела такую огромную дымовую завесу, что сразу же поняла, что поиски бывшего жениха займут очень много времени. А если монстры будут мне мешать, то еще больше. Вот только этого самого времени у нас не было: счет шел на секунды.

Именно поэтому я и начала латать купол сама.

Удачное место выбрали, твари! Здесь, в курортном городе, не было сторожевых башен, которые могли бы забить тревогу. Все маги ринулись к трещинам, жители спрятались по домам, и никто не видел, что на самом деле происходит над нашими головами.

Второй раз я сглупила, когда явился Хоторн и решил меня остановить. Не скажу, что поступила неправильно, когда отказалась его слушать. Потому что это не так. Защиту из семи уровней действительно должен был начать и закончить один человек.

Именно поэтому я так уперлась и даже световыми шарами кидать начала.

И вроде все логично, но ощущение глупости и неполноценности никуда не делось. Особенно ввиду того, что Темный оказался прав. Я не справилась. Моих сил хватило лишь на пять уровней.

Я отлично помнила, с какой болью выводила каждый знак. Как вместе с кровью вытекала из рук сила, все сильнее приближая мой конец.

Когда волна ударила в грудь, вышибая воздух, я мысленно попрощалась со всеми, уверенная, что больше не вернусь.

И как после всего произошедшего я еще осталась жива?

— Я знаю, что ты очнулась, — вдруг произнес голос совсем рядом.

И это была не матушка.

Все мои попытки притвориться спящей были забыты.

Я открыла глаза и попыталась сфокусироваться на плечистой фигуре у моей постели.

— Здравствуй, — произнес мужчина, подаваясь вперед.

— Что ты здесь делаешь? — с трудом шевеля онемевшим языком, спросила я и попыталась осмотреться.

Моя комната, моя постель.

Судя по тусклому освещению, сейчас поздний вечер... возможно, даже ночь. И мужчине здесь нельзя было находиться.

Я скосила глаза, пытаясь понять, достаточно ли меня прикрыли, потому что сил пошевелиться не было.

— Жду, когда ты очнешься, — произнес Питер, беря меня за руку.

Отдернуть ее я тоже не смогла. Да потом и не захотела: от него шло тепло, помогающее мне согреться. Хотя до этого самого момента я не знала, что замерзла.

— Будешь меня ругать? — тихо спросила у него.

— А это поможет?

— Не знаю. Но ты можешь попробовать.

— Это было глупо, Айрин, — со вздохом произнес Питер и сжал мою ладонь двумя руками.

Его сила мягко потекла по моим винам, помогая телу восстановиться.

— Знаю, — призналась я.

— Но я не могу не признать, что твоя глупость спасла нас, — вдруг произнес мужчина, поднимая на меня взгляд.

— Серьезно? — недоверчиво переспросила у него. — У тебя получилось закончить?

— Получилось. Мы же с тобой связаны, забыла?

— Не забыла.

— Ты молодец. Правда. Знаю, что должен кричать на тебя, ругаться, но не могу не признать, что ты большая умница.

— Я хотела найти тебя и рассказать, но не смогла. Там было столько дыма, гари, — начала оправдываться я. — На поиски ушло бы так много времени, которого у нас не было.

— Понимаю.

— Который час? — Я снова взглянула на окно.

— Почти полночь.

Такой поздний час, и вся двусмысленность ситуации его совершенно не беспокоила.

— Тебе нельзя здесь находиться, — заметила я. — Ты же знаешь.

— Твоя мама разрешила.

— Где она? С ней все хорошо?

«А вдруг мама пошла следом за мной и пострадала? Если я своим поступком погубила ее?»

— Не переживай, с госпожой Есенией все хорошо. Скоро придет. Она спустилась за чаем, позволив мне немного побыть с тобой. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Ничего не болит? — продолжал допытываться мужчина.

— Нет. — Я с трудом покачала головой, а потом добавила: — Разве что мышцы ноют.

Но, видимо, Питер ждал от меня другого ответа.

— Ты не чувствуешь в себе никаких изменений? Может, что-то необычное. Чего раньше не было?

А вот это уже подозрительно. И страшно.

— Почему ты спрашиваешь? Что-то случилось? Меня отравили? Изменили? Эти твари что-то со мной сделали?

— Нет-нет, все не так, — тут же попытался успокоить меня Питер.

— Скажи мне правду! — прохрипела я и раскашлялась от боли в пересохшем горле.

— Подожди, я налью тебе воды.

Мужчина вскочил со стула и бросился к графину.

Налив в стакан воды, он помог мне сделать пару глотков.

— Спасибо, — прошептала я, откидываясь на подушку. — Так что случилось после того, как я потеряла сознание?

— Дело не в существах из бездны. Они до тебя не добрались, — возвращаясь на свое место, произнес бывший жених.

— А в чем тогда?

— В Хоторне.

Мысль о муже, о том, как он отчаянно пытался пробиться сквозь защиту, невзирая на боль, как уговаривал меня остановиться... Все это заставило меня на мгновение задержать дыхание и прикусить губу.

— Это Хоторн тебя спас, — продолжил Питер, заметив мое смятение.

— Что значит спас? — нахмурилась я. — Почему он, а не ты?

— Потому что я завершал восстановление купола. Ты была плоха, Айрин. Практически полностью лишенная сил, бледная, едва дышала. И он тебя спас.

— Как?

Питер лишь покачал головой.

— Мне это неизвестно. Но он принес тебя домой, всю мокрую и грязную.

— Грязную?

— Да. В пепле и крови.

— Крови? — побледнела я.

— Кровь была его. Поэтому я и хочу знать: ты чувствуешь в себе какие-то изменения? Это очень важно, Айрин.

На этот раз я не торопилась. Закрыв глаза, старательно прислушивалась к своему телу. Может, что болит? Да нет, не болит. Усталость есть, слабость тоже, но ничего не болит. Тогда, возможно, что-то изменилось во мне самой, стало другим?

Нет, ничего. Чувства, эмоции и даже мысли не поменялись. Я не воспылала великой любовью к темным и не возненавидела светлых.

А Питер молчал и ждал.

— Ничего, — открыв глаза, произнесла я.

— Уверена?

— Да.

— Может, еще проверишь?

— Было бы намного легче, если бы я знала, что именно искать, — пробурчала я, приподнимаясь и поправляя покрывало на груди.

Силы постепенно возвращались.

— Хоторн не просветил меня, что именно сделал.

— Спросить не пробовал?

— Они уехали вчера.

Я замерла, недоверчиво на него уставившись.

— Когда они уехали?

— Вчера. Ты пробыла без сознания трое суток. Теперь ты понимаешь мое смятение? Да, прошло трое суток, но ты почти полностью восстановилась. Не только физически, но и магически. А это практически невозможно. После такого Светлые месяцами приходят в себя. Иногда дар уходит навсегда.

Я с трудом проглотила стоящий у горла ком.

— Что он со мной сделал?

— Не знаю.

Я снова взглянула на окно.

— Три дня... Целых три дня. Такое невозможно скрыть. Дядя знает?

— Глава рода здесь, — ответил Питер, поднимаясь. — И да, он все знает.

«Боги, помогите!»

С дядей я встретилась только через два дня.

Наверное, это были самые трудные и долгие два дня в моей жизни.

Было бы гораздо лучше, если бы он сразу пришел, наорал на меня, высказал все, сыпал угрозами, чем вот так... Вздрагивать от любого шума или шороха, ждать его с каждым стуком в дверь и бояться, снова и снова прокручивая в голове возможный разговор.

Питер после того разговора больше не появлялся, а я боялась спросить у мамы, где он и что с ним. Дядя мог ведь и его наказать за помощь мне.

Все эти дни рядом были матушка и старший брат.

Если она хоть как-то старалась уберечь меня от невзгод, то Кай в выражениях не стеснялся.

— Я всегда знал, что из этого ничего не получится! — выдал он, меря шагами комнату. — Из тебя ничего не получится, Айрин!

— Кай! — воскликнула мама. — Прекрати немедленно!

Я на его выпад никак не отреагировала, лишь поставила на поднос кружку с укрепляющими травами и промокнула губы салфеткой.

— И не подумаю. Это все ты со своей любовью и потаканием каждому капризу. Никак не можешь простить себе ее брак с Хоторном и готова закрыть глаза на каждую ее выходку. Она же все уничтожила. Все многолетние труды. Она уничтожила нас! Думаешь, глава отблагодарит нас за произошедшее?

— Кай! Финне же мой брат — вскрикнула матушка. — Он не может так с нами поступить.

— Он глава рода, мама. И должен поступать соответственно своему положению, невзирая на родственные связи. Наказать виновную и семью, которая ее воспитала. Вот что правильно! Айрин погубила нас, мама! Остается лишь смириться.

— Прекрати истерить, — произнесла я, не в силах выслушивать его нытье.

Ведь взрослый мужчина, сильный, опытный воин, а ведет себя как девица.

Кай обернулся ко мне и оскалился.

— Что ты сказала?

— Что слышал.

— Думаешь, то, что ты лежишь в постели и изображаешь из себя жертву, остановит меня? Давно надо было преподать тебе урок, — выдал Кай, сжав кулаки и шагнув вперед.

— А давно ты стал таким смелым? — спокойно спросила я.

— Кай! Айрин! Прекратите оба! — вскричала матушка, вставая между нами. — Кай, хватит, она же твоя сестра. Айрин едва не погибла. Ее надо пожалеть.

Брат лишь фыркнул на это заявление, но руки в карман убрал и отвернулся к окну.

— Айрин, Кай мужчина и старше тебя. Нельзя так разговаривать! Прояви уважение, — принялась отчитывать меня матушка. — Все мы в шоке от происходящего. Но вместо того, чтобы ссориться, должны объединиться. Мы же одна семья. Вы меня поняли?

— Да, — нехотя отозвалась я.

А Кай лишь кивнул, продолжая стоять у окна.

— Я знаю, что поступила глупо, что не должна была этого делать. Но у меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. Просто ты, как всегда, решила, что особенная. Но это не так. Да, дядя дал тебе привилегии, но ты всего лишь девчонка, — заявил брат и вышел, громко хлопнув дверью.

Мама тут же бросилась ко мне.

— Милая, прости его. Кай любит тебя, но он боится, что произошедшее расстроит его свадьбу.

— Только этого не хватало, — простонала я, откидываясь на подушки. — Питер никогда не станет отменять свадьбу сестры из-за меня.

— Не Питер принимает решение, — покачала головой мама.

На шестой день я смогла встать с постели, одеться и даже выйти на балкон, чтобы подышать свежим воздухом и полюбоваться красивым видом.

Там меня и нашел дядя.

— Вижу, тебе лучше.

Я тут же вскочила со своего места и склонила голову.

— Приветствую вас, глава.

Голова от резкого подъема закружилась, ноги дрожали, а спина ныла от напряжения, но я продолжала стоять и ждать разрешения.

— Смирение изображаешь, Айрин? С каких это пор?

Я молчала и старалась не двигаться.

— Почему Хоторн тебя спас?

Не этого вопроса я ожидала.

— Н-не знаю, — пробормотала в ответ и рискнула поднять взгляд.

Финне Монрей стоял передо мной, сложив руки за спиной. Высокий, статный, грозный.

И в глубине его светло-карих глаз я не видела ничего. Лишь пустоту, от которой кожа покрылась неприятными липкими мурашками.

— Знаешь, Айрин, знаешь.

— Нет, — совершенно искренне ответила я и выпрямилась. — Для меня это загадка. Почему и что он сделал, чтобы спасти меня.

— Что Хоторн сделал, я сказать не могу, но почему — знаю.

— Да? И почему же?

— Ты ему понравилась, Айрин. Каким-то образом, совершенно неожиданно ты смогла заинтересовать своего мужа.

Я открыла рот и закрыла, не зная, что сказать на подобное заявление.

— Молчишь? — насмешливо поинтересовался дядя. — Неужели тебе нечего сказать?

— Этого... этого не может быть. Я не могла его заинтересовать, мы встречались всего два раза.

— Иногда достаточно одного взгляда, чтобы все изменилось.

— Этот взгляд был на нашей свадьбе пять лет назад, и это ничего не изменило, — возразила я. — Почему вы думаете, что сейчас другой случай?

— Присядь, — велел дядя, кивнул на стул, а сам остался стоять. — Ты еще не совсем оправилась после случившегося и с трудом стоишь на ногах. Честно говоря, я удивлен твоими успехами. И смелостью.

«Похвала? Неужели?»

Но я не спешила радоваться.

Дядя мог сначала похвалить, а в следующую секунду лишить всего.

— О чем вы разговаривали на пляже?

Я растерялась, не зная, что сказать.

— Ни о чем. Об Эфри, обо мне... его жене.

— Ты спрашивала о себе? — спросил мужчина, сверля меня взглядом.

— Да. Простите, я не должна была, но... мне было любопытно, что Хоторн думает обо мне. Ненавидит ли.

— И как? Ненавидит?

— Нет. Ему жена не нужна. Хоторн ничего не хочет о ней знать. Я сказала, что встречалась с ней, но он ничего не спросил.

— Значит, Темного жена не интересуется, но волнуешь ты, — подытожил глава.

— Я бы так не сказала, — пробормотала я, чувствуя, как начали гореть щеки.

«Не время сейчас жалеть себя. Надо спасти хотя бы Питера!»

— Дядя, простите. Питер ни в чем не виноват, он лишь пытался меня выручить, когда назвался женихом. Хоторн появился так неожиданно. Мы не знали, что делать. И мама тоже не виновата. Мы ничего не сказали ей о Хоторне. Она присматривала за мной, но вы же знаете... я могу быть просто невыносима. Обмануть всегда могла.

— А Питер винит во всем себя, — вдруг заявил Финне Монрей.

— Это неправда! Питер не виноват! — вскрикнула я, снова вскакивая.

Дядя усмехнулся и как-то слишком пристально изучил меня с ног до головы, словно искал что-то.

— Двое мужчин. Оба за эти пять лет ни разу не вспоминали о тебе, но, раз увидев, готовы рисковать своей жизнью. М-да, как это ни прискорбно, но я кое о чем забыл, когда начал тренировать тебя.

— О чем? — удивленно переспросила я.

— О том, что ты можешь вырасти в очень красивую девушку, Айрин, — отозвался дядя и отвернулся, опираясь ладонями о перила.

Я продолжала стоять, буравя взглядом его спину и пытаюсь понять, что означают эти слова. Спасение или наказание?

Молчание становилось все более невыносимым.

Я больше не могла жить в неизвестности. Мне надо было знать правду. Прямо сейчас.

— Что же теперь делать?

Он молчал.

— Теперь Хоторн считает меня невестой Питера. Что будет, когда он узнает, что я Айрин Монрей? Что я его жена? Как же быть, дядя?

— Он не узнает, — наконец произнес мужчина, продолжая стоять ко мне спиной.

— Что? Как?

— Не сейчас.

Мужчина хлопнул ладонями по перилам и повернулся ко мне.

— На восстановление тебе надо еще пару недель. И ты их получишь. А потом отправишься к Питеру.

— К-куда?

Я ждала чего угодно. Ссылки в отчий дом или в какое-нибудь отдаленное поместье, пищу на еде и воде или жуткие ежедневные тренировки. Но это?..

— К Питеру, — повторил Финне Монрей, сверкая глазами. — Навестишь жениха в боевых условиях.

— Я не понимаю...

— Коннор Хоторн тоже будет там.

Я прикрыла глаза на несколько секунд и тяжело сглотнула.

— Но зачем?

— Ты должна будешь кое-что сделать, Айрин. Кое-что очень важное. И да, тебе надо научиться откликаться на новое имя. Как тебе Лирин?

— Лирин, — ошарашенно пробормотала я, совершенно запутавшись.

— Да, с этого дня ты Лирен Монрей, невеста Питера. Запомни это. И не выдай себя. От этого зависит все. Понятно?

— Да, — еще тише ответила ему. — И что же я должна буду сделать?

— Ты? — Дядя растянул губы в жуткой улыбке, от которой неприятный холодок прошелся по позвоночнику. — Ты должна сделать все, чтобы Коннор Хоторн тебя полюбил!

Глава 14

Месяц спустя

Коннор Хоторн

— Тебе говорили, что длительное воздержание плохо влияет на умственную и физическую деятельность? — спросил Дик, присаживаясь рядом.

Коннор слегка подвинулся, уступая место другу, и продолжил смотреть на бесконечную степь, которая раскинулась перед ними. Ствол старого, поваленного во время песчаной бури дерева на краю обрыва — не самое удобное место для сидения, зато вид с него на ржаво-оранжевую пустошь с редкими кривыми кустарниками открывался потрясающий.

Их срочно вызвали сюда две недели назад.

Маги-разведчики доложили о серьезном истончении купола в этом районе и подозрительной активности тварей.

Прорыв за это время был всего один. И тот короткий, и какой-то невразумительный. Твари будто прощупывали местность, выискивая слабые места.

Как бы то ни было, расслабляться Хоторн не собирался. Месяц назад это едва не закончилось катастрофой.

— Что-то я не заметил, что многочисленные похождения как-то положительно повлияли на твои способности, — ответил Темный, складывая лист бумаги, который до этого держал в руке, и убирая в карман. — Скорее наоборот. Не ты ли проспал прорыв в Озерграде полгода назад после ночного пира со служанкой из таверны?

Дика было сложно смутить.

— Единичный случай. Но ты бы видел эту даму. От такой было просто невозможно уйти.

— Избавь меня от подробностей, — усмехнулся Коннор.

Налетевший порыв ветра принес горький запах пустынного кустарника и мягко ударил в спину, растрепал волосы.

— Но ты же не знаешь, что было бы, не одаривай я женщин своим вниманием. А вдруг превратился бы в идиота, который не может связать и двух слов?

— Мелисса и так считает тебя идиотом.

— Твоя сестра всех считает идиотами, — отозвался Дик, потирая шрам на скуле. — Но это не значит, что так и есть.

— Чаще всего она права. У меня иногда создается впечатление, что ты спишь со всеми этими... женщинами лишь для того, чтобы досадить ей.

Парень коротко рассмеялся и смерил насмешливым взглядом друга.

— Кому? Твоей сестре? Ха! Да у меня первая женщина появилась, когда Мел еще в пеленках лежала и пузыри пускала.

— Я никогда не спрашивал и не вмешивался, но... почему бы вам просто не поговорить? — вдруг спросил Коннор.

Мужчина наклонился и сорвал травинку.

Сухая. Как и все здесь.

— Мы говорим.

— Я бы не назвал это разговором. Вы все время ругаетесь.

— Обсуждаем проблемы, — возразил Дик.

— На повышенных тонах?

— Что поделаешь — темперамент. Кроме того, Мел так смешно злится и реагирует, что удержаться невозможно.

— Ты тоже, — заметил Хоторн, — реагируешь... и весьма примечательно.

— Слушай, я пришел обсудить твое состояние, а не свои отношения с Мелиссой. Которых, кстати, нет, что бы ты там себе ни придумал, — решительно заявил Дик, ткнув друга локтем в бок. — Так что прекрати переводить разговор и лучше скажи: когда закончится твой целибат?

Коннор хмыкнул и закрыл глаза, подставляя лицо жаркому солнцу.

— То, что я не бросаюсь на каждую женщину, не означает, что у меня целибат. Я предпочитаю иные отношения и на своей территории. И тебе советую. Степняки — народ гордый и горячий. Обидишь их — и они могут отрезать что-нибудь.

— Горячий и темпераментный. А еще здесь можно найти женщин, готовых утешить великих воинов. Другие нравы, другие традиции. Здесь менее щепетильны в вопросах брака. Кровь — вот что главное. Ты знаешь, сколько женщин мечтает родить ребенка от одного из темных?

— Ты так стремишься стать отцом? — приоткрыв один глаз, спросил Хоторн.

Светловолосого слегка передернуло.

— Нет, но им-то это знать не обязательно. Есть же много разных способов.

— Спасибо, учту.

Дик некоторое время молчал, ерзая от нетерпения, а потом выдал:

— Это из-за нее, да? Из-за этой девчонки Монрей?

— Что из-за нее? — спокойно спросил Хоторн.

Он открыл глаза и сорвал очередную травинку, которая быстро рассыпалась в его руках.

— Да все. Ты в последнее время сам на себя не похож.

— Ты это и раньше говорил. И не только ты. Все. Уже более полугода.

— Говорил. Но сейчас ты еще мрачнее стал.

— А может, вы просто не знаете, к чему прицепиться? Дик, я не стану это больше обсуждать, — со вздохом произнес мужчина.

— Я все вам рассказал еще месяц назад. И не только вам.

— Нет, не все. Если ты со мной не хочешь это обсуждать, то я могу позвать Мел, — вдруг предложил Дик и неожиданно признался: — Честно говоря, именно она сюда больше всех рвалась. Но мы подумали, что для обсуждения твоей личной жизни лучше подойдет мужчина. Твоя сестрица, конечно, сильна, но разговаривать на тему отношений не способна.

— А ты способен? — усмехнулся Коннор.

— У меня опыт. Хочешь, поделюсь?

— Не стоит!

Мужчина легко поднялся и взглянул на друга.

— Обсуждать нечего, Дик. Моя личная жизнь — это моя личная жизнь. Сплю я с кем-то или нет — вас не касается. А про Рин Монрей вам давно следует забыть. Она светлая и, кроме того, невеста другого.

Дик встал следом и взглянул на друга. В глубине серых глаз не было и намека на шутку, лишь тревога.

— Хорошо, что ты об этом помнишь.

— Я об этом и не забывал. — ответил Хоторн и уже собрался уходить, когда услышал тихое:

— О тебе наводят справки, Коннор.

Мужчина медленно обернулся и непонимающе взглянул на друга.

— Какие справки? Кто?

— Не знаю. — Дик пожал плечами и занервничал еще больше. — Мне парни из других групп рассказали. Сам понимаешь, у главы много недругов, которые мечтают спихнуть его с трона. А нарушение наследником закона отличный для этого повод.

— Я не нарушал закон, — упрямо повторил Хоторн.

— Да, но ты спас девчонку.

— Это не преступление. Мы же вроде как союзники со светлыми. Против Бездны сражаемся. Мне казалось, что спасение светлой должно улучшить наши взаимоотношения.

— Что-то не заметно. Питер за этот месяц и пары слов тебе не сказал, — возразил Дин и тяжело вздохнул, взъерошив волосы на затылке.

Не сказал и даже не смотрел в его сторону, а если и задерживал взгляд, то Коннору становилось немного не по себе. Словно Питер знал все и даже больше.

Хоторн все еще ждал, что Монрей подойдет и хорошенько врежет ему или выругается, запретит подходить к Рин и даже вспоминать о ней. Но время шло, ничего не происходило, а натянутость никуда не делась.

— Мы с ним закадычными друзьями не были, — заметил мужчина, пожав плечами.

— Но и врагами тоже. Ты же не дурак, чтобы кровью привязывать совершенно незнакомую девицу, которую видел всего пару раз. К тому же светлую и обрученную с другим. Да и сам ты женат, — произнес Дик, пристально наблюдая за ним и пытаясь отследить реакцию.

Тема была опасная. И даже думать о таком было опасно.

Но Коннор остался все так же невозмутим и спокоен. Может, даже слишком. Ведь обвинения были серьезными.

— Хорошо, что мы оба это понимаем.

Блондин некоторое время смотрел на друга, но, поняв, что другого ответа не добьется, рассеянно кивнул.

— Ты все больше отдаляешься от нас. А это неправильно. Мы твоя команда. Мы на твоей стороне.

Хоторн подошел к другу и хлопнул ему по плечу.

— Я знаю. И ценю вашу поддержку. Но дело действительно не в этой светлой. Я просто помог ей. И все. Чудо, что получилось.

— Если не в ней, то в чем?

— Меня волнует не кто-то конкретный, а вся ситуация в целом. Что-то надвигается, Дик. Ты же тоже чувствуешь это. И если раньше я думал, что у нас есть время на подготовку, то теперь не знаю, — произнес Коннор, взглянув вверх.

Небо было самым обычным, бледно-голубым, а солнце желтым. Купол не разглядеть, да этого и не требовалось. Коннор знал, что опасность никуда не делась и лишь растет день ото дня.

— Что бы эти твари ни задумали, мы справимся. Вместе мы сила, — уверенно произнес Дик.

— Точно, — улыбнулся Коннор.

Они отправились назад к небольшому городу в четыре десятка домов, который расположился у источника пресной воды. А в центре возвышалась Сторожевая башня, выложенная из белого камня, с золотым шпилем, который ярко блестел в лучах солнца.

Эта башня была одной из первых пяти, выложенных много лет назад. Говорят, здесь даже есть личные печати братьев Монрей, сыновей великого Орела Монрей.

Может, именно поэтому твари бездны выбрали это место?

— Так что от тебя хотел глава? Ты после его срочной депеши такой злой стал, — произнес Дик, когда они не спеша подходили к башне.

— Нашел мне новую даму сердца и мать будущих детей, — ответил Коннор. — Что-то в последнее время моя личная жизнь так всех заинтересовала.

— Скорее, ее отсутствие. А для мужского здоровья это плохо. Так кто она? Я ее знаю?

— Дочь Тепера.

— Хороший выбор, — довольно закивал Дик. — Я тоже на нее ставил.

Хоторн скривился.

— Прекрати.

— А я что? Решать-то все равно тебе. Но я бы не спешил отказываться. Ты, конечно, не любишь советы, но просто выслушай. Тебе стоит показать, что слухи о связи со светлой — это только слухи. А отношения с другой как раз этому поспособствуют.

— Да неужели?

— Можешь не спать с ней, если не хочешь. Но покажи интерес. Тем более что дочка Тепера давно тебе глазки строит, — уверенно произнес Дик, и они вошли в большой зал, который занимал практически весь первый этаж башни и служил еще и столовой.

Покажи интерес!

И все ради чего? Чтобы кто-то поверил, что все хорошо, что закон находится под защитой? Что нарушения не было?

Только это все неправда.

Было нарушение.

И привязка была. Только односторонняя.

Прав Дик и остальные: дурак он.

Пожалел девчонку и лишь себя привязал. На узел. Крепкий, что лишь смерти разорвать.

И зачем так сделал, сам не понимал. Можно же было просто попробовать залечить раны, восстановить. Да, риск не справиться возрастал в разы, но так было бы правильно.

А если уж решился на преступление, то надо было и девчонку привязать. Разделить эту боль на двоих, тогда бы и тяга уменьшилась, и жить стало легче.

Но Коннор не стал.

Свою жизнь не жалко было. Сколько ему осталось, никто не знал, но власть над Эфиром давалась тяжело. Еще немного — и не справится, погибнут оба. Сердце -то у них одно на двоих.

Но сначала... сначала он укрепит купол, вернет спокойствие в мир.

— А вот и мы! — торжественно произнес Дик, привлекая всеобщее внимание.

Зал традиционно делился на две части. Левая сторона принадлежала светлым, правая — темным. В центре располагалась кухня и раздаточный стол. Даже здесь Монрей и Хоторны были по разные стороны.

Коннор сразу же нашел взглядом Питера. Молодой мужчина сидел в одиночестве в дальнем углу и в упор смотрел на него. Впервые за долгое время открыто показав интерес и не отворачиваясь. Даже когда понял, что темный его заметил.

«Интересно, чтобы это означало?»

Мужчина первым отвел взгляд и отправился к друзьям, которые уже ждали за одним из столиков.

— Мы вас заждались, — заметил Рейн, который сидел у окна.

— Аппетит нагуливали.

— И как?

Мелисса пристально наблюдала за ним и гляделки с Питером Монрей точно заметила.

— Отлично. Все хорошо.

— Ой, как вы вовремя. А я как раз обед разогрела. Лепешек напекла, — выступила вперед дочка Тепера, привлекая к себе внимание.

«Как же ее зовут? Забыл».

— Балуете вы нас, Снежа, — выдал Дик, присаживаясь напротив Мел.

Улыбка блондина разбила не одно женское сердце, и девушка не смогла устоять, смущенно потупив взгляд.

Точно. Снежа. Он еще удивлялся при знакомстве. Самое сердце степей, а у девушки имя такое странное и зимнее. Снежа.

Словно холодом потянуло и морозной стужей со Северных стойбищ.

Коннор сел за стол и впервые за все время пристально взглянул на девушку.

А внешность у нее степная. Высокая, стройная. Глаза слегка раскосые и темные. Волосы черные, прямые. Она заплела их в две длинные косы и украсила пестрыми лентами. Из одежды — блуза белая, с тесемкой и широкими рукавами, да юбка длинная, красная. Темно-синий передник подчеркивал тонкую талию.

Молодая, красивая.

У степняков иные обычаи и традиции, что Хоторну сейчас было лишь на руку. Снежа легко смирилась бы с официальной женой, с радостью став второй, любимой.

... Вот только любимой ли?

Отец давно просил присмотреться, а сейчас даже требовал. Свежая кровь клану не помешает. Да и Монрей со степняками ссориться не стали бы. До совершеннолетия навязанной жены осталось недолго. Что будет потом — не знал никто.

Коннор и сам это прекрасно понимал.

Вот только как быть с этой нитью, которой мужчина сам привязал себя к другой. Она никуда не делась. Как и воспоминания о той, другой

девушке. С глазами цвета моря, густыми волосами и ямочками на щеках...

— Эй! — Дин шутливо ткнул друга локтем. — Так и дырку в девушке проделать можно.

От его пристального взгляда Снежа покраснелась, но не отвернулась. Лишь подбородок чуть приподняла, радуясь, что смогла привлечь внимание почетного гостя, о котором столько слышала и которого так мечтала добиться.

— А мне не жалко, — улыбнулась девушка, убирая косы на спину. — Смотрите, сколько хотите. Раз нравится.

Коннор кивнул и притянул к себе тарелку.

Снежа немного потопталась, наводя порядок на столе. Бросив на него заинтересованный взгляд, девушка отправилась на кухню за едой, соблазнительно виляя бедрами.

— Хорошо, — выдал Дик, проводив Снежу заинтересованным взглядом.

— Кобель, — мрачно заметила Мелисса и не забыла пнуть мужчину под столом ногой.

— Злюка, — не остался тот в долгу.

— Дураки вы. Девушка шустрая, просто так в постель не прыгнет. Ей гарантии нужны, — продолжила девушка.

— Я думаю, что Коннор об этом знает, — проницательно взглянув на друга, заявил Рейн. — Сегодня вечером у костра будут танцы. Ты бы спросил, не пригласил ли кто Снежу. Может, еще и успеешь.

Коннор взял ломоть хлеба и кивнул, не поднимая глаз.

Друзья правы, пора прогнать мысли о Светлой, сжать зубы и выполнять долг!

— Я чего-то не знаю? — тут же насупилась Мел.

— Ее отец выбрал.

— Как и десяток других. Эта чем угодила?

— Сроками.

Девушка поджала губы, но промолчала.

— Цветы не забудь, — вставил Дик. — Девушки это любят.

Мел фыркнула и закатила глаза.

— Нормальные девушки, — тут же поправился светловолосый мужчина, подмигнув ей.

— Я понял. Танцы, цветы...

Пригласить Снежу на танцы оказалось совсем несложно. Девушка только этого и ждала, и даже отнекиваться не стала.

Коннор глубоко вдохнул, чувствуя облегчение. Ему словно стало легче дышать. Будто камень сняли с сердца.

А может, не так и страшна эта привязка.

Помучился месяц, и все прошло.

«Дурак», — проворчал Эфир, который наблюдал за всем с ленивым равнодушием.

Пусть так. Главное, чтобы образ светлой в памяти потускнел. И нить, которая привязывала его к ней, ослабла, исчезло то мучительное притяжение, что не давало ему жить и дышать спокойно.

Все стало понятно значительно позже.

— Кажется, к нам гости, — заметил Рейн, стоя у окна.

— Что за гости? — вскакивая с кровати, спросил Дик и встал рядом с другом. — Хм, действительно. В рядах Монрей очередное пополнение.

— Интересно, с чего вдруг? Может они нам чего недоговаривают — произнесла Мелисса.

Они традиционно делили одну комнату на четверых. Но для Мел всегда отгораживали ее постель, создавая видимость уединения.

— Это вряд ли, — рассмеялся Дик. — Ничего так. Хорошенькая.

Коннор вздрогнул.

«Нет! Этого не может быть!»

— Ого. Да она не одна. Эта еще интереснее. Жаль, светлые. Красивые, но кислые, как ягоды чернобины.

Хоторн медленно подошел к окну.

И сразу же увидел ее.

Стройная девушка в светлом платье и широкополой шляпе. Лица не разглядеть, да и фигуру тоже. Но Коннор сразу ее узнал. Сердце отозвалось болезненным ударом.

Рин.

Она здесь!

Нет!

Нет, этого не может быть!

Но глаза не обманывали, как и собственные чувства. И Эфир, который, сбросив лень, жадно всматривался в девичью фигуру.

Рин... Рин. Рин!

— Интересно, зачем они здесь? Никогда не видел, чтобы светлые таскали своих жен по миру. Тем более что здесь небезопасно, — заметил Рейн.

Его голос, как и голоса Дика и младшей сестры, казался приглушенным и каким-то далеким.

— Говорю же, они что-то от нас скрывают.

— Тебе всюду мерещатся заговоры, Мел, — вздохнул Дик, из-за плеча бросив взгляд на девушку.

— А ты просто не можешь признать, что я права. Хоть раз в жизни взять и признать.

Рин продолжала стоять на месте, даже не делая попыток осмотреться. Просто замерла и ждала, когда выгрузят их багаж.

Интересно, она чувствовала его? Знала, что они снова встретятся в этом крохотном, продуваемом всеми ветрами городке?

Девушка вздрогнула и поправила шляпу, когда очередной порыв горячего ветра налетел сбоку. Шляпку удержать удалось, но густые темные волосы выбились из прически и упали на грудь и плечи.

Ее волосы. Если сомнения еще и были, то теперь их не осталось.

Рин здесь.

Коннор шумно вздохнул сквозь стиснутые зубы, развернулся и быстро пошел прочь из комнаты.

— Ты куда? Коннор?! — только и успела выкрикнуть встревоженная Мел.

— Сдается мне, я знаю, кто сейчас приехал, — вдруг тихо произнес Рейн, глядя на дверь, за которой скрылся друг.

Хоторн не собирался выходить на улицу и приветствовать новых жителей сторожевой башни. Нет, у него были иные планы.

Выйдя на лестницу, мужчина быстро огляделся и поспешил вниз, перескакивая через две ступеньки.

Питера мужчина нагнал на втором этаже.

— Поговорим? — спросил он, обгоняя светлого и вставая у него на пути.

— В другой раз, Хоторн. Сейчас я занят.

— Нет, сначала мы поговорим!

Коннор вдруг схватил мужчину за руку и потянул в сторону, подальше от любопытных глаз.

— Ты что делаешь? — огрызнулся Питер, и его глаза полыхнули ярким светом.

— Удели пару минут своего драгоценного времени. Это важно.

— Ко мне сестра приехала. Я должен их встретить.

Сестра. Так вот кто вторая девушка.

— И невеста, — процедил темный, до боли сжав кулаки и вновь перегородив тому путь, зло выдохнув: — Ты что творишь?

— А в чем дело? — тут же подобрался Питер. — Какие-то проблемы?

— Как ты позволил Ей сюда приехать?!

Светлый не стал уточнять, о ком говорил Хоторн. И так все понятно.

— Мы должны были спросить твоего разрешения? Не много ли ты на себя берешь? С чего ты взял, что можешь отдавать нам приказы?

— Здесь опасно!

— Лирин знает.

— Лирин? — переспросил Коннор.

— Да, моя невеста. Лирин. Рин — это я ее так зову. Так что, если тебе вдруг стукнет в голову подойти к ней и поздороваться, будь любезен обращаться правильно. Хотя будет лучше, если ты вообще больше никогда к ней не подойдешь, — процедил Питер.

— Интересно. Если ты не хочешь, чтобы мы общались, то зачем позволил ей приехать сюда? Кому и что ты хочешь доказать, Монрей? — с трудом сдерживаясь, спросил Темный, стараясь не шуметь.

Крик мог привлечь ненужное внимание. А этого нельзя было допустить.

— Уж точно не тебе! Мы с Рин любим друг друга и хотим быть вместе! До ее совершеннолетия осталась всего пара месяцев. И тогда... тогда нас ничто и никто не разлучит!

— Ты кого пытаешься убедить в вашей любви, меня или себя? — насмешливо спросил Коннор. — Если меня, то получается плохо.

Питер шагнул вперед.

Казалось, еще немного — и ударит. Но нет, светлый сдержался, лишь напрягся еще больше.

— А зачем мне тебя убеждать, Хоторн? Думаешь, Рин после двух встреч вспыхнет к тебе чувствами? Или ты боишься другого? Что ее присутствие докажет твою виновность?

Коннор чуть отступил.

— И в чем же я виноват по-твоему?

— Ты же что-то сделал с ней месяц назад. То, что тщательно скрываешь ото всех, — победно глядя на него, отозвался Монрей.

— Я спас ее. Твою невесту. А ты меня, кстати, не поблагодарил за это.

— Оставь нас в покое, Хоторн. Рин любит меня и только меня. А ты бы лучше занялся своей законной женой.

Питер обошел мужчину и направился к лестнице, а Коннор так и остался стоять.

Тихо выругавшись, он со всей силы стукнул кулаком по стене. Брызнула кровь, но это не принесло облегчения.

«Она здесь».

— Знаю.

«И сбежать от себя больше не получится».

Коннор сглотнул, чувствуя, как вновь до предела натягивается нить между ними. Словно удавка на шее.

— Бездна!

Глава 15

Айрин

Залика, или просто Лика, была типичной девицей из рода Монрей. Послушная, правильная и раздражающе приставучая. А еще она была уверена, что знает обо всем лучше меня. Особенно если это касалось ее старшего брата. Такая самоуверенность вкупе с высокомерными и пренебрежительными взглядами крайне раздражала.

Чуда не произошло, и лучшими подругами мы не стали, несмотря на все надежды матушки.

С первой же минуты мы стали соперницами за внимание Питера, и дальнейшая поездка лишь сильнее увеличила пропасть между нами.

В какой-то момент мне даже стало жалко Кая.

Он, конечно, гад, но явно не заслуживал получить такое в жены.

«Интересно, не займись дядя моим воспитанием, я бы тоже превратилась в такое?»

От этой мысли меня слегка перевернуло и по коже прошелся неприятный холодок, хотя в кабинке было очень жарко.

«Нет! Никогда! Я и до свадьбы была далека от образа послушной девочки и умудрялась ежедневно доводить мать своими выходками. Так что развитие дара не изменило меня, а лишь позволило стать собой».

— Держи спину прямее, Рин, ты же не хочешь быть горбатой, — с досадой произнесла Залика, заметив, что я отвлеклась.

У нее спина оставалась ровной, словно девушка палку проглотила. Прическа безукоризненна: ни один волосок не выбрался из аккуратного пучка, украшенного красивым гребнем. Залика даже не вспотела, несмотря на душливую жару.

Вот что значит в совершенстве владеть секретами домашней магии. Пусть дар у нее был совсем не развитый, девушка научилась им пользоваться. Да так, что я на ее фоне выглядела жалкой неумехой и дурнушкой.

К концу путешествия я чувствовала себя просто ужасно. От жары и нехватки воздуха болела голова, в горле пересохло, и поэтому каждые полчаса приходилось делать крохотный глоток из фляжки, из-за чего я страшно потела.

— Ты слышишь меня, Лирин? — раздраженно поинтересовалась девушка.

Для всеобщего спокойствия Лике сообщили, что я новая невеста Питера, выбранная священнослужителями.

О том, что я и есть та самая Айрин, ей говорить не стали. Слава богам, в последний раз мы с ней виделись до моего брака с Хоторном. И Залика помнила лишь полную, нескладную девчонку, которая испортила ей красивое платье, подготовленное специально для помолвки с Каем.

Ох и знатная с ней тогда случилась истерика.

Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. С каждым днем я сильнее утопала во лжи, причин которой не понимала.

— Меня все равно никто не видит, — пробурчала я, отказываясь выпрямляться, и вновь принялась обмахиваться веером, пытаюсь создать хоть какой-то ветерок.

— Это не повод, чтобы так себя вести. Ты невеста Питера Монрея. Тебе оказана великая честь, Лирин, так что будь добра, соответствуй.

— Я Питеру и такая нравлюсь, — вырвалось у меня.

Лица скользнула по мне беглым взглядом:

— Это не надолго.

«Вот стерва!»

Я поджала губы, чтобы не высказать ей все, что думаю, и отвернулась к окну.

Пейзаж вот уже несколько дней был скуден и разнообразием не отличался. Лишь оранжевая степь, палящее солнце да редкие кустарники с колючками.

«Не могли выбрать для встречи место получше...»

Мысли плавно вернулись к главе и тому заданию, которое он мне дал.

Сделать все, чтобы Коннор Хоторн тебя полюбил.

Новую меня.

Но зачем?

Я целый месяц пыталась понять: что дядя задумал, для чего затеял эту непонятную и странную игру с переодеваниями? Но ответ найти так и не смогла.

Хочет подловить Хоторна на измене? Ха! Как будто кто-то мог поверить в то, что темный все эти года сохранял мне верность. Да и зачем это дяде? Его цель — уничтожить наследника, а не обвинять его в чем-то.

Если только не в том, что Хоторн со мной сотворил.

Я потеряла ноющие виски, пытаюсь хоть как-то прогнать пульсирующую боль, которая мешала думать.

Коннор ведь что-то сделал тогда, когда спас меня. Вот только что? Вдруг это может причинить ему зло?

Нет, эта мысль мне тоже не нравилась. Мужчина спас меня, вернул к жизни, а я должна была наказать его за это? Так не пойдет.

Да и не чувствовала я в себе никаких изменений.

А я прислушивалась. Ночами лежала, пялясь в потолок и пытаюсь найти в себе хоть что-то темное и неприятное. И не находила.

Тогда зачем все это Финису Монрей? Почему Коннор Хоторн должен меня полюбить?

Ответа не было.

Я тяжело вздохнула.

Полюбить... как будто это так легко.

Не умела я очаровывать мужчин и, как научиться это делать, понятия не имела. Раньше, до замужества, меня это не интересовало. Все мысли были о том, как получить свободу и научиться пользоваться даром.

Потом было некогда. Сложно думать о собственной привлекательности и мальчиках, когда замужем и гоняешь сутками на плацу.

Да и в кого влюбляться? Все мальчишки в команде были сильно младше. А те, кто старше, в мою сторону даже не смотрели.

Глупость какая-то! Учиться очаровывать мужчин. Я же замужем! Зачем мне стараться?

А теперь придется осваивать сложную науку быть девушкой.

Так как это сделать? Как заставить Коннора Хоторна полюбить?

Дядя сказал, что я его уже заинтересовала. Иначе бы он не стал так рисковать, спасая меня. Но это ничем мне не помогало.

Нужна была помощь. Совет.

Вот только у кого его спрашивать? Матушка далеко, и я не уверена, что она даст ответы на мои вопросы. Скорее, еще больше смутится и начнет нервно заикаться.

Я ведь спросила у нее неделю назад, могут ли дети появляться вне брака и что для этого надо делать. Так она побледнела, потом покраснела, а в конце едва не упала в обморок, рассказывая что-то о соцветиях и пыльце.

Честно говоря, я после таких объяснений запуталась еще больше.

Залика?

Я быстро взглянула на сестру Питера и скривилась.

Просить ее о чем-то было невыносимо сложно. Из нее и так самоуверенность прет. А дальше будет только хуже.

Да и не хотела я быть на нее похожей.

Хотя...

Я посмотрела на девушку более пристально.

Кай ведь в нее влюблен. Иначе не стал бы так переживать из-за риска расторжения помолвки. И это не просто привычка и удар по самолюбию. Братец действительно любил Лику. Значит, она чем-то его привлекла.

Бездна! Придется побыть хорошей девочкой!

Я с трудом выпрямилась, чувствуя, как заныла спина и по позвонкам прошли болезненные импульсы. Тут же захотелось снова сжаться и не двигаться до самого прибытия на место.

Соберись! На тренировках над тобой не так издевались!

Залика бросила на меня заинтересованный взгляд, но промолчала.

Я осторожно расправила плечи, едва не зашипев от неприятных ощущений.

Так, пора действовать! Но осторожно!

Расспрашивать о том, как лучше влюбить в себя мужчину, не стоило. Надо было зайти с другого бока.

— Так ты знаешь, какие девушки нравятся Питеру?

— Разумеется, — фыркнула девушка. — Я же его сестра.

Как будто это что-то объясняло. Я вот не знала о вкусах своих братьев и узнавать не стремилась. И, честно говоря, сомневалась, что они мне о них стали бы рассказывать. Но Лика явно обожала совать свой нос везде и всюду.

— И я в их категорию не вхожу? — продолжила допытываться я, пытаюсь изобразить равнодушие.

Она ответила не сразу.

— Мы так долго ждали нового выбора священнослужителей, — пренебрежительно произнесла Лика. — Целых четыре года они не могли подобрать Питеру достойную партию. Поэтому теперь готовы принять любую.

«Это же настоящее мастерство. Взять и так умело и красиво меня унизить!» — мысленно восхитилась я.

— Ты не подумай, личико у тебя симпатичное, — продолжила девушка, наслаждаясь моим замешательством. — Фигура есть. Но этого мало. В тебе нет...

Залика вновь замолчала, делая вид, что подбирает слова. Но я-то по глазам видела, что ответ у нее есть и девушка просто тянет время.

— Чего же? — покорно спросила я, решив ей подыграть.

Пусть потешит самолюбие. Оно у нее очень большое.

— Изящества, скромности, послушания и хороших манер. Ты же Монрей! Так и веди себя соответственно — и сможешь завоевать моего брата.

— Значит, чтобы понравиться мужчине, надо во всем его слушаться?

— Несомненно. Никаких споров, пререканий и недовольства!

Было заметно, что на эту тему она была готова говорить очень долго. Так что мне оставалось только сидеть и слушать.

— Мы созданы, чтобы поддерживать уют в семье и выполнять желания наших героев. Чтобы, возвращаясь домой, муж был доволен и счастлив. Нельзя загружать мужчину проблемами и задавать ненужные вопросы. Лучшая тема для беседы — это муж, его желания и прихоти.

Что-то от всего перечисленного голова стала болеть еще больше, а к горлу подкатила дурнота.

Я так не смогу! Молчать и заглядывать в рот мужчине, изображая интерес? Забыть о себе, своих желаниях и чувствах ради другого? И радоваться этому?

Самое противное, что Залика действительно радовалась и считала такое поведение нормой.

Теперь понятно, почему Кай в таком восторге. Он просто получил не только жену, но и рабыню, готовую целовать его пятки, с восторгом заглядывая в рот.

— Питер обожает сладкие пирожки с медом. Готов тарелку съесть за один присест. Мед должен быть темным, тягучим, с легкой горчинкой и не слишком сладкий.

— Ясно.

Я попыталась вспомнить, как вела себя с Коннором во время наших коротких встреч.

«Айрин Монрей — типичная девушка вашего рода. Уверен, что при нашей новой встрече она упадет в обморок или будет рыдать сутками... Но ты не такая. Ты совсем не похожа на остальных».

Получается, что я привлекла Хоторна тем, что разительно отличалась от остальных девиц рода Монрей! И что мне делать? Действовать с точностью до наоборот?

— ...все поняла? — резко спросила Лика, которая все это время рассказывала о Питере и его любимых блюдах.

— Да, — тут же соврала я, откидываясь на спинку.

Девушка подозрительно на меня уставилась, но спорить не стала.

— Хорошо. Потому что мы уже подъезжаем.

— Правда?

Я выглянула в окно, пытаюсь хоть что-то разглядеть. Стоило карете чуть свернуть в сторону, и я смогла увидеть небольшую гору с отвесной скалой, на которой стояли, прижимаясь друг другу, небольшие домики. А по центру возвышалась сторожевая башня, золотой шпиль которой ярко блестел на солнце.

«Он здесь. Я скоро снова его увижу!»

И думала я сейчас не о Питере.

Городок действительно оказался маленьким. Всего три или четыре десятка невысоких, в два этажа, домов и одна— единственная широкая улица, по которой мы ехали.

Дома коренастые, необычные. Первые этажи из кирпича, вторые из дерева. Крыши выложены из красной черепицы. И все, на что бы ни упал взгляд, покрыто рыжим песком и вековой пылью, даже люди.

Нам встретилась всего парочка: дряхлый старик со смешной шляпой и трубкой во рту и босоногий мальчишка в коротких штанах.

Наше появление не привлекло особого внимания. Или им было все равно, или... я даже не знала, какой еще довод можно было придумать.

Странно все это.

Я не ждала встреч с оркестром и цветами, но это равнодушие немного пугало.

Карета с противным скрипом остановилась у входа в башню. Один из слуг прыгнул вниз и поспешил открыть нам дверь.

Естественно, Лика спустилась первой. Я не стала оспаривать ее первенство.

Снаружи все было так же, как и изнутри: грустно, безлико и однообразно.

Придерживая шляпку, чтобы не улетела от ветра, который налетел из-за угла и ударил в спину, я осторожно огляделась.

— И где Питер? — нетерпеливо произнесла Залика.

— Скоро будет, — отозвалась я.

И Коннор? Он же тоже где-то здесь. В этой башне.

Тело покрылось мурашками, и у горла в один момент возник неприятный ком. Я чувствовала, что на меня смотрели, пристально и жадно изучали...

Захотела внимания? Получи!

Мне стоило больших трудов сдержаться, чтобы не поднять голову вверх.

Хоторн точно был среди наблюдающих.

И он меня узнал. Я сразу это почувствовала.

Сердце в груди болезненно заныло. Закусив губу, я еще сильнее впечилась в шляпку. Но от неудачного движения шпильки выпали, прическа растрепалась, и волосы упали на спину и грудь.

Только этого не хватало.

— Ужасное место, — шипела Лика, стряхивая пыль с подола светлого платья, края которого всего за пару минут стали грязными.

— Хочешь уехать? — тут же предложила я.

— Вот еще. Что с твоей прической?

— Растрепалась.

— Ужасно выглядишь, — довольно сообщила мне девушка.

Кто бы сомневался.

— Добрый день. Простите, что заставила вас ждать.

Из башни выбежала смуглая девушка с раскосыми глазами и черными волосами, собранными в две косы. Симпатичная.

— Добро пожаловать в одну из самых древнейших сторожевых башен в мире. Меня зовут Снежа, — представилась она.

Лика лишь поджала губы и сразу же направилась внутрь башни.

— Это Залика, сестра Питера Монрея, — сообщила я. — Меня зовут Ай... кхм Лирин. Меня зовут Лирин. Можно просто Рин. Я невеста Питера.

— Очень приятно. Проходите. — Снежа пропустила меня вперед.

— Вы, наверное, устали с дороги.

— Очень.

— Ваши комнаты уже готовы. Они находятся на четвертом этаже. Вид из окон потрясающий. Уверена, вам понравится.

— Не сомневаюсь.

Войдя в башню, мы сразу же оказались в большом зале, который служил столовой и местом для собрания.

— Здесь мило, — произнесла я, снимая шляпку, ленты которой уже успели натереть кожу на шее. — И красиво.

— Рада, что вам понравилось. Мы стараемся поддерживать порядок и чистоту.

— У вас получается просто замечательно.

— Эй! Воды можно? — потребовала Лика, которая уже сидела за одним из столиков на светлой стороне. — В горле пересохло.

— Конечно. Сейчас, — засуетилась девушка и взглянула на меня. — Вам тоже?

— Да, пожалуйста, — улыбнулась я и подошла к Залике, которая как раз проводила по столу пальцами в поисках пыли и грязи.

Судя по недовольно поджатым губам, она их не нашла.

— Можно было и повежливее.

Я села напротив и счастливо вздохнула, вытянув вперед затекшие ноги.

— Будешь учить меня, как общаться с прислугой?

— Она не прислуга.

— Но она ниже нас по положению. И любезничать я не обязана. Эта девица заставила нас ждать на жаре, не принесла воды и вообще повела себя крайне недружелюбно.

— Все равно это не мешает быть вежливой. Нам еще с этими людьми жить.

— Всего неделю. Или две.

Снежа уже вернулась с подносом, на котором стоял графин с водой и два высоких стакана.

— Прошу. Может, желаете что-нибудь покушать? — спросила девушка, стоя перед нами. — У нас остались лепешки с обеда и рагу.

— Нет. Не люблю разогретую пищу, предпочитаю есть свежее.

— Спасибо, но не стоит. Мы больше хотели пить, — пояснила я. — Какое у вас имя необычное для вашей местности. Снежа.

— Это папа выбрал, — улыбнулась она, обнажив ровные белоснежные зубы. — Он родился в северных землях и прослужил там магом более двадцати лет. Сюда приехал на пенсию, став новым смотрителем башни, и нашел свое счастье. Мое имя как дань его славному прошлому.

— Как мило, — произнесла я, проигнорировав очередное фырканье Лики.

Ее что, вообще не учили, как надо общаться с людьми?!

Такое пренебрежение страшно злило. Что она о себе возомнила?

— Слушай, Залика, — начала я, готовая высказать все, что о ней думаю, но закончить не успела.

— Рин!

Спустившись по ступенькам, к нам спешил...

— Питер! — взвизгнула Лика, моментально утратив весь свой снобизм.

Вскочив, девушка бросилась вперед и сразу же повисла на руках брата, затараторив:

— Питер! Я так скучала. Как ты здесь? Побледнел-то как, осунулся. Мама очень волнуется. Плохо ешь? А спишь как?

— Все хорошо, Лика, правда, — пробормотал немного смущенно мужчина, который все это время смотрел на меня.

Я тоже поднялась со своего места и теперь терпеливо ждала своей очереди.

— Рин, — повторил Питер, освободившись из цепких ручек Лики, и шагнул вперед. — Ты приехала.

— Здравствуй.

Он осторожно коснулся моей руки и поднес к губам.

— Я рад, что ты приехала.

— Я тоже... рада.

Сложно говорить, когда тебе мешают.

Залика не стала терпеть. Вторая позиция явно не для нее.

— Питер, ты покажешь мне комнату? — спросила девушка, вцепившись в руку брата мертвой хваткой. — Я так устала после дороги. Мечтаю принять ванну и лечь отдохнуть.

— Снежа все тебе покажет, — произнес мужчина. — А мне надо поговорить со своей невестой.

— Но, Питер, — капризно надула губы Лика.

— Я позже к тебе зайду. Рин?

Питер протянул мне руку, за которую я с радостью ухватилась.

Мы поднялись на третий этаж, завернули за угол и... сразу же наткнулись на Коннора Хоторна.

Глава 16

Все слова, которые я так тщательно готовила все эти долгие дни, исчезли, растворились, стоило мне встретиться взглядом с бездонными темными глазами.

Он почти не изменился за этот месяц. Разве что кожа стала чуть темнее от постоянного пребывания на солнце. Все то же худощавое лицо, черные волосы, прядь которых падала на лоб, и взгляд, от которого одновременно становилось и холодно, и жарко.

Питер застыл, сильнее сжимая мою руку, и напрягся, словно ждал какой-то выходки от темного. Я и сама ждала. Не мог же он ничего не сделать. Особенно после того, что произошло.

Но... все пошло совсем не так, как я рассчитывала.

— С прибытием, — равнодушно произнес Хоторн.

Кивнул, обошел нас и скрылся. Даже не оглянулся.

«И все? Он больше ничего не скажет?»

Я проводила мужа растерянным взглядом и повернулась к мрачному Питеру.

— Что все это значит? Что происходит?

— Не здесь.

Мужчина вновь потянул меня в сторону.

Через мгновение мы оказались в небольшой комнате, отдаленно похожей на кабинет. Стол, пара стульев, шкаф с книгами, картина на стене, на которой был изображен все тот же скучный и однообразный пейзаж. На столе стояла одинокая ваза из темного стекла с засохшим цветком, понуро опустившим бутон.

— Присаживайся, — сказал Питер, закрывая дверь на замок.

Я молча подошла к ближайшему стулу и села, положив шляпку на колени.

Меня еще трясло после встречи с Коннором. Может, внешне это было не заметно (я очень на это надеялась), но внутри все дрожало.

— Как доехали?

Питер продолжал вести светскую беседу. Словно ничего не произошло. Не было этого месяца, боя у моря, странного поведения Хоторна.

«Что здесь происходит? Почему у меня такое ощущение, что я чего-то не знаю?»

— Терпимо.

Мужчина взял соседний стул, ножки противно скрипнули по полу, и придвинул ближе ко мне.

— Лика не сильно тебя замучила? Я знаю, она порой бывает немного надоедливой.

— Твоя сестра меня ненавидит, — равнодушно сообщила я, теребя алую ленту.

— Ты преувеличиваешь.

— Преуменьшаю. Она очень тебя любит и считает, что я совершенно не подхожу тебе в жены.

— Залика тебя не знает.

— Ты тоже.

Питер запнулся, не ожидая такого ответа. Да и я сама не думала, что могу произнести такое вслух.

Наверное, виной всему усталость, нервы и встреча с Хоторном.

— Ты знаешь, зачем я здесь? — тихо спросила я, решив перейти к делу. — Глава тебе рассказал, чего хочет от меня?

— В общих чертах. Тебе приказано привлечь внимание Коннора Хоторна, — нехотя произнес мужчина, продолжая буравить меня взглядом.

— Влюбить в себя, — поправила его я и с надеждой спросила: — Ты знаешь, зачем это главе?

— Нет. — Питер покачал головой. — А ты?

— Даже не представляю. И что делать — не знаю.

— Не знаешь?

— Конечно.

Я вскочила со стула и принялась мерить шагами комнату. Туда-сюда. Раньше это помогало мне сосредоточиться. Может и сейчас сработает.

— Ты видел, как он меня встретил? Даже не поздоровался, почти не посмотрел и повел себя, как будто мы едва знакомы. Словно ничего не было. «С прибытием», — передразнила я Хоторна и взглянула на мрачного Питера. — Как думаешь, что это значит?

— Ничего.

— Он спрашивал обо мне? — с надеждой спросила я.

Мужчина некоторое время молчал, а потом ответил:

— Нет.

Сердце будто рухнуло вниз, на самое дно.

Я замерла на месте, растерянно взглянув на бывшего жениха.

— Совсем не спрашивал?

— Совсем. Ты удивлена? — неожиданно резко спросил он.

— Да. Мне казалось, что...

— Что мы сидим тут вдвоем, распиваем спиртное и говорим о тебе? — перебил меня Питер.

Его лицо исказила кривая улыбка.

— Что с тобой? Я тебя не узнаю, — пробормотала я.

— А ты должна? Сама же сказала, что мы друг друга не знаем. Не понимаю, с чего глава решил, что Хоторн может в тебя влюбиться.

— Ч-что?

— Ты красивая девушка, Айрин...

— Рин. Я — Лирин, — тут же поправила его я. — Запомни, пожалуйста.

— Да, конечно. Ты замечательная, умная, веселая и красивая. И вполне понятно, что ты привлекла внимание Хоторна. Но это было месяц назад. Целый месяц, Рин. Он забыл тебя.

— Забыл? — переспросила я.

«Как такое возможно? Как? Почему он забыл обо мне? Этого не может быть!»

— Да, — подтвердил Питер, поднимаясь.

Высокий, сильный, красивый. Светлые волосы, голубые глаза. О нем мечтали многие, но не я.

— Но Хоторн спас меня. Рисковал всем и спас.

— Да. Но это не значит, что темный в тебя влюблен! — резко произнес он. — За этот месяц Хоторн ни разу не вспомнил о тебе, не спросил о твоём самочувствии. А ведь мы с ним виделись почти каждый день. И это о многом говорит, не так ли?

— Да, наверное, ты прав, — рассеянно кивнула я, возвращаясь на место. — И что теперь? Мне стоит вернуться домой? Сказать, что всему конец?

Питер тоже сел на стул.

— Зачем так радикально? Если хочешь, ты можешь попробовать, хотя я, если честно, не вижу в этом никакого смысла. Но зато мы можем доложить главе, что пытались просто побыть вдвоем. Узнать

друг друга. Я очень хочу восполнить пробелы, которые возникли между нами, Рин.

Он поймал мою руку и осторожно сжал.

Что-то этот разговор нравился мне все меньше.

— Питер, я не собираюсь лгать главе. — Я высвободила руку и покачала головой. — И вместе мы быть не можем. Ты же знаешь.

Питер откинулся на спинку скрипучего стула и скривился:

— Знаю. Но неужели ты собираешься бегать за мужчиной, которому не нужна? Это же не для тебя.

— Я не собираюсь за ним бегать. Но и отступать не стану. Думаю, мне стоит вернуться к Лике. Мы обе очень устали с дороги, — твердо произнесла я и, встав, направилась к двери.

Но дойти до нее не успела.

— Дело ведь совсем не в главе, не так ли, Рин? — вдруг спросил Питер. — Все дело в самом Хоторне.

— И что это значит? — повернувшись, спросила я.

— Он тебе нравится.

— Он — темный.

— Но он тебе нравится, — упрямо повторил мужчина.

— Ты ошибаешься. Я помню о своем долге и готова следовать ему. Да, я благодарна Хоторну за спасение, и только.

— Сегодня вечером у башни состоятся традиционные танцы у костра. Развлечение для местного населения. Приходи и убедись во всем сама.

— Это в чем же я должна убедиться?

— Что я прав. Ты не нужна Коннору Хоторну.

Я не стала отвечать. Открыла замок и вышла в коридор.

Спустившись вниз, я села за ближайший столик и закрыла глаза.

Что с ними стало?

Питер, Хоторн... Я не помнила их такими.

Что могло произойти за этот месяц? И как мне теперь быть?

Весь план, который я так тщательно выстраивала, провалился. Хоторну все равно, а Питер ясно дал понять, что помогать мне не станет.

Погрузившись в свои мысли, я не услышала звука шагов, но чужое присутствие почувствовала сразу. Дернувшись, открыла глаза и увидела рядом с собой странную девушку.

Высокая, худощавая, короткие черные волосы и знакомые темные глаза, которые так пристально смотрели на меня, словно хотели пробраться под кожу.

— Что вам нужно?

— Ты Лирин Монрей, невеста Питера, — произнесла девушка.

— Да. А вы кто?

— Мелисса Хоторн. Я сестра Коннора. Поговорим?

«Ох, Боги! За что мне все это?»

Я посмотрела на девушку более пристально.

Она ведь всего на пару лет меня старше, а такое ощущение, что на целую жизнь. Один взгляд чего стоит.

Глаза колючие, темные. Острый подбородок, полные губы, темная кожа. Одежда мешковатая, делающая ее фигуру угловатой и бесформенной. Она ведь могла бы быть симпатичной, даже красивой, если бы захотела.

Но сдается мне, этому Хоторну было совершенно все равно, как она выглядит.

— А если я откажусь, это что-нибудь изменит? — тихо спросила у нее.

Темная смотрела на меня секунд десять, а потом неожиданно усмехнулась.

— Ты интересная, — заявила Мелисса, с грохотом отодвигая стул и садясь на него.

Это должно было меня напугать, но страха почему-то не чувствовалось.

— Мне стоит насторожиться? — еще больше осмелела я.

Агрессия от девушки не исходила, скорее любопытство. И я могла ее понять. Она меня тоже заинтересовала. Раньше темных девушек я не встречала, тем более таких боевых. Это было интересно.

Выходит, слухи были правдивы: девушкам в роду Хоторнов разрешалось обучаться магии, пользоваться своим даром и участвовать в ликвидации прорывов.

Признаюсь, я даже немного завидовала ей. В отличие от меня, Мелисса Хоторн была свободна и могла делать все, что захочет.

— Бить тебя не стану, не переживай, — насмешливо произнесла я, демонстративно сжимая и разжимая кулаки.

— Конечно, не станешь, мы же находимся на половине рода Монрей.

На этот раз улыбка вышла широкой и искренней.

— Надо же, — произнесла она, окинув меня беглым взглядом. — А ты мне нравишься, Монрей.

— О тебе пока не могу сказать того же, Хоторн, — отозвалась я.

— Огрызаешься. Я-то думала, среди светлых нет ни одной смелой девчонки. Ошиблась. Как же они тебя пропустили? Мне казалось, смелых и непокорных у светлых душат еще в колыбели.

— Наверное, в тот момент, когда подошла моя очередь, были заняты другим. О чем ты хочешь поговорить?

— Созрела для разговора?

— Хочу понять, что тебе нужно.

— Давно ты знаешь Коннора? — вдруг спросила девушка, пристально наблюдая за моей реакцией.

— Думаю, в этом мире мало кто не знает Коннора Хоторна, наследника Хоторнов, первого за столько лет, кто смог приручить высшую тварь бездны.

— Увиливаешь от разговора? Не хочешь отвечать?

Мелисса подалась вперед, продолжая за мной наблюдать.

В глубине ее глаз полыхнуло черное пламя. Полыхнуло и погасло, словно его и не было.

— Я дала ответ. Но тебе, видимо, он не понравился. Интересно, почему?

— Может, потому, что ты не даешь прямой ответ на мой прямой вопрос.

— Я крайне мало знаю Коннора Хоторна.

«Ведь речь идет сейчас не о годах. А там мы встречались всего пару раз, разве за это время можно хорошо узнать человека?»

— Тогда почему он спас тебя?

— Почему бы тебе не спросить это у брата? Думаю, тебе он быстрее ответит на этот вопрос.

— Я спрашивала, он ничего толком не сказал.

— С чего ты взяла, что я сообщу тебе что-то новое?

— Тебе же нечего скрывать?

— А твоему брату?

Это было похоже на танец. Мы словно кружили друг напротив друга, задавая каверзные вопросы, давая уклончивые ответы и наблюдая за реакцией. Правда как-то незаметно отошла на второй план, уступив место неожиданному удовольствию от этой словесной пикировки.

Я бы с удовольствием еще ее продолжила, да не позволили.

— Мел? — К нам подошел светловолосый мужчина с кривым шрамом на левой скуле.

Очень похожим на зубы Сумеречного кошмара — скользкой и мерзкой твари высшего порядка. Редко кто выживал после столкновения с ней. Так что этому сероглазому очень повезло.

— Ты что, забыла, где лево и право? — насмешливо спросил он, опираясь рукой на стул, на котором сидела Мелисса. — Я готов объяснить по старой дружбе. Подними-ка руку, которой держишь клинок.

— Я отлично владею двумя руками, Дик, — огрызнулась девушка.

— Да, как же я забыл, — улыбнулся тот, совершенно не смущаясь. Кажется, такие разговоры были для них привычны. — Тогда подними ту, которой пишешь.

— Отвали.

— Это и будет правая. Так вот, Колючка, ты сейчас на территории светлых. И они явно этому не обрадуются.

— Ее пригласила я! И территория — это слишком сильно сказано. Зал один. Да и мы не враги, чтобы так реагировать.

Наверное, вмешиваться не стоило, но удержаться я не смогла. И теперь пыталась не смущаться под заинтересованными взглядами сразу двух Темных.

— Мел, неужели у тебя появилась подруга? — ахнул Дик и подмигнул мне. — Я очарован, госпожа Монрей.

— Лирин. Лирин Монрей. Я невеста Питера.

— Это мне известно. Дик. Дик Шеррил, — представился мужчина, отвесив мне шуточный поклон.

— Позер, — фыркнула Мелисса, продолжая сидеть.

— Шеррил?

Да, я слышала о том, что не все Хоторны на самом деле Хоторны. Кровь для них не была так ценна и священна, как для Монреев. Свою

силу они получали через магию. Но все равно было странно встретить темного с другой фамилией.

— Совершенно верно. Как вам наша Колючка?

— Дик, — предупреждающе зашипела девушка.

— Мы очень мило поговорили с Мелиссой, — улыбнулась я. — И Колючкой я бы ее точно не назвала.

— Неужели?

Блондин улыбался, вот только в глубине серых глаз застыл холодок.

«Опасный мужчина. И сильный».

Я слегка приоткрылась, позволяя магии просочиться сквозь пальцы и продвинуться ближе.

Темный.

И это не просто слова.

Внутренним взором я видела темные нити, которые окутывали фигуру мужчины, словно паутина. Бледное лицо, неожиданно яркий черный шрам и глаза, утратившие серый оттенок, уступив место угольному.

Это словно смотреть на ожившего мертвеца. Жуткое сравнение, но другого не находилось. Было что-то неправильное в этом мужчине. И сейчас я видела это особенно четко.

Вздрогнув, я зажмурилась, отсекая магию и мысленно проклиная себя за несдержанность.

«Нашла чем заниматься. Взяла и открыто прошлась по темному. С таким же успехом можно было подойти и врезать ему световым шаром! Это же открытый вызов!»

— Извините, — выдохнула я, пытаюсь усмирить колотящееся сердце.

— Надо же, — пробормотала Мелисса задумчиво.

— Я виновата. Мне не стоило это делать.

— Меня еще никто не пытался прочитывать. Так наивно и так дерзко, — заявил Дик. Судя по голосу, он не злился. — Это даже интересно.

Но я все равно не сразу решилась открыть глаза и взглянуть на него.

Точно, улыбается. И смотрит так заинтересованно.

— Я готова понести наказание, — произнесла, поднимаясь. — Какое изволите.

— Неужели? Десять ударов плетью сойдет?

Я вздрогнула и кивнула.

— Дик! — вскрикнула Мелисса, вскакивая. — Ты с ума сошел? Какие плети?

— Шучу. Что вы видели, Лирин? Ведь вы что-то заметили — что-то, что напугало вас.

Врать я не стала. И так провинилась.

— Нити и шрам. Он был черным. Странно как-то.

Темный удовлетворенно кивнул, а потом взглянул на девушку.

— Нам пора. Лирин надо отдохнуть после долгой дороги. Не будем ее больше задерживать. Пошли, Мел, я хочу присутствовать, когда Коннор будет на тебя орать.

— Орать? — переспросила я, снова встряв в их разговор.

— Не будет такого, — отрезала девушка.

— Почему он должен кричать? — не отступала я. — Это из-за меня?

— Конечно, из-за вас. Ваш приезд все усложнил, Лирин Монрей. Усложнил всем нам. Если вы хотели отблагодарить Коннора за спасение, то выбрали для этого не самый лучший способ.

— Коннор вспоминал обо мне? — быстро спросила у него, делая шаг вперед.

А тот лишь усмехнулся и ничего не сказал.

Но я отступать не собиралась, решив все узнать. Жаль только, что нам помешали.

— Вот вы где, госпожа Монрей! — По лестнице быстро спускалась Снежа. — А я вас ищу. Идемте, я провожу в комнату.

Мне только и оставалось, что смотреть вслед Темным, которые вышли на улицу, так и не дав ответы на вопросы.

К большому сожалению, комнату мне пришлось делить с Заликой.

Когда я вошла, девушка уже возлежала на своей кровати, прикрыв рукой глаза, и громко вздыхала.

Я не в первый раз видела эти страдания, поэтому среагировала слабо. Честно говоря, вообще не среагировала. Прошла к своей постели и сразу же легла, оперевшись взглядом в белый потолок.

— Что так долго? — капризно спросила Лика, перестав разыгрывать из себя умирающую.

— Соскучилась? — равнодушно спросила я, не отрывая взгляда от потолка.

Его давно не белили, и на белой поверхности уже появились небольшие темные трещинки.

— То, что вы с Питером жених и невеста, не значит, что стоит так много проводить времени вместе. Это неприлично и может вызвать ненужные разговоры.

— Значит, завидуешь.

Мне надоело притворяться и изображать из себя любезную родственницу.

— Что?! — взвизгнула Залика, поднимаясь. — Я? Тебе? Да как ты вообще подумать могла такое?

— Я сразу поняла, что ты не можешь смириться с тем, что Питер не только твой. Ревность — страшное чувство, Залика.

— Ты ничего не знаешь!

— Больше, чем ты думаешь.

— Я все расскажу Питеру! Открою ему глаза. И всем остальным. Ты не достойна моего брата. Священнослужители ошиблись. Ты даже хуже Айрин.

«А вот это уже интересно».

Я села на кровати и с интересом взглянула на девушку.

— Айрин? Это бывшая невеста Питера?

— И сестра моего Кая. Невыносимая девчонка, которая никогда не соблюдала правила и действовала только так, как сама хотела, наплевав на чувства других.

— Неужели?

— Хорошо, что ее выдали замуж за другого и она исчезла из жизни Питера. И ты тоже исчезнешь. Я обещаю!

— Пока ты обещаешь, я отдохну, — укладываясь на подушку, сообщила я. — Не забывай, что нам вместе жить еще не один день. Так что побереги свой яд для других, Залика.

На этот раз девушка ничего не стала мне говорить, лишь фыркнула.

Как сильно вымотала меня дорога, я поняла лишь тогда, когда закрыла глаза и неожиданно для себя уснула.

Мне ничего не снилось. Я просто словно провалилась в черную дыру, из которой выбираться так не хотелось.

Глава 17

Айрин

Проснулась я, когда за окном стало темнеть.

В комнате я была совершенно одна.

Кто-то заботливо укрыл меня покрывалом. И это явно была не Залика. На тумбочке у кровати стоял поднос с остывшей едой.

Надо же, как я крепко спала, что ничего не услышала.

Опустив ноги на пол, я потянулась к подносу и схватила ближайшую булочку. Сверху положила длинный кусок прожаренного мяса и листик салата. Вкусно. Особенно если запить все лимонадом. После первого бутерброда последовал другой. Затем я съела парочку блинчиков с ароматным медом и снова запила все сладкой водой.

Теперь, когда силы восстановились, можно было думать, что делать дальше.

Для начала я решила принять душ. После дороги я чувствовала себя грязной.

Здесь меня ждал первый сюрприз. Вода в этих местах была дефицитом, поэтому о ванне и тем более полноценном душе тут речи быть не могло.

Единственное, что я смогла себе позволить в небольшой уборной, это умыться и протереть себя тряпочкой. Может, где-то здесь и была полноценная ванная комната, но точно не у нас.

Следующим пунктом было переодеться.

Вспомнив о вечернем празднике, о котором мне рассказал Питер, я тщательно подобрала наряд. Сарафан из темной ткани и белая блузка с длинными рукавами и высокими манжетами, которые застегивались на десяток мелких пуговичек. Воротник был украшен тонкой оборкой

с полупрозрачным кружевом. На плечи я накинула большой цветастый платок.

Может, днем тут и жара, но по ночам становилось прохладно.

Волосы я заново причесала и заплела в тугую косу, которую украсила светлой лентой.

Бросив последний взгляд на свое отражение, я вышла из комнаты и спустилась вниз. По дороге мне никто не попался, да и на первом этаже тоже никого не было.

Зато я слышала веселую музыку и чей-то смех, разговоры. Кажется, все уже были на улице.

Открыв дверь, я выглянула наружу и замерла.

Унылый и скучный городок преобразился. Всюду горели магические фонарики-гирлянды, в центре пылал огромный костер, вокруг которого танцевали немногочисленные пары.

Чуть в стороне были расставлены длинные деревянные столы, на которых стояли еда и напитки. Рядом с ними расположились музыканты которые и играли сейчас веселый мотив.

На одном из стульев я заметила Залику, которая нарядилась в белое платье и что-то пила из длинного стакана, окидывая недовольным взглядом все вокруг. Ее этот праздник явно не тронул, но и уходить она не собиралась.

Среди танцующих я сразу заметила Дика, того Темного со шрамом. Сероглазый поймал мой взгляд и подмигнул.

Мелисса сидела в стороне и о чем-то разговаривала с высоким рыжим парнем.

Коннора нигде не было.

— Рин, — ко мне из темноты шагнул Питер, — ты пришла.

— Да. Раньше не смогла. Меня не разбудили.

«Наверняка Лика постаралась!»

— Это я отдал приказ. Ты так устала с поездки, и я подумал, что тебе нужно выспаться и отдохнуть, танцы никуда не делись бы, — произнес мужчина, становясь рядом. — Но я рад, что ты здесь.

— Здесь интересно. Городок преобразился. Днем он мне показался скучным и однообразным, а сейчас так ярко сияет.

— Жара спадает, и мир оживает. Потанцуем?

Я с сомнением взглянула на танцующих и покачала головой.

— Не думаю, что это хорошая идея. Я так точно не смогу.

— Тебе кажется. Я тебя научу. Смелее.

Питер протянул руку, но я все еще сомневалась.

— Может, позже. Сейчас я хотела бы осмотреться.

— Хорошо. Хочешь, познакомлю тебя с ребятами? Я им столько рассказывал о тебе.

— Правда?

— Конечно.

Я уже хотела кивнуть, когда заметила их.

Коннора и Снежу.

Они стояли в тени кривого дерева, поэтому сразу увидеть их не получилось. Девушка прижималась спиной к стволу, нежно поглаживая небольшой букетик из ярких цветов, а мой муж склонился над ней, что-то шепча на ушко.

Вид у них был до отвращения счастливый.

— Рин? Что-то случилось?

— Ничего.

Я с трудом заставила себя отвернуться от парочки, но Питер успел отследить мой взгляд и молчать не собирался.

— Как видишь, я говорил правду. Хоторн не вспоминал о тебе этот месяц. У него были дела поважнее. Темный уже нашел себе пару.

— Что это значит? — осевшим голосом спросила я, сильнее сжимая края пестрого платка. — Какую пару? Он же женат.

— Снежа родилась здесь, а у степняков свои правила и традиции. Девушка готова стать второй женой для Темного.

— Что ты такое говоришь? — Я резко повернулась к Питеру и зашептала: — Что значит второй? Разве такое возможно?

— Здесь — да.

Я снова взглянула в сторону парочки и вздрогнула всем телом, встретившись с черными глазами мужа.

Он понял, что я все знаю, и теперь ждал реакции.

Только ее не было.

Я будто заледенела. Все чувства и эмоции исчезли. Не осталось ничего. Только ноющая боль в груди, природу которой я понять не могла.

— Поэтому я считаю, что глава ошибся. Тебе не удастся очаровать Хоторна. Он занят другой, — продолжил Питер.

«Другой... другой... другой...»

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение, и широко улыбнулась. Так, что заболели щеки.

— Тогда научи меня танцевать, Питер. Прямо сейчас!

Коннор Хоторн

Букет ему вручил Дик.

Где он его достал в засушливой степи, Коннор не знал, да и не хотел знать. Как и брать букет в руки.

— Это что? — спросил Хоторн, смотря на друга снизу вверх.

Мужчина сидел на стуле у окна комнаты, когда вошел запыхавшийся, но счастливый Шеррил.

— Цветы.

Дик покрутил в руках букетик, вдохнул резкий аромат полевых цветов и снова сунул его в лицо Коннору.

— Мужчины мне раньше букеты не дарили. Странное ощущение, — отвернувшись, отозвался тот. — И не уверен, что хотел бы снова это повторить. Давай сделаем вид, что ничего не было, и забудем обо всем?

Но Дик шутку не поддержал.

— Это не тебе, а для тебя, — усмехнулся сероглазый и не глядя плюхнулся на противоположный стул. — Точнее, для черноглазой Снежи.

— А я здесь при чем? Сам принес, сам и дари, — равнодушно отозвался Хоторн, мимолетно касаясь кулона на шее.

— Я-то принес, а дарить ты будешь. Неужели не понял, для чего она здесь?

Дик бросил букет на стол и взглянул на друга.

— Снежа? Мне казалось, что она здесь родилась и прожила всю свою жизнь.

— Я про Светлую.

— Навестить жениха, — ответил Темный. — Вон и сестра Питера приехала.

— Сестра? Не видел, но уже наслышан. Девушка за несколько часов успела унижить всех, кого встретила. Но она, скорее, для отвлечения внимания. А вот эта Лирин здесь для другого.

— И ты хочешь просветить меня, для чего именно? — усмехнулся мужчина.

— Тебя уничтожить.

— Правда? — Коннор наигранно удивился и вытянул ноги вперед.

— Я познакомился с этой светлой. И Мелисса тоже. Я даже могу тебя понять. Лирин необычная девушка. Интересная. Дерзкая, яркая, уверенная, — продолжил Дик и вдруг широко улыбнулся. — Считала меня, представляешь?

Темный напрягся, выпрямляясь.

От ленивого равнодушия не осталось и следа.

— Увидела?

— Только сама не поняла что.

— Дик...

— И не поймет, — беспечно отозвался тот — Пока не поймет а дальше разберемся. Ты лучше о себе подумай. Эта девчонка уничтожит тебя, Коннор.

— Думаешь, я такой слабак, что меня сможет сломать какая-то светлая? — усмехнулся тот.

— Ты уже ради нее поступил всеми правилами и законами. Сомневаюсь, что станет лучше и ты сможешь игнорировать ее. Мы все это понимаем. Финне Монрей не дурак. Получив козырь против тебя в лице этой Светлой, он тут же использовал его.

— Я тоже не дурак и попадаться на удочку не собираюсь.

— Но она тебе понравилась.

— Это не преступление.

— Если дело не касается всех нас. Так что бери букет, иди к Снеже и очаруй ее, — произнес Дик, поднимаясь. — Надеюсь, ты не забыл, как это делается?

— Вспомню, — сухо произнес Коннор.

Букет он все-таки взял.

Вручив его покрасневшей Снеже, Хоторн даже произнес что-то милое и незначительное. Какой-то глупый комплимент, от приторности которого заныли зубы.

— Ох, цветы, — восторженно прошептала девушка, прижимая их к разгоряченным щекам. — Какие чудесные. Где ты их нашел?

— В одном тайном месте.

— Ты знаешь, как угодить девушке.

«Дик. Это он знает, и он угождает. Не я...»

— Стараюсь.

Темный чувствовал себя странно.

Наследник Хоторнов всегда был окружен женщинами. Они добивались его внимания и знали, что больше пары ночей им ждать не стоит. Но он никогда ни за кем не ухаживал. Тем более когда все мысли были о другой.

Коннор ждал ее.

Периодически обводил рассеянным взглядом небольшую площадку, шутил, смеялся и флиртовал, но искал ЕЕ.

И сразу почувствовал приход Лирина.

Она вышла из башни, застыв в проеме, а у него на мгновение перехватило дыхание. Даже не надо было оборачиваться, чтобы понять, что случилось. Узел, которым Темный привязал себя к ней, стал еще туже.

— Я столько о тебе слышала, — продолжала щебетать Снежа. Ее голос казался слегка приглушенным из-за грохота пульса в голове. — Коннор Хоторн, герой, приручивший древнего монстра бездны. Ты покажешь мне его?

— Кого? — рассеянно спросил темный, пытаясь сосредоточиться на темноглазой девушке и выбросить ту, другую, с глазами цвета моря.

Ту, которая сейчас о чем-то разговаривала со своим женихом, позволяла ему касаться себя... улыбалась...

Грохот пульса становился все более мощным.

— Эфира. Ты покажешь мне Эфира? — попросила Снежа, дотрагиваясь его рубашки в легком прикосновении.

Потом, чуть осмелев, она погладила пальчиком воротник. А после и вовсе положила ладонь ему на грудь.

Девушка чувствовала его реакцию, заметила бешеное биение сердца, жар, исходящий от тела, но не смогла понять, что вызвала все это не она. А та... другая.

— Не испугаешься? — хрипло спросил Коннор.

— Ты же будешь рядом.

— Я женат, — вдруг произнес он.

Зачем — и сам не знал. Наверное, просто хотел остановить ее, прогнать, но не вышло.

— Это не брак, — качнула головой девушка.

— Нас венчал священник императора. Боги одобрили союз.

Как же хотелось обернуться. Взглянуть на нее. Хоть на мгновение.

— Тебя заставили. Это не настоящий брак, а лишь фикция. Эта светлая никогда не сможет дать тебе семью, тепло, детей, — зашептала Снежа.

Хоторн поднял глаза и встретился взглядом с Лирин.

Всего доля секунды, чтобы понять, что это не работает.

Ничто не может прогнать светлую из его мыслей.

— А ты можешь? — с трудом заставив себя отвернуться, спросил Коннор.

— Могу. Я многое могу, Коннор. Если ты позволишь.

— И мой брак тебя не смущает?

Снежа тихо рассмеялась, глядя на него с таким жаром, что стало немного неловко.

— Пусть она твоя жена перед богами, но я буду перед людьми.

Музыканты сменили мотив, заиграв очередную легкую мелодию.

Но не это привлекло внимание Хоторна.

Лирин. Она вышла, широко улыбаясь, на середину площадки, держа за руку Питера, и весь мир снова сосредоточился лишь на ней одной.

Спроси его в тот момент, во что одета светлая, Хоторн бы не сказал. Коннор видел лишь ее улыбку и блеск глаз, слышал голос, смех и тяжелое дыхание. И умирал от желания оказаться рядом.

Но рядом был Питер Монрей.

Это он обнимал ее за талию, уча движениям. Он ловил улыбку и смех.

«Эта светлая никогда не будет моей...»

— Хорошо, — тихо произнес Хоторн. — Ты права.

— Права?

Было видно, что Снежа не ожидала такого ответа.

Наверное, девушка готовилась к длительной осаде, к уговорам. И уж точно не думала, что знаменитый Коннор Хоторн так легко на все согласится.

— Да. С этой светлой у нас нет будущего.
И думал он сейчас не о жене.

Айрин

Это было глупо.

Светлая затаилась в ночи и караулит темного.

Устроила импровизированную засаду, пока остальные развлекаются на празднике, танцуя под веселую музыку, которая была слышна даже из ненадежного укрытия.

Я прикусила губу, чтобы нервно не захихикать и не выдать себя раньше времени.

Сейчас мое состояние можно было назвать близким к истерическому.

Я не знала, чего хочу больше: рассмеяться или заплакать, а может, броситься бежать прямо в ночь? Да, третий вариант был наиболее предпочтительным и желанным. Жаль только, ему не суждено было сбыться.

Глубокий вдох и выдох. И снова вдох и выдох.

— Все будет хорошо, я справлюсь, — едва слышно прошептала сама себе.

— И давно ты разговариваешь сама с собой? — раздался вдруг голос откуда-то сбоку.

Я подпрыгнула на месте, ахнула и зажала рот рукой, быстро оглядываясь.

«Хоторн здесь! Он меня заметил! И что теперь делать?»

— Я тебя напугал? — спросил мужчина, продолжая скрываться где-то в тени.

— Было бы намного легче, если бы ты показался, — убрав руку ото рта, с трудом произнесла я.

Раздался тихий шелест, едва различимый звук шагов, и вот передо мной возникла фигура темного.

— Спасибо.

— Меня искала?

— Да, — заявила я и решительно задрала подбородок.

— Нам лучше не встречаться, Лирин Монрей.

— Но я здесь, и ты тоже. Почему бы нам не поговорить, раз мы так удачно встретились?

Хоторн смотрел на меня секунд десять, прежде чем ответить.

Жаль, что в темноте невозможно разглядеть выражение его лица.

— Зачем ты здесь, Лирин?

— Куда Питер, туда и я.

— Это единственная причина?

То, каким голосом Хоторн это произнес, дало понять, что от моего ответа зависело очень многое, если не все.

— Нет. Не единственная.

Снова тишина. Только взгляд такой пронзительный, что я кожей его чувствовала.

— Тебя глава послал?

Вопрос я проигнорировала. Не хотела сейчас врать. Мою ложь мужчина легко мог прочувствовать и прочитать. Поэтому правда и только правда. По крайней мере, сейчас.

— Я здесь из-за тебя.

— Неужели?

— Ты спас меня. Почему?

Я шагнула вперед, впиваясь взглядом в темноту, пытаюсь проникнуть сквозь ее покров и рассмотреть мужчину, понять по выражению его глаз, что он чувствует в этот момент.

Можно было бы создать небольшой световой шарик, но это привлекло бы к нам лишнее внимание, а этого нельзя было допустить.

— Боишься, что это как-то повлияет на тебя? — спросил в свою очередь темный и сделал шаг в сторону.

Только через пару секунд я поняла, что мужчина обходит меня по кругу. Медленно, плавно, словно хищник кружит вокруг своей жертвы, выискивая момент для удара.

В голове билась мысль, что вполне возможно, что сумрак не помеха мужу и он видит так же ясно, как и при свете дня.

— Думаешь, что станешь такой же, как и я? Темной. И тебя проклянет семья, родные, глава... Питер? — продолжал расспросы Хоторн.

— Нет, не боюсь, — выдохнула я, повернувшись на звук его голоса и поправив шаль, которая норовила соскользнуть с плеч.

— Тогда что? — Секундная заминка, и вопрос, которой заставил застыть: — Может, ты боишься, что мое вмешательство заставит тебя полюбить меня?

Его голос будто вибрировал, и я дрожала вместе с ним, вглядываясь в темноту.

— А ты можешь заставить?

Он остановился. Я смогла разглядеть его силуэт в темноте.

Воздух между нами накалился, обжигая легкие, осушая губы, заставляя дышать чаще и глубже.

— А ты хочешь этого? — вдруг спросил Хоторн. — Хочешь, чтобы я заставил тебя полюбить себя?

— У тебя не получится, — отозвалась я, безошибочно находя в темноте его глаза, которые сейчас горели, словно звезды.

— Сомневаешься в моих способностях?

— Нет... Ты просто не сможешь это сделать, — уверенно произнесла я.

— Бросаешь мне вызов, Рин?

Новое имя больно резануло, заставив отступить, вспомнить обо всей той лжи, которой я окружила себя.

«Говорить правду? Ха! Что это изменит? Я и так наврала достаточно, чтобы возненавидеть меня!»

— Нет.

Я отвернулась и обняла себя за плечи.

— Рин...

— Это было глупо — приезжать сюда. Я знаю. Ты считаешь, что меня прислал глава? Да. Ты прав. Он прислал меня сюда.

Тихий смешок, сорвавшийся с губ, разорвал тишину подобно взрыву. Но Темный молчал и ждал, что еще я скажу.

— Молчишь? Ненавидишь меня? Я и сама себя ненавижу. За то, что согласилась. Сомневаюсь, что мой отказ что-нибудь изменил бы, но я должна была попытаться. А вместо этого... вместо этого я обрадовалась. Не тому, что увижу Питера. Из-за тебя.

Еще один смешок, который больше походил на стон.

Боги, я сама не верила, что говорю это. Что произношу вслух то, в чем боялась признаться даже себе.

Это все эта ночь, танцы и невероятное ощущение свободы вдали от дяди и семьи. Их гнет больше не довлел надо мной.

— Ненавижу тебя...

— Рин.

Я почувствовала его за долю секунды до того, как Хоторн коснулся меня.

Хорошо, что сейчас темно. Хорошо, что мы одни... Или плохо?

Остановиться сложно, молчать невозможно и на мгновение можно забыть, кто мы, где мы и что должны делать.

— Я не менял тебя, — хрипло признался Коннор, чуть сжимая мои плечи, и осторожно прижался лбом к моей макушке. — Не принуждал.

— Знаю... Ты не заставлял меня любить тебя. И никогда не заставишь.

Закрыв глаза, я задержала дыхание, когда мужчина глубоко вздохнул, зарываясь лицом в мои волосы. Горячие ладони, жар которых я чувствовала даже сквозь ткань рубашки, скользнули по рукам сначала вниз, потом вверх, посылая болезненные мурашки по телу.

Все это медленно, плавно. Словно мужчина ждал моего протеста, что я оттолкну его или закричу. Но у меня даже в мыслях такого не было.

«Остановись, мгновение, замри, время... на чуть-чуть... Уже через минуту все вернется назад. Но не сейчас!»

— Уезжай, Лирин! Уезжай отсюда.

— Не могу. Мне не позволят.

— Я не позволю сломать меня, — сдавленно прошептал он. — Финне Монрей ошибся. Твой приезд ничего не изменит.

Он слегка сжал мои руки и отступил.

Сразу стало неудобно и холодно.

Еще немного — и уйдет, исчезнет в ночи.

— Ты собираешься взять Снежу в жены? — резко спросила я, оборачиваясь.

— Я уже женат, — обронил Хоторн.

— Да. На Айрин Монрей. Но Снежа все равно готова стать второй женой, не так ли? Той, что не сможет стать Айрин?

— Да.

Больно. Так больно, словно мне ножом полоснули по груди, разрезав сердце на части. Я боялась сделать вдох. Вдруг вздохну — и рана откроется, заливая кровью все вокруг.

Но крови не было, как и слез.

Зато проснулась злость.

Никогда не думала, что могу так ненавидеть. Ярко, ослепительно, до дрожи в пальцах.

— Айрин она тебе заменит. А меня? Меня ты с ней сможешь забыть?

— Не задавай вопросы, на которые не захочешь получить ответа, Рин, — угрожающе прорычал Коннор.

— Но я хочу знать. Можешь не говорить, почему спас меня тогда. Почему рискнул всем и вернул меня к жизни. Я... я тебе нравлюсь! Скажи, что это правда! — с вызовом заявила я и застыла, ожидая реакции.

— Нет.

— Ты лжешь.

— Ты мне не нравишься, Лирин Монрей! — выдохнул Коннор, в одно мгновение оказавшись рядом, схватив за руки и заставив болезненно охнуть.

— Ты лжешь, — упрямо повторила я, глядя ему прямо в глаза.

— Нет. Это не симпатия, Лирин, — прошипел он мне в лицо. — Это огонь! Пламя! Боль! Я привязал себя к тебе. Привязал крепко. Так, что вздохнуть не могу. И знаешь что?

— Что? — зачарованно спросила я.

— Это ничего не изменит!

Хоторн отпустил меня так же резко, как и схватил.

Я качнулась, с трудом удержав равновесие.

— Я женат на Айрин Монрей, ты — невеста Питера. А завтра я пойду просить отца Снежи согласия на второй брак по обычаям степняков. И ты больше никогда не подойдешь ко мне, Лирин. Никогда. Иначе...

Короткая передышка, чтобы перевести дыхание, а мне испугаться еще больше.

— Иначе я сделаю то, что развяжет войну между нашими семьями. Я убью Питера и увезу тебя. Туда, где никто и никогда не найдет. Нравится тебе такой исход?

— Нет.

Я смотрела в его глаза и понимала, что Темный не врет.

Что бы эта привязка ни означала, она сводила его с ума.

— Хорошо. Тогда запомни эти слова, Лирин Монрей. Запомни, потому что дважды повторять я не стану. А своему главе передай, что ничего не вышло.

— Хорошо, — прошептала я в темноту, чувствуя, что Коннор уходит все дальше от меня, из моей жизни.

Сумрак ночи сыграл свою роль.

Мгновения откровения и слабости закончились, оставив после себя лишь кровоточащие раны и пепел воспоминаний.

— Вот ты и получила ответы на свои вопросы, — прошептала я.

Только счастья это не принесло.

И понимала я еще одно. О том, что стало известно этой ночью, никто не узнает.

Никогда.

Глава 18

Три дня спустя

— Что ты собираешься делать дальше?

Питер нашел меня у обрыва.

Я стояла у самого края, обхватив плечи руками, и, устремив взгляд вдаль, думала...

Да ни о чем я не думала, если честно, просто наслаждалась приятным утром и готовилась к новому дню и новым испытаниям.

Солнце еще не достигло зенита, и поэтому до удушающей жары было еще далеко. Я ненавидела сидеть взаперти, но здесь по-другому не получалось. Из-за палящего солнца выходить погулять получалось лишь утром либо вечером. И то далеко уйти не получалось.

— Уж точно не прыгать. Отсюда открывается потрясающий вид на степь. Не правда ли? — нейтрально произнесла я.

Но мужчина отказался поддерживать светскую беседу.

— Я про Хоторна. Что ты собираешься с ним делать?

Хоторн.

За эти три дня мы практически не виделись. Если случалось пересечься на лестнице или в общем зале, то мы играли роль совершенно незнакомых людей. Никаких обменов взглядами и тихих вздохов украдкой.

В его поведении ничего не напоминало о той ночи, сумраке и разговоре, от которого до сих пор внутри все переворачивалось.

Но он был, и мне предстояло с этим жить.

Я медленно обернулась, щурясь от солнца, которое било прямо в глаза.

— Ничего.

— Почему?

Питер шагнул ко мне, и я снова отвернулась.

— Ты же сам сказал, что мне стоит забыть приказ главы и просто наслаждаться неожиданным отпуском. Вот этим я и собираюсь заняться.

Наклонившись, я сорвала травинку, которая через пару секунд осыпалась между пальцев. Немного выживало в этой жаре.

— Слышала, здесь есть одно очень красивое место. Каньон Духов. Как ты думаешь, я могу туда съездить? — спросила я, стряхивая соринки с пальцев.

Питер встал рядом. Так близко, что край рукава его рубашки касался рукава моего платья. Я чувствовала его, ощущала запах ароматной воды с нотками свежести, но реакции не было. С таким же успехом я могла стоять у куста с розанами.

— Одна?

— Отчего же. Я была бы не против сопровождения. В твоём лице, разумеется. Мы же жених и невеста. Думаю, наш отъезд ни у кого не вызовет подозрений.

Мужчина на мои слова не отреагировал.

— Ты встречалась с ним?

— Я сейчас должна угадать, кого ты имеешь в виду? — насмешливо переспросила я, убирая тонкие пряди, которые упали на лицо от очередного порыва горячего ветра.

Жара набирала обороты. Кажется, пора возвращаться назад в башню и сидеть там до вечера, прячась от палящего солнца.

— С Хоторном. Ты встречалась с ним? Разговаривала?

— Нет.

Ложь легко слетела с губ. И я о ней не жалела.

«Я привязал себя к тебе. Привязал крепко. Так. что вздохнуть не могу...»

— Почему? По прибытии сюда ты была более решительна.

— Все меняется. Зачем мне сопротивляться и строить козни? Коннор Хоторн уже дал понять, что ему нужно.

«Я сделаю то, что развяжет войну между нашими семьями. Я убью Питера и увезу тебя. Туда, где никто и никогда не найдет».

— И ты позволишь ему заключить второй брак со Снежей? — все еще не мог поверить Питер.

Я удивленно взглянула на мужчину:

— А ты хочешь ему запретить? И как ты себе это представляешь. Питер? Мы должны подойти к Хоторну и заявить, что его действия незаконны? Что он по приказу Императора вот уже почти пять лет женат на Айрин Монрей и должен хранить ей верность? Так?

— Почти.

Я лишь хмыкнула, качнув головой.

— Ничего не выйдет. Станет только хуже. Кроме того, мы получим новых врагов в лице степняков. Они довольны этим союзом. Ты же видел их реакцию. Если мы вмешаемся, то станет только хуже. Нам хуже, Питер. Поэтому нет. Я вмешиваться не стану. И тебе не советую.

— Если ты в этом так уверена, — с сомнением произнес бывший жених.

— Абсолютно. Если Хоторн собрался заводить вторую жену, то пусть с ним разбирается глава. Так как насчет небольшой экскурсии к каньону? — улыбнулась я, давая понять, что разговор окончен.

И бывший жених сдался.

— Хорошо. Я буду только рад сопровождать тебя. Но выбираться туда лучше на рассвете, пока не слишком жарко. Можно завтра договориться о повозке.

— Отличная идея.

Я перевела взгляд на светло-голубое небо.

— Если прорывов не будет.

— Пока все тихо. Мы отслеживаем каждый всплеск. Но, судя по всему, твари затаились. Может, они специально выманили нас в эту богами забытую степь, а сами хотят нанести удар в другом месте.

— Не знаю. Как ты думаешь, Залика поедет с нами?

— Сомневаюсь, — коротко рассмеялся он. — Сестра ненавидит природу и все, что с ней связано, и обожает комфортную жизнь. Провести целый день в пыльном каньоне? Для нее это сущее наказание.

— Не скажу, что буду слишком расстроена, — ответила я.

— Пора возвращаться. Становится слишком жарко.

Питер протянул мне руку, и я, недолго думая, приняла ее.

Путь до башни занял немного времени, но под палящими лучами минуты тянулись до бесконечности.

— Не представляю, как здесь можно жить, — вздохнула я. — Жара просто невыносимая.

— Люди ко всему привыкают. Когда мы были на Севере, тоже думали, что жить там невозможно. Но это не так. Каждое место по-своему уникально.

— Все-таки мне по душе привычный климат.

— Поверь мне, во время путешествий я часто по нему скучаю. Одна радость — ты и Залика здесь.

— Жаль, что нам осталось радовать тебя не так долго, как хотелось бы. Через пять дней мы возвращаемся.

— Целых пять дней, — улыбнулся Питер, сжимая мою руку. — Их можно провести с пользой.

Мы распрощались с ним у входа в башню. Его позвал кто-то из группы, а я не стала ждать и вошла внутрь.

И тут же наткнулась на Снежу.

Эти дни мы почти не разговаривали. Сложно общаться с той, которая вольно или невольно заняла мое место.

— Госпожа Лирин, — почтительно склонив голову, произнесла девушка. — Доброе утро.

— Доброе, — сдержанно отозвалась я и направилась в сторону лестницы.

Не дошла.

— Госпожа Лирин, прошу прощения, можно с вами поговорить?

Пришлось остановиться и попытаться изобразить на лице дружелюбную улыбку.

— Что-то случилось?

Снежа замялась, комкая в руках полотенце.

— Вы злитесь на меня?

— Злюсь? Почему я должна злиться?

Девушка глубоко вздохнула, потом еще раз. Пытаясь подобрать слова.

Я молчала и ждала, осторожно изучая ее и пытаюсь понять: почему она? Почему Коннор выбрал именно ее?

Красивая? Возможно. Я не сильна в женской красоте. Смуглая от постоянного пребывания на солнце, черноволосая и темноглазая. Скуластое лицо, женственная фигура, упрямый подбородок.

Но самое главное другое. Снежа ни капли не была на меня похожа. Ничего в ее внешности, манерах и движениях не было моим.

Если Хоторн решил забыть меня в ее объятьях, то выбрал странную кандидатуру. Или, наоборот, хорошо, что мы с ней совершенные противоположности.

Ох, я совсем запуталась.

Нет, я все равно не понимала, почему она!

— Вы же Монрей.

— Не только я. В башне много представителей нашего рода.

— Но вы женщина. Вы... вы встречали ее? — понизив голос, спросила Снежа.

— Кого? — нахмурилась я, пытаюсь понять, что же она от меня хочет.

— Айрин Монрей, — выдохнула девушка. — Первую жену Коннора.

«Она его по имени называет. Да еще имеет наглость вспоминать обо мне».

Внутри все вспыхнуло от злости, обиды и зависти к этой ни в чем не повинной девушке. Ведь, по сути, не Снежа устроила эту неразбериху.

— Не первая, а единственная жена, — холодно отозвалась я. — Айрин Монрей — единственная законная жена Хоторна. Знаю, что

здесь иные законы, и я не собираюсь идти против вас... Но Коннор Хоторн женат И вам стоит об этом помнить, чтобы потом не страдать.

Не дожидаясь ответа, я развернулась, ступила на лестницу и коснулась перил.

— Я люблю его, — тихо произнесла Снежа, вновь заставив меня застыть. — Давно. С тех самых пор, как впервые услышала о великом герое. Но все мои фантазии померкли, когда я увидела его.

— Тогда что вы хотите услышать от меня? — сжав перила, спросила у нее. — Получить благословение? Так оно вам точно не нужно. Я всего лишь одна из рода Монрей. И только.

— Знаю, но мне важно, чтобы вы меня поняли.

— Почему я?

— Мне кажется... не знаю. Я запуталась, — сказала она.

— Что ж, хорошо. Если вы действительно его любите, то будьте счастливы. И не обращайте внимания на остальных, — ответила я и продолжила путь по лестнице. — Иногда стоит бороться за свое счастье.

Шаг за шагом. Как можно дальше от счастливой Снежи.

Чтобы никто не видел моего состояния. Чтобы никто не догадался, как же мне больно сейчас.

Послезавтра состоится церемония. И будь я проклята, но я там буду! Буду стоять и смотреть, как мой муж связывает свою жизнь с другой!

Коннор Хоторн

— К церемонии почти все готово, — произнес Рейн, подходя к другу.

Коннор стоял у окна, скрестив руки на груди, и молчал.

— Завтра вечером, на закате, в присутствии толпы свидетелей, Снежа станет твоей второй женой.

— У меня есть и будет только одна жена, — отозвался Хоторн. — Та, которую мне навязал император и Монрей. А Снежа... они просто узаконят нашу связь. И только.

— Ее это устраивает, — заметил Рейн. — А тебя?

Коннор промолчал, продолжая всматриваться в бесконечную степь.

— А мне все равно.

Рыжеволосый мужчина еще некоторое время стоял рядом с другом, а потом произнес:

— Если ты пытаешься отследить их, то Каньон Душ в другой стороне. Повозку отсюда не видно. Да и уехали они давно. Наверняка уже достигли Каньона.

— С чего ты взял, что меня это волнует?

— А почему нет? Эта светлая тебе нравится, — пожал тот плечами.

— Неужели? Интересное замечание. У нее есть жених, у меня — жена. Кроме того, завтра вечером я официально возьму в сожительницы другую, а ты мне рассказываешь о чувствах к светлой? — съязвил Коннор, поворачиваясь к другу.

— А ты хочешь, чтобы я соврал? Сказал, что все отлично и твое равнодушие — это верная реакция на происходящее? Ты сам на себя не похож.

— Вы можете придумать что-нибудь другое? Одна и та же фраза по двадцать раз.

— Что подделаешь, если ты на эту фразу никак не реагируешь, — пожал плечами тот. — Может, стоит поговорить с ней?

— Рейн, не вмешивайся, — рыкнул мужчина.

— А ты прекрати сам себя обманывать, Коннор. Скажи мне вот что. Если бы не было Питера. Если бы она была не Монрей, то что бы ты стал делать? Держу пари, что не Снежа ждала бы завтра церемонии. Хотя завтра слишком долго. Ты бы увез эту девчонку с собой еще месяц назад, сразу после того, как оживил. И не надо мне говорить, что я не прав.

— Но Питер никуда не делся, а Лириин — Монрей.

Рейн смотрел на спину друга секунд пять, а потом вдруг тихо произнес:

— Ты привязал ее к себе.

— Нет Я привязал себя к ней, — спокойно сказал Коннор. — Понимаешь, в чем разница?

Рейн молчал пару секунд, а потом выдохнул:

— Ты дурак!

— Сам знаю.

— Я молчу о том, что ты не должен был привязывать ее к себе. Но если уж сделал это, то обязан был раскидать на двоих и не вешать все на себя!

— Лирин не будет отвечать за мою ошибку!

— Посмотри на себя, — покачал головой рыжеволосый. — Ты уже рискнул всем ради нее. Что будет дальше?

— Ничего.

— Ты сам-то в это веришь?

— Ничего не будет. После церемонии Лирин не захочет меня видеть.

— Ты ради этого все затеял? Сломаешь ведь Снежу. Жену она может и переживет, но эту светлую — нет.

— Снежа ничего не узнает, — спокойно отозвался Хоторн.

— Это ты так думаешь. Она тебя любит и точно заметит твой интерес к другой. Уже замечает.

— И что ты предлагаешь? Отменить все?

— Поговори со Снежей. Расскажи все.

— Нет, это не выход, — покачал головой Коннор и вдруг напрягся, сжимая в руке кулон. — Ты чувствуешь?

— Что? — переспросил Рейн и тоже прислушался.

Тишина.

Даже ветер за окном смолк.

— Купол. С ним что-то происходит.

— Прорыв? — Мужчина вскочил с кресла и бросился к окну. — Почему не сообщили? Маги же отслеживают активность тварей. Они должны были заметить?

— Или твари бездны научились маскироваться. Это прорыв. И не один. Труби тревогу. Скоро начнется.

— Но пока ничего нет. Купол на месте, — возразил Рейн.

— Это пока, — отозвался Коннор и закрыл глаза.

Мгновение, и он громко выругался, бросаясь к двери.

— Что случилось?

Рейн поспешил следом.

— Каньон! Прорыв будет в Каньоне Духов! — крикнул на бегу Хоторн.

«Рин. Там Рин...»

Айрин

— Это невероятно, — прошептала я, стоя на краю скалы и рассматривая раскинувшийся внизу невероятный пейзаж.

Слов не было, чтобы описать его должным образом, лишь один безудержный детский восторг. Я даже морю не так радовалась, как этому великолепию.

После того как мы несколько часов передвигались на старенькой повозке, я уже пожалела о том, что вообще согласилась на это путешествие.

И чего мне в башне не сиделось? Уютно, прохладно и спокойно.

На мое предложение воспользоваться пегасами и пролететь это расстояние на них Питер ответил отрицательно.

— Здесь так не принято.

— Но там намного быстрее.

— Быстрее, но пегаса нельзя вызывать только для того, чтобы сократить время поездки, — пожурил меня мужчина. — Представь, что мы израсходуем всю энергию на игры и развлечения, и вдруг случится прорыв. Кто будет защищать наш мир от угрозы?

— Сам же сказал, что прорыва пока не ожидается.

— Ситуация изменчива, Айрин, — отозвался Питер, осматриваясь.

— Рин. Называй меня Рин, — тут же попросила я.

Родное имя, несомненно, было дороже, но конспирацию никто не отменял.

— Мы здесь одни.

А вокруг только голая степь, одинокие кустарники и палящее солнце. Не представляю, где здесь может быть таинственный Каньон Духов. Не из воздуха же он материализуется?

— Все равно не стоит так делать. Можешь проболтаться в самый ответственный момент. И тогда нам точно несдобровать. Далеко еще?

— Нет, осталось немного.

Я, закрыв рукой солнце, снова осмотрелась.

Все та же рыжая степь на горизонте.

Как здесь вообще можно ориентироваться? Даже дороги нет нормальной.

— А ты уверен, что мы не заблудились? — с сомнением уточнила я, взглянув на Питера.

Обижать его не хотелось, но и погибать тоже.

— Совершенно. Я рад, что мы с тобой остались наедине.

— Питер, не надо, — взмолилась я, потянувшись за фляжкой с водой. Сделав всего один глоток, чтобы промочить пересохшее горло, добавила: — Мы же с тобой давно все обсудили.

— Ты не думала о том, чтобы отказать главе?

— А это разве возможно? Сомневаюсь, что дядя знает слово «нет».

— Но он не сможет принудить тебя, если ты откажешься.

— Уверена, что у дяди найдутся рычаги воздействия. На меня, на тебя, на кого-либо другого из рода Монрей. Каждому из нас есть что терять. Каю намекнули о том, что, если я не подчинюсь, его свадьбу с Заликой отменят.

— Я этого не допущу, — тут же вскинулся Питер.

— А тебя не спросят. Есть твой отец, и он принимает решения. Уверена, что у главы и для него есть нужный рычаг. Так что мой возможный бунт изначально обречен на поражение. С этим стоит смириться и жить дальше.

— Но я не хочу с этим мириться, — вдруг с жаром заметил мужчина. — Не теперь. Ты никогда не думала поступить так же, как Хоторн?

— Ты сейчас про что? — удивилась я.

— Заключение второй брак у степняков?

Я коротко рассмеялась, решив, что Питер шутит.

— Второй муж? Серьезно? Я и с первым не знаю, что делать. Зачем мне второй?

— Но все-таки, — не отступал мужчина.

— Я никогда не думала об этом, — призналась ему. — И не уверена, что стоит об этом думать. Хоторну простят такое своеволие, пожурят, прочитают речь, но простят. Он же мужчина. А вот мое падение будет громким и сокрушительным.

— Но у тебя буду я.

— Кхм. — Я заерзала на неудобной скамейке. — Не думаю, что это то, чего я хочу в данный момент. Спасибо, конечно, за предложение, но я так не смогу. И против воли дяди не пойду. Может, он и сам передумает, когда узнает, что его план провалился.

— Верится с трудом, — отозвался Питер, даже не думая скрывать разочарование. — В любом случае хочу, чтобы ты знала, что я всегда рядом и поддержу тебя.

— Спасибо.

— Мы, кстати, на месте.

— Да? — искренне удивилась я, глядя перед собой.

Степь и небо.

И все?

Правда, линия горизонта стала значительно ближе.

Питер остановил повозку, быстро слез и протянул мне руку.

— Давай спускайся. Тебе понравится.

— Сейчас, только шляпку надену, — засуетилась я, завязывая ленту на подбородке и беря с собой фляжку с водой. — А повозку мы так и оставим тут?

— Да. Ну же, Рин, быстрее.

Питер взял меня за руку и повел.

И чем ближе мы подходили, тем шикарнее открывался перед нами вид.

— О Боги! — ахнула я.

— Нравится?

— Это невероятно.

Мы стояли на краю скалы, а вниз раскинулся каньон.

— Когда-то, много лет назад, здесь протекала река. Видишь, как она изгибалась, создавая причудливые зигзаги и петли? — спросил Питер.

— Да, — восторженно закивала, пытаюсь разом захватить все картину, но взгляд скользил туда-сюда, не в силах остановиться на месте.

— Река пробилась в породе себе дорогу, образуя причудливые ущелья, гроты, пещеры. Она давно высохла, а каньон остался. Высота скал в некоторых местах достигает сотни метров. Хочешь спуститься?

— А это возможно?

— Конечно. Держись! — произнес мужчина и сам схватил меня за талию.

Я только и успела взвизгнуть, когда мы рухнули вниз.

Продолжая вопить, я зажмурилась и вцепилась в Питера руками и ногами, мысленно прощаясь с жизнью.

Но уже через мгновение за его спиной выросли крылья, и мы медленно спустились на дно каньона.

«Интересно, почему мои не сработали? Эфри?! Куда ты пропала?»

Пегас все еще дулась и не могла простить моего самоуправства, когда я едва не погибла. И за то, что связалась с Хоторном, тоже злилась. Я нарушила правила, когда показала ее Коннору.

Вот и сейчас я услышала лишь фыркание.

Все ясно: она знала, что все хорошо, риска нет, поэтому ничего делать не стала.

Но все равно неприятно.

— Мог бы и предупредить, — с трудом разжимая скрюченные судорогой пальцы, ответила я и отступила.

— Испугалась?

— Немного.

— Но твои крылья... — начал Питер, и я его тут же перебила:

— Эфри, в отличие от меня, поняла, что угрозы нет, поэтому и не стала реагировать. Но это все равно не снимает с тебя ответственности.

— Хорошо, — рассмеялся он. — Как тебе?

— Снизу все выглядит иначе, — задрав голову вверх, произнесла я. — Необычно и очень красиво. А почему его называют Каньоном Душ?

— Раньше это было излюбленное место для самоубийц.

— Что?!

— Они приходили сюда и бросались вниз. Красиво и эффективно.

— Жуть какая, — ответила я, поежившись.

Каньон как-то сразу утратил радужные краски.

Я ожидала услышать какую-нибудь романтическую легенду сказку. Но реальность оказалась далека от идеала.

— Но это было давно. Еще в те времена, когда здесь была река.

— Все равно неприятно, — заметила я, подходя к одной из скал и касаясь пористого рыжего камня, из которого было все вокруг.

— Давай я проведу для тебя экскурсию, — предложил Питер. — Покажу интересные пещеры. Там можно будет укрыться от жары.

— Давай.

Но исследовать у нас получилось только одну.

Мы уже довольно долгое время были внизу, когда вдруг раздался легкий звон.

Сначала я решила, что это у меня в ушах звенит.

Повернувшись к Питеру, я уже хотела ему рассказать обо всем, но увидела его лицо.

— Что?

— Прорыв, — севшим голосом произнес он.

Звон был каким-то странным и неправильным, непохожим на тот, который я слышала на море. Там был явный треск, а здесь звон.

— Сейчас? Тебе надо возвращаться?

— Нет. — Питер взглянул на меня. — Не надо. Прорыв здесь.

— Что значит здесь? — прошептала я, задирая голову вверх, но, кроме свода пещеры, ничего не увидела.

— Над нами.

— И что теперь?

Истерику устраивать я не собиралась. Сразу подобралась, расправила плечи и принялась размышлять, что делать дальше. В принципе, я готова была прикрыть Питеру спину.

— Тебе надо уходить, — вдруг произнес Питер, хватая меня за руку. — Сейчас же.

— Ты с ума сошел! Никуда я не уйду. Я тебя не брошу.

— Ты не понимаешь! Это не просто трещина! Ты же слышишь?

— Слышу, но не уйду, — упрямо повторила я.

— Они здесь, Айрин. Давно здесь. Мы прозевали прорыв, — вдруг произнес мужчина.

Я вырвала руку и отшатнулась, отказываясь верить в то, что он говорит.

Это не может быть правдой.

Все знали, как проходят прорывы. Их нельзя упустить и не заметить. Это невозможно.

Но в следующую секунду все изменилось.

Заметив краем глаза какое-то движение сбоку, я обернулась и замерла.

Глава 19

Айрин

Непропорционально длинное и изогнутое тело, как у змеи, темно-фиолетового цвета, крохотные лапки в количестве восьми штук. Плоская морда с рогами, длинными острыми ушами и оскалившейся пастью, из которой торчали белые клыки. Раскосые красные глаза и тихое утробное рычание.

На нас двигался Сумеречный кошмар. Высшая тварь Бездны.

— Не двигайся, — запоздало предупредил меня Питер.

Совершенно бессмысленный приказ. Если бы даже хотела, то не смогла бы сейчас сдвинуться с места. Тело сковало от ужаса и страха.

— Теперь слушай меня очень внимательно, — тихо продолжил мужчина.

Я лишь судорожно сглотнула, не сводя глаз с монстра, который сделал шаг к нам навстречу и плотоядно облизнулся двумя языками. Я ведь и забыла, что у него их два. А еще на кончике хвоста есть жало с ядом, одна капля которого убивает мгновенно.

— По моей команде ты призываешь силу и улетаешь отсюда. Сразу же. Не оглядываясь. Повозку не трогай, она слишком медленная. Как окажешься наверху, призывай Эфри, садись верхом и лети к башне. Расскажи им все, предупреди.

— А ты? — прошептала беспомощно.

— Со мной все будет хорошо. Я задержу тварь, справлюсь.

— Ты лжешь, — выдохнула я, с трудом сдерживаясь, чтобы не сбежать.

— Я справлюсь, — упрямо повторил Питер. — А ты уходишь. На счет три.

— Стой! Не выйдет.

Мягко ступая по песку, из-за угла не спеша вышли еще два монстра. Одного он, может, и мог бы отвлечь, но не троих...

Мой побег обречен на провал.

Я все понимала, а бывший жених все еще отказывался признавать.

— Питер...

— Я отвлеку их. Смогу. А ты уходишь.

— Не получится.

— Верь мне, Айрин. Верь и уходи! — упрямо повторил он.

Две твари подошли к третьей и теперь, не мигая, смотрели на нас.

И в этих красных глазах я читала приговор для нас.

— Нет, — произнесла я едва слышно.

— Айрин!

Питер зарычал от бессилия. Представляю, как он хотел сейчас схватить меня за плечи и встряхнуть. Но нельзя, любое резкое движение может спровоцировать этих созданий. Тогда у нас не будет даже крохотного шанса на спасение.

— Я тебя не брошу.

— Не сходи с ума. На счет «три».

— Я останусь. Мне не уйти. Неизвестно, сколько еще их здесь прячется. А так у нас будет хоть какой-то шанс продержаться до прихода помощи.

— Они не придут, не успеют.

— Придут, — уверенно произнесла я.

«Коннор! Ты же должен чувствовать! Должен. Раз привязал к себе. Помоги! Успей! Опять...»

— Тогда ты встаешь у меня за спиной, — заявил Питер. — И не будешь высовываться.

— Ты же не думаешь, что я стану следовать твоему приказу, — нервно усмехнулась в ответ.

От неподвижного стояния на одном месте затекло все тело, болезненно заныли мышцы — и сдерживать себя становилось все труднее. Еще немного — и не выдержу.

— Это приказ!

— А я не твоя подчиненная, Питер. Запомни это. Приказам я не подчиняюсь. Значит, на счет «три»?

— Айрин!

— Три... два... один.

Эфри давно уже была наготове и огненной стрелой впиалась в сердце, заставив выгнуться и судорожно вздохнуть.

Весь мир будто замер на мгновение.

Застыли и монстры, с ревом бросившиеся вперед; неподвижно стоял Питер, обращение которого началось одновременно с моим.

Больно.

Опять.

Только на этот раз боль была благом. Она отрезвила, заставила взять себя в руки, стиснуть зубы и приготовиться к бою.

Она исчезла так же быстро, как и появилась, уступив место теплу и жару.

Эфри! Я вновь чувствовала ее.

Пегас вручила мне не только крылья, но и создала защитные доспехи, которые могли хоть немного, но защитить меня от яда тварей Бездны.

Взлетев под потолок, я увернулась от одной из них и, коснувшись кулона, быстро прошептала древнее заклинание.

Когда я опустилась на землю, в моих руках уже горели огненные клинки.

— А вот теперь повоюем.

Активировав щит, я сразу же бросилась на ближайшую тварь.

Это не безмозглые бабочки и птички, которые были созданы лишь для того, чтобы открыть трещину и расширить ее для более мощной силы.

Нет, Сумеречный кошмар был одним из высших тварей. Он мог думать, анализировать — и погибать от рук какой-то девчонки не собирався.

Уклонившись в сторону, монстр попытался достать меня одной из лап с острыми когтями. Теперь пришла моя очередь уворачиваться и уходить в оборону, надеясь, что щит сможет устоять под градом ударов.

Питер взял на себя два создания, чем значительно облегчил мне жизнь.

Следить за ним не было ни сил, ни возможностей. Но я слышала его тихие проклятья, звон ударов и знала, что он жив. Уже этого было достаточно.

Больше атаковать мне не позволили. Как-то незаметно существо загнало меня в угол, где единственное, что я могла делать, — это отбиваться и стараться не умереть, каждые пару минут подпитывая щиты.

Еще немного, и сил не останется.

В какой-то момент пришлось отказаться от клинков. Какой в них толк, когда ударить мне все равно не дадут, а магии они забирают много.

— Держись! — крикнул Питер.

Судя по звукам, он пытался пробиться ко мне. Вот только твари не давали, старательно отсекая нас друг от друга.

Что ж, прав был Питер и все остальные. Воительница из меня никакая.

«Коннор! Ну где же ты?»

Не прошло и пары секунд, как пещера вдруг задрожала. Существа застыли, пригнувшись, и внезапно стали отступать, злобно шипя и скалясь на потолок.

— Что происходит? — крикнула я.

— К стене! Прижмись к стене! — отозвался Питер.

Я тут же выполнила его приказ и ахнула, когда потолок вдруг с грохотом обвалился, осыпаясь на пол огромными камнями.

Когда пыль и песок рассеялись, перед нами застыли четыре фигуры, облаченные в тяжелые темные доспехи. В одной из них я безошибочно узнала Коннора.

— Жива? — спросил он, не делая попыток подойти.

— Д-да.

— Мел, отправляйся с ней наверх!

— Но... — попыталась возразить самая маленькая фигурка.

— Немедленно. И оставайся там.

— Их слишком много. Вы одни не справитесь.

— Вот именно. Быстро наверх. Как Лириин немного придет в себя и восстановится, доставишь ее в башню.

— Ты не посмеешь прогнать меня, Коннор! — прорычала девушка.

— Еще как посмею. Это приказ! — Коннор повернулся к Питеру.

— Сражаться можешь?

— Как всегда, — усмехнулся тот, стирая пот с лица.

Мужчина легкой походкой, не спеша подошел к Темным, сжимая меч в руке.

На мгновение наши взгляды встретились.

— Наверх, Рин. Сейчас же! — приказал Питер.

На этот раз я спорить не стала.

Мелисса подлетела ко мне и крепко схватила за руку.

— Держись!

Мы взлетели.

Оглянувшись, я успела заметить, как четырех мужчин окружает целая толпа созданий бездны. Не один монстр, не два и не десять. Их было гораздо больше.

Питер прав: мы проморгали прорыв и позволили им поселиться у нас под носом.

И только боги знают, чем это может нам грозить.

Всего пара — секунд и мы оказались наверху.

Мелисса тут же отпустила меня, и я свалилась на колени, упираясь ладонями в песок.

— У тебя минута на восстановление, — резко произнесла девушка, подходя к обрыву и пытаясь всмотреться в то, что происходило внизу. — Потом вызываешь своего летающего пони и летим.

— Иди к ним, — прохрипела я, тяжело дыша.

Тишина.

— Ты слышала меня? — Продолжая опираться на руки, я повернула голову и взглянула на темную. — Иди к ним!

— У меня приказ, — отрывисто произнесла Мелисса, даже не повернувшись. — Доставить тебя в башню. И я его выполню.

-Нет!

Девушка дернулась и посмотрела с такой ненавистью, что холодок прошелся по позвоночнику.

— Все! Твоя минута истекла. Пора. Вызывай своего пегаса.

Я бы поспорила с этим утверждением. По моим ощущениям, всего секунд двадцать прошло, но никак не минута.

И сдаваться я тоже не собиралась.

— Я сама доберусь. Возвращайся к ним. Они не справятся!

— Думаешь, я не хочу?

Девушка бросилась ко мне. Мне даже показалось, что еще немного — и она набросится на меня с кулаками, но обошлось. Мел застыла в полуметре, тяжело дыша, сжимая и разжимая кулаки.

— Я хочу. Но есть приказ.

— В Бездну приказ!

Я тоже закричала. С трудом заставила себя подняться, чувствуя, как от пережитого напряжения болит все тело. Но я все равно упрямо стояла, покачиваясь на ослабевших ногах

— Ты не понимаешь, я обязана его выполнить!

— А то что? Что будет, если ты этого не сделаешь? — Я замерла, переводя дыхание, и снова заговорила: — Ты понимаешь, что если не поможешь им, то отвечать уже будет не перед кем?!

Мелисса несколько секунд смотрела на меня, потом тихо спросила:

— Зачем тебе это? Разве ваш глава не мечтает о таком исходе? Чтобы Коннор погиб?

Ответ нашелся сразу.

— Я не глава. И не желаю твоему брату смерти.

И пусть до этого пять лет меня растили и воспитывали как убийцу наследника Хоторнов, возвращая ненависть до предела, сейчас я отчетливо поняла, что теперь не смогу его убить. Даже под угрозой собственной гибели не буду этого делать.

— Сама справишься? — с сомнением переспросила Мелисса.

— Да. Давай. Спаси их... его.

Девушка кивнула, отступила на край и камнем упала вниз. Только после этого я смогла нормально вздохнуть и снова опуститься на землю.

Надо было вызвать Эфри и отправиться в башню, но я не спешила.

Не могла уйти, оставаясь в неведении. Это самое страшное — не знать, что с ними, жив ли он...

Поэтому я не нашла ничего лучше, кроме того, как упасть на спину, раскинуть руки и закрыть глаза, жмурясь от яркого солнца.

Как такое могло произойти? Как мы прозевали прорыв и не заметили, что эти твари впервые за сотни лет прорвались в наш мир и затаились в ожидании удара?

Это, кстати, тоже было нетипично для них. Почему они сразу не напали, как делали всегда? Почему так долго прятались? Какая у них была цель? Неужели мы с Питером своим появлением смешали им все карты, заставив выдать себя?

Чем больше я лежала, тем больше вопросов возникало. Жаль только, что ответов на них не было и нет.

Так долго продолжаться не могло. Солнце нещадно палило, и уже начала болеть кожа на лице. Еще немного так полежу, и получу себе ожоги.

А я, как ни старалась, ничего расслышать не смогла. Что происходило там, внизу, было скрытым.

С трудом сев, я тяжело вздохнула. Понадобилась еще минута, чтобы заставить себя встать и взглянуть на безоблачное небо.

Прорыв... А с чего я вообще решила, что его больше нет? То, что его сейчас не видно, ничего не значит. Мы же как-то прозевали его появление. А что, если... если он сейчас над нами?

Размяв крылья, я поднялась вверх, к самому куполу. Если снизу ничего не видно, то, может, сверху получится разглядеть дыру?

Застыв в воздухе, а тут было еще жарче, чем внизу, я принялась вглядываться в купол. Даже магическое зрение усилила.

— Должно же что-то быть, — пробормотала едва слышно и направилась немного дальше.

Я не чувствовала дыры, что само по себе было странным, но все равно знала, что она где-то недалеко. Надо лишь постараться ее найти.

Еще немного вперед, а потом еще.

Я так забылась, что уже давно летала над каньоном, не думая о безопасности.

В какой-то момент я совсем отчаялась. С чего вообще решила, что трещина есть? Это все глупости, мои фантазии.

Я уже хотела отправиться в башню, как вдруг услышала ее.

Не почувствовала, не ощутила, а именно услышала.

Это было похоже на легкий перелив колокольчиков, которые потревожил слишком резкий порыв ветра.

Вот только колокольчиков здесь точно не было.

Эфри встрепелась, напоминая об осторожности.

— Все хорошо, я только посмотрю, — прошептала едва слышно, призывая один из огненных клинков

Им и полоснула по своей ладони.

Только я это сделала, как на меня сразу же набросилась тварь.

Это произошло так неожиданно, что я даже защиту поставить не успела. Просто рефлекторно выставила кинжал перед собой. И это неожиданно сработало.

Создание, которое отдаленно напоминало мартышку, только с острыми зубами, четырьмя ушами и выпуклыми красными глазами, налетело на клинок, как гусеница на булавку.

Я радоваться не спешила.

Тварь явно была высшей, а для нее клинок, пусть и огненный, еще не смертный приговор. Уверена, что она даже в таком состоянии способна убить меня.

Поэтому я и начала плести заклинание свободной рукой, пытаюсь сделать так, чтобы мартышка до меня не достала своими острыми когтями.

Сделать это было сложно, потому что тварь не только дергалась и брыкалась, но еще и громко верещала, брызгая слюной.

— Замолчи же ты, — рявкнула я, когда очередное заклинание рассыпалось в моей руке в прах.

Еще и рукой, которая к тому же еще и кровоточила, взмахнула от бессилия и злости.

Но мартышка внезапно замолчала, начала как-то странно съеживаться и вдруг вспыхнула пламенем, моментально превращаясь в пепел, который тут же унес ветер.

— И как это понимать?

Такого никогда раньше не было. Да, твари превращались в пепел, но никогда это не сопровождалось огнем.

Я ждала подвоха, но его не было.

Мартышка действительно погибла.

Зато я смогла рассмотреть трещину в куполе. И она действительно была, и довольно большая.

Что немаловажно, создания бездны как-то смогли ее замаскировать. Если не знать, что и где искать, то легко можно было пропустить.

Не теряя времени даром, я прижала окровавленную ладонь к краю трещины и уже открыла рот, чтобы произнести нужные слова, как дальше начало происходить нечто совсем невероятное.

Прямо у меня на глазах, без лишних мучений, заклинаний и страдания, дыра засияла голубым цветом и быстро закрылась сама собой.

— Может, я сплю? — пробормотала едва слышно, глядя сначала на свою ладонь, потом на купол.

Я его даже потрогала для убедительности. Вдруг это очередная попытка замаскировать прореху в защите? Я уйду — и она снова появится?

Но купол был как новенький: ни следа повреждения. И мне даже показалось, что он стал крепче.

— Ничего не понимаю.

Эфри тоже молчала.

Я еще раз осмотрелась и нашла новую трещину. Она была совсем маленькая и, судя по всему, свежая.

Она исчезла еще быстрее, стоило только коснуться ее рукой. Даже говорить ничего не пришлось.

Раньше я такими способностями не обладала. Неужели это Хоторн как-то повлиял на них? Но как? Что он сделал? И знает ли он о последствиях?

Больше дыр не было, защита сияла мягким, ровным светом.

Довольная, я начала спускаться к повозке, когда увидела своих спасителей, которые медленно поднимались с каньона. Четверо несли пятого, который, судя по всему, был тяжело ранен.

— Коннор...

Глава 20

Айрин

— Стой!

Питер поймал меня на подлете у самой земли, схватил за руки, не давая вырваться, прижал к себе и горячо зашептал на ухо:

— Не смей. Ты слышишь меня? Не смей к нему подходить!

Я не сразу поняла, о чем он говорит. Сейчас я видела только Хоторна, которого Темные унесли в повозку и, судя по всему, пытались залатать многочисленные раны.

— Пусти, — выдохнула жалобно в очередной попытке вырваться.

— Одумайся. Это не наше дело, Рин.

Я с трудом заставила себя оторвать взгляд от повозки и недоверчиво взглянула на бывшего жениха.

— Что ты сказал?

— Правду. Это не наше дело, — упрямо повторил Питер. — Темные сами разберутся.

— Как ты можешь такое говорить?

— Могу и тебе советую. Не забывай, кто мы есть.

«Почему всем так хочется напомнить мне о том, кто мы такие? Неужели они думают, что я хоть раз смогла забыть об этом?»

— Он спас нас.

— Это его работа. Как и моя. Ничего личного.

— Я должна помочь! — воскликнула я, снова пытаюсь прорваться к повозке.

Моих знаний было немного, но кое-что все-таки было известно. Темные не особо сильны в целительстве. Именно поэтому дядя заинтересовался моим спасением. Он хорошо понимал, что Коннор использовал что-то опасное и запретное.

Знают ли нечто подобное его сестра и друзья? Смогут ли они помочь Хоторну?

В отличие от темных, мы, светлые, напротив, были хорошими целителями. Поэтому и смертность среди нас была гораздо ниже. Мы могли залечивать раны, нанесенные тварями Бездны.

Вот только мы никогда не лечили темных. Это было запрещено. У них своя жизнь, у нас своя. И никак иначе.

— Нет! — Питер сильнее сжал мой локоть, заставив болезненно сморщиться. — Не смей. Вспомни про свой долг! Освободись от него. Стань собой!

Мужчина пытался напомнить о том, чего ждет от меня дядя и все остальные. Я должна была убить Коннора Хоторна. Ради этого мы столько трудились эти четыре с половиной года. Но если он сейчас сам погибнет то я буду свободна.

Да, мне хотелось освободиться от этого гнета. Но не такой ценой.

И вспомнила я сейчас о другом долге. Перед мужем. Месяц назад он спас меня, значит, сейчас пришла моя очередь.

— Не надо, Питер, — тихо, но твердо произнесла я, глядя мужчине прямо в глаза. — Тебе меня не остановить.

Он несколько долгих секунд смотрел на меня, а потом смирился, убирая руки.

— Они расценят это как предательство, Рин. Глава никогда не простит тебе такого, — глухо произнес мужчина.

— И пусть. Я не боюсь.

— Хорошо. Твое право.

Прежде чем уйти, я поцеловала Питера в щеку и тихо произнесла:

— Я знаю, что делаю.

— Очень на это надеюсь.

Но к Коннору оказалось не так легко пробиться. Меня ждало еще одно испытание.

— Уходи!

Мелисса с искусанными в кровь губами, бледным лицом и покрасневшими от непролитых слез глазами встала у меня на пути, не давая забраться в повозку, из которой доносились тихие проклятья, слова заклинаний и тихие стоны.

Каждый такой стон больно бил по нервам, заставляя сердце сжиматься.

Но если я смогла уговорить Питера, то и с темной как-нибудь справлюсь.

— Пропусти меня.

— Убирайся! Светлые нам здесь не нужны.

— Я могу помочь.

Девушка шагнула вперед, сокращая расстояние между нами до десятка сантиметров. И даже занесла руку для удара, но бить не стала, ограничившись лишь полным ненависти взглядом.

— Не смей больше подходить к моему брату. Это ты виновна в произошедшем. Только ты.

— Хорошо. Я виновата! — решительно произнесла я. — Можешь ненавидеть меня столько, сколько хочешь, просто дай ему помочь. О большем не прошу.

-Нет!

— Мелисса, — тихо позвал ее Дик, спустившись с повозки.

Взглянув в его серьезные серые глаза, я вздрогнула.

«Все плохо. Очень плохо!»

— Пропусти ее, — велел мужчина, положив ей руку на плечо. Поддерживая и успокаивая одновременно.

Но Мелисса такую помощь не приняла.

— Ты с ума сошел. Нет. Никогда! — Девушка отшатнулась, стряхивая руку. — Мы вылечим его сами.

— Не выйдет, — покачал головой тот. — Яд слишком глубоко прошел в кровь, нам не удастся его вытащить. А до башни Коннор не доживет. Неизвестно, от чего он умрет раньше: от действия яда или кровопотери.

Меня словно ударили в живот. Воздух застрял в легких, и сделать новый вдох я не могла из-за спазма, сдавившего горло.

— Нет! Не смей так говорить! Коннор сильный, он сможет!

Мел забыла о моем существовании и бросилась с кулаками на друга. Тот ловко перехватил ее и обнял, позволяя выплеснуть свою боль и слезы.

А сам смотрел на меня, кивком давая понять, что можно подойти и Коннору.

Именно так я и сделала.

Казалось, что я готова ко всему, что меня не испугать. Но то, что открылось глазам, заставило закрыть рот рукой, чтобы сдержать полный боли крик и задрожать.

Кровь.

Как же много ее было. Она текла из множества ранок, которые покрывали тело Хоторна. Одни были крупными, другие больше напоминали царапины, но все равно оставались опасными.

Коннор лежал на полу повозки в луже собственной крови. Рядом с ним сидел рыжий мужчина. Я не знала его имени, но раньше часто видела его с темным.

— Ты действительно хочешь помочь? — спросил он, пытаясь закрыть одну из ран.

Было видно, что лечение давалось ему тяжело.

— Да, — опускаясь на колени, ответила я. — Позволишь?

— Мы свое все испробовали. Теперь твоя очередь.

— Я, правда, не знаю, как он отреагирует на светлую магию. Мы же не лечим вас, — пробормотала в ответ, осторожно касаясь руки Коннора.

Мне с трудом удалось сдержаться, когда темный вдруг болезненно застонал.

— Все будет хорошо, — произнес Рейн, пристально наблюдая за мной. — Однажды был один эпизод... когда светлый помог темному. Мы не афишировали его. Сама понимаешь, это было не выгодно ни одной из сторон. В любом случае все закончилось хорошо.

— Это утешает.

Я снова взглянула на Коннора и коснулась его плеча, затем невесомо провела по щеке, грязной от пыли и крови.

— Как много ран. Почему их так много? — вырвалось у меня.

— Потому что он принял на себя основной удар. Им нужен был Коннор. Всем этим тварям. На нас они просто не обращали внимания, пытаясь достать именно его.

— Но почему?

Я пустила силу по рукам. Она тут же заискрила на пальцах и начала медленно проникать в тело мужчины. Я специально старалась не увеличивать напор, боясь, что это только навредит Хоторну. Сначала надо было понаблюдать за реакцией.

— Кто его знает. Коннор великий воин и очень сильный. Ему удалось приручить высшую тварь. Его ненавидят и боятся. Вот и воспользовались шансом и попытались уничтожить.

— Получается?

Это вернулись Дик с Мелиссой. Девушка тут же с громким всхлипом села рядом со мной и нежно погладила брата по ноге.

— Пока не знаю.

Темный не реагировал на магию. Я вливала в него все больше, но ничего не происходило.

Ранка на руке еще кровоточила, что сейчас лишь радовало. Значит, не придется резать новую.

Измазав в собственной крови пальцы, я наклонилась вперед и нарисовала на лбу мужчины специальный знак.

— Расстегните рубашку, — велела я.

Рейн тут же подчинился. Мужчина рванул ткань в стороны, и она с громким треском поддалась, обнажая грудь.

На ней я нарисовала круг и запечатанные в нем три символа. Затем по два на запястьях и еще два на ногах.

— Что она делает? — спросила Мел.

— Не мешай, — пробормотал Дик. — В любом случае хуже точно не будет.

Положив руки на грудь Коннора, как раз туда, где слабо билось сердце, я закрыла глаза и зашептала заветные слова.

Воздух вокруг нас слегка заискрился и нагрелся, одновременно с этим появился вихрь, который закружился, поднимая вверх песчинки.

Я снова и снова шептала слова заживляющего заклинания и с отчаяньем понимала, что не помогает Жизнь медленно вытекала из тела Хоторна, и я ничего не могла сделать.

— Займитесь Питером, — тихо прохрипела я, убирая волосы назад и призывая один из кинжалов.

— Что? — не понял Рейн.

— Отвлеките его как-нибудь. Все что угодно, лишь бы он не зашел сюда и не увидел. И сами уйдите. Я должна быть одна.

— Что ты задумала? — не выдержала Мелисса.

— Попробую спасти его. Последний шанс.

— Что значит последний? — насторожилась девушка, но ее тут же увел Дик, не давая мне помешать.

— Удачи, — произнес Рейн, прежде чем уйти.

Мы остались одни.

Наклонившись к Коннору, я провела рукой по его голове, словно пытаюсь успокоить.

-Ты сказал, что привязал меня, — прошептала я ему на ушко.

Не знаю, слышал ли муж меня или нет, но я должна была выговориться.

— Это значит, что отдал за меня часть своей жизни. Пора вернуть долг.

Полоснув кинжалом по второй руке, взяла нож двумя руками. Кровь тут же потекла по рукоятке, затем по лезвию кинжала, скапливаясь на острие, которое я прижимала к груди Хоторна.

Привязка опасна для каждого участника подобного эксперимента, придется пройти через боль и страх, выдирая жизнь темного из лап Бога Смерти.

Глубокий вдох, и я решилась.

— Санскре эйа фиедри, — прошептала чуть слышно, прежде чем воткнуть кинжал в грудь Коннора по самую рукоять.

Нож вошел в тело легко, лишь слегка царапнул по ребру. Но этого хватило, чтобы рука слегка дернулась, а я запнулась на середине заклинания.

Слава богам, небольшая заминка никак не повлияла на исцеление, хотя перепугала меня страшно.

Коннор больше не стонал и уже давно не двигался. Даже сквозь грязь и кровь я смогла рассмотреть, как побледнело его лицо, утратив все краски жизни.

Но пока все шло по плану. Я очень надеялась на это. Потому что читать в книгах — одно, а использовать древние запретные знания — совсем другое.

Нож в груди слабо светился, а рукоять постепенно нагревалась. Если так пойдет и дальше, то скоро на моих руках останутся выжженные символы с меча.

Кровь продолжала течь из порезов прямо в рану Коннора, отдавая ему часть моей жизни.

И чем больше проходило времени, тем тяжелее мне становилось. Нож торчал из его груди, а болела и горела огнем моя. Да так, что перед глазами все расплывалось и дрожало, мешая сосредоточиться.

Если добавить к этому жару духоту, пот, стекающий ручьями, и не вовремя охрипший голос, то состояние мое было не очень.

Но я упорно твердила древние слова.

Пора заканчивать.

— Шайи лери, — прохрипела я, вынимая нож всего на пару сантиметров

Кровь из раны не хлынула, что было уже хорошим признаком.

— Шайи тиар.

Я продвинулась еще немного.

— Шайи грузэр.

Нож вылез из раны уже наполовину.

Держать его становилось все сложнее.

Мало того, что рукоятка была скользкой и липкой от крови, так еще и накалилась. Вдобавок ко всему от перенапряжения сводило мышцы, и мне лишь чудом удавалось сдержать дрожь.

— Шайи киар.

Я продвигалась медленно.

Каждое движение подкреплялось соответствующей фразой.

И вот нож был почти извлечен. Осталось последнее движение.

Но я медлила, боясь его сделать.

«А вдруг ничего не получилось? Вдруг я убила его?»

— Шайи ийаш, — прошептала я и дернула нож вверх.

Он почти сразу выскользнул из ослабевших рук и загремел на полу. Но я даже не посмотрела в ту сторону, пристально изучая Коннора и плоды своих трудов.

Раны от удара не осталось. Кожа была ровной и чистой, словно кинжал всего минуту назад из нее не торчал.

Секунд пять ничего не происходило, а потом на груди под кожей появилось небольшое свечение.

Сердце. То самое сердце, которое он разделил с Эфиром.

Оно начинало биться медленно и пока слабо. Но с каждой секундой ритм становился все сильнее.

Прислонившись к стенке повозки, я видела, как от каждого удара желтый свет целительной магии по сосудам распространялся по всему телу и угасал, чтобы со следующим возродиться вновь.

У меня получилось.

— Лирин?

В повозку заглянул Рейн и так и застыл.

Удивительное, наверное, было зрелище. Светящийся Хоторн и я. Обессиленная, с дрожащими окровавленными руками.

— Мне, наверное, не стоит спрашивать, что ты сделала?

Я мотнула головой. На большее сил у меня не было.

Грудь болела. Пусть раны не было видно, но я точно знала, что сердце, лишенное части души, сейчас кровоточило.

— Ты спасла его!

Судя по голосу, темный еще не до конца верил своим же словам.

Я снова мотнула головой и с трудом заставила себя произнести:

— Об этом никто не должен знать.

— Мы не скажем, — пообещал рыжеволосый мужчина. — Прибыла подмога с башни.

— Долго же они добирались.

— Мы начнем прочесывать каньон в поисках существ. Возможно, часть из них попряталась. Вас же срочно доставят в башню.

— Скажи Питеру, что трещины я нашла и заделала.

— Сама?

Я лишь пожала плечами. В этом мне тоже предстояло разобраться только самой и не сейчас.

— Они были замаскированы.

Рейн нахмурился.

— Уверена?

Я кивнула.

— Правила войны изменились. В отличие от нас существа Бездны, оказывается, умеют меняться.

— Хорошо, я передам.

Мужчина не спешил уходить.

— Твои раны... их надо залечить, — произнес он, выразительно глянув на мои руки. — Могут возникнуть вопросы.

«Это и так понятно».

— Позови Питера, пожалуйста, — после небольшого замешательства попросила я.

— Уверена?

«Не совсем, но выбора нет».

— Он меня любит.

— Сейчас это может лишь ухудшить ситуацию.

— Я рискну.

Мужчина кивнул, еще раз взглянул на Коннора и ушел.

Хоторн больше не светился. Я видела, как медленно и плавно поднималась и опускалась его грудь.

«Дышит. Живой...»

— Рин, — произнес Питер, забираясь в повозку.

Ему хватило одного взгляда, чтобы все понять.

— Злишься на меня? — тихо спросила у него.

— А это что-то изменит? — поинтересовался мужчина, присаживаясь рядом.

На Коннора он взглянул лишь раз.

— Дай посмотрю.

Питер бережно взял в руки мои истерзанные ладони, изуродованные порезами и ожогами.

— Будет немного больно.

Я лишь хмыкнула, устраиваясь поудобнее.

Светлый сначала взялся за правую ладонь, подхватил ее двумя руками и сжал, заставив меня зашипеть от боли.

— Предупреждал же, — сказал Питер и сосредоточился на лечении.

До конца исцелить не получилось, но хотя бы выглядело не так жутко.

— Рейн тебе сказал? — спросила я, когда он лечил левую руку.

— Да. Ты уверена, что действительно смогла заделать трещины?

— Да. Никто не мешал, поэтому получилось быстро.

— Все равно странно, — отозвался Питер. Он отпустил мою руку и произнес: — Надо наложить мазь и бинты. Попроси Залику. Она будет кривиться, возражать, но заставь ее. Моя сестра не очень сильна в магии и ничего не поймет.

— Спасибо.

— Ты же понимаешь, что о произошедшем немедленно будет доложено главе?

Я кивнула.

— Делай то, что считаешь нужным.

— Думаешь, я расскажу о том, что ты сделала?

— Имеешь право, — не очень уверенно ответила я.

Кажется, от моих слов стало только хуже.

— За кого ты меня принимаешь? Да, я зол на тебя. Очень зол. Но я никогда не предаю тебя, Лирин.

— Спасибо.

— Что собираешься делать дальше? — вдруг спросил Питер. — Сомневаюсь, что ты сможешь завершить задуманное.

— Не смогу, — согласилась я. — Теперь точно не смогу.

Он немного помолчал, а потом вдруг спросил:

— Ты его любишь?

— Я просто вернула долг. Он спас меня, я — его. Вот и все.

Питер не поверил. И я его прекрасно понимала. Звучало совсем не убедительно.

— Не знаю, что ты скажешь главе, какие слова подберешь, но это не поможет.

— Знаю.

— Мое предложение все еще в силе. Мы еще можем быть вместе.
Мне даже стало стыдно.

«Несмотря на то, что я натворила, что предала свою семью и весь род, Питер продолжает меня любить. И даже готов разделить со мной ответственность и наказание, которое непременно придумает для меня дядя.

Нет, я не достойна его любви. Не достойна этого мужчины!»

— Сначала я должна объясниться с дядей.

— Хорошо. Отдыхай. Сейчас вас отправят в башню.

— А ты? — вырвалось у меня.

— А мне еще предстоит погонять существ по каньону, — с грустной улыбкой отозвался Питер.

И вдруг наклонился ко мне и поцеловал в лоб.

— Все будет хорошо.

Как только он ушел, я легла в своем углу, свернувшись калачиком, и, закрыв глаза, почти сразу уснула, убаюканная движением и измотанная после всего произошедшего.

Будущее становилось все более неопределенным.

Питер прав. Дядя не простит и не позволит мне отказаться от плана.

Оставалось надеяться, что я смогу подобрать правильные слова и он меня услышит.

Очнулась я, когда мы уже подъезжали к городку.

Коннор был еще без сознания, а у меня было около десяти минут, чтобы привести себя в порядок и обдумать, что делать дальше.

Вариантов было не так много. И ни один из них меня не устраивал.

Когда я откажусь от плана дяди, он меня изгонит из рода, лишит семьи и крова. И куда мне тогда идти? К Коннору?

«Здравствуй, дорогой муж, я вернулась и буду теперь жить с тобой. Ах да, знаешь, эти пять лет из меня делали твоего убийцу — правда, здорово?»

Уверена, темный не простит обмана. Не убьет, конечно, но не простит навсегда вычеркнув из своей жизни.

Повозка остановилась, послышались возбужденные голоса, чей-то плач и крики.

Дальше все произошло очень быстро. Темные осторожно вынесли Коннора на носилках, и он тут же попал под опеку рыдающей Снежи. Теперь можно было вздохнуть спокойно: уверена, она позаботится о нем.

— Лирин? С тобой все в порядке? — спросил один из светлых, помогая мне выбраться наружу.

Кажется, его зовут Тодд.

— Да. Спасибо, — пробормотала я, щурясь от яркого света.

— Ты ранена. Позволишь осмотреть?

— Спасибо, но Питер уже все сделал, — прижимая к груди ладони, ответила я. — Попрошу Залику перевязать раны.

— Хорошо. Она у себя в комнате. Если что-то нужно, скажи.

— Спасибо, — благодарно кивнула я и направилась в сторону башни.

Залика встретила меня на лестничном пролете между вторым и третьим этажами.

— Где Питер? Что с ним? — пронзительно завопила девушка.

— Там, где и должен быть, — огрызнулась я, с болезненным вздохом прислоняясь спиной к стене.

Стоять ровно становилось все сложнее. Все сильнее хотелось преодолеть этот пролет, войти в комнату и упасть на кровать.

«И что ей в комнате не сиделось? Теперь стой тут, из последних сил старайся сознание не потерять».

— Воюет с тварями Бездны. Может, войдем в комнату?

Залика охнула, схватившись за сердце и явно пытаясь упасть в обморок.

«Вот только этого не хватало. Кто мне руки бинтовать будет?!»

— Питер сказал, что ты мне поможешь, — заявила я, привлекая внимание девушки, пока это еще было возможно.

— Питер? — недоверчиво переспросила она.

В обморок Лика падать передумала, да и об истерике забыла, заинтересовавшись моим заявлением.

— Да. Мне надо перевязать руки.

Ладони я ей демонстрировать не стала. Не здесь. Вдруг увидит кто.

Девушка впервые за все время внимательно меня рассмотрела и сморщилась.

— Что с твоими руками?

А тон такой, словно я совершила какое-то страшное преступление.

— Поранилась, — буркнула в ответ. — Так что? Идем в комнату или нет?

— Так обратиться к целителям. Их здесь много. Зачем тебе я? — продолжала допытываться девушка, перегораживая мне путь.

— Много, но раз ты отказываешься выполнить просьбу Питера... — я красноречиво замолчала.

Залика недовольно поджала губы, но кивнула.

— Ладно. Я не очень хорошо разбираюсь во всем этом, но раз ты настаиваешь... Пойдем.

Девушка не солгала, она действительно была отвратительным целителем. Хотя целителем ее можно было назвать с очень и очень большой натяжкой.

Залика дважды едва не перевернула баночку с целебными мазями, которая, как оказалось, была даже не та. Девушка собиралась замазать раны солнцезащитным кремом. Если бы я не заметила, то она бы даже не проверила.

Найдя нужную банку, Лика старательно пыхла, злилась, фыркала, но кое-как нанесла мазь на ладони, каждый раз кривясь, когда приходилось касаться ран. Словно я прокаженная какая-то.

Но самой большой трагедией стал процесс бинтования. У нее никак не получалось с ним справиться. Туго повязка не накладывалась, путалась и ложилась кое-как.

Я уже молчала, перестав делать замечания. Сойдет и так.

Вот вернется Питер и сделает все как надо.

— Все! — воскликнула она, вставая.

С ее колен на пол тут же посыпались остатки бинта, ножницы, глухо стукнулась банка с мазью, но не разбилась.

Я и это проглотила. Она же вроде как старалась. Хотя я даже в детстве могла забинтовать лучше. Это с шитьем и рисованием у меня были проблемы.

— Спасибо, — поблагодарила девушку, стараясь не смотреть на результаты ее трудов.

«Надеюсь, они не развалятся за пару часов!»

— Ты не могла бы попросить принести мне с кухни специальный чай? — откидываясь на подушку, попросила я.

— Я тебе что, служанка? — тут же огрызнулась Залика.

— Это всего лишь чай. Девушки должны знать. Укрепляющий и болеутоляющий.

Глаза отказывались открываться. Вроде поспала в повозке, а все равно в сон клонит.

Что ответила девушка, я так и не услышала, через мгновение провалившись в сон.

Глава 21

Когда очнулась, не знаю, но солнце еще было высоко. На тумбочке возле постели стояла кружка с ароматным чаем.

С трудом приподнявшись, я взяла ее в руки и поднесла к губам, пробуя чай.

Еще теплый. Это хорошо.

Выпив все до дна, снова легла и сразу же уснула.

Во второй раз пришла в себя уже вечером. И в этот раз в комнате был кто-то еще.

— Залика? — сонно пробормотала я, все еще не до конца проснувшись.

— Нет, это я.

Из темноты ко мне шагнула знакомая высокая фигура.

— Питер? Ты здесь? — тихо ахнула я, моментально проснувшись.

Мужчина сел на край кровати и осторожно взял меня за руку, изучая неумелые повязки.

— М-да, способности моей сестры оказались гораздо хуже, чем я думал, — с горьким смешком произнес он. — Не возражаешь, если перебинтую руки?

— Нет. Как ты? Ранен? Как все прошло? — забросала я его вопросами.

— Хорошо. Так... пара царапин, через пару дней заживут. Нам удалось найти и уничтожить большое скопление тварей, которые прятались в каньоне, — осторожно разматывая бинты, рассказал мужчина.

— Это хорошо?

— Плохо то, что мы прозевали прорыв. Такого никогда не было. И возникает вопрос: единичный это случай или были еще или будут? Трещин мы не нашли. Тебе удалось все починить. Очень быстро и качественно. Как так получилось? — Питер взглянул на меня с любопытством.

— Не знаю.

Рассказывать о своих новых способностях я не спешила. Надо было сначала самой в них разобраться.

— Ты не спрашиваешь про Хоторна, — вдруг произнес он.

Этого не требовалось.

Я знала, что он жив. что ему уже лучше. Чувствовала.

Теперь я всегда буду это чувствовать, стоит лишь закрыть глаза и сосредоточиться. Моя плата за его спасение.

«Неужели Хоторн все это время чувствовал то же самое?»

— А ты мне расскажешь? — хмыкнула я и сморщилась от боли в руках, когда последний пласт бинта отошел от ран.

— Прости.

Питер зажег лампу на тумбочке и принялся внимательно осматривать раны.

— Надо еще мази нанести... Ты спасла его.

— Дядя знает?

— Я ничего не сказал и не скажу. Его команда тоже будет молчать. Ты спасла их друга, они очень благодарны тебе и всем говорят, что сами справились.

— Но...

— Финне Монрей не дурак. Дурак не продержался бы столько лет у власти. Он поймет что что-то не так, поймет и начнет выяснять. Сама понимаешь, что все следы уничтожить не удастся.

— Понимаю, — кивнула я. — Вы уже получили от него ответ?

— Да. Он требует твоего немедленного возвращения. И моего тоже. Хочет получить от нас отчет лично.

— Логично. Когда отправляемся?

— Не сейчас. — Питер наложил компрессы на руки и теперь принялся ловко накладывать бинты. — Ты еще слишком слаба. Кроме того, надо, чтобы раны затянулись.

— Глава знает, что я ранена?

— Да.

Я некоторое время молчала, а потом прошептала:

— Спасибо.

Мужчина замер на мгновение, а потом продолжил работу.

— За что?

— За все. Не знаю, чем заслужила такого друга, как ты, Питер.

— Друга, — пробормотал он, заканчивая перевязку. — Ты же знаешь, что я делал это не по дружбе, Рин. Я люблю тебя. И готов сделать все, чтобы спасти тебя.

Мне никогда не признавались в любви, и я понятия не имела, что с этим делать и как реагировать.

— Я не достойна твоих чувств и тебя.

— Не говори так. Ты чудесная, сильная, смелая, решительная и честная. Ты так не похожа на женщин нашего рода. Да и на других тоже. Одна такая на целый мир. Ты даже не знаешь, как ярко светишь, озаряя всех своим присутствием.

Эти слова должны были вызвать счастье и восторг, а получились только вина и жалость. Мне бы так хотелось ответить на его чувства, но не могла. Не получалось.

Сердце было слепо и глухо.

— Прости.

— Мне не нужна твоя жалость, Рин, — жестко оборвал мужчину, поднимаясь. — Что угодно, но только не жалость. Пусть ты не любишь меня, но я все еще не оставляю надежды. Все может измениться.

Я рассеянно кивнула, знала, что ничего не будет.

Нить, связывающая нас с Коннором, стала в несколько раз толще. Ее теперь не разорвать, не разрубить и не уничтожить.

— Тебе надо отдохнуть.

— Я и так проспала целый день.

— Ничего. Для восстановления сон — лучшее средство. Лику перевели в другую комнату, так что наслаждайся тишиной и покоем.

— Спасибо, Питер.

— До завтра.

Так прошло еще два дня.

Раны почти зажили, превратившись в некрасивые рубцы на ладонях.

Все это время я не выходила из комнаты. Много спала, ела и просто лежала, глядя в окно, пока снова не начинала дремать.

Меня навещал лишь Питер. Он же приносил еду и уносил подносы.

Я пыталась возражать, но это было бессмысленно.

— Тебе лучше оставаться одной, — заявил мужчина.

Пришлось смириться. Как и с тем, что разговаривать про прорывы, трещины и твари он со мной отказался.

Выезд назначили на утро завтрашнего дня. Питер пришел к выводу, что моему здоровью уже ничего не угрожает и можно отправиться в путь. Кроме того, уверена, что и Залика его замучила, требуя увезти из этого жуткого места.

Я тоже хотела побыстрее уехать из этого места и как можно дальше от Хоторна.

По мере того, как ему становилось лучше, мне было все сложнее отгородиться от него. Ощущение близости становилось все сильнее и сильнее. Оставалась надежда, что расстояние поможет пережить все это.

Я легла спать вечером и проснулась от странного ощущения в груди, которое становилось все сильнее.

Сев в кровати, я тяжело задышала, прижимая руку к сердцу и пытаюсь понять, что произошло. Это была не боль, а что-то другое.

И только тогда я заметила тень у окна.

Кто-то сидел на подоконнике и смотрел на меня.

Я даже не пыталась присматриваться, сразу поняв, кто именно заглянул в гости.

— Что ты здесь делаешь, Хоторн?

— Не ждала?

В голосе не было ни капли сомнения. Он явно был доволен своей скандальной выходкой и извиняться не собирался. Я могла лишь радоваться тому, что Залики здесь нет. Застань нас кто-нибудь сейчас, скандал был бы знатный. И плевать, что мы оба только начали отходить от ранений.

— А должна была? — насмешливо спросила у него.

Сев на кровати, я подложила подушки под спину, поправила одеяло и подтянула колени к груди, всем своим видом давая понять, что его визит меня нисколько не напугал и не удивил.

А еще мне очень хотелось верить, что все хорошо, голос не дрожит а сердце не стучит, как заведенное.

И вообще, все происходящее очень сильно напоминало сон. Разве такое может быть на самом деле? Ночь, тишина и мы вдвоем в моей комнате?

У Хоторна, конечно же, было преимущество. Он-то в темноте видел, а я нет.

Интересно, наверное, я сейчас выглядела. Сонная, лохматая, с пересохшими от жары губами и острыми плечами, торчащими из-под тонкой сорочки, украшенной вышивкой.

А с другой стороны, хорошо, что я его не вижу. Так легче. Глаз не видно, и дышать можно, не боясь провалиться в темный омут опасного взгляда.

— Зачем ты это сделала?

— А ты зачем спас меня два месяца назад?

— Ты на каждый мой вопрос будешь отвечать вопросом?

Я несмело улыбнулась.

— А я тебя в гости не звала. Замок взломал?

— Зачем же? Через окно влез.

Еще лучше. И как не испугался свалиться? Вот весело было бы. Пережил нападение монстров, едва не погиб, но сломал себе шею, когда лазил в чужие окна. Это была бы самая бездарная и глупая смерть из возможных.

— И зачем тебе все это?

— Увидеть тебя хотел, — глухо отозвался мужчина.

— Если увидеть хотел, то зачем допрос устроил? Или ругаться будешь? Расскажешь мне, что дура, что глупая? И не надо было соваться? Это и без тебя знаю. Только не могла я дать тебе умереть, — отрывисто произнесла, чувствуя непонятную злость.

Одно дело — самой знать о том, на какой риск пошла, а совсем другое — когда тебе об этом говорят другие. Опять. Мало мне было Питера.

Молчит.

Глаза уже привыкли к сумраку, а я все равно рассмотреть ничего толком не могла. Коннор словно слился с тенью.

— Я же темный.

— И что? Это что-то меняет? — усмехнулась я. — Ты же сам понимаешь, что это деление — глупость. Мы сражаемся с тварями Бездны, а все равно враги.

Если бы год назад мне кто-нибудь сказал, что буду говорить такие вещи, я бы его побила. Но как же резко поменялись мировоззрение и я сама.

— У тебя есть жених.

— А при чем здесь Питер?

— Ты же себя привязала ко мне.

Голос тихий, вкрадчивый, до дрожи пробирающий, так что бедное сердечко то замирает, то бьется в сумасшедшем ритме. И дышать все сложнее становится из-за спазма, что горло сдавил.

Улыбалась я уже через силу.

— А ты себя ко мне. Это всегда так больно? — спросила у него, положив подбородок на колени и обхватив их руками.

Играть больше не хотелось, как и прятаться за маской равнодушия.

Давление в груди становилось все сильнее. Не больно, но тяжело. Не только дышать и жить, а просто сидеть и знать, что он рядом. Всего в каких-то двух метрах. Я могла бы встать и подойти к нему, коснуться...

Пришлось ущипнуть себя за запястье, чтобы совладать с не в меру разыгравшейся фантазией.

— Всегда. И это только начало, — ободрил меня Хоторн. Судя по голосу, он усмехнулся. — Рассказать тебе все прелести привязки? О том, как медленно сходишь с ума, чувствуя постоянное присутствие другого человека. И от этого не избавиться. Все мысли и чувства будут о другом.

— Пытаешься меня запугать?

— Ты сама спросила.

— Это не мешает тебе взять в жены Снежу, — возразила я. — Сможешь ты, значит, и я справлюсь.

— Ритуала не будет.

Я должна была почувствовать хоть что-то. Радость, облегчение? Хоть что-то. Но от этого стало еще тяжелее.

— Снежа будет расстроена.

— Это лучше, чем разбитое сердце и знание, что любимый человек никогда не ответит на твои чувства, что его мысли лишь о другой.

Мне показалось или в комнате стало значительно жарче и даже чуть-чуть темнее? В любом случае щеки запылали.

— Знаешь, ты слишком поздно спохватился, Хоторн, — прокашлявшись, заявила я. — Привязка уже есть, и отменить ее нельзя. Так что можешь перестать. Или ты таким образом намекаешь, что счастья с Питером мне не будет?

— Не могу сказать. Но я смотрю, тебя такая перспектива совсем не пугает.

— Не пугает... должна была, но нет. И о том, что сделала, я не жалею! — произнесла в ответ, с вызовом глядя на него.

— Ничего, — произнес мужчина. — Совсем скоро все изменится.

Раздался легкий шорох и скрип подоконника. Темный явно собирался уходить тем же путем, которым пришел сюда.

— Подожди! — выкрикнула я, подаваясь вперед. — Это все? Ты пришел сюда лишь для того, чтобы увидеть меня и запугать? Больше ничего сказать не хочешь?

Я сама не знала, каких слов ждала. Но хотя бы элементарное «спасибо» можно было сказать?

Молчание.

— Я уезжаю утром...

Коннор не уходил. Застыл, ожидая продолжения.

— Больше мы не увидимся. Дело не только в главе рода или Питере. Я сама сделаю все, чтобы мы больше не встретились.

— Боишься? — глухо спросил мужчина.

— Не за себя... — тихо ответила я.

— За меня? — закончил Хоторн и хмыкнул. — За меня бояться не стоит. И ваш глава ничего сделать не сможет.

— Это ты так думаешь. Ты даже не представляешь, как же сильно он тебя ненавидит и на что способен.

— Представляю. Но ты права. Видеться нам больше не стоит. Прощай, Лирин Монрей. Прощай и будь счастлива.

Хоторн бросил на меня последний взгляд и исчез за окном.

— И ты, — прошептала я в темноту, — ты тоже будь счастлив.

Утром мы втроем сели в повозку и отправились в путь. Я так ни разу и не обернулась, хотя все тело ныло и ломало от желания выпрыгнуть наружу и броситься назад, вбежать по ступенькам и найти его...

— Все в порядке?

Питер накрыл мой кулак, успокаивая.

— Да. Да, все хорошо.

Раз поставила точку, то не стоит превращать ее в многоточие.

Я не солгала Коннору и действительно готова была сделать все для того, чтобы никогда больше не встретиться с ним. И ради этого готова была бороться и ругаться с дядей.

Если бы я только знала, что Финне Монрей уже все решил за меня и запустил процесс, против которого выстоять невозможно.

Коннор Хоторн

Неделю спустя.

Рейн вошел без стука.

— Говорят, ты утром получил письмо от Финиса Монрей?

Коннор сидел в кресле и невидящим взглядом смотрел в окно, потирая щетину на подбородке. На вопрос Рейн он никак не среагировал, даже не дернулся.

— Все в порядке? Что он хочет? — тут же встревожился друг, подходя ближе.

— Выражает мне соболезнования, — меняя позу, ответил Хоторн.

— Тебе? Соболезнует выздоровлению? Вот гад!

— Нет.

Коннор достал из нагрудного кармана тоненькое письмо и протянул другу.

— Моей утрате. Держи.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Рейн, принимая письмо.
— Какой утрате? О чем он?

— Читай. Это не секретная информация.

— Уважаемый Коннор Хоторн, с грустью вынужден сообщить вам, что во время последнего прорыва мы понесли невосполнимую утрату. Моя дорогая племянница Айрин Монрей... стала жертвой созданий Бездны... и оставила этот... — мужчина запнулся, снова перечитал, бормоча себе под нос, и только потом ошарашенно взглянул на друга. — Это правда? То, что он пишет, правда?

— Отец и Император уже предупреждены. Так что да, это правда. Айрин Монрей погибла во время прорыва пять дней назад. Я вдовец, Рейн. Я уже пять дней как вдовец.

— Вот Бездна, — пробормотал мужчина, пятясь назад и плюхаясь в соседнее кресло. — Разве они не должны были стеречь и беречь ее?

— Должны. Но не справились. Прорыв был неожиданным.

Коннор встал со своего места и подошел к окну.

— Жалко, конечно, девушку, она ни в чем не виновата, но... я тебя поздравляю! Надо сказать Дику с Мелиссой. Вот они обрадуются. Ты теперь свободен! Это же отличная новость!

— Сомневаюсь. Ты не дочитал окончание. Монрей предлагает взамен мне самому выбрать себе жену. Любая незамужняя девушка из рода светлых. Абсолютно любая.

Рейн отреагировал сразу.

— Ты с ума сошел! — воскликнул он, вскакивая.

— Почему же?

— Только не она.

— Именно она, — спокойно ответил Хоторн.

— У нее есть жених! — выдал следующий довод друг.

— Но не муж.

— Она тебе не простит!

— Не простит, если я не воспользуюсь возможностью. Я все решил, Рейн, и обсуждать не намерен.

— Но твой отец...

— Не имеет к этому никакого отношения! Я уже выбрал жену и сообщил об этом Императору. И Финису, кстати, тоже. Письма уже отправлены.

— Значит, Лирин Монрей?

— Лирин Монрей, — кивнул Коннор. — Она станет моей женой.

Глава 22

Айрин

Дорога домой заняла намного больше времени, чем оттуда. Вместо недели мы провели в пути одиннадцать дней. Питер считал, что мне нельзя сильно переутомляться, поэтому стоянки были в два раза чаще. Честно говоря, я бы лучше вообще не останавливалась, лишь бы быстрее вернуться домой. В компании вечно ноющей и недовольной Залики эти полторы недели казались бесконечными.

Питер как мог скрашивал мои будни, но даже он к концу нашего путешествия едва сдерживался, чтобы не наорать на младшую сестру.

Мы приехали ближе к вечеру.

У повозки нас встречали хмурые мужчины из охраны дяди.

Мне не дали переодеться и даже умыться с дороги, сразу же притащив в кабинет.

Одну. Питеру и тем более Залике в аудиенции было отказано.

— Все будет хорошо, — произнес Питер на прощание.

Но я по глазам видела, что он сам не верит в то, что говорит.

Хорошо уже не будет. Осталось узнать, насколько плохо.

Я осторожно села на диван, надеясь, чтобы мой пыльный наряд не оставил следов на дорогой обивке.

Ждать пришлось долго.

В этом был весь дядя. Он умел заставлять людей нервничать и дрожать от страха и неопределенности. Только со мной просчитался. Да, я устала, вымотана и растеряна, но сдаваться все равно не собиралась.

Прошло еще минут десять. Я уже успела встать и пройти по кабинету дяди в поисках воды. Пить с каждой секундой хотелось все

больше. Но графина, который раньше всегда стоял на столике у окна, не было. Видимо, еще один способ помучить меня.

Все эти дни я мысленно раз за разом прокручивала этот разговор. Старалась предусмотреть все возможные варианты, даже самые нелогичные и смешные или, наоборот, самые опасные для меня.

Но одно дело — представлять, а совсем другое — знать, что разговор вот-вот состоится.

Прав был Питер: дядю было сложно понять и практически невозможно предугадать его действия.

Пройдя туда-сюда, я замерла у портрета предка. Интересно, что бы он сказал сейчас, увидев, что происходит? На чью сторону бы встал? Мне хотелось верить, что он был мудрым и честным.

— Значит, ты спасла Коннора Хоторна?

Приход дяди я все-таки прозевала. Хорошо хоть, стояла к нему спиной. Поэтому и смогла ухватить пару секунд, чтобы прийти в себя и постараться сохранить лицо, прежде чем обернуться.

Врать смысла не было. Глава рода чуял ложь, как ищейка, идущая по следу своей жертвы. Лучше правда. Тем более что он уже сам обо всем догадался.

— Спасла, — ответила я, спокойно встретив его взгляд.

Оставалась еще крохотная надежда, что, заглянув в его глаза, я смогу предугадать поведение, построить план дальнейших действий. Но ничего не вышло. Ни по лицу, ни по взгляду понять что-либо было невозможно.

Лучшая защита — это нападение. Я это давно усвоила, поэтому повыше задрала подбородок и произнесла:

— Что станете делать с непослушной девицей, глава? Запрете в комнате? Посадите на хлеб и воду? А может, ошейник на горло нацепите? Чтобы силы лишить?

— Хорошая идея.

Финне Монрей подошел ближе и медленно обошел меня по кругу, изучая, анализируя. Я тут же застыла, ощущая себя загнанной в угол жертвой, которая знала только одно: нельзя делать резких движений, чтобы не спровоцировать хищника. От напряжения у меня все волосы на теле встали дыбом.

— По-моему, ты слишком много о себе возомнила, девка. Забыла, кто ты и где твое место?

Дядя резко повернулся и схватил меня за шею. Не больно, даже синяка не останется. Зато неприятно и очень эффективно. В одно мгновение из головы вылетели все мысли и приготовленные слова.

Я снова была маленькой, глупой девчонкой, жалкой букашкой в руках сильного и опытного охотника.

— Влюбилась? Да, по глазам вижу, что влюбилась. И в кого? Во врага! — процедил он, глядя мне в глаза.

О, теперь я смогла оценить всю глубину его ненависти и презрения. Дядя больше не скрывал и не прятал свои эмоции, давая мне возможность все оценить и увидеть... испугаться.

— Он не враг, — упрямо прохрипела я. — Враг у нас только один — твари Бездны. Мы же вместе против них сражаемся.

— Надо же, как заговорила, — усмехнулся глава.

Но руки убрал. А потом демонстративно вытер их о штаны.

Задело. Не думала, что один жест может так больно ударить по нервам.

Я для него теперь хуже, чем грязь под ногами.

Ничто. Пустое место.

— Все вы, бабы, одинаковые, — презрительно заявил Финне Монрей. — Стоит только почувствовать свободу и дорваться до мужика, так голова отключается. Вы забываете о долге, семье. Да, все больше убеждаюсь, что правила не зря придумали. Нельзя вам, бабам, разрешать силой пользоваться. Не достойны вы этого.

У меня было много доводов, чтобы возразить ему, доказать, как он сильно ошибается.

Мы ничем не хуже мужчин. Я смогла залатать трещину. Сама! Одна! Разве это не говорит о многом?

Я многое могла, но молчала, ожидая продолжения. Он все равно меня не услышит и не поймет.

— Предала семью, и ради кого?

— Я не предавала, — прошептала в ответ.

Нет, он не сломал меня. Я еще готова была побороться.

— Вот сейчас и проверим. У меня для тебя новости, Лирин, — произнес Финне Монрей, подходя к столу и усаживаясь в свое массивное кресло.

Чужое имя больно резануло по ушам.

— Какие? — покорно спросила я.

— Сообщаю тебе, что неделю назад во время очередного прорыва трагически погибла Айрин Монрей.

Дядя взял какую-то бумажку со стола и продемонстрировал мне.

— Жаль, ты не успела на похороны. Красивые были, столько слов сказано, — издевательски усмехаясь, продолжил он. — Жаль, что они не имеют ничего общего с такой двуличной тварью, как ты.

А ко мне наконец вернулась способность разговаривать.

— Ч-что? — просипела я, чувствуя, как от шока подкашиваются ноги. — Какие похороны? Я жива!

— Ты теперь Лирин Монрей. Запомни хорошенько. Теперь это твое имя. Навсегда.

— Но зачем?

Я все-таки добралась до кресла и осторожно села, потирая дрожащими руками ноющую шею.

Много различных вариантов было мною рассмотрено. Но чтобы вот так? Взять и разом уничтожить меня! Убить, похоронить? И ради чего?

— Императору уже сообщили. И Хоторнам тоже.

«Все... он сообщил всем, что я мертва...»

— Но это неправда, — выдохнула я и, набравшись сил, громко произнесла: — Я жива!

— Тише! — прикрикнул дядя. — Сиди и слушай. Три дня назад я получил письмо от твоего мужа. Он выражает свои соболезнования, принимает мои извинения.

— Извинения? — эхом повторила я, уже не в силах совладать с дрожью, которая болезненными судорогами прокатывалась по телу.

В голове только одна мысль:

«Я мертва! Мертва! Мертва! Для всех. Для родителей, братьев... Для Коннора».

— А также готов получить в качестве компенсации другую жену, — продолжил Финне Монрей.

Каждая фраза дяди заставляла кровь в ушах биться все громче и громче. Еще немного, и оглохну. Или, может, умру раньше от разрыва сердца.

— Тебя, Лирин. Тебя Коннор Хоторн хочет в жены. И Император твою кандидатуру одобрил.

Я не понимала.

Ничего не понимала.

«Зачем все это? Для чего? В чем смысл? Может, дядя просто сошел с ума?»

Но кое-что мне было предельно ясно. Что бы глава ни придумал, я в этом участвовать не стану!

— Нет.

— Ты не поняла, Лирин...

— Айрин! Меня зовут Айрин! — выкрикнула я, вскакивая.

И тут же пошатнулась на ослабевших ногах.

Меня душил то ли смех, то ли слезы. А может, все вместе. Не разобрать. Ничего не разобрать! Все смешалось так, что уже непонятно, где правда, а где ложь.

— Я не буду участвовать в вашем плане! Никогда! Вы меня не заставите!

— Рот закрыла, — рывкнул глава и хлопнул кулаком по столу.

Это было так резко и неожиданно, что я тут же села назад, обхватив плечи руками, чтобы хоть как-то унять эту дрожь.

— Я не могу выйти замуж за Хоторна... Я уже его жена...

— Вот именно. Ты его жена.

— Вы решили обмануть не только Хоторна и императора, но и священнослужителей и богов? — потрясенно прохрипела я. — Но так нельзя! Боги не простят. Они покарают нас. Меня!

— Никакого нарушения не будет, — отмахнулся мужчина, и его глаза загорелись фанатичным огнем. — Будем считать, что вы просто обновите клятвы перед богами. Это не запрещается священнослужителями.

— Нет, — прошептала в ответ, — я в этом участвовать не буду. Не смогу. Можете делать со мной все что хотите! Но вы меня не заставите пойти на это.

— С тобой? О нет, с тобой я ничего делать не стану, — неприятно рассмеялся глава.

По позвоночнику прошелся неприятный холодок, таким жутким был его смех.

— Зачем мне ты, Лирин? Когда есть твоя семья. Твои братья, отец, мать.

— Она же ваша сестра...

— Жаль Есению, но это она виновата, раз не смогла воспитать из тебя достойную дочь, — равнодушно отозвался Финне Монрей. — Пусть и отвечает. Вся твоя семья.

— Вы чудовище!

Но и это его не проняло.

— Трудные времена требуют трудных решений. Хоторны должны быть уничтожены. Именно они виноваты в происходящем. С того момента, когда первый Хоторн оседлал тварь бездны, наш мир стал катиться в пропасть. Времени осталось мало.

— Я... я всем расскажу правду.

— Хорошо. Рассказывай. Как думаешь, что сделает Император, когда узнает об обмане? А также церковь, Хоторны? Ты, наверное, не понимаешь, чем тебе грозит неповиновение, Лирин. Так я тебе объясню. Меня казнят, — совершенно спокойно заявил мужчина. — Всю семью и заговорщиков запрут в темницах и наденут магические ошейники. Война репрессий затронет каждого. Хоторны с удовольствием с нами поквитаются. От древнего и славного рода почти ничего не останется. Нас и так мало, Лирин. Кто тогда будет защищать наш мир? Хоторны? Ты же знаешь, что они одни не справятся. И тогда всему конец.

— Зачем вы сваливаете на меня вину за ваш проступок? — прошептала я.

— Я не сваливаю, лишь загоняю тебя в угол. Думаешь, что Хоторн тебя спасет? Ты бросишься к нему со словами любви и преданности, расскажешь правду, и... что тогда? Уверена, что он не отомстит нам? Что он промолчит?..

Тишина.

— Вот и я думаю, что нет, — победно улыбнулся тот. — Проговорится кому-нибудь. Назовет реальным именем. Хотя я не уверен, что он вообще будет с тобой разговаривать. Мужчины не прощают предательства. Да, ты его спасла, но этого мало. Он больше не будет тебе доверять. И мы возвращаемся к первому сценарию. Наш мир падет. У тебя нет выбора, Лирин. Кстати, если ты думаешь, что сможешь выйти замуж за Хоторна и промолчать, живя с ним долго и счастливо, то подумай о семье. Я их уничтожу. Думаю, твое «долго и счастливо» это омрачит.

— Я вас ненавижу!

— Ненавидь сколько хочешь. Главное, сделай, что приказываю.

Я стерла слезы, которые ручьями текли по щекам, и зло спросила:

— И ради чего все это? Все эти риски, заговоры, интриги? Только для того, чтобы убить наследника Хоторнов? Так это безумие! Я не смогу это сделать! Не смогу, даже если захочу! Я спасла его! Привязала к себе!

— Говорю же, дура. Не нужен мне твой Хоторн. Планы поменялись, Лирин. У тебя теперь другая миссия.

Я тяжело сглотнула, прекрасно понимая, что ничего хорошего он точно придумать не может.

— Все сложилось как нельзя лучше, — продолжил Финне Монрей, сложив руки перед собой. — Ты смогла сделать то, что не мог никто. Хоторн доверяет тебе, как себе. Даже, возможно, любит. Его группа тоже приняла тебя. Значит, ты сможешь подобраться к лабиринту и уничтожить его.

— Что? — прошептала я.

— Лабиринт где проходят испытания все Хоторны, где они получают свою темную силу. Уничтожив его, ты лишишь их сердца. Хоторнам настанет конец.

— Боги...

Я зажмурилась, не в силах больше выносить его безумный взгляд.

— Так что ты выберешь, Лирин? Что для тебя важнее? Наш мир, твоя семья или какой-то темный?

Выбора не было. Он действительно загнал меня в угол.

Глава 23

Четыре месяца спустя

За день до свадьбы

— С днем рождения меня, — прошептала я, согревая дыханием замерзшее окно.

Осень давно вступила в свои права. И если днем солнце как могло согревало воздух, то по ночам был небольшой мороз, напоминающий о том, что зима в наши края должна прийти совсем скоро.

Золотая осень.

Бабушка так называла это время года и любила его больше всех остальных. За яркие краски, воздух, который казался хрустальным, еще немного — и зазвенит, за светлое небо и мягкую теплую погоду. Бабушка не выносила жары.

Эх, как она там? Вспоминает ли свою непутевую внучку? Или дядя вытравил меня из ее памяти так же легко, как стер из этого мира?

Неужели им сообщили о моей гибели?

Уже давно я не сомневалась в жестокости дяди. За эти месяцы он так и не позволил нам встретиться, сразу же сослав сюда.

Я снова дунула на стекло. Как только оно запотело, вывела цифру восемнадцать.

Полюбовавшись на нее секунд пять, снова тяжело вздохнула и стерла. Жаль, что свою жизнь нельзя вот так же стереть и написать заново, как захочется.

Часы на тумбочке показывали три минуты первого.

— Вот я и стала совершеннолетней.

Только радости от этого не испытывала.

Мой день рождения, который я впервые встречала одна, вдали от семьи, от дома, от близких людей.

Этим утром меня будила мама. Заходила с восходом в комнату, изменив своим привычкам. Будила меня, целовала и дарила подарки.

Бабушка собственноручно пекла торт не доверяя кухаркам. Мой любимый. С пышными коржами, пропитанными сладким сиропом, кисло-сладкой прослойкой из сваренных ягод и белоснежным кремом.

Вечером, после ужина, мы устраивали небольшой праздник...

Но все это было раньше, в другой жизни, в которой Лирин Монрей не было места.

Сидеть на подоконнике было неудобно и холодно. Противный сквозняк дул из щелей, заставляя тело в тонкой сорочке покрываться мурашками.

Но я упорно продолжала сидеть, отказываясь вернуться в кровать. Лишь сильнее укуталась в тонкую шаль, продолжая смотреть в окно, пытаясь хоть что-то рассмотреть в непроглядной мгле.

Завтра...

Завтра все решится.

Но уже сегодня сонное царство, в которое меня под конвоем отправил глава рода, будет разрушено.

Четыре месяца заточения подходили к концу. Четыре месяца, в течение которых я сходила с ума от ситуации, в которой оказалась, отчаянно пыталась найти выход и понимала, что его нет.

Каждое утро я вставала с мыслью о том, что надо все исправить, а каждую ночь засыпала с уверенностью, что вот завтра уж точно найду способ вернуть себе жизнь.

А теперь времени уже нет, и завтра тоже нет... как и выхода.

Тело вновь покрылось дрожью, но на этот раз причиной был не сквозняк, а собственные не слишком радостные мысли.

Завтра на глазах свидетелей Лирин Монрей сочетается браком с Коннором Хоторном.

Сочетается-то Лирин, а смотреть в лики богов и лгать им и Хоторнам буду вынуждена я.

Боги не прощают игр.

Встав с подоконника, я прошлась по комнате. Туда-сюда, разминая затекшие мышцы. Эти четыре месяца мне не разрешали тренироваться, запретили вызывать Эфри, хотя кулон не отняли, да еще и книги все отобрали. Если не считать годовую подписку Наты на дамские журналы, в которых печатались длинные любовные рассказы. Но это я читать не смогла, даже от скуки.

Единственное, что мне разрешалось делать, — это посещать семейную часовню, в которой завтра меня повторно отдадут в жены Коннору, вышивать, рисовать и думать о своем поведении, с обязательными муками совести. Из всего перечисленного я согласилась только с первым пунктом.

Нет, в религию я не ударилась и замаливать грехи не собиралась, а совесть давно молчала. Виноватой я себя точно не чувствовала.

Мои частые и долгие посещения были вызваны совсем иными причинами.

Церковные книги.

Толстые тома и многочисленные догматы, которых было так много в глубоких подвалах под зданием часовни. Кроме того, они при

всей своей набожности и нравоучительстве содержали записи о прошлом.

Священнослужители были очень дотошными и четко отслеживали все исторические факты, новости и браки. Без этого всего им было бы просто невозможно подбирать идеальные пары.

Мне понадобилась неделя, чтобы упросить отца Зоэра позволить изучить старинные книги. Кажется, он был даже рад моему рвению, как-то заявив, что среди молодежи теперь так мало по-настоящему чистых и набожных людей.

Неловко было обманывать этого доброго старика, но приходилось. И я читала.

Приходила в церковь, оставляя свою молчаливую охрану за порогом, спускалась в подвал и методично изучала летописи, пытаюсь найти ответы на все вопросы.

Дядя не солгал, когда сказал, что с того момента, как Хоторны смогли приручить первую тварь, оседлать ее и овладеть темным искусством, прорывы участились и стали более сложными и опасными. Попытки разрушить купол были и раньше, но лишь после построения лабиринта твари Бездны смогли прорываться в наш мир. Сначала в виде бабочек, а потом принимая и более зловещие формы.

Неужели если я разрушу лабиринт, то наш мир будет спасен?

Нет, не верила я в то, что ситуацию можно пустить вспять. Не уменьшатся прорывы из-за этого, и лучше не станет. А вот уничтожение лабиринта и обезглавливание темных может только все ухудшить. Они ведь действительно помогали в борьбе с тварями Бездны.

Если темные падут, то мы останемся с тварями один на один. И не факт, что выстоим.

Как же дядя не может этого понять?

Почему так упрямо обвиняет Хоторнов во всех прегрешениях и мечтает уничтожить?

И как быть мне в этой ситуации? Как остановить его, не подставив семью и весь мир под удар?

Ответа не было, как ни старайся.

А еще я пыталась найти как можно больше информации о привязке. Ведь не мог наш случай быть единственным. Я точно знала, что такое было и раньше.

Было. Я нашла всего пару таких случаев. Всегда жертвовал собой лишь мужчина, который пытался спасти свою возлюбленную. Но никаких особенных способностей ни он, ни она не получали.

Может, скрывали?

Хотя ответ может быть еще проще. Влюбленная героя получила новые способности, но так никогда о них и не узнала, потому что дар свой не развивала и к трещинам не допускалась.

Так что мои поиски были практически безрезультатны.

Ох, как мне хотелось проверить способности, убедиться, что все это не приснилось, но нельзя. Сомневаюсь, что дядя простит мне самоуправство.

Устав от хождения туда-сюда, я забралась в кровать и укрылась одеялом, пытаюсь согреться.

Коннор.

До нашей встречи осталось всего несколько часов.

И это пугало еще больше.

Что он скажет? А я... как мне быть? Что делать и говорить?

— С днем рождения меня, — снова прошептала я, поворачиваясь на бок и закрывая глаза.

Утром меня никто не разбудил.

Не было мамы с шутивными поздравлениями, крепкими объятиями и подарками. И торта тоже не было и не будет.

Вместо этого тишина небольшой столовой, окна которой выходили в сад, чуть теплый завтрак в виде изрядно надоевшего омлета и пережаренного хлеба для тостов и молчаливая охрана, стоящая по стойке у дверей.

Повозив вилкой по тарелке, я так ничего и не съела. А вот от чая не отказалась. Тем более что он был горячий и очень ароматный. Хоть что-то кухарка в этом доме умела делать хорошо.

Допив все до дна, я выглянула на улицу.

Вновь ярко светило солнце. Но погода в этом году была обманчива, и вполне возможно, что совсем скоро подует пронизывающий до костей ветер, который пригонит тучи, а с ними и дождь.

— Я хочу погулять, — сообщила я охране, поднимаясь.

Ответом мне была тишина.

Они вообще редко со мной разговаривали и никак не комментировали мои слова. Даже запрет давался лишь движением головы.

Не знаю, где дядя нашел этих чурбанов, но со своей задачей сделать мою жизнь еще более невыносимой они справлялись отлично.

— Собираюсь пройтись по парку и дойти до озера, — продолжила я.

Результат все тот же.

— Утопилась бы, — зло пробормотала я себе под нос, — да не хочу доставлять вам и главе удовольствие.

Одевшись потеплее, я накинула сверху шаль и вышла на улицу, подставляя лицо солнцу, которое хоть и светило ярко, но почти не грело.

Ветра не было, но было немного прохладно.

Глубоко вздохнув, я, широко шагая, направилась в сторону озера, отлично зная, что охрана последует за мной. Поэтому даже не оглянулась.

Еще больше деревьев сменили свою листву с зеленой на желтую, а какие-то вообще сбросили ее на землю. Еще два дня назад длинная аллея с высокими вытянутыми стволами и узкими кронами радовала яркими красками. Сейчас же вся листва бурыми кучами лежала на тротуаре, шурша под ногами.

Сразу за аллеей был холм, еще зеленый, с влажной от росы травой.

На него я забралась очень быстро и на мгновение замерла, любуясь открывшимся видом.

Все-таки один плюс моей тюрьмы был: здесь было потрясающе красиво. Пусть домик был совсем небольшим, а для одной заключенной и этого было достаточно, но парк, который окружал его, ограждая от внешнего мира, был просто огромным.

Одних садовников здесь было аж шесть. Причем два из них были сильными магами. Именно благодаря им все вокруг было таким красивым.

Мой взгляд остановился на круглом озере, у которого росло несколько плакучих ив, опустивших свои длинные ветви к потемневшей воде. А рядом на берегу была белая крытая беседка,

увитая плющом, который сейчас менял зеленый цвет на багряно-красный.

Шаги за моей спиной смokли.

Ясно, стоят ждут, что я еще придумаю.

Да ничего нового. Мне действительно просто хотелось прогуляться у озера.

Осторожно спустившись с крутого холма, я направилась к деревянному мостку, который использовался как причал для лодок.

Наверное, было бы чудесно прокатиться на лодке по озеру... Жаль, что для меня такое развлечение было недоступно. Лодок просто не было. Ни четыре месяца назад, ни сейчас.

Доски скрипели под моим весом, когда я прошла по мостку и застыла у самого края, не сводя взгляда с темной глади озера.

Кое-что вот уже несколько дней не давало покоя. Идея, которую я отчаянно гнала от себя прочь.

А вдруг... вдруг это выход, который я так долго искала?

Но так страшно поверить и решиться.

Ведь я могу лишиться всего, разом сжечь все мосты к отступлению. И никто не придет на помощь. Даже Коннор. Такого он мне не простит.

Про дядю я вообще молчала.

Я обхватила плечи руками, словно пытаюсь согреться, хотя на самом деле совсем не замерзла. Ветра не было, светило солнце, да и оделась я тепло. А дрожь все равно прошла по телу, заставляя поежиться.

«А может, стоит смириться? Глава не дурак, он все предусмотрел. А своим неповиновением я лишь разрушу жизнь моей семье. А они-то уж точно ни в чем не виноваты».

Снова скрипнули доски.

Но на этот раз причиной тому была не я.

— С каких это пор вам дозволено приближаться ко мне во время прогулок? — раздраженно спросила я, даже не обернувшись.

Раньше охрана не позволяла себе подобной вольности, позволяя мне насладиться мнимым одиночеством и тишиной.

— А разве мне запрещено?

Не охрана.

Я обернулась, прежде чем смогла сориентироваться и до конца поверить, кто именно нарушил мой покой.

«Коннор! Коннор! Коннор!» — билось в голове, когда я смотрела в черные, как сама тьма, глаза.

— Как ты... почему я тебя не почувствовала? — выдохнула я, до боли сжимая края шали.

Это был весьма своевременный вопрос.

Потому что я должна была его почувствовать. Обязана!

О, за эти месяцы мне удалось испытать на себе все муки привязки. Хоторн сказал правду: те первые дни были цветочками по сравнению с тем, что ждало меня потом.

Днем мне еще как-то удавалось отвлечься. Прогулки, книги, фолианты, охрана, которая бесила своим присутствием, но наступал вечер, и спрятаться от самой себя больше не получалось.

Стоило закрыть глаза, и на меня обрушивались отголоски чужих чувств и эмоций.

Тоска, которая была так похожа на мою, нетерпение, сводящее судорогой пальцы, надежда, заставляющая сердце биться сильнее... Всего не перечислить. И я уже забывала, где мои эмоции, а где его, терялась, растворялась во всем этом и с трудом засыпала.

Но и это не приносило облегчения, потому что приходили сны — и Хоторн в главной роли. Мы ничего не делали, просто смотрели друг на друга сквозь дымку завесы. Уже этого было достаточно, чтобы утром чувствовать себя разбитой и уставшей.

И именно поэтому я была уверена, что почувствую приближение Хоторна. Что стоит ему только пересечь границу парка — и сердце отзовется ноющей болью в груди, позволив мне подготовиться к встрече.

Но вот Темный здесь. Подкрался ко мне незаметно, и я не знала, как на это реагировать.

— Почему? — вновь хрипло прошептала я.

Вместо того чтобы ответить, мужчина повернулся к охране, которая продолжала стоять в стороне.

— Оставьте нас.

— Не положено, — отозвался один из них.

Надо же, ему-то они отвечают.

Хотя посмотрела бы я на того самоубийцу, который проигнорировал бы приказ наследника Хоторнов.

— Я жених госпожи Лирин Монрей. Мне можно! — твердо заявил он.

И охранники нехотя, но подчинились.

Коннор мало изменился за эти четыре месяца. Разве что волосы стали чуть длиннее, а черты лица жестче. Он утепился: высокие сапоги, теплые штаны, темно-серое пальто с эполетами и блестящими на солнце золотыми пуговицами. Черный шарф, небрежно замотанный на шее.

— Здравствуй, Лирин, — с улыбкой произнес Темный, поворачиваясь ко мне и быстро осматривая с ног до головы.

Мой вопрос он проигнорировал, но я забывать о нем не собиралась.

— Здравствуй, — пробормотала в ответ неловко поправляя шаль дрожащими от волнения руками.

— Суровая у тебя охрана. И часто они за тобой ходят?

— Всегда.

— Охраняют.

— Следят, чтобы я не сбежала, — сухо ответила я ему.

Улыбка на лице Хоторна слегка подувала.

— А ты хочешь сбежать?

— Я не просила брать меня в жены взамен Айрин.

— Это лучший вариант для нас. И ты прекрасно это понимаешь, Лирин.

— Почему я тебя не почувствовала? — снова упрямо повторила я.

На этот раз Темный решил ответить:

— Потому что я закрылся. Днем это получается легче, сама знаешь. Да и практики у меня побольше. Я закрылся, решив сделать тебе сюрприз.

— Сюрприз удался.

— Ты злишься?

Злилась. Очень.

Но не на него. На дядю. А раз до главы рода Монрей мне добраться не удастся, я срывалась на Темном. Кроме того, это отличный способ скрыть свои истинные чувства, которые сдерживать становилось все труднее.

— Ты должен был меня спросить, Хоторн. Но ты решил, что можешь так легко и просто взять и решить все за меня. Мы смогли бы справиться с привязкой. Да, сложно, трудно, но смогли бы. Ты жил бы долго и счастливо со Снежей, а я вышла замуж за Пите....

— Нет! — неожиданно жестко оборвал меня мужчина, заставив вздрогнуть. — Ты выйдешь за меня, Лирин. Завтра утром ты станешь моей женой. И уже не сбежишь, не закроешься под маской равнодушия. Она и сейчас тебе не помогает. Я-то закрылся, а ты — нет.

Я сглотнула, с ужасом глядя на него.

— И я чувствую все. — Коннор шагнул вперед. — Все твои чувства. Эмоции. Страхи.

Каждое слово он сопровождал шагом, все ближе подбираясь ко мне.

— И Питера ты не любишь. Я это точно знаю.

Темный застыл в полуметре от меня, не делая попыток коснуться и убрав руки в карманы пальто.

— Неужели? Ты в этом так уверен? — с вызовом глядя ему в глаза, спросила я.

— Да. Потому что ты любишь меня.

Солгать.

Обмануть.

Громко рассмеяться, глядя прямо в наглые черные глаза.

О, как много я хотела сделать, но отлично понимала, что это ложь, в которую никто не поверит.

— Это не имеет значения, — упрямо произнесла я.

Выше задирая подбородок и всем своим видом демонстрируя, что готова в этом споре идти до конца.

— Наоборот, как раз именно это и имеет значение для нас. Только это. Ты любишь меня, я люблю...

— Не надо!

Я отвернулась к озеру.

Лишь бы не видеть его глаз... лишь бы не слышать этого признания, которое еще больше все усложнит.

От самоуверенности не осталось и следа.

Его слова, это признание...

Я ведь давно это чувствовала и знала. Но одно дело — знать, а совсем другое — слышать. И тело не могло на это не среагировать.

«Успокойся, глупое сердечко! Нечего так биться и радоваться, — мысленно уговаривала я. — Это не поможет нам».

— Почему я должен молчать и скрываться, Лирин? — спустя несколько долгих секунд спросил Хоторн и неожиданно выдал новое предположение: — Они угрожали тебе?

— Кто?

— Глава, твои родственники или Питер, — перечислил Коннор. — Они угрожали тебе? Заставляли что-то сделать?

— Что сделать? — тихо спросила я, продолжая смотреть на темную гладь воды.

— Я отлично знаю Финиса Монрей. Старый лис. Он точно воспользуется шансом добраться до меня или моей семьи. Он уговаривал тебя шпионить за нами?

Вот он — мой шанс.

Шанс взять и все рассказать, поделиться болью, которая вот уже четыре месяца разъедала мне сердце.

Ведь это так легко — повернуться к нему и сказать, глядя прямо в глаза: «Я Айрин Монрей, Хоторн. Я — твоя жена. Живая и невредимая... Они солгали!»

И...

И это ничего не даст.

Они ненавидят друг друга. Хоторны и Монрей. Ненавидят, презирают и непременно воспользуются случаем, чтобы уничтожить один другого.

Кроме того, дядя за время своего руководства сумел нажить много врагов.

Коннор воспользуется случаем, чтобы уничтожить главу, и тогда...

Тогда падет не только Финне Монрей, но и все его ближайшее окружение, которое также было втянуто в эту интригу.

Наш род лишится руководителей, всей верхушки власти. Наступит смута, неразбериха. Обязательно кто-то захочет занять пустующие места. И этих желающих будет очень много. Грызня, доносы, убийства... брат пойдет на брата.

О куполе забудут, и наш мир падет.

Все из-за одной глупой девчонки из рода Монрей, которая влюбилась в темного.

— Нет, — глухо отозвалась я, зажмуриваясь от очередного порыва ветра.

— Ты лжешь.

Пришлось вновь лгать.

— Глава пытался, — уклончиво ответила ему, сильнее кутаясь в шаль. — Я отказалась.

— Поэтому он запер тебя здесь и поставил охрану?

— Да. Все надеялся, что я передумаю.

— Я не дам тебя в обиду, Лирин.

Хоторн подошел ближе и осторожно сжал мои плечи, касаясь губами макушки.

— Я никогда и никому не позволю тебя обидеть. Обещаю.

Ком у горла стал еще больше, а на глаза набежали слезы.

Нет, всему виной ветер, а не тоска, разъедающая душу.

— Я знаю... знаю...

Повернувшись к нему лицом, я коснулась золотых пуговиц его пальто, все еще не в силах поднять глаза и встретиться с ним взглядом.

Он же поймет, сразу догадается обо всем.

— Надо возвращаться в дом. Скоро начнут съезжаться гости. Сам глава обещал приехать. Если он увидит нас вместе... ему это точно не понравится. Не стоит давать Финису повод для скандала.

— Скандала не будет. Ты моя невеста, Рин, почти жена.

— Почти, — эхом повторила я, слегка отталкивая его вперед ладонями.

Хоторн послушно отдалился, давая мне возможность обойти его.

— Что тебя тревожит? Я же чувствую, что что-то не так...

— Этого не должно было быть. Все неправильно, — вырвалось у меня.

— Ошибаешься. Сейчас как раз все правильно и именно так, как и должно быть.

Я быстро прошла по доскам, которые вновь закрипели под ногами. Но заговорила, лишь когда оказалась на земле.

— Ты оплакивал ее? Айрин? Свою жену?

«Боги, зачем я спрашиваю? Хочу найти новый повод для скандала? Потому что ругаться и злиться на Коннора значительно

проще, чем сгорать от нежности и любви!»

— Рин...

В его голосе даже можно было уловить оттенки вины.

— Значит, нет, — не сбавляя темпа, произнесла я и начала подниматься на холм.

— Рин, мы же не будем ругаться из-за Айрин Монрей. Это не смешно.

— Ты прав, совершенно не смешно.

— Рин!

Коннор догнал меня за пару секунд, схватил за руку, разворачивая к себе. Да так резко, что я влетела в него, лишь в последний момент успев подставить ладони, которые сейчас упирались в сильную мужскую грудь.

— Я знаю, что с тобой, — неожиданно мягко произнес мужчина, убирая прядку, с которой играл ветер, мне за ухо. — Ты нервничаешь из-за свадьбы, как и все невесты. Волнуешься, переживаешь. Это нормально.

Тембр его голоса, взгляд, тепло прикосновений — все это будто окутало меня мягким облаком, даря неожиданное успокоение, которого так не хватало эти месяцы.

— Я боюсь, что все закончится, — призналась ему, проваливаясь в омут черных глаз. — Что-нибудь случится — и все рухнет.

— Нас никто не разлучит. Не теперь. Я не позволю, — вновь пообещал Коннор.

«Придется...»

— Пора возвращаться, — выбираясь из его теплых объятий, произнесла я. — Действительно пора. Ты завтракал?

— Не успел.

— У нас омлет. Кухарка совершенно не умеет готовить.

— Ничего, после стряпни Мелиссы мне ничего не страшно, — рассмеялся он, шагая рядом со мной.

— Они скоро придут?

— Да. Через пару часов.

Коннор поймал мою руку и сжал в своей.

— Это хорошо. А твои родители?

— Будет отец.

Я помнила этого сурового мужчину с седыми волосами и черными глазами. Четыре года назад он вызывал только страх. Сомневаюсь, что наша новая встреча что-то изменит.

— Как он отнесся к твоему выбору?

Коннор ответил секунды через три.

— Сдержанно.

— Сомневаюсь, — рассмеялась я. — Уверена, что кандидатура Снежи его больше устраивала.

— Главное, что твоя больше устраивает меня, — произнес Хоторн, сильнее сжимая мою руку.

Мы уже почти подошли к дому, когда я увидела нового гостя, которого совсем не ждала.

— Питер...

Глава 24

Сказать я ничего не успела. Слишком неожиданной была эта встреча.

Если появление Коннора я еще могла понять, то как и зачем здесь оказался Питер?

Он очень сильно изменился за эти месяцы. Остриг светлые волосы, оставив лишь небольшой чубчик. Лицо осунулось, под уставшими глазами легли некрасивые тени, а уголки губ опустились.

Куда делся тот красивый мужчина, по которому вздыхало столько девушек?

Сейчас на меня смотрела его потрепанная и сильно уставшая копия.

Зато Коннор оказался шустрее и быстро пришел в себя.

— Что ты здесь делаешь, Монрей? — резко спросил темный.

— Я? Нет, это что ты здесь делаешь, Хоторн! — в тон ему ответил Питер.

— Приехал увидеть будущую жену. А ты?

«Ой? Что-то мне этот разговор нравится все меньше и меньше!»

— Хочу поговорить со своей невестой!

— Питер, — пробормотала я растерянно и тут же замолчала, когда Коннор сильнее сжал мою руку.

Не больно, скорее отрезвляюще.

Мужчина явно хотел мне напомнить, где мое место и что вмешиваться не стоит.

— С бывшей невестой, — напомнил Хоторн, специально голосом выделяя слово «бывшая».

— А ты спрашивал Лирин, когда потребовал ее в жены?! — резко отозвался Питер. — Или тебя ее мнение совершенно не интересует? Решил, что можешь получить все, что захочешь? Любую светлую, на которую упадет взгляд? Так ведь?

— Это не я предложил, а Финне Монрей, ваш глава.

— А ты и рад! По-другому бы тебе Рин никогда не получить! Не будь этого приказа, она никогда бы не пошла с тобой.

— Тешь себя, Монрей. Мы оба знаем, что это не так.

— Послушайте, — вновь попыталась вмешаться я.

Но куда там.

Словно два бойцовских петуха, мужчины смотрели друг на друга, явно прицеливаясь и размышляя, куда нанести удар.

И только боги знали, к чему эта перепалка может привести.

— Все не можешь смириться с тем, что она тебя не любит? — продолжил Хоторн.

— То есть то, что глава насильно заставляет Лирин выйти за тебя, говорит о ее любви? — съязвил Питер.

Воздух начал вибрировать от с трудом сдерживаемой магии.

Два сильных соперника, а между ними я.

«Нет, надо заканчивать, пока дело не зашло слишком далеко!»

— Остановитесь! Оба! Немедленно! — закричала я, вырывая руку из захвата Коннора. — Вы ведете себя как два ребенка, которые не могут разделить игрушечный меч. Но я не игрушка! И если уж вам так хочется поругаться, то без меня! Я при этом присутствовать не стану!

Произнеся все это, я решительно направилась к выходу, игнорируя мужчин, которые вспомнили о моем существовании.

— Лирин...

— Рин, постой!

Но я не остановилась и даже ускорила темп, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от них двоих.

— Гостей больше нет? — спросила я у одного из охранников, который встречал меня у входа.

Вдруг открою дверь, а там уже дядя — готовит очередную речь о долге, обязанностях и моем несносном поведении, которое может поставить под удар весь мир.

Как же хрупок и ненадежен этот мир, если вся ответственность за его сохранность лежит на плечах какой-то девушки.

— Глава прибудет через два часа, — соизволил ответить мужчина, чем изрядно удивил.

Обычно мои вопросы они с напарником игнорируют.

— Отлично! Я буду у себя в комнате. Меня не беспокоить.

Но побыть в одиночестве мне не позволили.

Не прошло и десяти минут, как в дверь тихо, но настойчиво постучали.

Для дяди рано. Охрана и кухарка в гости не приходят. Даже если я не спускалась к завтраку или иному приему пищи, еду в комнату не приносили. Раз не пришла, значит, не голодна.

И это не Коннор. Его бы точно не пропустили. Хотя бы из принципа. Значит остается только...

— Уходи, Питер, — стоя у окна, произнесла я.

Несмотря на то, что в комнате было тепло, я продолжала кутаться в шаль, словно не могла согреться от холода, сковавшего сердце.

Не ушел.

Мало того, невзирая на мою просьбу, открыл дверь и шагнул в комнату.

— Как ты догадалась, что это я?

— Только ты смог бы договориться с охраной, — ответила я, поворачиваясь. — Зачем ты приехал сюда, Питер?

— Поговорить с тобой.

Мужчина прикрыл дверь за собой, давая понять, что уходить не собирается, пока мы не поговорим.

— Глава будет в бешенстве.

— Мне все равно.

— А мне нет. Не хочу, чтобы ты пострадал, — тихо ответила ему, вновь вглядываясь в уставшее, осунувшееся лицо. — Ты изменился. Осунулся, побледнел.

— Работы было много. Прорывы вновь участились.

— Куда глава сослал тебя?

— Как можно дальше от тебя, — грустно улыбнулся он.

— Мне жаль.

— В этом нет твоей вины.

— Ты подстригся. Жаль, мне нравились твои кудри.

— Отрастут... Айрин, — проникновенно произнес мужчина, делая шаг вперед.

Я вздрогнула от звука собственного имени. Слишком давно ко мне так не обращались. Даже я сама старалась называть себя Лирин, чтобы привыкнуть побыстрее.

Но то, как Питер его произнес, вызвало в душе непонятную панику и даже страх.

Что бы он сейчас ни сказал, станет только хуже.

— Не надо, — взмолилась я, попятившись.

— Что не надо?

— Ничего не надо, Питер. Ты не должен это говорить.

Но его было не остановить.

— Ты готова выйти за него?

— Какая разница?

— Ответь мне, Айрин, ты готова выйти за него?

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда.

Питер вдруг дернулся и в два быстрых шага преодолел разделяющее нас расстояние, хватая меня за руку.

— Что ты делаешь? — только и успела прошептать я.

— Давай сбежим. Только ты и я.

Реакция на его слова была вполне предсказуемая:

— Ты с ума сошел!

— Айрин, послушай, — торопливо произнес Питер, пытаясь меня переубедить. — Не спеши отказываться. Подумай хорошенько над моим предложением.

— Я подумала и все еще считаю, что ты сошел с ума. Ты хоть понимаешь, что предлагаешь?

— Прекрасно понимаю. Поверь мне, это не сиюминутное решение, принятое под властью момента или в пику Хоторну, — с нервным смешком произнес Питер, потирая ладонью коротко стриженный затылок.

Мужчина выглядел растерянным и еще более уставшим.

Было заметно, что он долго готовился к этому разговору и сейчас собирался идти до конца.

— Все совсем не так, Айрин. Я очень много думал о происходящем. О нас. И чем больше думал, тем отчетливее понимал, что это единственный шанс обрести свободу и быть вместе.

«Быть вместе... Как же ему объяснить, как достучаться, чтобы он понял, что я никогда не хотела этого? Даже в то короткое время, когда мы были настоящими женихом и невестой».

Я уважала мужчину, ценила, но как друга и на большее не могла согласиться.

— Питер...

— Нет, пожалуйста, дай мне закончить, — прервал мужчину.

Он будто чувствовал, что я хотела сказать, и до последнего оттягивал этот момент, надеясь, что сможет уговорить, заболтать, заставить изменить свое мнение.

— Понимаю, что ты можешь испытывать какие-то чувства к Хоторну. И уж точно не буду казнить и ругать тебя за это.

— Неужели? — пробормотала я, скрестив руки на груди.

Питер мог говорить все что угодно, но мы оба понимали, что это лишь слова, и только. На самом деле никто не может простить чувства к другому.

— Да. Ты еще совсем ребенок, Айрин. Я говорю это не для того, чтобы обидеть или унижить. Но ты действительно очень молода. И вполне понятно, что тебя тянет к опасному темному. Тем более что ты так много о нем слышала. Запретный плод... Ты же всегда любила ограничения и запреты.

— Откуда?

— Знаю? Я успел изучить тебя, Рин, понять. Непокорная, своевольная, упрямая. Ты всегда ненавидела правила и стремилась действовать по-своему. Вот и сейчас Хоторн стал для тебя тем самым правилом, которое ты так хочешь нарушить. Представь, что потом, когда ты добьешься своего, эти чувства и новизна, азарт и пламя исчезнут. Что тогда?

— Хочешь сказать, что мои чувства — это лишь игра воображения? — уточнила у него, подходя к креслу. — И я принимаю желаемое за действительное?

Я не села в кресло, лишь зашла за него, касаясь высокой спинки, обитой темно-зеленым бархатом с золотыми вензелями.

— Нет. Я лишь хочу сказать, что пройдет совсем немного времени и ты поймешь, что все совсем не так. Что влюбленность ушла, уступив место настоящему чувству, — уверенно произнес Питер.

— К тебе? — насмешливо уточнила я.

Мужчина смутился, но сдаваться не собирался.

— Ты же сама не хочешь этого.

— Не хочу чего?

— Идти на поводу у главы, выполнять приказы, которые противоречат твоим желаниям. Ты и раньше этого не хотела, а теперь, когда узнала Хоторна лучше, все стало еще сложнее, не так ли? Ты же не убийца, Айрин. И никогда ею не была.

Нет, я не стала говорить, что Финне Монрей сейчас требовал от меня совершенно иного. Питеру не стоило это знать хотя бы из соображения безопасности. Дядя точно не обрадуется этому.

— Я же тебе сказала, что выбора нет, — упрямо повторила я.

— Есть, мы сбежим от них и будем жить вдвоем, — горячо и уверенно произнес он. — Ты и я. Я не стану принуждать тебя к близким отношениям и торопить. Дам столько времени, сколько захочешь. Когда над нами не будет довлеть тень главы и Хоторнов, мы сможем узнать друг друга лучше.

— И куда же ты хочешь сбежать? Где же это волшебное место, где нас не достанет рука Императора?

Питер запнулся. Такого вопроса он явно не ожидал.

— Ты забыл про него? — понимающе кивнула я. — Ладно, предположим, мы еще сможем укрыться от родного семьи и от Хоторнов. У тех же степняков. Они скроют нас от чужих глаз. Но кто рискнет своей жизнью, чтобы пойти против Императора? А он точно не простит нам этого побега.

— Ты не знаешь...

— Знаю. Ты уже высказался, теперь пришла моя очередь. Пять лет назад Император настоял на этом браке. И он же благословил союз Лирина Монрей с Коннором Хоторном. А ты хочешь разрушить все его планы.

— Он простит. Мы упадем в ноги, будем молить о прощении, расскажем о своих чувствах.

«Как красиво он говорит. Жаль, что это не имеет ничего общего с действительностью!»

— Которых пока нет.

— Есть. У меня! А потом и ты меня полюбишь. Я уверен, — упрямо произнес Питер. — Пройдет время, и он простит нас и благословит.

— Но я все равно останусь женой Хоторна, — напредила ему. — Состоится завтра эта свадьба или нет. Я — жена Коннора Хоторна. Передниками богов! Завтрашняя церемония лишь фарс, устраиваемый дядей.

Но у Питера и на это нашелся ответ.

— Тебе тогда было всего тринадцать. Брак можно аннулировать. И Финне Монрей ничего не сделает нам. Он не станет рассказывать правду, так как она уничтожит его.

— И весь мир, — пробормотала я, отступая от кресла и поворачиваясь к окну. — Я не могу...

— Айрин, послушай...

— Может, ты и прав. Все мои чувства к Коннору — лишь восторг глупой девчонки или последствие привязки. Они могут пройти, а могут не пройти. Допустим, Император нас простит и брак удастся расторгнуть... Но я не могу.

— Почему?

— Мы, может, и сбежим от гнева Финиса Монрей, но не моя семья. Да и у тебя есть родители и сестра. О них ты подумал? Он же отыграется на наших близких.

— Он не станет, — неуверенно произнес Питер.

— Станет, — повернувшись, ответила ему. — Еще как станет. Он мне сам сказал об этом. Если я попробую сбежать или отказаться от плана, решив жить долго и счастливо, глава уничтожит мою семью.

— Есения его сестра.

— О да, — нервно рассмеялась я. — Он об этом помнит. Но мама сама виновата, что не смогла достойно воспитать свою дочь.

— Значит, нет?

— Мне очень жаль, но нет. Спасибо тебе за помощь, за жертвы, но будет лучше, если ты забудешь меня и начнешь жить дальше.

Мужчина взглянул на меня пустым, лишенным жизни взглядом, от которого сжалось сердце.

— Думаешь, я не пытался? Все эти месяцы? Думаешь, я не хотел забыть тебя, Айрин? Хотел. Очень хотел. Старался жить дальше, даже начал обсуждать со священнослужителями кандидатуры на роль жены. Встретился с двумя или тремя, уже не помню. Но ни одна из них не смогла вытеснить твой образ из жизни.

Я отвернулась.

— Прости...

— Я останусь на церемонию, Айрин. До конца. Если ты вдруг передумаешь, то только дай знать, — тихо произнес Питер.

— Хорошо.

Но он не спешил уходить.

— С днем рождения, Айрин, — вдруг произнес мужчина.

Я обернулась, удивленно на него взглянув:

— Ты знаешь?

— Я знаю все, что связано с тобой, — мягко улыбнувшись, ответил Питер и протянул мне небольшую деревянную коробочку. — Это тебе.

— Спасибо, — пробормотала я, принимая подарок. — А что там?

— Потом откроешь. Еще раз с днем рождения. И будь счастлива.

— Большое спасибо. Я думала, что никто не вспомнит.

Улыбка сама собой расцвела на моем лице.

— Надеюсь, тебе понравится.

Он ушел, едва слышно прикрыв за собой дверь.

И только тогда я решила открыть подарок.

Внутри был небольшой золотой медальон в форме капли, украшенный какими-то символами и рисунками. Кажется, это древний язык.

Медальон был крупный и довольно тяжелый. Уверена, внутри что-то обязательно должно быть, какой-то секрет. Но как я ни старалась открыть его, так и не получилось.

Оставив бесполезные попытки, я положила подарок в верхний ящик прикроватной тумбочки, решив после с ним разобраться.

И это было лишь началом моих испытаний.

Через два часа прибыл дядя и тут же потребовал срочно явиться в его комнату. Судя по довольному взгляду охранника, меня ждала новая взбучка.

Воспротивиться я не посмела.

— Вы вызывали меня? — спросила я, входя в комнату, и, склонив голову, застыла в дверях.

Дядя сидел в кресле, вытянув ноги и держа в руке бокал с рубиново-красным вином, которое очень сильно напоминало кровь.

— Заходи, Лирин. И не надо изображать из себя смиренность. Мы оба знаем, что это не так. Ты не смирилась со своим положением. А жаль, так было бы легче.

Я молча подчинилась, выйдя на середину комнаты и стойко встретив проницательный взгляд дяди.

— Вам легче?

— Тебе.

Я лишь пожала плечами, давая понять, что думаю иначе.

— Бежать надумала? — без всяких предисловий вдруг резко спросил он.

«Да, умен Финне Монрей. Сразу догадался, зачем приехал Питер».

— Нет.

— А то я не знаю, зачем сюда явился твой бывший жених. Все никак не успокоится. Надо же, как ты, оказывается, действуешь на мужчин, — склонив голову набок, заметил дядя с неприятной улыбкой на губах. — Хоторн, Питер. Они на многое готовы пойти ради тебя. Может, и Императора с наследником очаруешь?

Удержать равнодушное лицо больше не получалось.

То, на что он сейчас намекал, было не просто ужасно, а по-настоящему омерзительно.

— Что вам нужно? — холодно спросила я. — Как еще вы хотите унижить меня?

— Хочу напомнить тебе о твоём долге, о твоей семье. Не забыла о родителях-то, о братьях? О том, как много зависит от тебя?

— спросил глава и сделал глоток.

— Не забыла.

— Вот и хорошо. А Питера надо проучить. Слишком много возомнил о себе герой. Пошел против приказа своего главы, явился сюда. Непорядок. Глядишь, и другие решат, что могут делать все, что захотят. А нам только смуты не хватало.

— Не надо, — вырвалось у меня. Пришлось продолжать: — Питер не виноват и сбегать с ним я не стану.

— Это хорошо, но моего решения это не изменит. С Хоторном виделась?

— Вы же знаете, что да.

— Хорошо, — довольно закивал Финне Монрей, потирая руки. — Все складывается просто замечательно.

— Вам виднее.

Мужчина вдруг вскочил с кресла, отставив бокал в сторону, и оказался рядом, хватая меня за подбородок и заставляя смотреть прямо в глаза.

— Не играй со мной, девочка.

— Даже не думала.

Он еще некоторое время смотрел на меня, а потом отпустил.

— Иди. До свадьбы из комнаты не выходить. Еду тебе будут приносить. Охрану я поставлю у дверей и под окнами. На всякий случай. И больше никаких встреч, Лирин. Поняла меня?

Я лишь кивнула.

Дядя выполнил свою угрозу. Следующие сутки я провела в своей комнате, в одиночестве и взаперти. Зато это дало отличную возможность все хорошенько обдумать и принять решение, которое я все это время гнала от себя.

Поздно вечером, лежа в постели, я достала из ящика медальон и принялась его рассматривать в тусклом свете ламп, проводя подушечками пальцев по красивой гравировке.

«Интересно, почему Питер подарил его мне? Что это может значить? Ведь какой-то смысл в этом обязательно должен был быть».

Я вновь попыталась открыть медальон, но ничего не вышло.

«Может, для этого нужен ключик?»

Вот только у меня его не было.

Убрав медальон, я выключила лампу и легла спать.

На следующее утро меня разбудили задолго до рассвета.

С шумом и громкими разговорами в комнату вошли пять дам, которым и предстояло подготовить меня к церемонии.

На этот раз все было иначе.

У меня было красивое белое платье, которое отлично село по фигуре, подчеркивая все изгибы и делая талию еще тоньше, а грудь больше. Тончайшее кружево украшало плечи и длинные рукава, лиф

плотно обтягивал грудь и талию, а длинная юбка с небольшим шлейфом красивыми складками падала вниз.

Волосы долго расчесывали, а затем заплели в свободную косу, которую украсили жемчужными нитями и живыми цветами, оставив пару прядей у лица.

Дальше был легкий макияж. Мне нанесли тени на глаза, сделав их еще более выразительными, покрыли легким блеском губы.

Я молчала, позволяя делать с собой все что угодно, и беспрекословно выполняла все приказы и распоряжения, погрузившись в свои мысли.

— Все готово! — гордо заявила старшая дама, подведя меня к зеркалу.

Свое отражение я изучала равнодушно.

Да, красиво, намного лучше, чем тогда, пять лет назад, в мою первую свадьбу. Но разве это что-то меняло?

Прежде чем уйти, я вытащила из ящичка медальон и спрятала его в потайном кармашке.

Небольшую часовню всего за сутки красиво украсили живыми цветами и белыми лентами.

Две семьи, как и раньше, сидели по разные стороны. Где-то среди них были Мелисса, Дик и Рейн. Не забыла я о главе Хоторнов и о Питере с дядей. Они внимательно наблюдали за мной и молчали.

Но это сейчас мало волновало. Ведь там, в конце прохода, у большого каменного алтаря ждал Коннор.

Темноволосый, красивый, с улыбкой на губах и счастьем, затаившимся в глубине черных глаз.

Он ждал меня. Действительно ждал, любил и хотел взять в жены.

Я смотрела лишь на него, когда шла по узкому проходу. Больше ничего не видя и не слыша, наслаждаясь последними мгновениями перед крахом.

«Прости меня. Прости меня. ПРОСТИ МЕНЯ!»

Коннор вышел вперед, беря меня за руку и помогая встать рядом с ним.

Его ладонь была горячей и сухой. Мужчина слегка сжал ее, пытаясь ободрить меня.

Да, Коннор чувствовал мой страх и сомнения, но не понимал их значения.

Это хорошо.

Я повернулась к священнослужителю и стала ждать начала моего падения.

Дальше все было так, как и пять лет назад. Слова древней клятвы, алая лента, связавшая наши запястья, и тяжелый кубок со священным вином, которое мы пригубили по очереди.

Всю церемонию я не смотрела на Коннора, боясь, что это собьет меня, лишит сил и не позволит совершить задуманное.

— Согласен ли ты, Коннор Хоторн, взять в жены Лирин Монрей, чтобы любить, беречь и защищать ее?

А вот и оно.

Я задержала дыхание и закрыла глаза, наслаждаясь последними мгновениями покоя.

— Да, — громко, четко и уверенно произнес мой муж.

— А вы, Лирин Монрей, берете ли в мужа Коннора Хоторна, чтобы любить, почитать и уважать его отныне и вовек?

«ПРОСТИ МЕНЯ!»

Я медленно повернулась к Хоторну, после чего громко и четко произнесла:

— Нет!

Глава 25

— Нет!

Это было невыносимо тяжело и больно.

Смотреть в темные глаза любимого (давно пора в этом признаться хотя бы самой себе) мужчины и отказываться от него, от будущего, которое могло у нас быть. Видеть, как счастье медленно угасает уступая место растерянности, непониманию, потрясению и решимости.

Коннор не собирался просто так меня отпускать. Я отчетливо видела это в его глазах.

Битва только началась.

«Да помогут мне Боги!»

Тишина.

Мне кажется, в этот момент все задержали дыхание и мало кто верил в то, что я натворила. Я и сама с трудом в это верила.

— Прошу прощения, — залепетал священник, вымученно улыбаясь и выпучив круглые глаза. — Мне слышалось...

— Не слышалось, — перебила его я и, набрав в грудь воздуха, снова произнесла: — Нет. Я не согласна!

Как же много мне хотелось сказать Хоторну, извиниться, объяснить, но нельзя. Пусть лучше так, резко и болезненно, чтобы у него не оставалось надежды на то, что я передумаю и есть какой-то шанс.

— Рин, — прорычал муж, хватая меня за руку. — Что происходит?

— Ничего. Я не люблю тебя.

— Лжешь, — прошипел он. — Мы оба знаем, что ты лжешь.

— Я не люблю тебя. Ты принял желаемое за действительное. Меня заставили. Против воли. Думала, что смогу, но нет. Это выше моих сил, — произнесла я в абсолютной тишине.

Задержав дыхание, приготовилась, чтобы нанести новый удар, самый главный. Самый болезненный.

— Ты Темный... мне неприятна... противна сама мысль быть рядом с тобой.

Мужчина дернулся так резко, что ленточка, связывающая нас, болезненно натянулась и лопнула.

«Сказала, смогла...»

Только радоваться не получалось. Хоть срывайся с места и беги сейчас в озеро топиться, так больно и тошно.

— Лирин!

А это глава.

Взбежал по ступенькам и схватил меня за руку, притягивая к себе.

— Прошу прощения, уважаемые гости и члены семьи, это нервное. Позвольте, я поговорю с воспитанницей наедине. Всего пару минут, — быстро произнес он.

И, не дождавшись ответа, потащил меня прочь, в небольшую комнатку, которая располагалась за алтарем. Останавливать его никто не собирался.

Тишина.

Я уходила и чувствовала спиной каждый взгляд, обращенный на меня.

Впихнув меня внутрь, Финне Монрей закрыл дверь и только тогда повернулся ко мне.

— Сдурела? — рывкнул он, краснея от бешенства.

— Наоборот, кажется, я только сейчас прозрела и поняла, как жить дальше.

— Закрой свой рот, успокойся и отправляйся к алтарю. Сегодня ты станешь женой Коннора Хоторна.

— Я уже его жена, — возразила я, присаживаясь на лавку.

— Замолчи!

Он все-таки меня ударил.

Подскочил, резко взмахнул рукой, и щеку моментально обожгло от боли. Голова дернулась назад, и я зажмурилась, до крови прикусив язык, но стон сдержала.

— Ах ты, дрянь! Да как ты посмела? Забыла, кто ты?

— Не забыла, — отрезала я, твердо встречая его взгляд. — Но замуж не пойду.

— Твоей семье конец! Я уничтожу их! Радуйся!

Финне Монрей бросился к двери, но не дошел.

— Пожалуйста, теперь выбор за вами. Тронете их — уничтожите весь мир!

— Что ты сказала?

— Четыре месяца назад вы поставили меня перед выбором. Теперь моя очередь. Мне нечего терять, дядя. Нет Коннора, Питера, я одна. Никакой счастливой жизни и будущего. Есть семья, но если вы что-то сделаете, я всем расскажу правду. Сообщу о лжи главы рода Монрей. О том, что я Айрин Монрей.

— Ты торгуешься спокойствием нашего мира? — медленно оборачиваясь, спросил мужчина.

— У меня были хорошие учителя, дядя.

— Готова уничтожить все ради своей прихоти?

— Нет, только себя. Остальное зависит от вас.

— Даже так, — неожиданно спокойно произнес глава, и в его руках вдруг возник небольшой световой шарик. — Хорошо. Тогда скажи мне, Лирин, что мне мешает уничтожить тебя прямо здесь и сейчас?

Шарик заискрил и поменял цвет с белого на ярко-красный.

— Я не боюсь смерти, дядя. Сказала же. Но если надо, повторю. Я прекрасно понимаю, к чему приведет мой отказ выходить за Хоторна. Впереди только изгнание, забвение и быстрая смерть. Я готова это принять. А верить или нет — это уже ваше дело. Но я все-таки сомневаюсь, что вы что-то сделаете мне. По крайней мере, сейчас.

— Неужели? И почему же?

Шарик в его руках стал еще больше и опаснее. В воздухе ощутимо запахло грозой и дождем.

— Мы с вами в церкви, в которой полным-полно магов. Как Темных, так и Светлых. Коннор... он еще не смирился с отказом. И с моей гибелью не смирится. Император тоже вряд ли обрадуется. Так что мой вам совет: если хотите меня убить, немного подождите. Я сопротивляться не стану.

Шарик мигнул в последний раз и пропал, оставив после себя лишь легкий дымок.

— Одумайся, Лирин, — неожиданно мягко произнес дядя.

«Надо же, с карательных мер он решил перейти на совершенно противоположные. Наверное, сейчас станет взывать к долгу, совести и обязательствам».

— Ты же умная девочка, сама понимаешь, как много поставлено на карту. Всем нам приходится чем-то жертвовать, такова наша доля. Наш долг. В конце концов, я же не прошу тебя убивать Хоторна. Можешь даже жить с ним, когда лабиринт будет уничтожен.

— Нет. Я не смогу.

— Лирин! — рыкнул дядя, моментально утратив доброжелательность. — Мне совершенно плевать, хочешь ли ты этого или нет. Ты встанешь сейчас и сделаешь то, что приказано, поняла меня?

— Собираетесь заставить?

— Если потребуется. Скажу, что ты перенервничала, сошла с ума от счастья. А я, как твой законный представитель, все сделаю сам.

— Только попробуйте, — поднимаясь, произнесла я.

«А ведь он действительно может! Этого я не предусмотрела!»

Дядя победно усмехнулся, правильно прочитав мои мысли.

— Вот и отлично.

— Нет!

В этот момент раздался стук, заставивший нас вздрогнуть и забыть о споре.

— Сейчас! Уже выхожу! — крикнул Финне Монрей.

— Откройте дверь.

Коннор.

Дядя зло зыркнул на меня, напоминая о молчании, но дверь открыл.

— Извините за этот инцидент Хоторн. Лирин немного перенервничала, — затараторил он, преграждая путь темному. — Сейчас успокоится, и продолжим. Да и вообще, зачем все эти церемонии, я и сам могу все...

— Оставьте нас, — перебил его Коннор.

— Что?

— Оставьте нас! — уже громче повторил мужчина.

— Не думаю, что это хорошая идея, — забормотал глава, пытаясь ненавязчиво выдворить Темного прочь. — Лирин сейчас не нужны потрясения, она и так на грани...

— Я в третий раз повторять не стану, — произнес Хоторн, и в его голосе проскользнули угрожающие нотки.

— Хорошо. Только недолго, — сдался Финне Монрей и, прежде чем уйти, бросил на меня многозначительный взгляд. — Лирин.

Дверь за ним закрылась. И мы с Коннором остались одни.

Он молчал, да и я не знала, что сказать. Все уже было произнесено. Дальше только хуже и больнее.

— Ничего не хочешь мне объяснить?

Если мужчина решил, что таким образом сможет меня запугать или уговорить, то ошибся. Я только что пережила весьма неприятный разговор с дядей, после которого даже личная аудиенция у Императора покажется прогулкой по парку.

— Не ставь нас в неловкое положение, Хоторн! — решительно произнесла я. — Ничего нового я тебе не скажу.

— Неужели?

От холода в его голосе можно было замерзнуть. Но я была слишком взвинчена, чтобы реагировать на это.

«Так надеялась, что он не придет. Что гордость возьмет свое и Коннор уйдет, хлопнув дверью. Но нет... Темный оказался слишком идеальным!»

— Если ты настаиваешь, то могу повторять. Я тебя не люблю и замуж не выйду! — упрямо повторила я, старательно выговаривая каждое слово.

Не знаю, как Темный, а по мне они весьма болезненно били, заставляя сильнее сжимать кулаки.

Хоторн никак не отреагировал на мои слова.

Даже бровью не повел, лишь спокойно спросил:

— Закончила?

— Не совсем. Дай мне уйти.

— Нет.

Не то чтобы я ожидала, что мужчина так просто возьмет и отпустит, но я ждала уговоров, шантажа или даже угроз. Чего угодно, но уж точно не этого удивительного спокойствия и пронизательного взгляда, пробирающего до костей.

«А если он все узнал? Если подслушал наш разговор с дядей и теперь размышляет, как бы получить меня посильнее?»

— Надеюсь, ты не думаешь, что сможешь заставить меня силой отправиться к алтарю? — уточнила у него.

Со стороны мы словно не собственную свадьбу обсуждали и дальнейшее будущее, а цены на рынке. Ровно, спокойно, хладнокровно.

— Нет.

«Что ж он такой многословный-то?»

Мне было бы гораздо легче, если бы Коннор вел себя как дядя или почти так. Что угодно, но лишь бы с эмоциями. Тогда было бы понятно, что делать и как говорить.

— Отлично. Потому что у тебя ничего не получится, — заявила я, отворачиваясь от него к окну.

Мне жизненно необходима была короткая передышка. Стоять под пристальным взглядом мужа — то еще удовольствие.

— Что с тобой случилось, Рин? Что произошло за эти сутки, пока меня не было? Вчера ты была совсем другой.

Ну наконец-то, хоть какие-то эмоции!

— Ничего не произошло, — совершенно искренне ответила ему.
— Абсолютно ничего. Или ты думаешь, что для моего отказа требуется нечто невероятное и невозможное? Что я не могу просто передумать?

Я специально выбирала слова пожестче, стараясь ударить побольнее.

Даже не думала, что могу быть такой стервой. Оказывается, могу.

— Это не ответ.

— Я просто устала от всего этого и хочу уйти.

— И поэтому лжешь?

— Не лгу.

— Ты же любишь меня, я знаю, — произнес Коннор, медленно двигаясь вперед.

Я же застыла, не делая попыток обернуться и остановить его. Так и стояла изваянием, пока не почувствовала бережное прикосновение к своим плечам. Кожа тут же покрылась мурашками от такой незначительной ласки, а сердце начало биться чаще, разгоняя кровь по венам и сосудам.

— Меня ты не обманешь, Рин. Я чувствую все. Твою любовь, боль, страх и сомнения. Ты сейчас словно раненый зверь, загнанный в ловушку.

Я хмыкнула:

— Может, ты и прав.

— Но я не охотник и не хочу причинять тебе вред. Не хочу и не буду. Позволь позаботиться о тебе. Позволь помочь, — шептал Коннор, медленно поглаживая меня по плечам.

От его близости кружилась голова.

Так хотелось поддаться чувствам и уговорам, забыть обо всех проблемах и просто жить, как хочется... но...

— Лирин.

Чужое имя неприятно царапнуло слух, моментально возвращая на землю. Где Коннор был темным, а я обманщицей, которая запуталась в собственной лжи.

— Нет, — резко произнесла я, отстраняясь. — Нет!

Хоторн руки убрал, но отходить не спешил.

— Почему ты противишься? Все дело в Финисе Монрее? Что он тебе наговорил? Требовал шпионить за нами и докладывать ему? А может, хочет, чтобы ты убила меня? — насмешливо спросил Хоторн.

«Ох, если бы он только знал, как близко подошел к правде».

— Нет. Я просто не хочу быть твоей женой. Неужели в это так трудно поверить? — спросила я, глядя ему прямо в глаза.

— Да.

Я и так была взвинчена, расстроена и напугана, поэтому и контролировала себя плохо. Кроме того, спокойствие и уверенность Коннора еще больше распаляли, заставляя совершать ошибки и повышать голос.

— Но это правда. Я не хочу этого! Не хочу!

Я отошла от него и принялась шагать по крохотной комнате туда-сюда, путаясь в шлейфе свадебного платья.

— Ты тут много говорил о любви и чувствах! Не спорю, они есть. Пока есть. Но любовь не вечна и имеет свойство стихать, уступая место другим чувствам.

— Ты ошибаешься.

Я на мгновение замерла, встречаясь с ним взглядом, и снова продолжила путь.

— Нет. Как ты думаешь, что будет с нами, когда чувства уйдут? Когда ты насытишься новизной ощущений и, проснувшись однажды, увидишь рядом с собой светлую, с которой и поговорить не о чем.

— Рин, прекрати... — с досадой произнес Хоторн, но меня уже было не остановить.

— Мы с тобой разные, Коннор. Я раньше этого не понимала, но теперь точно знаю. Моя семья никогда не примет тебя. Даже глава не поможет. Нельзя изменить закон, который просуществовал не одну сотню лет. Они тебя ненавидят.

— Переживу.

— А твоя семья не примет меня.

— Примет. Мелисса уже приняла. Она очень благодарна тебе за мое спасение.

— Одна из сотни? — грустно улыбнулась я. — А что делать с остальными? Нам двоим нигде не будет места.

— Мне все равно. Главное, что мы будем вдвоем. И ты ошибаешься, если думаешь, что чувства угаснут. Мы связаны с тобой навеки. Привязка не даст этому произойти.

«Боги! Ну почему? Почему он не отпускает меня? Почему мучает и заставляет страдать? Другой бы на его месте давно ушел! А Коннор снова и снова уничтожает мои доводы, превращая их в прах».

— Рин, не знаю, зачем ты это делаешь, но я уже давно понял, что ты просто ищешь повод отказаться и не можешь его найти. Либо это

страх, который пройдет сам собой, либо ты не хочешь сказать мне что-то важное.

Хотела. Очень хотела.

Но не могла.

Слишком многое сейчас зависело от моего решения.

Поэтому и решила идти другим путем.

— Коннор.

Я сама подошла к нему. Сама взяла его руки в свои, открыто смотря в черные глаза и стараясь быть максимально честной.

— Ты говоришь, что любишь меня. Так отпусти. Дай мне уйти сегодня.

— С Питером? — глухо спросил Хоторн.

— Нет. Одной. Мне надо... мне надо побыть одной. Некоторое время. Сбежать от проблем, которые навалились.

— Позволь мне помочь тебе.

Он перехватил мои руки и поднес их к губам, целуя так, что дыхание сбилось.

— Позволь мне уйти. Пожалуйста, — снова попросила я. — Хотя бы на время.

Коннор ответил не сразу.

— На сколько?

Я с трудом сдержала вдох облегчения.

«Почти получилось. Он не говорит «нет», не отказывается. Значит, мои шансы увеличиваются!»

— Пару месяцев.

На самом деле я знала, что намного больше. Кроме того, я была уверена, что сделаю все, чтобы растянуть эти месяцы до бесконечности, пока не придумаю, как вырваться из ловушки, в которую угодила по милости дяди. Но Коннору совсем не обязательно было это знать.

— Пару месяцев, — повторил он.

А сам смотрел так пристально, словно хотел забраться мне в голову и прочитать мысли.

— Да.

— Два месяца. Два, Рин, по истечении которых я сам приду за тобой.

Я тяжело сглотнула.

— Хорошо.

Об остальном подумаю позже.

Коннор не думал меня отпускать, продолжая пристально изучать и согревать дыханием озябшие пальцы.

— Не знаю, что именно тебя так беспокоит, но я готов подождать. А через два месяца ты все расскажешь, Рин.

Мне только и оставалось, что кивать.

— Помни, что я всегда буду рядом, — тихо произнес Коннор.

Его ладонь скользнула по плечу и легла на затылок, запутавшись в моих волосах.

Я уже знала, что последует дальше. Видела огонь в черных глазах и застыла испуганной птицей, не зная, чего хочу больше: сбежать или самой потянуться к нему.

Хоторн решил все за меня.

Медленно наклонился к губам и застыл, обжигая их своим горячим дыханием.

— Всегда рядом с тобой, — хрипло продолжил он. — Только позови...

— Коннор, — только и успела выдохнуть я, закрывая глаза.

И в следующую секунду его губы накрыли мои.

Меня уже целовал Питер, и я примерно представляла, что сейчас будет. Но и тут ошиблась. С Питером было приятно, немного щекотно, не более.

А с Коннором... с ним все сразу пошло не так.

Поцелуй не принес успокоения. Наоборот, я моментально вспыхнула от макушки до пальцев на ногах.

Ведь это всего лишь поцелуй, прикосновение губ, и только.

Тогда отчего так бешено бьется сердце в груди и кружится голова? Отчего хочется броситься куда-то бежать или, наоборот, замереть, застыть в его руках?

И касаться... широкой спины, обтянутой тканью камзола, темных волос, таких гладких на ощупь, и лица с легкой щетиной на впалых щеках.

То, что задержала дыхание, я поняла только тогда, когда Коннор прижался лбом к моему лбу.

— Не хочу тебя отпускать, — прохрипел он, обрисовав пальцами контур лица, коснувшись указательным пальцем припухших от

поцелуев губ.

— Ты пообещал, — отозвалась я.

— Два месяца...

Коннор вдруг отстранился и отступил, пряча руки за спиной. Я от неожиданности пошатнулась, но устояла на ослабевших ногах.

— Что?

— Уходи. Прямо сейчас уходи, пока я могу тебя отпустить, — прохрипел мужчина.

Смотреть на него было страшно. Он весь осунулся, потемнел, черты лица заострились, став какими-то хищными и опасными. Словно внутри него жило чудовище, которое пыталось вырваться наружу.

Спрашивать больше ничего не стала, как и говорить. Бросив на него прощальный взгляд, я поспешила к двери.

— Не туда, — вдруг произнес Хоторн. — Здесь есть другой выход.

— Правда?

Он коснулся одной из стеновых панелей, и она тут же отъехала в сторону, открывая небольшой проход.

— Спасибо, — бросила я через плечо и проскользнула внутрь.

Панель тут же закрылась за мной.

Коннор Хоторн

— Ты с ума сошел?

Дик никогда не стеснялся в выражениях, да и сейчас не собирался.

Блондин решительно вошел в комнату, громко хлопнув за собой дверью.

— Ты отпустил ее! — произнес он, глядя на ровную спину Хоторна, который при его появлении даже не повернулся.

Коннор молча стоял у окна, убрав руки за спину и никак не реагируя на выпады друга.

— Догони ее! Не упускай свое счастье! Ты же так долго к этому шел, — продолжил Дик уже не так уверенно.

Он ожидал другого, когда шел сюда.

Гнева, боли, обиды, готов был даже помочь ему удержать Эфира, который наверняка уже сходил с ума, пытаясь вырваться из-под контроля.

Но наследник Темных был спокоен, сосредоточен и задумчив. Словно не его только что при всех бросила невеста из враждующего рода, выставив на всеобщее посмешище.

— Нет, — коротко бросил Хоторн.

Лирин давно уже улетела, но он все продолжал стоять и смотреть в пасмурное серое небо, которое грозно нависало над часовней, готовясь вот-вот разразиться дождем.

— Серьезно? Из-за ее отказа? — продолжал допытываться Дик, встав рядом с ним. — Коннор, это глупо. Девчонка просто испугалась и перенервничала. Все невесты такие.

— И много ты знаешь невест? — странно усмехнулся тот.

— Мне рассказывали, — совершенно не смущаясь, ответил молодой мужчина. — Обнял бы ее, приласкал, поцеловал, и все! Она бы растаяла, и сама бы потащила тебя к алтарю.

— Возможно, — отозвался Хоторн.

А сам видел перед глазами взволнованную Лирин, слышал ее голос, который дрожал от волнения, и так ярко чувствовал ее страх и нарастающую панику.

Девушка боялась его. Не самого Коннора, а чего-то связанного с ним.

— Верни ее! Гости еще не разошлись, священник здесь, да и Финне Монрей будет рад.

Голова Коннора чуть дернулась, будто он хотел повернуться, но потом передумал.

— Как глава рода?

— Ты же сейчас не про своего отца, не так ли? Хотя он, если честно, в бешенстве. Салах Хоторн с таким трудом примирился со второй светлой невестой, что ее отказ воспринял как личное оскорбление.

— А глава светлых?

— Старший Монрей в бешенстве. Шепчется о чем-то со своими помощниками. Думаю, что он, в отличие от тебя, не собирается так просто отпускать беглянку.

— Отпустит. Я за этим прослежу.

Такой ответ блондину не понравился.

— Да что с тобой случилось?! Ты можешь объяснить нормально?

— Дик с трудом сдержался, чтобы не толкнуть друга, который сам на себя не был похож. — Салах уже записал тебя в умалишенные и раздумывает над тем, чтобы сдать лекарям.

— Ей нужно время, — наконец произнес Хоторн.

— Да какое время? О чем ты? Просто отвел бы девчонку куда-нибудь в уединенное место, и дело с концом. Уверен, пара ночей вместе — и от ее сомнений не останется и следа.

— Прекрати пошлить.

Коннор все-таки повернулся к другу, озвучив свои сомнения:

— Лирин боится. Очень сильно боится. Я чувствую ее эмоции, как бы сильно она ни старалась это скрыть.

— Все невесты боятся, — вновь произнес Дик, на которого эти слова не произвели никакого впечатления. — Скорее всего, ее мать рассказала много ужасных, кровавых подробностей о брачном ложе с Темным.

— Ее матери здесь нет. Как и отца. Никого из близких родственников, — задумчиво произнес Коннор. — Интересно, почему?

— Не смогли приехать?

— У них было четыре месяца на подготовку. На моей первой свадьбе родители невесты присутствовали, хотя нас предупредили всего лишь за два дня до церемонии. Значит, причина в другом.

— Может, причина банальна и проста. Ты им заочно не понравился, — предположил Дик. — Вместо знаменитого героя Питера они получили в родственники не менее знаменитого Темного.

— Возможно. Или они что-то скрывают.

— Кто?

— Лирин, Финне Монрей и даже Питер. Ослепленный желанием, я долго не замечал очевидного, — задумчиво потирая подбородок, произнес Хоторн.

— Скрывают? Но что же?

— А вот это нам и предстоит узнать. Да, я отпустил Лирин, но лишь для того, чтобы добраться до истины. Я обязательно узнаю правду.

— Каким образом?

— Мне внезапно пришло в голову, что я почти ничего не знаю о своей будущей жене. Думаю, самое время узнать, — скривив губы в улыбке, произнес Коннор, — что же они так тщательно скрывают.

Глава 26

Айрин

Потайная дверь вывела меня к боковому выходу из часовни.

Оказавшись на улице и все еще не веря, что случилось, мысленно призвала Эфри. Стоило ей появиться передо мной, как я сразу же забралась верхом.

Нельзя было тратить драгоценное время.

Но улететь сразу не получилось.

— Рин!

В дверях часовни появился Питер, держа в руках мою меховую накидку.

— Подожди.

Я внезапно поняла, как это выглядит со стороны. Я отказала Хоторну, унизив его перед всеми, подставила главу и теперь сбегала.

Конечно же, Питер решил, что я приняла его предложение и мы теперь должны вместе умчаться в далекое неизвестное.

— Я с тобой! — Мужчина коснулся кулона, явно собираясь призвать своего пегаса.

— Нет! — Я мотнула головкой, пытаюсь удержать на месте Эфри, которая нетерпеливо переступала с ноги на ногу и фырчала. — Я ухожу одна.

— Что? Почему?

— Потому что так будет правильно.

— Ты с ума сошла. — Бывший жених начал спускаться по ступенькам. — Я никуда тебя не отпущу.

— Это не в твоей власти.

— Ты что, решила сбежать? Рин, это несерьезно.

— Очень серьезно. Коннор меня отпустил. Дал фору в два месяца... а глава... Я ушла из семьи, Питер. И Финне Монрей больше не смеет мне приказывать.

— Он так просто тебя не отпустит.

— Знаю. Но я нашла, что ему предъявить. Прощай, Питер. Прощай и будь счастлив, — произнесла я.

— Рин, стой!

— Питер, не надо...

Не знаю, что мужчина прочитал по моему лицу, но он вдруг сдался.

— Я не буду тебя останавливать. Но если будет нужна помощь, знай, что я всегда готов ее оказать. Возьми это, — произнес Питер, протягивая мне накидку. — А то холодно, а путь тебе предстоит неблизкий.

— Спасибо.

Утеплившись, я благодарно улыбнулась Питеру и пришпорила Эфри, которая с радостью взвилась к небесам, соскучившись за эти четыре месяца по нашим полетам.

— Давай, милая, нам предстоит долгий путь, — прошептала я, прижавшись к ней.

Мы летели несколько часов. Намного больше положенного. Эфри давно выбилась из сил, но я упрямо гнала ее на север, подальше от столицы собственной семьи, туда, где хоть недолго я смогла бы передохнуть.

Было холодно. Сильный ветер то и дело налетал, пытаясь сбросить меня с седла. Пару раз мы попадали под небольшой дождик, и тогда Эфри приходилось подниматься выше, что расходовало много сил.

Давно пора было остановиться, но я не отпускала ее, доводя нас обоих до изнеможения. Мне уже несколько часов приходилось подпитывать пегаса своей энергией, и это ничем хорошим не могло закончиться.

И вот наконец среди бескрайнего леса я смогла разглядеть тусклые огоньки небольшой деревеньки, расположенной на крохотной опушке.

Осень здесь уже давно вступила в права. Листва давно осыпалась, устилая бурым ковром влажную землю. По вечерам до самого рассвета промозглый туман окутывал все вокруг белым пологом.

Эфри, надсадно хрипя, с трудом опустилась и сразу же исчезла, тяжелым камнем сдавив грудь.

Прислонившись к ближайшему дереву, я замерла, тяжело дыша от усталости и холода. Накидка давно уже не согревала. Больше всего мне хотелось лечь под деревом, свернуться комочком и подремать. Хотя бы пару часиков.

Пришлось чуть ли не силой заставлять себя идти к ближайшему дому за высоким частоколом.

Услышав мои шаги, затыкала собака, к ней тут же присоединились другие, оглашая тихий поселок в десяток домов громким предупреждающим лаем.

Жалобно скрипнула дверь. Затем раздались тяжелые шаги и хриплый, прокуренный голос требовательно спросил:

— Кто там?

— Здравствуйте, — собрав остатки сил, отозвалась я, дрожа от холода. — Я Монрей! Лирин Монрей. Светлая.

Небольшая пауза и вопрос, от которого улыбка сама появилась на губах:

— И что? Чего надо-то?

Да, здесь, в чаще леса, далеко от сторожевых башен, власти и грызни между двумя великими родами, жизнь текла своим чередом. Им не было дела до моего высокого статуса и положения.

— На постой пустите? Я проделала долгий путь, очень устала и замерзла.

Опять тишина и неохотный ответ:

— Нет у нас для господ подходящего отдыха. Да и места в доме мало.

— Я займу лишь уголок и многого просить не буду, — произнесла я, приваливаясь к частоколу.

Стоять становилось все сложнее.

Мало того, что сама устала, так еще Эфри продолжала тянуть силы, пытаясь восстановиться после тяжелого путешествия.

— Нету места. Нету. Уж извиняйте, — пробурчал мужчина. — До башни совсем недалеко. Если на лошадке на летающей, то всего пару

часов.

Нет у меня этих часов, Эфри не появится до утра. Да и нельзя мне в башню. Я теперь изгой.

«Неужели не пустит? И что теперь? Проситься в соседний дом?»

Я с трудом повернула голову.

Вроде еще светло на улице, а разглядеть не получается. Словно пелена перед глазами.

Сделав шаг я начала медленно оседать на землю. Перед глазами все замелькало, закружилось, и я самым банальным образом потеряла сознание.

Очнулась я уже гораздо позже.

В темной комнате, освещаемой лишь небольшим светильником в углу, было сухо, тепло и пахло разными травами. Постель, на которой я лежала, была твердой, но это мало волновало, главное, что она была.

Приоткрыв глаза на секундочку, я почти сразу их закрыла, так сильно хотелось спать. Все тело болело и ломало от перенапряжения. Но хотя бы меня больше не трясло от холода.

— Ой, матушка, смотрите, какое платье... — раздался совсем рядом восторженный шепот.

— Не трогай, Дина, — велела дама постарше.

Именно она дотронулась до моего лба шершавой рукой, пытаюсь проверить, есть ли жар. Судя по недовольному цоканью, я все-таки заболела.

— Это же кружево. Настоящее кружево. И не просто полоска, которую мы видели на ярмарке, а целое полотно. А какое красивое. Я даже не думала, что такое бывает.

Моего плеча осторожно коснулась чья-то рука.

Лишь чудом я не дернулась, продолжая изображать из себя спящую.

Вдруг увидят, что очнулась, и выгонят на улицу.

— Дина. Сказала же, нельзя.

Но девушка словно не слушала, продолжая осторожно касаться моего платья.

— Матушка, какая ткань мягкая. И цвет белый-белый. Вот бы мне такое.

— С ума сошла! Даже не смей думать. Это же Светлая. Монрей.

— И что? А платье свадебное... Интересно как. Неужели эта Светлая сбежала с собственной свадьбы?

— Помолчи. Нас это не касается. Отец идет. Его такие разговоры точно не обрадуют.

Снова наступила тишина, которую нарушили тяжелые шаги.

— Что с ней? Не очнулась еще?

— Пока нет. Что делать-то будем? — взволнованно спросила хозяйка дома. — Жар у нее. А если умрет?

— Я знахарку позвал. Сейчас будет. Вот же свалилась напасть на нашу голову.

«Значит, выгонять не собираются? Это хорошо!»

Я уже хотела открыть глаза и сообщить, что очнулась, но не смогла, вновь провалившись в небытие.

Очнулась оттого, что меня опять щупали.

Бесцеремонно, неприятно и даже немного болезненно.

— Хороша девка, — сообщила старуха, голос которой был похож на карканье ворон. — И впрямь светлая. Давно они не появлялись. Последний прорыв здесь был лет двадцать назад. Но и тогда они мимо пролетали на лошадках своих крылатых. Но мужчины, а это девка.

— Ты скажи, что делать-то? — вмешался хозяин дома, нетерпеливо постукивая по лавке. — Я ж ее у ворот нашел. А если помрет? Меня ж в тюрьму отправят.

— Не помрет, — уверенно сообщила старуха и вновь принялась меня щупать своими костлявыми пальцами. — Сильная девка.

— Горячка всех уносит. И сильных, и слабых. Ты по делу говори. Помрет или нет?

— Это не горячка.

— Так она ж вся горит и бредит. Да Коннора какого-то зовет, — произнесла хозяйка.

«Ой!»

— Горит. Но ничего. Ей отдых нужен, пить горячее. Я травки дам, заварю и будешь давать. Не тело у нее болит, а душа рвется на части, вот и слегла. Ничего. Время все исправит... А ты спи, девонька, спи.

Старуха неожиданно ласково провела по моим волосам, и я действительно провалилась в сон. Снова.

В следующий раз я очнулась уже утром.

Открыв глаза, увидела хрупкую рыжеволосую девушку, которая беззвучно кружила по комнате, прижимая к себе мое свадебное платье.

Осторожно приподнявшись на локтях, я внимательно осмотрелась.

Большая комната, в центре которой располагалась беленая печь. В небольшие окошки, украшенные пестрыми занавесками, светило яркое солнце. Я лежала в углу на просторной лавке, укрытая толстым пуховым одеялом. Из одежды на мне была лишь простая сорочка из грубого льна, которая неприятно колола нежную кожу.

А свадебное платье в руках незнакомой девицы.

Крутанувшись очередной раз, она наконец меня заметила.

— Ой! — пискнула рыжая, продолжая прижимать платье к груди.
— Вы проснулись?

Радости в ее голосе особой не наблюдалось.

— Что со мной случилось? — потирая ноющие виски, спросила у нее.

Я помнила, как приземлилась, как с трудом подошла к ближайшим воротам, а дальше все урывками. И непонятно, было ли это или приснилось.

— Вы сознание потеряли. Это хорошо, что батюшка вышел за ворота. Все никак не мог понять, почему Буран с цепи рвется.

— Какой Буран? — не поняла я.

— Да кобель наш, — охотно затараторила девушка.

«Кажется, ее зовут Дина. Или это мне приснилось?»

— Он, как вы появились, так лаял и лаял, лаял и лаял. Батюшка же решил, что вы к соседям ушли. Вышел проверить, что Буран воет, а вы на снегу. Вся бледная такая, замерзшая, как ледышка. Пришлось в дом нести, переодевать в сухое и травами разными отпаивать.

— И кто меня переодевал? — тут же насторожилась я.

«Кажется, я помнила какую-то женщину. Или двух?»

— Так матушка моя. Она сейчас в сарае, но скоро придет. Мы ж думали, горячка у вас. А знахарка сказала, что нету. Обещала, что вы утром очнетесь, а так и случилось.

— Какая знахарка?

— Да местная. Она травы знает, с деревьями общается.

— С кем общается?

Мне показалось, что я ослышалась.

— С деревьями, — охотно повторила Дина. — Всю правду у них узнать может, совета спросить.

«Надо же. Я думала, что не осталось староверов, которые кроме веры в Богов еще почитали духов леса. Я о таком только в сказках читала».

— Вы простите, что платье ваше трогала, — виновато улыбнулась рыжая, аккуратно положив наряд у моих ног. — Мы его с матушкой почистили, в порядок привели. Красивое оно очень. Никогда такого кружева не видела.

Дина любовно провела пальцами по ткани, повторяя узор на кружеве.

«А ведь это можно обыграть в свою пользу!»

— Оно тебе понравилось?

Девушка тут же отдернула руку, пряча ее за спиной, словно я поймала ее на месте преступления.

— Как может не нравиться такая красота? Я бы вот тоже хотела...

Она не закончила, да и не надо было.

— У тебя есть жених? — присаживаясь поудобнее, спросила у нее.

— Да, Люис. Он хороший. На кузне с отцом работает. А без кузни у нас никак. До города далеко, много часов по лесной дорожке ехать. Город у нас красивый, — мечтательно вздохнула она. — Я там всего два раза была. Дома большие, в два-три этажа, храмы есть с куполами разноцветными. А еще, говорят, проводят новую дорогу. Не как наша, обычная. Железом сделанная, чтобы по ней тележки сами ездили. Возопаром кличат.

— Да, есть такое. Я ездила на нем.

— Правда?!

Сколько удивления и детского восторга во взгляде.

«Живя в богатстве, близко от столицы с ее чудесами и новыми изобретениями, я даже забыла, что в нашем мире есть другие места и другие люди, которые живут совсем иначе. Крылатые пегасы их не так удивляют, как всякие механические штуки».

— И свадьба у вас с Люисом будет? — спросила я, возвращая разговор в нужное русло.

— Да, — покраснев, кивнула Дина. — Обязательно будет. С первыми морозами сыграем. Столы накроем на всю деревню и будем

целый день гулять. С песнями и танцами.

— Хочешь, я тебе свое платье... продам?

Она вздрогнула, поднимая на меня удивленные глазища.

— Да как же? — залепетала рыжая. — Откуда ж столько денег?

— А я недорого отдам. Ты меньше меня ростом, так что останется лишь ушить немного в груди и бедрах, и оно хорошо сядет. Платье действительно красивое. Другого такого ни у кого не будет. Потом дочке своей по наследству передаешь, как оберег, — продолжала уговаривать я.

— Где ж такие деньги найти, — с сожалением вздохнула девушка.

А сама глаз от платья отвести не может.

— Мне много не надо. Вещи теплые, обувь, сумку с едой да пару серебряных монет.

— Я не знаю, — неуверенно произнесла Дина.

Но я уже по глазам видела, что рыжая девушка почти согласилась. Осталось только с родителями посоветоваться.

— Ты подумай. Я не тороплю, — кивнула в ответ, снова откидываясь на подушку и поправляя одеяло на груди.

Усталость навалилась с новой силой.

— Хорошо, — прошептала Дина.

Решив не мучить организм, я закрыла глаза и почти сразу снова заснула.

Сколько я проспала, неизвестно. Но, когда проснулась, рыжей девушки в комнате не было. Вместо нее на табурете сидела пожилая женщина в пестром платке, которая смотрела на меня светло-голубыми, почти бесцветными глазами, тяжело опираясь на кривую палку.

— Проснулась?

— Здравствуйте, — произнесла я, пытаюсь понять, кто передо мной.

На мать Дины походила мало.

— Знахарка я, — словно прочитав мои мысли, отозвалась бабушка. — А ты светлая.

— Да.

— Ты не похожа на других из рода Монрей. Ваши тут были лет двадцать назад. Мужчины. Это у темных женщины наравне с мужчинами сражаются, но не у вас.

— Все меняется, — уклончиво отозвалась я.

«Интересно, что ей от меня надо? Что-то не по себе от ее взгляда, который словно в душу заглядывал, выворачивая ее наизнанку».

— И кулон у тебя интересный, — вдруг произнесла знахарка, достав из кармана темной юбки медальон, который мне подарил Питер.

— Зачем вы его взяли? — вскрикнула я, выпрямляясь и требовательно протягивая к ней руку. — Это мое. Отдайте!

— Твое, — кивнула женщина, возвращая мне медальон, а потом неожиданно добавила: — Духи рассказали мне про тебя, светлая.

— Я не верю в духов, — сжимая медальон в руке, ответила ей. — Лишь в Богов.

Наверное, не стоило так резко. Но старушка сама виновата. Зачем было трогать чужое?

— Не беда. Духи леса не обижаются. Но про тебя много интересного рассказали. Светлая с примесью темной крови.

«Примесь темной крови... Это из-за Коннора. Он меня спас, влив в меня свою кровь. То же самое сделала я. Получается, он теперь темный со светлой кровью. Никогда об этом не думала».

— Что вы хотите? — после небольшой заминки спросила у нее.

— От тебя — ничего, — улыбнулась знахарка. — Посмотреть просто хочу на тебя, красавица.

На ту, которая положит конец нашему миру.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы унять гулко забившееся сердце и более-менее успокоиться.

Сложно оставаться равнодушной, когда тебя обвиняют в таком! Еще сложнее, когда ты сама знаешь, что виновата!

— Это неправда, — сухо ответила я ей.

Ни сомнений, ни каких-либо игр. Мы со знахаркой говорили на равных, обе зная будущее, которое могло случиться.

— Я не позволю этому миру рухнуть, — более уверенно произнесла я и стала ожидать ответа.

В комнате будто похолодало, хотя я знала, что это не так.

Ничего не поменялось, кроме разговора, который внезапно стал опасным.

— А я разве сказала, что это плохо? — вдруг рассмеялась старушка, устраиваясь поудобнее на табурете. — Конец одного непременно означает начало чего-то другого. Неужели тебе не говорили об этом?

— Не помню, — ответила я, продолжая настороженно за ней наблюдать.

— Какие вы, молодежь, нетерпеливые, все делите на хорошее и плохое. А перемены ведь не всегда опасны, Айрин Монрей. Иногда они идут на пользу этому миру и нам самим.

Я не стала спрашивать, откуда она знает мое имя. Мое настоящее имя. Хотя очень хотелось.

Но нет, не так быстро. Не стану идти у нее на поводу.

Поэтому вместо вопроса я сказала:

— Боюсь, что после этих перемен от нашего мира уже ничего не останется.

— Никто не знает, что будет, а что нет. Мы можем только догадываться.

— Я не хочу догадываться и рисковать. Только не так. Не такой ценой.

— Вы уже рискнули. Ты и твой муж.

Вот теперь я по-настоящему испугалась.

Об этом знала моя семья, но никак не старушка из крохотного поселка, затерянного в лесу.

— Откуда вы знаете? — прохрипела едва слышно, с силой сжимая одеяло.

— Лес рассказал. Духи леса. Твое настоящее имя тоже они прошептали. У вас была странная свадьба, странное начало, — с мечтательной улыбкой продолжила она. — Пять лет назад... Вы оба были другими. Немудрено, что муж тебя не узнал.

Странная речь, слова и взгляды. Чем дальше, тем страшнее становилось.

«Мое имя. Мой муж. Это все уже невозможно объяснить сказками о лесных духах».

— Кто вы такая?

Не походила она на обычную старушку. Совсем не походила.

А вдруг это боги сейчас играют со мной, наказывая за свадьбу, которую пытался устроить дядя?

Так в этом нет моей вины. Я отказалась.

— Не бойся меня. Я лишь та, кто умеет и любит слушать. И только. Что задумали боги — мне неизвестно, — со смешком произнесла знахарка.

— И чем же мы с Коннором так интересны этим самым духам?

— Вас очень долго ждали, Айрин.

— Кто ждал? — не поняла я.

— Все мы.

— Сомневаюсь, что нас кто-то ждал. Главы родов уж точно.

— Правда еще скрыта от них, но придет время — и все исправится. Вы двое были предназначены друг другу давным-давно.

— Неужели? — недоверчиво усмехнулась я, вспоминая небольшую часовню, злого Коннора у алтаря и себя в неудобном колючем платье, которое делало меня еще толще и уродливее.

Не было похоже, что мы созданы друг для друга.

Вместо меня его женой должна была стать Ната или кто-то другой из ближайших родственников. Мне же богами был уготован Питер.

— Не веришь, — понимающе кивнула она, негромко стукнув своей клюкой.

— Нет.

— Твое право. Скажи, а ты знаешь, как появились первые Темные?

— Конечно, все об этом знают, — удивилась я.

— Значит, не знаешь. Первый Хоторн был из твоего рода.

— Неправда.

Я еще могла поверить в духов леса и в то, что передо мной сидит богиня, но слушать о том, что Хоторны на самом деле наши родственники, было выше моих сил.

— Правда. Она была дочерью Орела Монрея.

— Она? — эхом переспросила я, выпрямляясь.

— Она, — кивнула старушка.

— Тогда это точно невозможно. Женщины из рода Монрей не обучаются магии.

— Вот после нее и не обучаются. Девушка пошла против семьи, родни и отца. Она решила сама найти способ уничтожить созданий Бездны. И в этом ей активно помогал наследник Хоторн. Ничего не напоминает?

Я молчала.

Светлая Монрей и наследник Хоторнов, решившие пойти против всего мира.

Неужели история повторяется?

— Единственный способ спасти наш мир — это купол, — прохрипела я. — И все это знают. И Монрей, и Хоторны.

— А дочь Орела считала иначе и ушла, сбежала со свадьбы с другим, чтобы попытаться все сделать самой.

Фантазия у меня всегда работала хорошо.

Закрыв на мгновение глаза, я вдруг увидела перед собой ее. Девушку из рода Монрей. Темноволосая, с фиалковыми глазами и алыми губами. Одетая в белоснежное свадебное платье, она бежала прочь из дома. Туда, где в тени высокого дерева ее ждал темноглазый Хоторн.

Вспомнился дядя и его слова, которые он когда-то сказал мне:

«Все вы, бабы, одинаковые. Стоит только почувствовать свободу и дорваться до мужика, так голова отключается. Вы забываете о долге, семье. Да, все больше убеждаюсь, что правила не зря придумали. Нельзя вам, бабам, разрешать силой пользоваться. Не достойны вы этого».

Только теперь это виделось в совсем ином свете.

Финне Монрей сравнивал меня с ней, с той беглянкой, которая стояла у истоков темных.

Мы с ней обе забыли о долге, семье и обязанностях. Обе полюбили чужака и сбежали, не в силах бороться со своими чувствами.

Да, права старушка.

Вот откуда пошли эти правила, запрещающие женщинам магичить. Из-за дочери Орела Монрея.

Тряхнув головой, я взглянула на знахарку и произнесла тихо:

— У нее не вышло. Стало только хуже.

— Смотря с какой стороны посмотреть, — покачала головой старушка. — Они с Хоторном нашли единомышленников, с которыми и начали заниматься экспериментами, создавать лабиринт. После смерти дело их продолжили сыновья, потом внуки. Лишь пятое поколение смогло приручить создания Тьмы. Тогда уже все забыли, с чего все начиналось, и светлой крови почти не осталось в жилах Хоторнов. А та, что была, растворилась, стоило впустить в свое сердце чудовище из Бездны, сведя все их усилия на нет.

— Зачем вы мне это рассказываете? — сглотнув, спросила я.

Почему-то сомнений в том, что это правда, у меня больше не возникло. И пусть рассказ старушки сильно отличался от привычного, но я чувствовала, что она не лжет.

— Тебе же интересно узнать правду. От этого сейчас зависит очень много.

— И что же?

— Твой муж — единственный Хоторн, в котором течет светлая кровь.

— Это должно что-то значить? — насторожилась я.

— Тебе судить, — пожала плечами знахарка, а потом вдруг спросила: — Кулон открыть не получилось?

Я взглянула на медальон, который все это время лежал рядом на кровати.

— Нет.

Опять непонятный, слишком резкий переход. От всего этого кружилась голова и дрожали руки. Мне нужны были время и тишина, чтобы лечь и все хорошенько обдумать, чтобы поверить и принять правду.

— Занятная вещица. Хорошо, что она к тебе попала.

— Почему?

Я взяла в руки медальон, который сразу нагрелся, став теплым.

— Потому что ты одна из немногих, кто сможет открыть его тайну и понять, — произнесла старушка.

— Понять что?

— Что перемены нужны. И вы оба станете важной их частью.

Кулон будто потяжелел в руке, начав слегка пульсировать. Словно в моей руке лежал не камень, а сердце.

— И как его открыть?

— Ты и сама знаешь, — произнесла она, тяжело поднимаясь. — Посидела, и хватит. Пора домой возвращаться. А ты тут надолго не задерживайся. Не для тебя наш поселок. Не навлекай беду на нас.

— Подождите! — вскрикнула я, приподнимаясь и вставая на колени. — И что мне делать?

— Ты же собиралась лететь на север? Так лети. Лети, пока есть возможность. Он все равно тебя найдет.

Женщина вышла, стуча палкой по дощатому полу. А я еще долго не могла прийти в себя.

«Разве такое может быть? Чтобы какая-то старушка знала больше, чем сам Император и главы родов».

Я вновь поднесла кулон к глазам, всматриваясь в символы и знаки, украшавшие всю поверхность. Провела по ним подушечкой большого пальца, чувствуя каждую царапинку, каждую выемку. Но к ответу так и не приблизилась.

«Ты сама знаешь...»

Древняя вещица.

Почему Питер подарил мне ее? Жаль, что я не догадалась расспросить его об этом. А теперь уже поздно.

Но, как я ни старалась, открыть медальон не получилось.

Он не желал рассказывать о своих тайнах.

Значит, время еще не пришло.

Глава 27

Айрин

Свадебное платье Дина все-таки купила. За ту цену, которую мы обговаривали. Мне очень хотелось надеяться, что оно принесет счастье хотя бы.

Вечером я прошептала над ним древние слова. Ничего серьезного — оберег на удачу. Мне действительно хотелось, чтобы платье послужило Дине.

На следующее утро я вышла из дома в теплых штанах, не продуваемом тулупе из шкуры какого-то животного и странном головном уборе, который здесь называли ушанкой. Кроме того, в подарок я получила смешные варежки и высокие сапоги с пушистой каемкой. Жаль только, они были на два или три размера больше, но спасали толстые шерстяные носки.

Провожать меня никто не вышел, хотя я ярко чувствовала взгляды, которыми на меня смотрели жители деревеньки, спрятавшись в своих домах.

Единственное, о чем я жалела, это о том, что знахарка тоже не пришла. У меня были вопросы, на которые я так хотела получить ответы.

Была мысль отправиться на ее поиски, но я быстро отказалась от этой затеи. Не стоит еще больше нервировать жителей. Они и так считают минуты до моего ухода.

Отойдя от забора метров на десять, я замерла, вдыхая морозный воздух, который опустился еще на пару градусов ниже.

Все-таки хорошо, что я остановилась именно здесь.

Не знаю, боги или те самые неведомые духи привели меня сюда два дня назад, но здесь мне удалось найти покой и ответы на вопросы, о которых я даже не подозревала.

— Спасибо, — прошептала я на прощание и призвала Эфри.

Она тут же отозвалась, появившись передо мной в серебряной дымке.

Эти два дня прошли для нее с пользой. Моя крылатая лошадка отдохнула, набралась сил и готова была отправиться в путь.

— Привет, милая, — произнесла я, глядя ее по морде. — И я скучала.

Эфри тихо заржала и мотнула головой, призывая сесть верхом.

Действительно пора.

Окинув деревеньку последним взглядом, я приказала пегасу взлетать.

Через пару минут поселок исчез, уступив место бескрайнему лесу. Мой путь был на север.

Больше я не гнала своего пегаса, заботясь об общем здоровье. Мы делали частые остановки, ночевали в небольших тавернах у дороги.

Признаюсь, было страшно. В первую ночь я долго не могла уснуть, вздрагивая от каждого шороха и скрипа. Только стоило провалиться в сон, как я тут же просыпалась, лихорадочно осматриваясь. И все никак не могла избавиться от мысли, что в любой момент хозяин или другие постояльцы попытаются напасть. Не помогали даже защитные заклинания.

Конечно, это плохо отразилось на здоровье. Уставшая и невыспавшаяся, я пару раз едва не свалилась с Эфри.

Вторую ночь я провела спокойнее, но тоже часто просыпалась.

Потом стало легче. Страх притупился, уступив желанию спать.

Однажды кто-то пытался вломиться в комнату, но тут же отскочил, получив укол защиты. Но даже тогда я не почувствовала страха. Встав, укрепила заклинания, повесив еще одно на окно, и отправилась спать дальше.

Другая серьезная проблема заключалась в том, что денег, которые мне выдал отец Дины за платье, надолго не хватило.

Пришлось заложить серьги в ближайшем крупном городке.

Через неделю я добралась до городка Мысовска, который располагался на склоне высокой горы. Снег здесь уже давно выпал ровным ковром, покрывая все вокруг. Здесь я и решила остановиться.

Вторым пунктом моего плана было найти работу.

Я не стала никому говорить, что являюсь Монрей. Но ведь никто не мешал представиться магичкой. Кое-какие способности в бытовой магии у меня были.

Спустя два дня удалось найти работу в небольшой гостинице. Зарплата была небольшой, но зато предоставлялась комнатка на продуваемом ветрами чердаке и разрешалось есть на кухне. Я была рада и этому.

В мои обязанности входила помощь старому магу. По факту я делала все за него, потому что старый Эрл с трудом ходил, много пил и почти все время дремал, сидя у камина на скрипучем кресле-качалке.

Но это меня устраивало. Никто не мешал. Да и работы было не так много. Обереги от грызунов, подзарядка магических кристаллов, лечение простейших хворей и так далее.

Так прошло еще две с половиной недели.

Я уже освоилась на новом месте, познакомилась с другими слугами, даже подружилась с молоденькой горничной, которая вздыхала по помощнику конюха и часто бегала по ночам к нему на свидания.

О том, что парень пытался пару раз меня зажать в углу, я говорить ей не стала. Может, и зря, но это меня не касалось. А парня предупредила, что если еще раз распустит руки, то будет до конца своих дней ходить с бородавками на носу.

Я даже поверила в то, что освободилась от дяди, Хоторнов и прошлого. Меня никто не искал. Не знаю, что сказал Коннор дяде, но про меня забыли.

Хотя ночами иногда приходилось туго. Забравшись с головой под тонкое одеяло, я закрывала глаза и вслушивалась в чужое сердце, которое было в сотнях километров от меня.

Коннор.

Привязка никуда не делась, щемящей тоской напоминая о себе.

Иногда он приходил ко мне во сне. Стоял и укоризненно смотрел. Но даже во сне я не могла сказать ему правду мучаясь от лжи, в которой тонула.

Но наступало утро, и тоска проходила... до следующей ночи.

Скучала ли я по тому времени, когда была богата? Нет, не скучала.

Мне нравилось работать и самой зарабатывать за свой труд. Нравилось распоряжаться свободным временем и гулять по заснеженным улицам городка.

И то, что сторожевая башня была в пяти десятках километров от меня, устраивало еще больше.

Один раз я чуть не наткнулась на светлого, который зачем-то приехал в город. Но, слава богам, он меня не увидел, и я успела улизнуть в переулок и переждать.

А потом все рухнуло.

— Рин! Рин, где ты?

Хозяйка гостиницы, тучная дама неопределенного возраста, буквально влетела на кухню, где я обедала. Довольно высокая скорость

для ее массы и объемов.

— Вот ты где! Быстрее за мной! — скомандовала она, нетерпеливо заламывая руки.

— Но я ем, — пробормотала я, застывая с ложкой супа в руке, которую не успела донести до рта.

— Потом, потом. Тебя ждут. Быстрее!

— Кто?

Даже тогда я ничего не почувствовала.

А ведь прислушивалась, привычно открываясь.

Но Коннор был далеко. Так далеко, что не получилось уловить даже малейшее присутствие.

Уже тут стоило насторожиться, но я расслабилась, уверилась в своей безопасности, ведь в запасе был еще месяц.

— Гость. Сказал, что ему нужно обновить защиту. Денег предложил в три раза больше обычного. — У хозяйки даже подбородок задрожал от жадности, когда она представила всю сумму в своих руках. — Так что вставай и беги к нему, потом доешь. Сейчас же, номер триста пятнадцать.

— Хорошо, — покорно кивнула я, обменявшись взглядами с горничной, которая сидела напротив. — Уже иду.

Поднявшись по лестнице, я поправила чепчик, который с трудом держался на моих волосах, разгладила фартук и только потом постучала в нужную дверь.

— Это магичка.

Тишина. Только дверь вдруг сама открылась, словно приглашая меня войти.

Сквозняк? Или маг? Если маг, то зачем ему я?

— Эй! Есть кто-нибудь? — осторожно входя в комнату, произнесла я. — Вы магичку вызвали, обновить за...

Закончить я не успела, увидев темный силуэт у окна.

Ему даже не надо было поворачиваться, я всегда узнаю его из тысячи тысяч.

— Два месяца еще не закончились, — произнесла тихо, попятившись к выходу.

Он опять закрылся, а я не поняла!

«Дурочка! Расслабилась!»

Коннор медленно повернулся. И я вздрогнула от его взгляда, который так и не смогла понять. Но кое-что было ясно: ничего хорошего от него ждать не следовало.

— Обстоятельства изменились, — сухо произнес Хоторн.

Что-то случилось.

Не так я представляла нашу встречу, тем более что мы расстались довольно хорошо. Если для нас вообще применимо слово «хорошо».

Что же изменилось за этот месяц?

— Но ты...

— Я — Коннор Хоторн, а ты кто? — вдруг произнес он, убрав руки за спину.

Ноги на ширине плеч, прямая осанка, широкие плечи и хищный взгляд.

— Рин Эйс. Пришлось взять себе новое имя, — пробормотала я.

— Как и Лирин Монрей? — вдруг спросил мужчина, заставив меня вздрогнуть.

— Не понимаю...

— Я тут немного попутешествовал по землям твоей семьи. Встретился с нужными людьми. И оказалось, что Лирин Монрей никогда не существовала, хотя все старались убедить меня в обратном. Очень старались. Первое официальное упоминание, которое можно было подтвердить, появилось полгода назад, сразу после происшествия в Заморске. А до этого лишь слова... не очень убедительные, если честно.

Мне нечего было ответить на это.

Только стоять и смотреть на него, отсчитывая последние секунды спокойного мира, который уже трещал по швам.

— И твоей семьи я так и не нашел. Ни отца, ни матери. Хотя я помню, что в Заморске ты была с матерью. Ни сестер, ни братьев. Никого.

Да, не продумал дядя такой вариант.

— А знаешь, что еще интересное удалось узнать?

Коннор замолчал, давая мне возможность задать встречный вопрос, но я им не воспользовалась.

Боюсь, что я сейчас ничего не могла сказать.

— Оказывается, у Питера была всего одна невеста. Некая Айрин Монрей. Но помолвку расторгли пять лет назад, когда ее, Айрин,

спешно выдали за меня! Другой невесты у Питера больше не было... Пока полгода назад не появилась Лирин Монрей. Интересно... а ты говорила другое.

Снова тишина и взгляд, от которого внутри все холодело.

Теперь я знала, что видела в черном омуте глаз — свою гибель.

— Ну так что? Не хочешь рассказать мне правду? Кто ты такая?

— Ты же сам все понял, — с трудом прошептала я.

— Плевать, что я понял! — крикнул он, заставив меня сжаться. — Я хочу услышать это от тебя, Рин! От тебя! Скажи же правду! Кто ты такая на самом деле?

Увиливать и лгать больше не имело никакого смысла.

Все кончено.

— Айрин. Айрин Монрей Хоторн. Я твоя жена.

Смогла... сказала...

И груз, который тяжело давил на душу, спал, позволяя вдохнуть полной грудью.

А вместе с ним пропали и силы. Разом ушли, оставив меня одну, уставшую, шатающуюся, но свободную.

Окинув быстрым взглядом комнату, я заметила кривой стул, который стоял у камина, и направилась к нему.

Не торопясь и не оглядываясь.

Удара в спину я не боялась. Коннор был на такое не способен. Да и мучило меня сейчас другое.

«Он не простит. Никогда не просит меня...»

Сев на самый краешек, я положила руки на колени и, изучая старый потертый ковер под ногами, продолжила:

— Дядя все продумал. С самого начала.

Коннор молчал.

А у меня не было сил, чтобы поднять голову и встретиться с ним глазами.

Я знала, что увижу там. Боль, презрение, ненависть. Но одно дело — знать, а другое — видеть.

«Нет не могу пока...»

Мне легче было так... смотреть на ковер и изливать душу, не боясь споткнуться.

Может, хоть это откровение поможет и станет легче. Может, Коннор сможет меня понять...

— Мой возраст сыграл на руку главе. Пять лет на то, чтобы подготовить и научить всему. Финне Монрей сам лично занимался моим обучением, хотя советники были против. Толстая, неуклюжая девчонка... разве из меня могла получиться воительница, способная выстоять против наследника Хоторнов?

Я замерла на мгновение, пытаюсь вздохнуть поглубже. Но огромный ком у горла мешал это сделать.

«Нет, нельзя плакать! Слезы не помогут! Я должна все ему рассказать!»

Тьма. Она медленно расползлась по комнате, подбираясь к моим ногам. словно черная дымка, ползла, ластилась и чуть отступала, чтобы через мгновение вновь дотронуться, на этот раз смелее.

«Он молчит... Почему он молчит? Почему не кричит? Не проклинает и не угрожает? Не задает вопросы, не издевается? Почему только смотрит?!»

И я под этим тяжелым взглядом все сильнее съеживалась на кривом стуле, который слегка шатался под моим весом.

— Дядя хотел, чтобы я убила тебя, — с трудом произнесла я, сцепив руки в замок. — Именно поэтому и разрешил тренироваться. Единственной девушке из рода Монрей.

Тьма становилась все гуще. Она уже не таясь лизала носки моих ботинок, готовясь забраться еще дальше.

— Глава растил во мне ненависть к тебе и Хоторнам, каждый день рассказывал, какие вы монстры, как жестоки. И что именно вы виноваты в участвовавших нападениях. А я верила... Совсем ребенок, я верила всему, что мне говорили.

Ради тренировок и возможности использовать и развивать силу я готова была принять все что угодно. И дядя это знал. Знал и использовал.

— Конечно, обучение было тайным. О нем знал лишь определенный круг избранных лиц. Но даже если ты спросишь, правду никто не скажет. Четыре с половиной года я тренировалась, а потом... А потом Заморск. Глава отправил меня на отдых с мамой, чтобы избежать встречи с Императором и тобой, — продолжила я, все так же не поднимая глаз от ковра. — Кто же знал про прорыв... Мне было

запрещено приближаться к трещинам и, как их ликвидировать, не рассказывали. Всему приходилось учиться самой. Именно поэтому получалось так криво и неумело.

Прядь волос выбралась из-под чепчика и упала на лицо. Я неловко ее смахнула, чтобы не мешала, и продолжила изливать душу в полной тишине.

— Не стоило тебе лгать. И притворяться другой не стоило. Но ты тогда на тренировке застал нас с Питером врасплох. И потом в гроте... Скажешь, что я не должна была лгать? Возможно. Но и правду сказать не могла. Дядя бы никогда не простил и отомстил.

Слова давались плохо.

Мне так много хотелось ему сказать, объяснить, но не получалось.

Все звучало как-то фальшиво, наигранно, пусто и совсем не отражало тех чувств, которые я испытывала.

— Я хотела отказаться от всего этого. Мечтала изменить свою жизнь. Но Финне Монрей умеет уговаривать. Он не оставил мне выбора, — произнесла я и тут же поправилась: — Хотя к степнякам я сама хотела поехать. Мне нужно было поговорить с тобой, спросить, почему ты спас меня. Но я приехала, а ты там со Снежей.

Я принялась расправлять складки на юбке, пытаюсь хоть чем-то занять руки.

— Знаешь, как это трудно — стоять и молча наблюдать, как твой собственный муж собирается взять в официальные любовницы другую. Как он обнимает ее, шепчет нежности... — призналась ему и тут же тряхнула головой, прогоняя тоску из голоса. — Но это не имеет значения. А дальше... дальше я спасла тебя. Сама!

В комнате становилось все темнее. Будто ночь накрыла город, укутав все вокруг сонным дурманом.

— И, возвращаясь домой, я была полностью уверена, что откажусь от этого задания и мы больше никогда не встретимся. Но глава все переиграл, — я хрипло рассмеялась.

Голос в гнетущей тишине был похож на карканье вороны. Такой же резкий и противный.

— Клянусь, я не знала о его планах. Для меня это тоже стало сюрпризом. Приехать домой и узнать, что мертва и давно похоронена. А ты решил жениться на Лирин Монрей.

— Почему ты мне не сказала?

Я вздрогнула всем телом от звука его голоса.

Уже не думала, что услышу снова.

«Он заговорил со мной! Заговорил! Неужели это шанс?!»

Я рискнула поднять глаза.

Темная фигура, которую так сложно рассмотреть в клубах черного дыма и темноте, поглотившей комнату.

— Я не могла... ты бы обязательно выдал дядю, — прошептала я.
— Этого нельзя допускать.

— Тебя только это беспокоит? Что станет с Финисом Монреем? — вдруг резко спросил Коннор, делая шаг ко мне.

И Тьма расступилась перед ним, пропуская вперед.

Бледное лицо, горящие от ненависти черные глаза с всполохами красного пламени у зрачка, острые черты лица и тени, которые некрасиво залегли в уголках рта и носогубных складках.

— Если твоя семья и Император узнают правду, его сместят, отправят в тюрьму или даже казнят. Его и ближайшее окружение.

— Жалеешь его?

Я проглотила и его тон, и взгляд, окативший меня презрением.

— Нет.

— Он заслужил наказание за свои козни и ложь.

— Да, — не стала отрицать я. — Заслужил. И я бы сама с радостью отправила его в тюрьму, но не могу. Это уничтожит наш мир.

— А мне кажется, что станет только лучше, когда Финиса Монрея казнят прилюдно на площади, как врага.

Пламя в глубине черных глаз разгоралось все сильнее.

— И светлые падут под репрессиями, чистками и междоусобной грызней. Пытаясь занять пустующий трон, они забудут о защите мира, — с жаром произнесла я, вставая. — Я не могла этого допустить! Хочешь наказать меня — накажи. Хочешь убить

— убей. Но спаси наш мир. Дядя не стоит того, чтобы он рухнул из-за его интриг.

Хоторн снова молчал. Но тьма постепенно рассеивалась. Еще немного, и комнату вновь залило яркое солнце.

— Значит, я могу делать с тобой все, что захочу? — неожиданно тихо спросил он.

Я неуверенно кивнула, продолжая стоять перед ним.

— Раздевайся...

— Что?

«Он не мог это сказать! Никак не мог!»

— Раздевайся, — повторил Хоторн и начал стаскивать с себя камзол.

— Зачем?

Глупый вопрос. И так понятно зачем. Но я должна была спросить... потому что это не могло быть правдой. Коннор не такой, он не может так поступить со мной... с нами.

— Ты моя жена, Айрин Монрей Хоторн, — с ядовитой улыбкой произнес мужчина, отшвыривая камзол в угол комнаты. — И пора отдать супружеский долг. Я пять лет ждал его. Так что раздевайся, дорогая жена, и в постель!

Мне только и оставалось, что кивнуть.

Он мой муж. Он имеет право.

Глава 28

На негнущихся ногах я подошла к кровати и принялась раздеваться.

Сначала чепчик. Я несколько секунд нерешительно мяла его в руках, пытаюсь придумать, куда бы положить. Ничего не придумав, бросила на пол.

Затем настала очередь передника. Пальцы дрожали, поэтому узелок сзади запутался и отказывался развязываться.

Бледнея, краснея и волнуясь еще больше, я старалась его распутать и делала лишь хуже.

Коннор поступил умнее. Подошел, схватил за тесемки и с треском разорвал узелок.

— Вот и все! — произнес муж, отступая. — Дальше.

Передник я кинула на пол к фартуку.

Немного потоптавшись, сняла неудобные ботинки. После села на кровать, мгновенно утонув в мягком матрасе, и, наклонившись, принялась снимать теплые чулки. Осторожно, не спеша, под пристальным взглядом мужа, который изучал меня, не таясь и не прячась.

Прошла минута, и чулки упали на фартук, а я встала, думая, что снять следующим.

— Распусти волосы, — вдруг прохрипел Коннор.

Я не посмела перечить и, подняв руки, принялась вытаскивать шпильку за шпилькой. Минута — и вот волосы тяжелой волной упали на плечи.

«А что дальше? Юбку? Блузку?»

— Что же ты остановилась? — насмешливо спросил Коннор, уже не скрывая злорадства.

Я на него не смотрела, радуясь, что волосы закрыли лицо и мои вспыхнувшие от обиды щеки.

Первой на пол упала блузка, за ней скользнула по ногам юбка.

На мне осталась лишь пожелтевшая сорочка из плотной ткани. Все, дальше пути нет... под сорочкой только я.

— А дальше?

Я все-таки взглянула на него.

С вызовом, собрав остатки смелости и непокорности.

— А дальше сам.

Коннор, который до этого сидел в кресле, вскочил, моментально оказавшись рядом. Я сжалась, ожидая прикосновения, но его не последовало.

Мужчина хмыкнул, а потом стянул с себя рубашку через голову, давая мне возможность рассмотреть сильное, гибкое тело с белыми уродливыми шрамами на гладкой коже.

А вот этот шрам у сердца — моих рук дело.

— Почему ты спасла меня? — вдруг спросил он, касаясь пальцами моего подбородка.

— Потому что люблю.

По его лицу пробежала судорога, словно мои слова причиняли ему боль.

— Ты предала меня.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. И ты свой сделала, — жестко оборвал Коннор, убирая руку. — Боишься?

— Нет.

— Ты хоть представляешь, что я с тобой сейчас буду делать?

— Примерно.

— Я ведь могу причинить тебе боль, — продолжал мужчина, намотав на руку мои волосы и слегка потянув в сторону.

Но я вытерпела и это. Все что угодно, лишь бы исправить свою ошибку, лишь бы вымолить прощение.

— Делай, что посчитаешь нужным. Ты мой муж, — глядя ему в глаза, ответила я.

— Неужели. А может, ты этого хочешь?

В его руках неожиданно появился нож, который Коннор вручил мне.

Не знаю, зачем я его взяла. Скорее всего, от неожиданности.

Сверкающая сталь, тяжелая ручка.

— Зачем ты?..

Муж развел руки в стороны, пронзая тьмой во взгляде.

— Тебя же для этого вырастили. Вот твое предназначение! Так убей! Смелее, Айрин! Ты же Монрей! Светлая! Так сделай это! Я не стану сопротивляться!

Между нами всего пол метра, и край кинжала, который я выставила перед собой, уже вот-вот коснется его груди.

— Ударь, — тихо повторил Коннор, и в его взгляде я разглядела собственное отражение.

Испуганная, лохматая, непонимающая.

— Или, может, тебе помочь?

Еще одно движение в мою сторону, и кончик кинжала впивается ему в грудь. Всего на миллиметр, но этого хватает, чтобы капли алой крови выступили из ранки и медленно начали стекать вниз.

Это привело в чувство.

— Нет...

Кинжал выскользнул, падая на пол к нашим ногам.

— Нет. — Я замотала головой. — НЕТ! Никогда!

А Хоторн вдруг отступил с уродливой улыбкой на губах.

— И это должно все изменить? Твоя жертвенность, фальшивое покаяние и уверение в преданности? Не получается, Айрин. Но ты не переживай, я тебя не трону. Не смогу. Мне противно даже видеть тебя, а касаться... просто невыносимо.

Я пошатнулась, как от удара. Ни на секунду не усомнившись в его словах.

Коннор меня ненавидел. И этого уже не изменить.

— Увижу тебя или твоего дорогого дядюшку рядом с собой — выдам обоих! И плевать на этот мир! Это понятно? — Он поднял рубашку с пола и быстро надел.

Я молчала, просто смотрела на него и не узнавала.

— Считай это благодарностью за спасение.

— Коннор... — прошептала я, протянув к нему руку.

— Не смей! — вдруг рыкнул он, оцетинившись. — Никогда не смей называть меня по имени! И приближаться! Тебя больше нет в моей жизни. Нет и не будет. Можешь прятаться дальше!

Собрав свои вещи, Хоторн ушел, хлопнув дверью.

«Боги, что же я наделала...»

Теперь я знала, что чувствует человек, когда теряет смысл жизни.

Ничего он не чувствует. Совсем. Внутри лишь пустота. Она такая огромная, что кажется, еще немного — и поглотит, сожрет, ничего не оставив. Не было ни счастья, ни горя, ни боли — ничего.

Окружающий мир, который только утром играл яркими и пестрыми красками, стал безликим, черно-белым и пустым.

Всю жизнь, сколько я себя помнила, у меня была цель.

Сначала научиться управлять силой, стать на одном уровне с мальчишками, доказать, что я достойна того, чтобы ради меня нарушались правила.

Потом учиться, оправдать доверие дяди и всех остальных. Вырасти, встретиться с наследником Хоторнов и убить его во славу нашего мира.

Боги, какой же дурочкой я была!

Последние полгода я сосредоточилась на том, чтобы изменить свою жизнь, вырваться из западни.

Но самое главное, я делала все для того, чтобы Коннор ничего не узнал. Я обязательно рассказала бы ему правду, но потом, выбрав нужное время.

А теперь...

Я лишилась всего.

— Рин? Рин! Боги, что он с тобой сделал?!

Женский голос звучал глухо, словно издалека. Надо было хорошенько прислушаться, чтобы разобрать, но я не хотела. Ничего не хотела!

Меня схватили за плечи, потрясли, пытаюсь заглянуть в глаза.

— Рин! Ответь же! — настойчиво кричала женщина.

Снова потрясли. На этот раз помогло.

Мне удалось вырваться из оцепенения и осмотреться.

Все та же комната, только без Коннора. Моя одежда кучкой на полу. А я... я в одной рубашке сидела на кровати, свесив босые ноги.

— Подожди, сейчас!

Нина, горничная в гостинице, бросилась к креслу, сорвала с него плед и набросила мне на плечи.

— Все будет хорошо, — с вымученной улыбкой прошептала она, проведя пальцами по моим влажным щекам. — Я сейчас позову кого-нибудь.

Мне каким-то чудом удалось схватить ее за руку, не давая уйти.

— Нет.

Голос хриплый, осевший и неприятный. Но это уже не имело значения.

— Рин, так нельзя, — покачала головой Нина. — Он... он напал на тебя и должен за это ответить.

— Не нападал.

Она мне не верила.

Это и понятно.

— Понимаю, тебе очень больно, стыдно и неприятно. О таком не принято говорить. Но подумай о других несчастных, которые могут угодить ему в лапы.

Я не сразу поняла смысл ее слов. Они показались бессмысленным набором, который не разобрать.

И лишь спустя какое-то время начала понимать.

Моя одежда на полу, я, сидящая в кровати в одной сорочке, и слезы на лице. Все это складывалось в не очень приятную картину, которую Нина прочитала по-своему.

— Не виновен, — упрямо повторила я, сильнее кутаясь в плед.

— Еще как виновен! Этот урод на тебе напал, обесчестил.

— Он мой муж...

Признание далось легко. Все равно скрывать дальше правду было бессмысленно и глупо. Я и так потеряла все.

Нина молчала некоторое время, а потом задала следующий вопрос:

— Ты от него сбежала, да? А он нашел и...

Девушка красноречиво замечала, давая мне возможность самой додумать, что следует за этим «и». Но и тут она не угадала.

— Я сбежала не от него, а от семьи. Моей семьи.

— Но твой муж тебя ударил, — продолжала допытываться Нина, отказываясь полностью снимать обвинения с Коннора.

— Нет. Он просто... просто меня бросил... вычеркнул из своей жизни.

Слезы вновь горячими ручейками побежали из глаз, застилая все вокруг невидимой дымкой.

— Ой, Рин, ну, не плачь.

Девушка села на кровать и обняла меня, подставляя свое плечо для слез.

— Все образумится. Мужчины — они такие: чуть поскандалят, пошумят и успокоятся. Надо лишь дать им время. Сама знаешь.

— Он не простит. Никогда не простит меня, — пробормотала я, кусая губы, чтобы сдержать рыдания.

«Надо быть сильной! Надо! Несмотря на то, что сердце разрывается на куски, а от боли хочется выть! Надо!»

— Если любит, то обязательно простит.

— Я предала его...

На это заявление у Нины не сразу нашелся ответ.

— Значит, найдем другого. Красивее, умнее.

Боюсь, что она сама не верила в то, что говорила.

Но именно Нина была рядом следующие дни. Это Нина выпросила у хозяйки несколько выходных для меня. Не знаю, что именно она сказала, но пару дней я провела в своей комнате, пытаюсь привыкнуть к новому состоянию.

Но девушка на этом не остановилась.

Она часто меня навещала, заставляла вставать с постели, двигаться, умываться и есть. Нина приносила подносы из кухни и, развлекая смешными рассказами о новых постояльцах, не уходила, пока я не съедала хотя бы половину еды.

— Жизнь не заканчивается на одном мужчине, Рин, обязательно будут другие. Уж я-то знаю.

Я кивала, хотя понимала, что это не мой случай.

Никто и никогда не заменит Коннора!

Я не плакала. Временами хотелось сесть и зарыдать в голос, но не получалось.

Слезы высохли, больше ни капли выдавить из себя не получилось.

Но и сдаваться я не собиралась. Закрыв глаза, снова и снова пыталась достучаться до Коннора, найти его. Он же не мог закрываться от меня вечно. Привязка тем и страшна, что спрятаться от нее невозможно.

Но шли дни, а место у сердца, которое раньше занимал Темный, пустовало, загоняя в еще большую депрессию.

Ему действительно удалось совершить невозможное: Коннор Хоторн вычеркнул меня из своей жизни.

Шли дни.

Мои выходные давно закончились.

Я снова взялась за работу. Жила, ходила, говорила и даже улыбалась. Как кукла, которую заводили утром, давая указания. Но наступала ночь, завод кончался, и я ломалась, падая на кровать и сжимаясь в комочек.

Часы, дни или недели.

Я давно перестала следить за временем, на автомате совершая какие-то действия. Зачем все это? Для чего? Утратив смысл жизни, я утратила себя, погрузившись в бездну самобичевания.

Мне нужен был пинок. Что-то, что помогло бы мне встряхнуться и начать все сначала. Но в гостинице помочь не могли. Они просто не знали, что делать.

Но помощи я все-таки дождалась.

Тем утром я, как обычно, подправляла защитные заклинания, которые не давали стеклам покрыться инеем.

— Рин...

Тихий шепот, заставивший вздрогнуть и опустить руки.

— Это действительно ты?

Повернувшись, я увидела в холле гостиницы Питера. В теплой одежде, которая делала его в два раза больше, высоких сапогах и темном шарфе, который был обмотан вокруг шеи.

— Я.

Мне удалось улыбнуться.

Но Питер лишь нахмурился, пристально всматриваясь в мое лицо. Замечая нездоровую бледность, синяки под глазами и потухший

взгляд. Я сама видела это каждое утро, когда умывалась. От прежней Айрин почти ничего не осталось.

— Я нашел тебя.

— Хорошо. Ты надолго?

— На сколько понадобится, — туманно отозвался он и спросил:
— Что с тобой стало?

Мужчина подошел ко мне, бережно обнял за плечи и посмотрел. Просто посмотрел, но я все равно испытала неловкость.

— Ничего.

— Ты сама на себя не похожа. Словно тень прежней Рин, которую я знал.

— Питер, прости, но у меня действительно много работы.

Я попыталась вырваться из его рук, но он не дал, усиливая хватку.

— В Бездну работу. Ты на ногах с трудом стоишь. Я тебя забираю отсюда!

— Нет.

— Это не обсуждается, Рин!

Мне все-таки удалось вырваться.

— Не забывай, что ты не имеешь надо мной власти, Питер Монрей! — произнесла я.

На нас смотрели. Вот хозяйка застыла на лестнице. Из-за угла выглядывали Нина и вторая девушка горничная.

«Как давно они стоят? И сколько успели услышать? Хотя какая мне разница!»

Я уже слышала легкий шепоток, пронесшийся по холлу:
«Светлый, светлый, светлый!»

Питер обернулся, сразу же взглядом найдя хозяйку гостиницы.

— Вы здесь главная?

— Я. А в чем дело?

— Я старый друг Рин. Хочу с ней поговорить.

— Понимаю, но у нее много дел... — многозначительно произнесла та.

Питер бросил на столик тугой мешок с монетами.

— Этого хватит?

Женщина тут же подскочила, хватая мешочек и пряча его в складках широкой пестрой юбки.

— Она в полном вашем распоряжении. Могу предоставить для разговоров свою гостевую.

— Вы так любезны.

Мне осталось только подчиниться.

— Желаете что-нибудь выпить или поесть, господин Монрей? — любезно спросила хозяйка, продолжая раскланиваться.

— Ничего не надо, благодарю. Можете быть свободны.

Питер быстро снял теплые вещи, положил на софу, а потом повернулся ко мне.

— Я прошу тебя бросить эту работу, — быстро произнес он.

— И уехать с тобой? — усмехнулась я, сидя на стуле.

— Это было бы идеально, но ты же не согласишься? Все еще боишься Финиса Монрея и его мести?

— Не боюсь. Уже нет.

— Но уехать со мной не хочешь?

Питер сел напротив. Упрямый, сосредоточенный и внимательный.

А я ведь скучала по нему. Странно, не думала, что так привяжусь к бывшему жениху, но это так.

— Нет.

— Эта работа не для тебя. Она тебя измотала, измучила, превратив в тень.

— Мне все равно, — отводя взгляд в сторону, сказала я.

Мужчина молчал секунд тридцать, обдумывая мой ответ, а потом спросил:

— В чем дело?

— Все кончено, Питер. Все кончено.

— Что именно?

Он подался вперед и взял меня за руку, пытаясь приободрить и согреть. Его ладони на фоне моих казались обжигающе горячими.

— Коннор все знает.

Снова пауза.

— Ты ему сказала? — осторожно спросил Питер.

— Нет Он сам все понял. Догадался.

— И что теперь?

— Ничего. Хоторн не выдаст главу. По крайней мере, пока. Просил лишь больше не показываться ему на глаза. Никогда.

Питер сразу понял, что я имела в виду. В глубине голубых глаз промелькнула жалость.

«Вот только этого не хватало!»

— Рин...

— Айрин! — прервала его я. — Меня зовут Айрин. Скрываться уже нет смысла.

В голосе промелькнуло раздражение.

Конечно, это не те чувства, которые я хотела воскресить, но уже неплохо хоть что-то испытывать.

— Да. Такого я точно не ожидал. Но раз скрываться смысла больше нет, то тебе надо уезжать отсюда.

— Не хочу.

— Решила загубить себя? Понимаю, тебе сложно, трудно и больно, но это не повод мириться и сдаваться. Я не узнаю тебя, Айрин. Ты же всегда была бойцом. Всегда готова была идти до конца. Что изменилось?

— Я знала, для чего сражаюсь. А сейчас... сейчас ничего не осталось.

— Это неправда. Всегда есть для чего жить. Хотя бы ради себя. Или ради меня. Ты же знаешь, как сильно дорога мне. Послушай, Айрин. — Питер встал и сел рядом, снова взяв за руки. — Прошу тебя, поехали со мной. Я не буду рассказывать тебе о своих чувствах, не буду принуждать тебя к чему-то...

— А сейчас ты что делаешь? Именно принуждаешь поехать с тобой, — возразила я, но не очень рьяно.

Кажется, я готова была позволить ему уговорить себя увезти.

— Но мы же еще не уехали. Вот уедем — и все. Больше никакого давления, — попытался пошутить Питер. — Обещаю.

Я все-таки согласилась.

Может, он и прав.

Пора вылезать из бездны отчаянья, в которую я сама себя загнала. Надо жить дальше. Жить и бороться.

Питер остался ждать меня в холле, а я отправилась наверх — собирать свои немногочисленные вещи. Их было не так много, но расставаться с ними мне не хотелось.

Последним в узелок должен был лечь медальон, который мужчина подарил мне накануне свадьбы с Коннором.

Давно я его не доставала.

Взяв его в руки, снова подержала, пытаюсь найти разгадку символов. Но результат был все тот же.

— М-да, загадка.

Я положила медальон на кровать и повернулась к тумбочке. Надо было собрать магический инвентарь, который достался мне по наследству от господина Эрла, и вернуть хозяйке.

А дальше... всего лишь одно неловкое движение, и одна из магических иглоек проткнула палец.

— Ох! — пробормотала я, наблюдая, как на подушечке пальца выступила алая капля.

Застыв на мгновение, она сорвалась и полетела прямо на медальон.

Кап — и кровь размазалась по поверхности кулона.

Ничего особенного, но мне вдруг показалось, что время будто остановилось.

Затем медальон вдруг завибрировал. Раздался тихий щелчок, и он открылся, готовясь рассказать свою тайну, которую я уже и не надеялась узнать.

Глава 29

Следом за щелчком раздалось странное шипение, природу которого мне разгадать так и не удалось. Никогда не слышала ничего подобного. Совершенно новый звук, который, несмотря на то, что был негромким, начал немного раздражать и давить на уши, вызывая легкий дискомфорт.

Возможно, надо было позвать Питера. Но сейчас я не думала ни о чем, кроме того, что секрет, который оставался тайной столько времени, вдруг раскрылся самым невероятным способом. Даже тоска, которая сдавливала сердце все эти дни, отступила и незаметно отошла на второй план.

Кровь. Почему я сразу не подумала про кровь? Наверное, потому, что это был самый вероятный способ открыть медальон. Кроме того,

он был еще и самым простейшим. Я была уверена, что им давно пользовались, пытаюсь разгадать тайну кулона.

Но тогда почему сработало только у меня? Что в моей крови такого особенного?

Кровная магия в замках — штука своеобразная и весьма однозначная, она не приемлет различных вариантов и возможных отступлений. Обязательно должен быть поставлен какой-то ориентир для магии. Например, ключом может служить лишь кровь собственника. Или только кровь Светлых. Или ближайших родственников. Вариантов много, но ни один из них не объяснял причину, почему сработало у меня.

Этому кулону несколько сотен лет. Сомневаюсь, что его владельцем был мой родственник. Светлые, конечно, следят за своими предками, но не до такой же степени.

Медальон продолжал шипеть, напоминая о своем присутствии. А я все не торопилась взять его в руки, отчетливо понимая, что это вновь изменит мою жизнь.

Странная нерешительность.

Мне казалось, что после всего произошедшего я разучилась чего-то опасаться. Оказалось, что не так.

Вытерев потные ладони о ткань юбки, я медленно наклонилась над кроватью и осторожно взяла кулон. В ту же секунду шипение прекратилось и наступила тишина.

— Хуже ведь все равно не будет, — пробормотала я, открывая крышку, которая легко подалась.

Первое, что я увидела, — это крохотный световой шарик, который завис в воздухе и тут же начал увеличиваться, пока не стал размером с небольшое яблоко.

— Какая интересная магия. Кажется, я что-то об этом читала, — произнесла я сама себе, изучая вращающийся шарик.

Точно! Это же древний способ общения. Он использовался магами еще до первого прорыва! После нападения тварей бездны и создания купола от него вскоре отказались. Слишком много сил и энергии он потреблял, а ее было куда направить.

И он сейчас передо мной.

Удивительно.

— Здравствуй, — вдруг произнес искаженный женский голос.

От неожиданности я едва не уронила медальон.

— Здравствуйте, — ответила я, хотя отлично понимала, что это бесполезно.

Меня все равно никто не услышит. Связь односторонняя, и обладательница голоса давно мертва.

— Как рада знать, что ты существуешь, — продолжила она.

— Неужели?

Я тут же закрыла рот, боясь пропустить что-нибудь важное.

— Мне никто не верит, но я знаю. Пройдут годы, может, десятилетия или даже столетие, — голос заметно сник, но тут же приободрился. — Но это неважно, главное, что ты есть. Есть и спасешь наш мир.

Неожиданно проснулось раздражение.

«Опять спасение мира! Опять я! Да они издеваются! Что сейчас, что столетия назад. Не хочу я спасать его! Не хочу и не могу. Не в моих это силах! Да и не хочет он спасаться».

— Мой отец Орел Монрей был великим магом.

«Отец? Я не ослышалась? — Я чуть наклонилась, жадно всматриваясь в медальон. — Вот это уже интересно! Неужели это она? Та самая отступница, пошедшая против воли семьи и ставшая женой Хоторна?»

— Именно он смог обуздать Светлую магию, приручить ее и открыть грани неведомой силы. Но именно это повлекло за собой появление Тварей Бездны. — Тяжелый вздох. — Где есть свет, всегда будет Тьма. К сожалению, отец понял это слишком поздно. Ему пришлось пожертвовать своей жизнью, чтобы создать купол и защитить нас от ужасных созданий.

Чем больше она говорила, тем сильнее становился шум в ушах.

«Что она сейчас сказала? Что значит «Орел Монрей стал причиной первого прорыва»? Все же знают, что это не так?! Или...»

К шуму в ушах присоединилась тошнота.

С трудом, сглотнув горькую слюну, я пыталась разобраться в словах девушки.

«Вот оно — весомое доказательство того, что нам лгали. Столько лет лжи и притворства, лишь бы не брать на себя ответственность и взвалить ее на других!»

— Но он понимал, что это лишь начало долгой и изнурительной борьбы. Мои братья... они не понимают и не хотят признавать ошибку отца. Для них он герой. Для меня тоже, но... Я хочу все изменить. Именно поэтому я верю в то, что лишь ты сможешь исправить ошибки.

— Почему я? — вырвалось у меня.

И неожиданно я получила на свой вопрос ответ.

— Потому что ты единственный, в ком течет светлая и темная кровь. Не знаю, кто ты: мужчина или женщина, но знаю точно, что ты тот, кто нам нужен. Я наложила печать на медальон. Лишь ты мог его открыть.

«Светлая и Темная кровь! Да, она текла в моих жилах. Но не только у меня! Коннор! Он же такой же!»

— Я оставила подробные инструкции. Их обязательно тебе отдадут. Обратись в обитель Хоторнов, они помогут. Помни, что от тебя теперь зависит все! Обратись, и твоя кровь поможет найти тебе ответы на все вопросы.

Голос затих, и в ту же секунду шарик мигнул в последний раз и погас.

Меня колотило. Так сильно, что зубы стучали друг от друга, а я с трудом могла усидеть на кровати, которая задрожала вместе со мной.

Многое становилось понятным.

Например, тот прорыв у каньона, который я закрыла всего за пару секунд. Лишь коснувшись окровавленной ладони. Без всяких заклинаний и долгих манипуляций... лишь прикосновением.

Я взглянула на свой палец, на котором темнела ранка от иголки.

— Неужели это правда?!

В груди медленно разливалось живительное тепло, которое распространялось по всему телу, возрождая к жизни. Будто лучик света прорвался сквозь темную тучу, освещая все вокруг!

У меня снова появилась цель! Цель, ради которой стоило бороться, сражаться и идти напролом. Ради которой стоило жить дальше.

— Айрин? — В дверь нерешительно постучал Питер и, не дождавшись моего ответа, открыл ее и зашел в комнатку. — Ты в порядке?

Наверное, мужчина боялся, как бы я здесь не попыталась свести счеты с жизнью.

— Откуда у тебя этот медальон? — резко спросила я, подскакивая с кровати и бросаясь к нему.

— Он хранился в моей семье много лет. А в чем дело?

— У тебя в семье? — не поверила я.

Мне казалось, что он должен быть у Хоторнов!

— Да. Семейная реликвия. Говорят, что она такая древняя, что точную дату создания никто не знает.

— Я знаю. Этот медальон принадлежал дочери Орела Монрея.

— У него не было дочерей, — заметил Питер, взглянув на меня еще более подозрительно.

Кажется, он решил, что я тронулась умом.

— Была. Младшая дочь, которая стояла у истоков Хоторнов! Именно они с мужем начали создавать лабиринт! И именно ей принадлежала идея овладеть Темной магией для борьбы с прорывами! — торжественно произнесла я, едва не подпрыгивая от нетерпения.

Но мужчина моих восторгов не разделял. Взгляд Питера стал более обеспокоенным.

— Айрин, лабиринт был создан через сотню лет после первого прорыва и создания купола. Если бы у Орела Монрея была дочь, то она бы точно не смогла создать лабиринт, — мягко и терпеливо объяснил он мне. — Но идея, конечно, очень интересная. Мы обязательно ее рассмотрим, но позже. А теперь тебе стоит пойти со мной.

И потянулся для того, чтобы забрать у меня медальон.

— Я же сказала, что она стояла у истоков, а не создала лабиринт, — отступая на шаг назад, заметила я.

Как же знаком был этот тон и этот взгляд, и ничего хорошего от него ждать не стоило.

— Питер, она существовала! И она разговаривала со мной.

Не поверил. Мало того, еще больше уверился в том, что я сошла с ума. Еще немного, и свяжет руки-ноги и силком утащит в какой-нибудь домик в лесу — поправлять мое пошатнувшееся здоровье.

— Айрин...

— Мне нужно в обитель Хоторнов! И как можно скорее.

— Нет, тебе туда точно не надо. Дай-ка мне медальон, и пошли.

— Питер! Прекрати! — вспыхнула я, убирая руки, а с ними и медальон за спину. — И посмотри на меня! Внимательно посмотри. Я что, похожа на сумасшедшую?!

Судя по его взгляду — очень даже!

— Хорошо! Не веришь — ладно! Я тебе докажу!

Я бросилась к столику и схватила с него крохотный ножик, собираясь вновь проткнуть палец. Его и ножиком назвать было трудно. Больше походил на пилочку для ногтей.

Кажется, зря я это сделала, потому что в следующее мгновение Питер магически скрутил меня силовыми путами и уложил в кровать. После чего забрал и ножик, и медальон.

— Так лучше. Не обижайся, но сейчас тебе нужен покой!

— Мне нужно, чтобы ты меня отпустил! — запыхтела я, пытаюсь вырваться из пут и отчаянно сопротивляясь.

Знала, что это бесполезно, но и лежать просто так не могла.

— Питер, я не шучу! Я знаю, как спасти мир!

Результат все тот же.

— Конечно-конечно, как скажешь, Айрин!

— Питер! — взвыла я не своим голосом и снова дернулась.

Видимо, от моих манипуляций ранка на пальце открылась сама. Я не заметила, зато почувствовала и услышала.

Вновь шипение и странный, немного горький запах гари.

— Что происходит? — нахмурился Питер, пристально смотря на меня.

А посмотреть было на что! Его путы медленно разъедала моя кровь, обращая их в пыль. Еще немного, и я смогла освободиться.

— Теперь-то ты меня выслушаешь? — поднявшись с кровати, спросила я, даже не пытаюсь скрыть торжествующую улыбку.

И мы принялись слушать.

Голос давно погас, крутящийся солнечный шарик исчез, а медальон закрылся. Но Питер продолжал молчать, задумчиво глядя перед собой.

— Ну? Что скажешь? — не вытерпела я.

— Ты думаешь, это правда? — наконец произнес он, подняв на меня голубые глаза. — Что это действительно дочь Орела Монрея и это он, наш герой, виноват в появлении тварей Бездны?

Звучало не очень хорошо.

Я как-то забыла про это, полностью сосредоточившись на всеобщем спасении. А вот Питер наоборот.

«Нельзя допустить, чтобы он отказался от этой идеи!»

— А ты сомневаешься? — сразу же перешла в наступление я и принялась мерить шагами крохотную комнатку. — Какие могут быть сомнения? Ну, сам подумай! Это же ваш медальон, ваша семейная реликвия, которая хранилась сотни лет, добраться до нее кто-то чужой и подменить не мог.

— Но это не означает, что эта незнакомка врет. Может, она специально хочет дискредитировать Орела в наших глазах? А вдруг она пособница Хоторнов?

— Питер, очнись! Ты говоришь как дядя.

— Но ведь это может быть правдой. Не спорю, какая-то особа создала это послание много лет назад. Но где доказательства, что все сказанное ею правда?

— Я знаю это! Я уверена! — с жаром воскликнула я.

— Одной уверенности мало.

— Боги, ты первым должен был поверить и помочь мне! Если с тобой так сложно, то как мне уговорить остальных?

Питер проигнорировал мой вопрос.

— Значит, он открывается кровью, — произнес он, изучая медальон, который до сих пор лежал в его руке. — Странно, я пробовал в детстве, но не получилось.

Пришлось сдержаться, чтобы не застонать от бессилия.

«Я же все ему объяснила! Даже показала! А он все равно не верит. Мало того, пытается запутать меня!»

— Потому что твоя кровь не подходила. Она светлая. А у меня смешанная, — терпеливо объяснила я. — С тех пор как Коннор Хоторн спас меня после прорыва в Заморске, во мне течет и темная кровь тоже. Ты же видел, что случилось с твоими путами. Они растворились. Разве этого мало для доказательства?

— Предположим. — Питер вернул мне медальон и произнес: — Надо же. Я знал, что в нем есть какая-то загадка или тайна, но не думал, что такая.

«Так, ладно! Хочет перевести разговор? Ладно! Так и быть. Пусть осмыслит все сказанное, и вернемся».

-Ты так и не сказал, почему решил подарить его мне, — напомнила ему.

— Ничего серьезного и глобального.

— Но все-таки.

Мужчина внезапно отвернулся, пряча руки в карманах брюк. Он сразу как-то весь сгорбился, словно на плечи давило что-то тяжелое и непосильное.

— Я подарил тебе самое ценное, что у меня было. Думал... — Питер покачал головой. — Уже неважно, что я думал. Главное, что у тебя получилось.

«Вот и перевела тему...»

Я тяжело вздохнула, внезапно осознав, что именно им руководило. Любовь ко мне. Любовь, на которую я не смогу ответить взаимностью.

— Значит, ты уверена, что у Орела была дочь, — произнес Питер, разрушая неприятную тишину, возникшую между нами.

Он снова повернулся ко мне и даже попытался улыбнуться.

— Да, — подтвердила я.

— Хорошо, допустим. Но с чего ты взяла, что она вышла замуж за Хоторна и стояла у истоков создания лабиринта Темных и появления первых Темных?

— Не просто вышла, она с ним сбежала накануне собственной свадьбы, пойдя против воли старших братьев.

— А это-то ты откуда знаешь? — удивился он. — Медальон что, дал тебе какое-то отдельное, личное сообщение от нее?

— Одна старушка рассказала, — беспечно отмахнулась я.

— Какая старушка?

— Знахарка из лесной деревушки. А ей рассказали духи леса, — с готовностью пояснила в ответ.

Питер вдруг раскашлялся, словно воздухом подавился.

— Кто?

Я смутилась. Звучало действительно глупо, и я ни за что бы не поверила, если бы сама не слышала. Но старушка угадала все и даже больше. Поэтому причин ей не доверять у меня не было.

— Питер, знаю, ты мне не веришь.

— Я пытаюсь.

— И большое спасибо тебе за это, — произнесла я, подходя к нему и сжимая его руки в своих. — Для меня так важна твоя поддержка. Ты мой единственный друг. Все, что осталось от прошлого мира.

Он ответил мне таким долгим взглядом, что сердце гулко и тревожно забилося в груди, напоминая о том, что не стоит играть с чувствами других.

— Хорошо, что ты смогла открыть медальон, — вдруг произнес Питер, первым нарушив молчание.

— Конечно, хорошо. Это же ответ на все наши молитвы! — произнесла я, отстраняясь и направляясь к кровати. Надо было вещи собирать. — Столько долгих лет мы искали спасение от монстров бездны и наконец нашли.

— Это, конечно, хорошо. Но я не об этом сейчас, — произнес мужчина, встав у меня за спиной. Не близко, но достаточно, чтобы я начала нервничать. — Ты вновь стала сама собой, Айрин. Глаза горят решительным огнем, искренняя улыбка то и дело появляется на губах. Нет той апатии и тоски, которая была еще утром. Ты снова готова жить и бороться.

— Готова.

— Значит, к Хоторнам?

— Да. Она сказала, что все подсказки у них. Они помогут.

— Осталось только добиться того, чтобы нас к ним допустили. Салах Хоторн очень упрям и просто так не уступит, — заметил мужчина, чуть отступая и давая мне подойти к полке, чтобы взять брошюрку в тонком переплете, которую я купила в самом начале своей работы здесь.

— Особенно мне, — вставила я, завязав узелок с вещами. — Знаю. Он не может простить позора на свадьбе. Я унизила не только Хоторна, но и всю его семью. А если узнает, кто я такая на самом деле...

— Ты же сказала, что Хоторн тебя не выдаст.

— Возможно, мне придется сделать это самой.

— Не уверен, что это хорошая идея, — заметил Питер.

— Посмотрим по обстоятельствам.

Прежде чем покинуть городок и гостиницу, которая на этот месяц стала мне домом, я со всеми попрощалась, уделив особое внимание Нине.

— Ты не просто магичка с сильным даром, — произнесла она, с улыбкой изучая меня.

— Правда? — горько усмехнулась я.

— За простой девчонкой Темный и Светлый бегать не станут, — произнесла Нина.

— Все сложно.

— А когда было легко? Поверь мне, у всех всегда все сложно, Рин. Он сумел излечить твое сердце?

Она кивнула мне за спину. Туда, где у двери стоял и терпеливо ждал меня Питер.

Я все-таки обернулась, встретившись взглядом с голубыми глазами бывшего жениха, который неожиданно стал самым близким другом.

Питер вопросительно приподнял бровь, словно спрашивая, все ли у меня в порядке. Я кивнула, давая понять, что все хорошо, и вновь повернулась к Нине.

— Он просто друг.

— Уверена, что он думает иначе, — отозвалась девушка. — Но я рада, что ты пришла в себя и снова радуешься жизни. Хотя очень жаль, что ты уезжаешь. Мне будет тебя не хватать.

Я порывисто обняла ее, шепнув:

— Мне тоже. Спасибо тебе за все. Большое спасибо. Я никогда не забуду тебя.

— Будь счастлива...

Мы с Питером вышли из гостиницы ближе к вечеру.

— Может, стоило подождать до утра? — поежившись от ледяного ветра, налетевшего из-за угла, спросила у него.

— Мы переночуем в Сторожевой башне, — отозвался Питер, вставая на пути ветра и пытаясь хоть как-то уберечь меня от него.

— Не уверена, что это хорошая идея, — заметила я.

— Зато я уверен. Так будет правильно, да и скрываться тебе больше нет смысла. Кроме того, тебе нужна другая одежда. Эта никуда не годится.

— Хорошо, — сдалась я

И приготовилась призвать Эфри, когда следующий вопрос заставил меня вздрогнуть. Но на этот раз не от ветра.

— Ты знаешь, где он?

Коннор. Он спрашивал о моем муже.

— Нет. Не знаю.

— Мне казалось, что вы должны чувствовать друг друга. Я слышал, что это неотъемлемая часть привязки.

— Ты правильно слышал, но нет. Хоторн и раньше умел скрываться от меня, а сейчас... — Я тяжело сглотнула. — Сейчас он полностью вычеркнул меня из своей жизни.

Глава 30

Коннор Хоторн

Боль.

Она теперь преследовала его повсюду и стала неотъемлемой частью жизни, потеснив собой все остальные эмоции и чувства.

Болело разбитое и кровоточащее сердце. Как бы глупо и банально это ни звучало, но Коннор действительно чувствовал в груди лишь осколки.

Болело все тело. Вот уже две недели мужчина изводил себя изнуряющими тренировками и почти не спал.

Стоило хоть на мгновение отключиться — и перед глазами возникала она.

Айрин.

Его, сожри все Бездна, законная жена!

Айрин была точь-в-точь как в их последнюю встречу. Одета лишь в уродливую сорочку, с густыми распущенными волосами и глазами цвета моря, в которых было столько эмоций. Раскаяние, вина, прощение, тоска, надежда и любовь.

Все, кроме страха.

Айрин готова была пойти на все, лишь бы вымолить прощение.

Коннор даже во сне помнил сладкий аромат ее тела, тепло кожи и шелковистость волос. И эти воспоминания нельзя было убить, как ни старайся.

Он очень хотел ее ненавидеть. Очень хотел.

С того самого момента, как понял, что его все это время нагло обманывали, Коннор старательно взращивал внутри себя ненависть.

И что получилось? Один взгляд — и все исчезло!

Почти все! Кое-что осталось. Желание причинить Айрин боль. Ту самую, от которой страдал сам. И что вышло? Стало только хуже. Ему!

— Пить не пробовал? — спросил Дик, присаживаясь рядом.

— Пробовал. В первый же вечер. В хлам, — отозвался Коннор, продолжая сидеть на полу тренировочного зала и исподлобья изучая очередную сражающуюся пару на ковре.

С ним отказались бороться почти все. Слишком злой, неконтролируемый и не умеющий останавливаться. Мужчина хотел не победить, а получить как можно больше ударов самому, открываясь в неожиданных местах.

— Смотрю, не помогло. Что делать собираешься, Коннор?

— Кто на этот раз тебя послал? Мел или Рейн? — огрызнулся мужчина, стирая кровь с уголка разбитой губы.

— Решил себя угробить? За то, что эта...

— Не смей, — глухо, но требовательно произнес Хоторн, опасно блеснув темным взглядом.

— Иначе что? Ударишь? Так я не боюсь, — с вызовом улыбнулся Дик.

— С каких пор ты стал таким тошнотворно правильным?

— А с каких пор ты стал бегать от проблем?

— Разве я бегаю? — оскалился Коннор. — Это все от меня бегают, скрываются, боятся сразиться. Труссы.

— Если ты ее до сих пор любишь, то почему не простил?

Хоторн тяжело поднялся и медленно, то и дело петляя из стороны в сторону, пошел прочь из зала, даже не взглянув на друга. Дик тут же последовал следом.

— Коннор...

— Не хочешь со мной драться — иди в Бездну! Ты и все остальные. Оставьте меня в покое. Я просто хочу побыть один.

Они не понимали его. Друзья, сестра... Хотели, но не могли.

Хоторн и сам не понимал, что с ним происходит. Но кое-что знал точно. Он простил Айрин. Сразу же простил, но доверять больше не мог. А какая жизнь без доверия?

Вернувшись в свою комнату, мужчина долго принимал душ, открывая воду то на кипятик, то на лед. Но даже это не помогало взбодриться и прийти в себя.

Страшно хотелось спать.

Темный с трудом добрался до постели и уснул еще до того, как голова коснулась подушки.

Ему снова снилась Айрин.

Но на этот раз сон был иным. Она не стояла перед ним униженная, несчастная и потерянная. Наоборот, сейчас девушка была решительной и уверенной, готовой бороться до конца.

Картинка немного сменилась, открывая его взору знакомую деревушку у неприступной крепости из черного камня, с тяжелыми воротами и высокими башнями, которая прилегала к высокой отвесной скале.

Вотчина всех Хоторнов. Его дом.

Коннор тут же проснулся, тяжело дыша и пытаясь отогнать остатки сна.

С трудом поднявшись, он кое-как оделся и бросился в соседнюю комнату.

— Коннор? — вскрикнула Мел, поднимаясь к нему навстречу.

Здесь уже сидели Рейн и Дик.

Скорее всего, обсуждали запущенное состояние друга и пути его спасения.

— Мы возвращаемся в замок Хоторнов.

— Что? — переспросил Рейн. — Сейчас?

— Да. Прямо сейчас. Собирайтесь.

— Что-то случилось? — встревожилась младшая сестра.

— Пока нет. Но скоро случится.

— Ты можешь сказать толком, что происходит?! — резко произнес рыжеволосый Рейн, вставая.

— Я тебе скажу, что происходит. Моя жена только что явилась к воротам замка. И хочет туда войти.

— Чтоб меня твари растерзали, — пробормотал Дик. — Это что-то новенькое.

— На сборы десять минут! — произнес Коннор, прежде чем выйти. — Ждать никого не стану.

Друзья некоторое время молчали, глядя ему вслед.

— И все-таки он ее любит, — подытожил Дик, озвучив всеобщее мнение.

Айрин

— Ты все-таки ненормальная, — сообщил Питер, стоя рядом со мной у огромных железных ворот.

Здесь еще царила осень. Снега не было, но легкая изморозь забелила траву, ветки и пожухлые листья. Часть из них опала на землю, украшая все вокруг бурым ковром, часть все еще висела на сучьях, пестря разноцветными красками.

И на фоне этого яркого великолепия черные стены замка казались угрожающими и опасными. Или всему виной мой собственный страх?

— Ты тоже, — сообщила я, изучая металлические заклепки и толстые пластины, украшающие вход в обитель Хоторнов.

— Это еще почему? — возмутился Питер.

— Ты же рядом со мной, — отозвалась я, бросив на него быстрый взгляд. — Значит, мы оба сумасшедшие.

Рядом...

Питер действительно все это время был рядом. Поддерживал, наставлял, помогал и верил в меня. Наверное, даже сильнее, чем я могла мечтать.

Боги, какой же ценной была эта поддержка. Даже обычное молчаливое присутствие помогало не удариться в панику и поверить в себя и в план, который сложно было назвать здоровым.

По всем принципам и законам я давно уже должна была его полюбить. Этого красивого, сильного, бескорыстного мужчину, который никогда не предавал меня и никогда не делал больно.

Боги знают, я даже иногда хотела этого! Даже, можно сказать, мечтала.

Проснуться однажды без этой ноющей боли в груди, без кровоточащей раны на сердце и в душе, без воспоминаний о темноглазом наследнике Хоторнов...

Но это лишь фантазии. Давно стоило смириться с тем, что привязку не отменить, а эту любовь, которая больше напоминала яд, не выгрызть из сердца, как ни старайся.

Но даже в минуты отчаянья, стиснув зубы от боли и тоски, я понимала, что не могу отказаться от Коннора. Что лучше так, страдая и мучаясь, чем без него.

— Конечно, рядом, — вздохнул Питер, беря меня за руку. — Куда деваться.

С противным лязгом открылся замок, и тяжелая дверь начала медленно открываться.

— Как ты думаешь, еще не поздно сбежать? — нервно хихикнув, спросила я, не делая попыток подойти ближе.

Так мы и стояли на широкой дороге, продуваемой со всех сторон ветрами, в двадцати метрах от массивных ворот.

— Думаю, уже поздно, — прошептал Питер, сильнее сжимая мою руку. — Соберись, сам Салах Хоторн вышел нас приветствовать.

— Мне точно конец, — пробормотала я.

А дверь все открывалась, сопровождая свое размеренное движение легким скрипом. Но я уже могла рассмотреть силуэты трех мужчин, которые стояли в проеме. В центральном я сразу же узнала главу рода Темных.

Салах Хоторн, мой грозный свекор. Хорошо хоть, он об этом не знает.

Дождавшись, когда ворота полностью откроются, они медленно двинулись в нашу сторону.

Старый Хоторн был одет в легкую коричневую куртку и темные штаны, заправленные в высокие сапоги. Голова не покрыта, и в черных с сединой волосах играл ветер. Зато глаза остались все такими же, какими я их помнила. Колючими, неприятными, жесткими...

За одно мгновение я превратилась из уверенной в себе девушки в сопливую толстую девчонку, которой была на нашей первой свадьбе с Коннором.

«Соберись, Айрин, не позволяй ему себя запугать!»

— Питер Монрей, — протянул глава, остановившись в трех метрах от нас, затем посмотрел на меня.

И ничего хорошего этот взгляд не предвещал.

— Лири Монрей, — сказал, будто выплюнул.

Я с трудом сдержалась, чтобы не шарахнуться от Питера, разрывая пожатие, которое темный, несомненно, заметил. Какие выводы он сделал — мне было неизвестно, но они точно были не в нашу пользу.

Не поймешь даже, отчего по позвоночнику пробежала неприятная дрожь. То ли от сильного порыва ветра, то ли от ледяного тона старшего Хоторна. Я ставила на второе.

— Добрый день, — вежливо произнесла я.

— Тебя здесь не ждут и видеть не хотят. При всем моем уважении. Сомневалась я в его уважении, как и в хорошем расположении.

— Нам нужна ваша помощь, — вмешался Питер, решив взять огонь на себя.

— Светлому? — усмехнулся мужчина, скривив губы в усмешке. — От Темного? Не ошибся ли ты, Монрей? Разве я могу помочь вашей великой семье?

Меня старший Хоторн решил игнорировать. И так слишком много времени было уделено столь неблагодарной персоне.

Я на мгновение позволила себе отключиться от происходящего и приоткрыться, пытаюсь найти Коннора.

«Здесь ли он? Знает ли о моем прибытии? И выполнит ли свои угрозы?»

Но, как ни старалась, я ничего почувствовать не смогла.

Все та же неприступная стена между нами, которую пробить не получалось.

— Дело касается нашего будущего. Есть шанс спасти наш мир от созданий Бездны, только уже навсегда.

Но заявление Питера не произвело на Темных никакого впечатления.

— Слова истинного Монрей. Все для спасения мира. Любыми способами, — продолжал глумиться Хоторн, и его сопровождающие громко рассмеялись, поддерживая своего главу.

Такое обращение начало нервировать. Я и так была сама не своя от всей ситуации, а происходящее вообще выводило из равновесия.

— У меня есть сообщение от дочери Орела Монрей! — громко произнесла я, выступая вперед.

Для этого пришлось отпустить руку Питера, которой он еще как-то хотел меня удержать и успокоить.

Смех тут же стих, а я попала под пристальные взгляды присутствующих. Никто уже больше не пытался делать вид, что меня здесь нет.

Судя по тяжелому вздоху, Питер мое откровение и решительность не одобрил. Но отступать было поздно.

— У Орела Монрея не было дочери, — сухо произнес Салах. — Это всем известно.

«Ха! Решил поиграть со мной? Не выйдет».

— Была, — упрямо ответила ему. — Она сбежала с собственной свадьбы, чтобы стать женой Хоторна. И именно она стояла у истоков создания лабиринта и вызова темной силы!

За такие слова дома меня бы изгнали из рода, лишив всего.

Но так как я уже изгнана, то бояться особо нечего.

Стало очень тихо. Мне казалось, даже ветер замер, боясь спровоцировать драку.

— Сомневаюсь, что об этой постыдной истории рода Монрей вам сообщил Финне. Тот скорее умрет, чем позволит кому-то узнать правду, — продолжил глава. — Так откуда вам стала известна эта тщательно скрываемая тайна?

— Я же сказала, у меня есть от нее сообщение.

— Почему я должен верить такой девице, как ты? — резко спросил Салах.

Он явно поставил меня на одну ступеньку с каракатицей.

— Давайте это обсудим внутри, — вмешался Питер. — Здесь не место для подобных обсуждений. Да и холодно. Мы будем благодарны, если вы впустите нас внутрь и угостите горячим чаем.

— Я поклялся, что никогда нога членов рода Монрей не войдет в священную обитель Хоторнов, — заявил глава, высокомерно оглядев нас.

— Что ж, — улыбнулась я, доставая медальон из кармана и демонстрируя его старшему Хоторону. — Тогда вы никогда не узнаете, что именно хотела сказать ваша прародительница.

Он не сразу ответил. Очень сложно было что-то разглядеть и понять по непроницаемому лицу, но я примерно представляла, о чем сейчас думал Салах Хоторн.

С одной стороны, ему страшно хотелось послать меня к тварям Бездны и демонстративно захлопнуть перед носом дверь.

Но с другой — мужчина не зря столько стоял во главе огромного рода. Салах прекрасно понимал, что нельзя дать нам уйти, не расспросив хорошенько и не узнав, что мы скрываем.

— Хорошо, — наконец произнес мужчина и коротко бросил своим людям: — Сопроводить!

Темные тут же встали рядом с нами. И я не уверена, что для охраны, скорее, для конвоя.

— Надеюсь, вы не солгали и вам действительно есть что сказать, — произнес он напоследок.

Не угроза, но близко.

Но на этот счет я была спокойна. Уверена, глава Хоторнов не разочаруется.

Осмотреться нам не дали.

Войдя за ворота, мы тут же свернули направо, и нас ввели в помещение, которое располагалось тут же, в крепостной стене. То есть нас максимально отгородили от их мира, не позволив даже одним глазком заглянуть в него.

В комнатке было темно, но зато тепло. В углу расположился небольшой камин, в котором приветливо горел огонек.

Игнорируя темных, я сразу же направилась к нему, грея озябшие руки. А еще получая небольшую передышку перед финальным сражением. Слишком многое стояло на кону.

— Ну? — нетерпеливо спросил Салах, с грохотом отодвигая стул в сторону и опускаясь на него.

— А чая не будет? — усмехнулся Питер, подходя ко мне.

— Может, вам еще и ванну организовать? — резко ответил один из сопровождающих. Он был лысым, с жесткой рыжей бородой и серьгой в левом ухе.

Весьма колоритный персонаж. Такого один раз увидишь — и надолго не забудешь.

— Это лишнее, — произнесла я, оборачиваясь и доставая из кармана ножик.

Его тут же магией выдернули у меня из рук. А на нас с Питером направили два темных энергетических шара.

«Ну вот, опять то же самое! Вроде маленький ножик, а такую сильную реакцию вызывает».

— Нож не для вас, — спокойно произнесла я, положив руку на плечо Питера.

Теперь пришла моя очередь успокаивать друга, который с трудом сдерживался, чтобы не призвать силу. Тяжело находиться под прицелом сразу двух Темных и ничего не делать.

— Обойдешься, — отрезал Салах, беря в руки ножик.

— Тогда сделайте это сами, — с готовностью произнесла я, подходя ближе и протягивая ему руку.

— Сделать что?

— Нужна моя кровь. Немного крови. Достаточно проколоть палец, — уточнила я.

С него станется располосовать мне запястья от усердия.

Свекор, прищурившись, изучил меня, словно пытаюсь понять, не шучу ли я, потом отшвырнул ножик.

— Сама.

— Спасибо.

На мою благодарность мужчина ничего не ответил, лишь жестом приказал поторопиться. Что я и сделала, достав медальон.

— ...Я оставила подробные инструкции, — речь дочери Орела Монрея подходила к завершению. — Их обязательно тебе отдадут. Обратись в обитель Хоторнов, они помогут. Помни, что от тебя теперь зависит все! Обратись, и твоя кровь поможет найти ответы на все вопросы.

В абсолютной тишине я щелкнула крышкой и выжидающе взглянула на Хоторна. Теперь все зависело от него.

— Вы сами все слышали. Верить или нет — ваше право.

— Значит, в тебе течет темная и светлая кровь.

— Да, — кивнула я.

О том, что такая же кровь течет в его старшем сыне и наследнике, говорить не стала. Пусть это останется моей маленькой тайной. По крайней мере, пока.

— Надо еще проверить, настоящий ли этот медальон, — внезапно произнес один из темных, который стоял ближе всего к нам.

Этот был другим. Невыразительная внешность, мелкие черты лица и небольшие глазки. Он ничем не выделялся среди других.

Не уверена, что узнала бы его, случайно встретив на улице. Весьма ценное качество.

— Пожалуйста.

Я протянула медальон с каплями крови главе Темных.

— Изучайте, смотрите, попытайтесь открыть.

Но он его не взял, вместо этого вдруг встал, поправив куртку, и произнес, не глядя на меня:

— Доставить обоих в главный замок.

Возражать никто не осмелился, хотя его помощники явно хотели поспорить.

А мы с Питером быстро переглянулись.

Победа? Или радоваться еще рано?

Стоило нам выйти на улицу, как нас сразу же запихнули в повозку, окна которой были наглухо закрыты черными шторами.

— Хорошая у них тут конспирация, — заметил Питер, который расположился на противоположной лавке.

— Мы для них враги. С чего вдруг они должны открываться нам?

— Не спорю. Как думаешь, он поверил?

— Не знаю. Но, судя по тому, что нас везут в замок, да.

— Ты молодец, хорошо держишься, — похвалил меня друг.

— Если бы ты знал, чего мне это стоило, — призналась я с тяжелым вздохом.

На минуту в повозке наступила тишина.

— Он здесь?

— Не знаю, — ответила я. — Почувствовать его не удалось. Это может означать, что он здесь или что его здесь нет.

— А если Хоторн решит нас выдать?

— Надеюсь, к тому моменту нам удастся добиться расположения Салаха, иначе нам конец.

Сколько мы ехали — сказать трудно. Скорее всего, минут двадцать или двадцать пять.

Вот повозка замедлила свое движение и остановилась. Дверца почти сразу же открылась.

— На выход, — велел уже знакомый темный.

Питер вылез первый, а я следом.

И снова ничего не разглядеть.

Нас быстро провели в замок через боковую дверь. Мы поднялись по узкой лестнице на третий этаж, там бесконечными коридорами прошли вглубь, пока не остановились у каких-то дверей.

— Ждите здесь, — велел лысый мужчина с серьгой, чуть ли не силком вталкивая нас внутрь.

Обычная гостиная.

Диванчики, стулья, столик и камин.

На этот раз о нашем отдыхе позаботились. В центре стола стоял поднос с бутербродами и чайник с ароматным фруктовым чаем.

Сняв теплое пальто, я первая села на диванчик и взяла один из бутербродов.

Сомневаюсь, что нас хотят отравить, поэтому волноваться смысла не было.

— Зато не умрем с голода, — откусив кусочек, произнесла я.

— Хоть какой-то плюс, — невесело улыбнулся Питер.

Мы снова вынуждены были ждать, сами не зная чего.

Сумрак ночи постепенно окутывал замок. В комнате было тепло, а после перекуса и сильного стресса меня стало тянуть в сон. Обхватив плечи руками, я откинулась на спинку дивана, закрывая глаза.

Кажется, я все-таки задремала, потому что резкий хлопок двери заставил меня вздрогнуть и подскочить.

— На выход.

— Мы не заключенные, — заметил раздраженно Питер, которому уже начала надоедать вся эта ситуация.

— Но и не гости, — заметил Темный.

Нас забирал тот второй, с невыразительной внешностью.

Снова коридоры, лестницы и тишина. Наши шаги гулко звучали в пустых коридорах, отражаясь от каменных стен.

Очередная дверь, которую открыли перед нами, пропуская вперед.

Там нас уже ждал Салах Хоторн.

— Располагайтесь, — велел он, кивнув на небольшой круглый стол, который стоял в центре. А вокруг него двенадцать стульев.

Мы тут же подчинились, выжидательно глядя на него. Не просто так же он нас сюда привез. Должен быть какой-то смысл.

— Никогда не думал, что пророчество Ориэль Монрей Хоторн сбудется, — произнес он.

— Ее так звали? Ориэль? — тут же спросила я, невольно перебив главу Темных.

— Да. Именно так ее звали.

— Так вы знаете, что надо делать? — спросил Питер.

— Нет, — покачал головой мужчина. — От главы к главе много лет переходит наказ нашей прародительницы, который мы клянемся выполнить неукоснительно.

— И что это за наказ? — снова не вытерпела я.

Салах подошел к шкафу у окна и достал оттуда деревянный ларец с округлой крышкой. Его-то он и поставил на стол перед нами.

— Передать тому, в ком будет течь светлая и темная кровь. Когда-то давно мы еще пытались соединить их вместе, но потерпели неудачу.

— Это Коннор. Он спас меня, привязав, и все изменилось, — зачем-то пояснила я, не сводя взгляда с ларца.

Мне страшно хотелось открыть его, но в то же время было страшно. Вдруг это пустышка и никакого плана по спасению нет? И наш мир уже не защитить.

— Не думал, что ошибка моего наследника может иметь такие последствия. Странно, мы раньше пробовали подобный способ, но нужного эффекта не добились.

— Получается, мир ждал именно нас с вашим сыном, — неловко пошутила я, пододвигая ларец к себе.

Скорее всего, замок у него был такой же, как на кулоне. Выходит, пора снова пустить кровь.

Но открыть ларец не успела.

В коридоре раздался какой-то шум, звук шагов и приглушенные голоса. Руки дрогнули, а сердце забилось чаще.

Мне вдруг показалось, что я слышала...

— В чем дело? — недовольно прикрикнул Салах. — Кто там?

Дверь тут же распахнулась, и на пороге застыл взбешенный Коннор Хоторн.

Глава 31

Айрин

Изменился.

И дело не только в колючем, злом взгляде, от которого тело покрывалось ледяной коркой, но и в самом облике моего мужа.

Темная щетина, которую можно было даже назвать короткой бородкой, длинные волосы в беспорядке, потрепанная одежда с некрасивыми бурыми пятнами на воротнике, в которых я сразу же узнала кровь.

Ссадина на скуле, разбитая и опухшая губа, синий кровоподтек под глазом.

«Прорыв? Нет, не похоже. Монстры бездны оставляют другие следы на теле. Может, просто драка? Но что могло заставить наследника Хоторнов начать размахивать кулаками? Да и кто решится на него нападать? Происки дяди?»

В любом случае ему было больно. А я ничего не могла с этим сделать.

Сама не поняла, в какой момент поднялась. Моргнула и вдруг поняла, что уже стою, сжимая кулаки и не сводя глаз с мужа, который, широко шагая, подошел к столу.

В этот момент я думала не о себе, не о том, что еще немного — и настанет конец всему, что подставила Питера...

«Коннор... живой...»

— Что она здесь делает? — рявкнул Хоторн, с силой хлопнув кулаками по столешнице.

Ларчик даже слегка подпрыгнул, оглашая комнату тихим стуком.

— Что здесь делаешь ты? — спокойно спросил Салах. — Насколько я помню, ты уже две недели тренируешься на западном кордоне.

— Это мой дом, и я могу прилететь сюда, когда захочу. А эти светлые...

За его спиной стояла его команда, готовая поддержать и помочь. Если в лицах Дика и Рейна я агрессии не заметила, то с Мел было лучше не связываться. Девушка явно мечтала вцепиться мне в горло и разорвать его.

— Она открыла послание Ориэль, — произнес глава Темных.

Коннор несколько секунд смотрел на отца, продолжая меня игнорировать, а потом медленно выпрямился, коротко бросив:

— Это ложь.

— Во мне течет светлая и темная кровь, — тихо произнесла я.

И сразу же заметила, как мужчина вздрогнул, услышав мой голос. Как сжались кулаки, а на лице заходили желваки.

Ненавидит... презирает... Но я радовалась этому. Все лучше, чем безразличие. Может, для нас еще не все потеряно.

— У тебя есть пять минут, Лирин Монрей, чтобы покинуть замок, — прокрипел он, глядя перед собой. — Потом я выполню свою угрозу.

Мое имя Коннор специально подчеркнул тоном. Лишь один в этой комнате не знал правду. И именно от него сейчас зависело так много.

— Послушай, Хоторн... — попытался вмешаться Питер.

— Тебя это тоже касается, Монрей, — перебил его Коннор. — Время пошло.

— Нет, — тихо, но четко произнесла я.

Он все-таки взглянул на меня, пронзая чернотой взгляда.

— Что?

Голос звучал зловеще.

— Нет, — уже громче повторила я, готовая идти до конца.

Оставалось только одно нерешенное дело.

Я взглянула на Питера и попросила:

— Уходи.

Им рисковать мне не хотелось.

— Нет Я тебя не брошу, — покачал тот головой.

— Надо же, какая идиллия, — рявкнул Коннор, которому наша беседа явно не понравилась. — Может, ты еще и спишь с ней?

Я дернулась, как от удара, но выстояла.

А вот Питер молчать не стал.

— Слушай, ты!

Друг бросился на темного, готовый кулаками защитить мою честь. Между нами был стол. Я уже собиралась отшвырнуть их с помощью магии, но неожиданно вмешался Дик.

Именно светловолосый Темный быстро встал между ними, не давая напасть и отталкивая Питера прочь.

— В стороны! — скомандовал он.

Но Питер все-таки смог дотянуться до Коннора и нанести удар кулаком по его лицу. По всем правилам он должен был увернуться, но

этого не произошло. Хоторн словно специально подставлял себя под удар.

Ранка на губе, которая только затянулась, открылась, и кровь брызнула. Ее было совсем немного, всего несколько капель. Но надо же такому случиться, что одна из них упала прямо на ларец.

Совсем как еще неделю назад капля моей крови упала на кулон, открывая его.

На случайность это уже не было похоже.

Раздался весьма громкий щелчок, который заставил всех присутствующих забыть о распрях и скандалах и обратить все внимание на сундучок.

— Что произошло? — ахнула Мел, подходя ближе, но не делая попыток дотронуться. — Почему он открылся?

— В Конноре тоже течет светлая и темная кровь, — пояснила я. — С тех самых пор, как я спасла его у каньона.

Скрывать это уже не имело смысла.

— Причина должна быть в другом, — вмешался Дик. — Он не первый темный, которого спасает светлая. Три года назад я едва не погиб после бойни с сумеречным кошмаром, но моя кровь не изменилась. Мы пробовали.

— Я несколько не умаляю заслуг той светлой, но вряд ли она отдавала часть себя ради твоего спасения.

— Мне кажется, тут еще замешаны силы иного рода, — произнес Салах. — Вы двое — первые за все столетия войны с монстрами Бездны, кто сочетает в себе светлую и темную стороны, значит, вам двоим и открывать секрет Ориэль. Вместе.

Коннор вздрогнул, но промолчал.

А я не знала, что мне делать. Подчиниться приказу главы Темных или просто стоять в стороне? Зато решил Хоторн.

— Действуй, — глухо произнес муж, отступая.

«Мне противно даже видеть тебя, а касаться... просто невыносимо», — слова, сказанные Коннором при нашей последней встрече, так не вовремя всплыли в памяти, напоминая о его отторжении.

Проглотив ком у горла, я подчинилась.

Пододвинув ларец к себе, осторожно открыла крышку, боясь, что в любой момент может произойти что-то необычное.

Но нет, никаких светящихся шариков или прочих неожиданностей не последовало.

Внутри на самом дне лежал свернутый трубочкой пергамент, перевязанный алой лентой.

— И что это такое? — спросил Рейн, который стоял ближе всего ко мне.

— Не знаю.

— Может, вместо того, чтобы гадать, откроешь его? — не удержалась от колкого замечания Мел.

Что я и сделала. Осторожно развязала ленту и открыла пергамент.

— Это... это карта, — произнесла я, нахмурившись, — карта замка...

— Дай мне, — скомандовал Коннор, протягивая руку, но не делая попыток подойти.

Ему понадобилось всего несколько секунд, чтобы разобраться.

— Это план восточной башни. Очень подробный план.

— И для чего план башни поместили в ларец на сотни лет? — поинтересовался Дик, в голосе которого явно слышалось разочарование. — Что мы там не видели?

Остальные тоже были озадачены таким поворотом.

Все мы ждали чего-то особенного от этого ларца, а получили клочок бумаги, перевязанный ленточкой.

— Видимо, что-то действительно не видели, — поднимая глаза, произнес Коннор. — Здесь нарисован тайный проход. И именно его нам и надо найти, чтобы разгадать загадку Ориэль Монрей Хоторн.

И мы отправились в путешествие по замку всей большой толпой.

Салах и Коннор впереди, далее мы с Питером. Замыкали процессию Дик, Рейн и Мелисса.

— Ты в порядке? — осторожно спросил Питер, бросив на меня внимательный взгляд.

— Да, все хорошо, — также тихо ответила я, все это время гипнотизируя спину Коннора, шедшего впереди.

Он это явно чувствовал, но упрямо шел, даже ни разу не оглянувшись.

— Полтора месяца назад ты ее защищал от моего гнева, — раздался вдруг голос Салаха. — Запрещал искать и наказывать.

Глава Темных обращался к сыну, но слышали мы все.

Я невольно напряглась, размышляя, как же он ответит.

— И что? — раздраженно спросил младший Хоторн.

— Интересно, что стало причиной такой ненависти. Явно не ее побег из-под венца, тут что-то другое. Интересно, что? Измена?

Я задержала дыхание, хватая Питера за руку.

«Не позволю причинить ему вред! Он точно не виноват в моих ошибках!»

Этот жест не ускользнул от внимания Мел, которая зашипела сзади:

— Руки...

— Не злись, — тут же осадил ее Рейн. — Они не под конвоем.

— Очень жаль.

— Нет, — продолжил задумчиво Салах, словно они с Коннором были здесь одни.

Уверена, он делал это специально. Только зачем? Но я в который раз заметила, как они с дядей похожи. Два интригана в поступках, в которых не разобраться до последнего.

— Это не измена. Этот Светлый явно равнодушен, а вот девчонка глаз с тебя не сводит.

Я едва не споткнулась. И лишь поддержка Питера не дала мне упасть.

— Осторожнее, Лирин Монрей, — обернувшись, произнес Салах.

Он улыбался, а взгляд все равно остался колючим и холодным.

— Угу, — только и смогла пробормотать я.

Для того чтобы добраться до восточной башни, нам пришлось выйти из замка, пройти по широкой мостовой, мощенной булыжником. Идти по ней было неудобно, каблуки туфель то и дело попадали в выемки, заставляя замедлить скорость.

— Шевелись, — снова попыталась напасть на меня Мел.

— Стараюсь, — огрызнулась я, устав от всей этой ситуации.

До восточной башни мы шли еще минут пять.

К вечеру стало еще прохладнее, кроме того, начал моросить противный осенний дождик. Я накинула капюшон, старательно смотря под ноги, чтобы не поскользнуться на мокром булыжнике.

— И что теперь? — спросил Дик, стоило нам войти внутрь башни и застыть у узкой лестницы, ведущей наверх. — Надо что-то делать? Есть какая-то подсказка?

Коннор стоял чуть в стороне. Над его плечом тускло горел небольшой магический шарик, освещаая карту, которую он держал в руках, старательно изучая.

— Я смотрю, — буркнул он, даже не поднимая взгляда от пергамента.

— Лирин, — внезапно произнес Салах, заставив меня вздрогнуть.
— Помоги ему.

Я посмотрела на главу Темных, затем на нахмурившегося Коннора, снова на главу и мотнула головой.

— Думаю, ваш сын отлично справится без меня.

— А я думаю, что тебе стоит подойти и помочь.

Судя по его тону, если я снова откажусь, мужчина силком притащит меня к своему сыну и с интересом будет наблюдать, чем все закончится.

Пришлось подчиниться. Оставалась надежда, что если он не выдал меня сразу, то не сделает этого и сейчас.

Я двигалась очень медленно, изучая каменный пол под ногами, боясь, что лишний жест или взгляд спровоцирует Коннора.

— Позволишь? — тихо спросила у него, протягивая руку, в которую почти сразу лег пергамент с картой.

Изучение карты помогло мало. Я видела на пергаменте этот потайной ход. Судя по всему, он был где-то здесь. У лестницы. Но как его найти — непонятно.

— Может, кровь поможет? — предположила я.

— Сам, — отрезал Коннор, достав ножик и полоснув им по ладони.

А потом сразу же прислонился окровавленной ладонью к каменной стене.

Ничего не происходило.

— Может, стоит обмазать все вокруг? — сострил Дик.

— Глупая затея, — отозвался Хоторн. — Не работает кровь. Не она ключ к тайному проходу.

Стоило ему это произнести, как пол подо мной внезапно зашатался.

— Что?.. — только и успела произнести я, пытаясь удержать равновесие, когда он вдруг провалился.

— Рин!

Вместе со мной вниз полетел и Коннор, который неожиданно бросился следом за мгновение до того, как пол встал на место, похоронив нас в подземелье.

Несмотря на испуг и эффект неожиданности, еще в полете я пыталась вызвать на помощь Эфри. Она бы подхватила, не дала упасть, создав за спиной мощные крылья.

Но не вышло. Медальон молчал. Впервые с момента призыва моя помощница не отвечала. И самое странное заключалось в том, что я ее даже не чувствовала.

Потратив драгоценное время на попытку достучаться до своего пегаса, я упустила момент когда еще можно было сделать что-то, чтобы остановить мое падение, но это не понадобилось.

На пол я не упала.

У самого пола меня неожиданно перехватил порыв воздуха и мягко опустил на ноги.

Но от неожиданности я все-таки плюхнулась на попу, охнув от боли.

Не прошло и секунды, как рядом оказался Коннор, с которым воздух поступил так же благосклонно, мягко подхватив и опустив.

— Что? Упала? Ударилась? Где болит? — быстро забросал меня вопросами мужчина, присев рядом, и принялся меня ощупывать с ног до головы. — Дышать тяжело? Голова? Рука? Нога? Что?

Все это произошло так неожиданно, что я даже ответить ничего не смогла, только сидела, открыв рот и пытаюсь рассмотреть лицо в сумраке подвала, в котором мы оказались. Тьма была не густой, и вполне можно было рассмотреть силуэт мужчины.

— Айрин?

В голосе Коннора появились панические нотки.

Никогда их не слышала, поэтому они подействовали отрезвляюще.

— Я в порядке, правда.

Муж продолжал держать меня за плечи, всматриваясь в лицо.

— Уверена?

— Да. Меня что-то опустило вниз. Удара не было.

— Но тогда почему ты на земле?

Коннор поднялся и помог встать мне, взяв за руку.

— От неожиданности. Где мы?

Он не убирал руку, а я боялась лишний раз двинуться.

Кто бы мог подумать, что такое странное и необычное приключение вновь сблизит нас. Только надолго ли?

— Кажется, это и есть то самое тайное место, куда нас и должна была привести карта леди Ориэль.

Коннор продолжал стоять, не делая попыток отойти или оттолкнуть меня.

И темнота, окружающая нас, вдруг сменила свое значение. Она перестала быть угрожающей и пугающей, в одно мгновение став интимной и какой-то нежной, если тьма может быть такой.

Замерев, я вслушивалась в биение чужого пульса, ритм которого вдруг сравнялся с моим, став единым целым, в частоту прерывающегося дыхания. Замирала от нежного прикосновения сильных пальцев, что мягко провели по лицу, обрисовав его абрис, запутались в волосах, нежно, но требовательно касаясь затылка.

— Я думал, что потерял тебя... снова, — вдруг глухо прошептал он.

Это короткое признание подействовало как удар под дых.

Задрожали ноги, и ком у горла достиг таких размеров, что я начала задыхаться.

— Кон...

— Я никогда не прощал предательства. Никогда и никому, — перебил муж, продолжая рисовать пальцами спиральки у меня на затылке. — Я должен тебя ненавидеть за обман, Айрин Монрей Хоторн. За ложь... за предательство. Должен и хочу!

Как бы больно мне сейчас ни было, но я все равно рада была слышать его слова. Рада, что он выговаривается, открывается. Пусть и так жестко.

— Хочу, но не могу, — со стоном закончил Темный.

Его пальцы возвратились к моему лицу.

Я вспомнила, что в темноте он видит намного лучше меня, поэтому просто стояла и ждала того, что последует дальше.

Кончики пальцев невесомо провели по скулам, скользнули по губам, коснулись подбородка.

А я наконец нашла в себе силы, чтобы произнести:

— Я сама себя ненавижу. За то, что все произошло именно так, что ты узнал от чужих, а не от меня... Что я не смогла противостоять

главе, струсила, сбежала.

Но Коннор меня словно не слушал.

— Айрин Монрей Хоторн... моя жена... и не моя.

Он убрал руки и отступил. Медленно, тяжело, с хрустом сжимая кулаки. И сразу стало холодно и одиноко.

Мгновения единения прошли. Мы снова те, кто мы есть. И пропасть между нами не исчезла.

— Мне стоит извиниться, — вдруг произнес Коннор, смотря в сторону.

— За что?

— За свое поведение. Тогда в гостинице...

Я тяжело сглотнула, пытаюсь прогнать воспоминания, которые до сих пор оставались тяжелыми и болезненными.

— Мне хотелось причинить тебе боль. Очень хотелось. Никогда не думал, что буду на это способен.

Мужчина перестал гипнотизировать стену и повернулся ко мне.

— Это было подло.

— У тебя были на это причины, — тихо ответила ему.

Нет, я не собиралась его оправдывать. Но и винить не могла.

Дядя бы на его месте уничтожил меня. И не только дядя. Братья бы тоже жалеть не стали. Так что Коннор поступил еще мягко.

— Это меня не оправдывает. То, что я хотел сделать... как себя повел тогда... что говорил и делал... Это было неправильно, подло. Я прошу прощение за свою несдержанность.

— Мы оба совершили много ошибок.

— Да, — кивнул муж. — И оба за них расплачиваемся.

И все.

Больше нам сказать было друг другу нечего.

Вроде поговорили, извинились, расставили все точки над и, а легче ведь не стало.

— Я не могу дозваться Эфри, — произнесла я, чтобы хоть как-то нарушить эту давящую тишину. — Она не отвечает. Я вообще не чувствую ее с того момента, как оказалась здесь.

— Эфир тоже молчит, — произнес Коннор. — Думаю, что здесь стоят специальные магические заглушки, они их и блокируют, так же как и магию.

— Магию? — переспросила я.

— А ты разве не поняла, что сил у нас больше нет? — насмешливо спросил муж.

Я отвернулась, пряча покрасневшие щеки.

— Теперь понятно, — пробормотала в ответ. — Но разве такие заглушки существуют?

— Когда-то были. Их перестали использовать сразу после начала прорывов. Зачем глушить силу

:

когда везде используются магические кристаллы? Это небезопасно.

— Да, конечно, — я быстро перевела разговор в другое русло. И так выставила себя глупой девчонкой, которая не знает самых простых вещей. — Что это за место?

— Сейчас узнаем.

Коннор шагнул куда-то в темноту.

Мгновение — и небольшое помещение подвала вдруг озарилось ярким светом.

Ослепнув на несколько секунд, я попыталась привыкнуть к новому освещению и только потом осмотрелась.

Земляной пол, утопанный и твердый как камень. Черные стены, выложенные из того же черного камня, что и сама крепость. Они уходили вверх, далеко, так что потолка не рассмотреть.

Три стены совершенно одинаковые, безликие, с легкими хлопьями старой паутины, которая развевалась от легкого сквозняка, напоминая паруса кораблей.

А вот четвертая стена, у которой стоял Коннор, отличалась от остальных.

Там был сооружен алтарь. Но не он привлек мое внимание, а статуя девушки во весь рост, выполненная из белого камня.

— Это она? — подходя ближе, спросила я. — Ориэль Монрей Хоторн?

— Да, — коротко произнес муж, так и не обернувшись.

Словно не было этой короткой ласки и тихих слов всего пару минут назад. Все снова стало слишком сложно для нас двоих.

Я более пристально принялась изучать девушку, которая осмелилась пойти против семьи и всего, что знала.

Мне отчего-то казалось, что мы с ней должны быть похожи. Но я ошиблась. Разные черты лица, форма носа, очертание губ. Даже волосы были другими. Мои — густые, вьющиеся, непослушные, а ее — прямые, гладкие и напоминающие покрывало.

Но она была красивой. И гордой. Вон как задрала подбородок, готовая драться со всем миром и отстаивать свое решение.

Я даже завидовала ей. Ориэль, несмотря ни на что, смогла отстоять свои убеждения, а я спасовала перед трудностями и сбежала от них, трусливо поджав хвост, как побитая собака.

— Она красивая, — заметила я.

— Угу, — отозвался Коннор.

Он, в отличие от меня, любоваться красотой статуи не собирался, полностью сосредоточившись на алтаре.

Когда я подошла еще ближе, муж как раз окроплял своей кровью из свежего пореза поверхность камня.

Не прошло и секунды, как раздался легкий щелчок и внутри алтаря открылось потайное отделение, в котором лежала очередная шкатулка и лист пергамента.

— Новая загадка? — спросила я.

— Сейчас узнаем.

Коннор вручил мне небольшую, но тяжелую шкатулку, а сам открыл пергамент.

— «Вам надлежит доставить шкатулку в одну из пяти башен, возведенных моими братьями. В подвале Сторожевой башни вы найдете потайное помещение. Это и будет ваша конечная цель», — прочитал он.

— Одна из пяти башен? — переспросила я, нахмурившись. — Разве они еще остались? Кажется, все давно разрушены. Прошло же столько лет.

— Не все, — покачал головой Коннор, пристально глядя на меня. — Одна осталась. И ты ее прекрасно знаешь. Она находится в степи.

— Но это же только слухи.

— Да, и они утверждают, что на стенах этой башни есть печать братьев Монрей. Это пока единственная возможность исполнить задуманное. Да и проверить в любом случае стоит.

— Значит, снова в степь? — тихо спросила я, встретившись с ним взглядом.

Степь, жара и Снежа, которую мой муж хотел взять в официальные сожительницы.

— Да. Только сначала нам надо выбраться отсюда.

Коннор свернул пергамент в трубочку и убрал в задний карман штанов, после чего взглянул наверх.

Потолок все еще сложно было рассмотреть.

— Без магических сил и призыва помощников справиться будет сложно, — заметила я, продолжая прижимать к груди шкатулку.

— Она должна была что-то придумать, — бросил он короткий взгляд на статую Ориэль. — Какой-то способ выбраться наверх.

— Может, и придумала, но за столько столетий многое изменилось. И замок наверняка вы не один раз перестраивали, дополняли и меняли. Могли что-нибудь... повредить.

— Сомневаюсь.

Коннор вышел на середину зала и вновь осмотрелся.

Я старалась ему не мешать, но и стоять просто так в сторонке было сложно.

— И что там? — не выдержала я, заметив, как Темный присел на корточки и принялся что-то изучать на земле, осторожно стирая верхний слой пыли и земли.

— Кажется, наш ключ к спасению. Подойди ближе.

Я тут же подчинилась, сократив расстояние между нами до полуметра.

— Еще ближе, — сверкнув черным взглядом, рыкнул он и, не дожидаясь, сам схватил меня за руку, притягивая к себе.

Теперь нас разделял лишь десяток сантиметров.

— Если наша кровь является источником всего, то она нас и вернет, — заявил Коннор, пока я хлопала ресницами.

Лишь пара капель упала на землю, впитавшись в грунт, как земля под нами задрожала.

— Боги, — ахнула я, прижимаясь вместе со шкатулкой к Коннору, который тут же обнял меня за талию, — что это?

— Наш способ подняться.

Земля под нами дрожала все сильнее, а потом вдруг мы начали подниматься.

Нет, не земля — толстая колонна. Именно она медленно, с неприятным скрежетом поднимала нас вверх. Туда, где нас ждали глава Темных, команда Коннора и Питер.

Мы были все ближе к решению загадки и спасению нашего мира.

Глава 32

Только недавно я мерзла от холода, дрожала от ледяного ветра, шагая по щиколотки в снегу, а вот уже ехала по пыльной степи, изнывая от жары.

Сначала мы тряслись в душном возопаре, пока не достигли границ со степняками. Затем пересели в пыльные повозки.

И все это происходило в обстановке строжайшей секретности. Никто не должен был знать, куда и зачем мы едем. Особенно глава рода Монрей.

Хотя Питер и говорил, что это бесполезно.

— У него везде свои глаза и уши, — уверенно произнес светлый, говоря о моем дяде. — Он обязательно узнает о передвижениях наследника рода Хоторнов. Знаешь ты или нет, Хоторн, но за тобой всегда следят.

— Догадываемся, — ответил вместо Коннора Дик.

— Секретность, с которой мы это делаем, еще больше привлечет его внимание. Глава захочет узнать, чем она вызвана. А присутствие Рин еще больше усилит подозрения.

— Айрин, — тут же вставила Мел. — Зови уже ее настоящим именем. Правда нам известна.

Нет, девушка не встала на мою сторону. Наоборот, мое настоящее имя должно было раз за разом напоминать Коннору о предательстве и моей двуличности.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовался Рейн.

Мы сидели в душном купе возопара. Все вместе.

Между мной и Коннором были стол и целая толпа друзей. Но я все равно чувствовала его близость, как и он мою.

— Не знаю. Но будьте готовы, что Финне Монрей устроит нам какой-нибудь сюрприз, — откидываясь на спинку сиденья, ответил

Питер.

— Так это мы умеем. Каждый раз гадаем, что выкинет ваш глава, — рассмеялся Дик, который, как всегда, выглядел беззаботным и веселым.

Мой взгляд зацепился за его шрам на лице.

Его лечила Светлая. Интересно, почему не сработало и этот Темный не получил светлой крови? И что за обстоятельства, на которые намекал глава Хоторнов?

— Он не успеет нас остановить, — уверенно произнес Коннор.

Степь мало поменялась за эти месяцы. Все тот же рыжий песок, жухлые кустарники и палящее солнце.

В повозке кроме меня и Питера расположился Рейн. Дик, Мел и Коннор ехали в другой. Рыжеволосый Темный оказался самым лучшим охранником для нас. Он не язвил, не пытался спорить с нами, как Мел, но и не ерничал и не флиртовал со мной, как Дик.

Эти дни я почти не разговаривала с мужем. И тем более не оставалась с ним наедине. Коннор продолжал избегать меня, а я ничего не могла с этим сделать.

Время.

Нужно было дать ему время. Тем более что шаг навстречу был сделан. Коннор больше не закрывался от меня, позволяя в полной мере оценить всю гамму чувств и эмоций.

Но я так боялась, что у нас с ним практически не осталось этого самого времени. Еще неизвестно, чем закончится наше приключение с посланием Ориэль.

— До башни осталась всего пара часов пути, — произнес Рейн, выглянув в окно. — Она уже видна на горизонте.

Я кивнула и потянулась к фляжке.

Страшно хотелось пить. А еще больше искупаться и смыть с себя эту пыль и грязь.

— Как думаешь, что в этой шкатулке? — вдруг спросил Питер.

Шкатулка осталась у Коннора. Пытался ли он ее открыть без меня, я не знала. Питер до этого никогда не интересовался этой вещью, и я не понимала, почему вдруг спросил, когда мы оказались в конце пути.

— Понятия не имею. Может, еще одна загадка.

— Далеко же она нас отправила за кусочком головоломки, — пробормотал Рейн.

— Еще неизвестно, является ли эта башня той самой, — заметила я.

— Уверен, что так и есть, — ответил Питер. — Но я до сих пор не могу понять, как это может помочь нам победить созданий Бездны?

— Не знаю, — честно призналась ему. — Но Ориэль верила, что сможет.

— Значит, и нам остается верить, — подытожил Рейн.

До башни мы добрались без приключений.

Никаких серьезных вопросов наше появление у стражей не вызвало, но надеяться на то, что дядя забудет про нас, было рано.

Я никак не могла объяснить эту тревогу, которая поселилась в сердце с того самого момента, как мы остановились у башни. словно темная тень нависла над нами.

Причин для тревоги на самом деле было очень много. Здесь была Снежа, влюбленная в моего мужа и готовая стать его любовницей. А ведь я так и не узнала, чем закончились их отношения и закончились ли вообще.

Кроме того, непонятно, что нас ждало после того, как мы разгадаем загадку Ориэль. Вдруг ничего не получится? Или получится, но станет только хуже?

Непонятно и туманно было и наше будущее с Коннором. Что будет, когда его отец узнает правду обо мне? Я очень сомневалась, что простит и поймет.

С этими мыслями я и отправлялась в свою комнату. Мне выделили ту самую, в которой я жила в прошлый свой приезд.

Мы договорились с Коннором, что сразу после обеда отправимся в подвал и будем искать секретный вход. Поэтому было время привести себя в порядок и хорошенько все обдумать.

Приняв душ (с водой в этой раз проблем было меньше), я сидела у окна и методично расчесывала влажные волосы, когда раздался стук в дверь.

Я думала, что это Питер, поэтому даже не оглянулась. А стоило.

— Здравствуй, Айрин.

Резко вскочив, я едва не опрокинула стул, на котором сидела, встречая гостя, которого увидеть здесь никак не ожидала.

Нет, не дядя.

Тиан. Старший сын Финиса Монрея и мой двоюродный брат.

Но если он здесь, то...

Дядя все знает!

— Что ты здесь делаешь? — поднимаясь, сухо спросила я, стараясь при этом выглядеть спокойной и уверенной.

Хотя, признаюсь, это было сложно.

Появление двоюродного брата здесь и сейчас стало настоящим шоком. Теперь осталось только узнать причины. Но я отчего-то была уверена, что, какими бы они ни оказались, мне они точно не понравятся.

— Ты оказалась весьма ловкой... особой, — медленно двигаясь в мою сторону, произнес Тиан.

Уверена, братец хотел сказать совсем другое слово, заменив его на более безобидное.

Значит, легкого разговора ждать не стоит.

— У меня были хорошие учителя.

Я сжала рукой амулет, вызывая щит.

Пусть Тиан видит: мне все равно.

Когда дело касается собственной жизни и здоровья, играть в радушных родственников глупо и опасно.

— Не боишься, что Хоторн узнает правду, Айрин? — застыв в метре от меня, насмешливо спросил двоюродный брат — Что милая и очаровательная простушка Лирин на самом деле его хитрая и изворотливая жена.

— Он уже знает, — ответила я, со злорадством наблюдая, как от досады скривилось его лицо.

«Что, не ожидал такого?!»

— Надо же... выходит, отец вновь оказался прав. Не просто так этот Темный рыскал по нашим землям и задавал вопросы. Выяснил все-таки правду. Что ж, может, это даже к лучшему. И что? Хоторн тебя простил?

— А какое это имеет значение? — тут же нахмурилась я, проигнорировав его вопрос.

— Значит нет, — широко оскалился Тиан, который сразу угадал причины моего враз испортившегося настроения. — Мужчины не прощают предательства. Айрин. Никто не прощает. И мы не простим.

— И ты сюда явился ради этого? Рассказать мне, что помните о предательстве и не простите? — насмешливо спросила я, размышляя о том, стоит ли позвать Коннора.

С одной стороны, под его защитой было бы спокойнее и надежнее, а с другой — надо же узнать, что хочет дядя. Ведь не просто так Финне Монрей прислал сюда своего сына. А я сомневалась, что в присутствии Коннора Тиан будет таким разговорчивым.

Выходит, придется разбираться самой.

«Ну не попытается же он меня убить...»

— Нет. Если бы ты знала... как все эти годы мне хотелось поставить тебя на место... напомнить, кто ты такая, — прошипел брат. — Всего лишь жалкая девчонка, которой не место на одном уровне с великими светлыми магами. Столько раз я был на волосок от того, чтобы содрать с твоего лица ликующую улыбку.

Его красивое лицо исказилось от такой ненависти, что я невольно вздрогнула.

Как же я раньше не замечала этого? Как пропустила его презрение, граничившее с безумием? И главное, за что? Что я такого сделала? Посмела стать другой? Не такой, как все женщины рода Монрей? Мечтала и делала все для того, чтобы мечта сбылась? Так разве за это стоит ненавидеть?

— А сейчас решился?

— Я бы... показал тебе, на что решился, да приказа не было.

— Ах да, ты только по приказу действуешь, — не удержалась я от колкой насмешки.

Знала, что рискую, но братишка сам напросился.

— Глава рода Монрей и твой глава требуют, чтобы ты немедленно вернулась домой, — задрав нос, заявил Тиан.

— У меня нет дома, — напомнила ему. — С того самого дня, когда я отказалась быть пешкой в руках твоего отца. У меня нет ни дома, ни семьи. Ни-че-го! Так что требовать от меня чего-либо вы не имеете никакого права.

— Главе стало известно, что вы нашли с Хоторном некий артефакт, который принадлежал одной особе из прошлого.

— Ориэль Монрей Хоторн. Ее звали так. И скрывать правду больше нет смысла.

— Еще одна перебежчица в стан врага.

— Мы не враги, — упрямо произнесла я. — Мы все боремся против тварей Бездны, а не друг против друга. Когда же вы с дядей поймете?

— А когда же ты поймешь, что они не так хороши, как ты думаешь? — вдруг произнес Тиан. — Такая же глупая и наивная, как и Ориэль. Она тоже верила в то, что может стать другой, что может приблизиться к величию отца. Пошла на поводу у гордыни и встала во главе уничтожения нашего мира.

— Это неправда.

— Правда. Думаешь, почему ее имя навеки стерто из нашей хронологии? Из-за ее побега из-под венца? Ха! Она со своим муженьком встали во главе Темных.

— Ориэль лишь хотела помочь, — слабо возразила я.

Что-то подсказывало, что еще немного — и братец перевернет мою жизнь с ног на голову, выдав новую информацию, до этого никому не известную.

— Ты никогда не задумывалась, почему были уничтожены и разобраны на куски почти все башни, построенные сыновьями нашего великого предка?

— Н-нет.

Переход был странным и непонятным.

Но ведь какая-то логика в нем была, только я ее пока не видела.

— Лишь здесь осталась. Последняя. До нее добраться нам не позволили, — вдруг произнес он. — Степняки строго ее охраняют и берегут, считая своим достоянием.

— Это мы их уничтожили? — ахнула я, внезапно все поняв. — Сами уничтожили башни? Но зачем?

— Затем, чтобы прошлое вновь не повторилось. Хоторны уже однажды пытались уничтожить купол своей темной кровью. И это едва не разрушило наш мир. Столько Светлых погибло, чтобы исправить тот урон, который они нанесли своими экспериментами.

— Ты не...

— Прекрати оправдывать их, Айрин! — вскричал Тиан. — Хоторны! И только Хоторны виноваты в том, что купол ослаб! Что твари бездны смогли пробивать трещины, попадая в наш мир, уничтожая людей, дома, убивая наших сородичей.

Я молчала.

Все это я уже слышала, причем неоднократно. Только почему должна была верить? Где доказательства?

— Если ты допустишь Хоторна с артефактом в подвалы башни, то купол падет.

— Ты лжешь.

— Не веришь, да? Хочешь доказательств? — издевательски хохотнул Тиан. — Хочешь знать, для чего нужен артефакт?

Я снова не проронила ни слова. Знала, что брат сейчас все расскажет.

— Все Сторожевые башни связаны друг с другом. Ты же знаешь это. Отец должен был рассказать. Хотя ты могла пропустить информацию мимо ушей. Тебя же никогда не заботил наш мир. Лишь удовлетворение собственных желаний, и только.

— Я помню, — огрызнулась в ответ.

Слишком неприятно все это выслушивать от человека, которого считала родным и близким.

— Незримая нить светлой силы идет от одной к другой. Именно для этого они и были созданы столетия назад, чтобы помочь выстоять, напитать магией. Хоторны хотят перекрыть светлую магию и напитать каналы темной силой. Гибридом светлой и темной магии. Это ведь из-за тебя наследник Темных стал гибридом.

— Да, — ответила я, но о том, что сама была им, говорить не стала.

— А теперь представь, что будет, когда темная магия отравит башни? Представила? Мы останемся без защиты. Все как один. Тварям бездны даже стараться не надо. Мы сами откроем им путь в наш мир.

В словах Тиана была правда.

И я бы обязательно поверила, если бы сама лично, собственной кровью не запечатала трещины. Легко и играючи, без длительных изматывающих заклинаний. Просто коснувшись.

Разве это не чудо?

Я не сомневалась в том, что и дядя, и Тиан были уверены в своих словах. Но это не значит, что все правда.

Если бы они только видели, на какие чудеса способна смешанная кровь.

Если бы я только могла их переубедить и доказать, как они не правы.

— Если все так серьезно и опасно и от нас зависит жизнь всего мира, то почему глава рода послал сюда лишь тебя? Крайне глупо рассчитывать, что ты сумеешь нас переубедить и остановиться.

Тиан вдруг рассмеялся.

— О нет, отец не столь беспечен. В мои обязанности лишь входит отвлечь тебя, — вдруг самодовольно заявил брат. — Заболтать, пока остальные разбираются с Хоторном и другими. И у меня получилось. Ты такая доверчивая дура, сестренка...

— Что? — ахнула я, бросаясь к окну.

В ту же секунду меня отбросило назад силовое поле.

Но я успела разглядеть сотню сильнейших Светлых магов. Мощь и сила рода Монрей, которая сейчас была направлена против нас.

Мы угодили в ловушку.

Прав был Питер. Дядя все понял и поймал нас в свои сети.

— Ну что? — издевательски протянул Тиан, который уже не пытался скрыть своего злорадства. — Вы оказались не такими умными, как считали.

В этот момент башня вдруг дрогнула.

Словно под землей произошел мощный толчок.

Я каким-то чудом успела схватиться за оконный проем, пытаюсь удержать равновесие.

Тиану же повезло меньше. Он дернулся и почти сразу рухнул на колени, громко выругавшись.

Попадали на пол стакан и графин с водой, разбиваясь на десятки осколков. Не устояла и ваза с крохотными степными цветами. Некрасивая изогнутая трещина пошла по стене, скрывшись за потолком. Множество мелких камешков упало на пол. Следом осела пыль.

— Что произошло? — ахнула я.

Грянул еще один толчок. Но не такой сильный, как первый.

Брат снова выругался.

— Хоторн добрался до подземелья!

— Что?

А в следующее мгновение над нашими головами раздался страшный треск, природу которого знал каждый. Только в этот раз он был намного мощнее и страшнее.

— Купол! Он разрушается! — вскричал Тиан, с трудом поднимаясь. — Хоторн все-таки уничтожил его! Прорыв! Мы погибли!

Глава 33

Я сразу же ему поверила.

Да и как не поверить, когда все доказательства, как говорится, налицо.

Звон становился все громче. И это был не просто единичный прорыв, который сам по себе внушал ужас и трепет. Рушился сам купол. Тот самый, который вот уже не одно столетие защищал нас от монстров Бездны.

И когда это все-таки произойдет, а я не сомневалась, что произойдет, спастись никто не сможет. Стражи просто не справятся с таким количеством тварей. Да и кристаллы не помогут: не удержат и быстро растратят всю энергию.

«Неужели мы действительно уничтожили наш мир?»

Верить в это не хотелось, даже несмотря на то, что разум кричал, что все именно так и есть. Глупое и наивное сердечко продолжало уверять, что еще не поздно все изменить, что это еще не конец.

И пока я размышляла, что делать дальше: спуститься в подвал к Коннору или же броситься на помощь остальным, чтобы отразить атаку созданий Бездны, — Тиан решил действовать.

— Это ты! Все ты! — прошипел он, с трудом удержавшись на ногах, когда башню в третий раз тряхнуло. — До Хоторна мне не добраться. Радует, что этот подохнет быстро. Но тебя... дорогая сестренка, я уничтожу! Ты мне за все ответишь!

Тиан в одно мгновение создал небольшие сверкающие кинжалы, которые бросал в меня. Один за другим, пока они не кончились.

Налетев на щит, кинжалы рассыпались, а вместе с ним разлетелась в прах и моя защита, напоследок ударив десятком острых осколков по рукам и лицу. Кожа тут же покрылась мелкими и болезненными порезами.

Не умели мы защищаться от своих. От тварей легко, но не от светлой магии. И Тиан это знал.

Победно улыбнувшись, мужчина создал очередную партию кинжалов, которые вновь нацелил на меня.

— Прощай, Айрин!

Сильный и смелый, гордый и самовлюбленный, Тиан всегда меня недооценивал. Вот и сейчас решил, что я буду смиренно сидеть и ждать, когда он снова нападет.

Ошибся.

Эфри отозвалась в ту же секунду, готовая поддержать и помочь.

Белоснежные крылья в одно мгновение подняли меня вверх, под самый потолок.

— Ах ты, дрянь! — рявкнул мужчина, призывая свои крылья, темно-серые и большие, неудобные и какие-то неповоротливые. — Сбежать надумала!

О нет, улетать я не собиралась. Защитная решетка на окне никуда не делась, а как разбить ее, я пока не знала.

Но в воздухе, как бы глупо это ни звучало, я чувствовала себя увереннее. Было видно, что Тиан неловко и неумело обращается с крыльями, которые казались слишком громоздкими, в отличие от моих.

Это давало возможность для маневра и удара.

Короткий клинок утяжелил руку, стоило только призвать его.

— Думаешь справиться со мной, дрянь?! — неприятно рассмеялся Тиан, сжимая в руках длинный меч.

Любит мой братец все большое и длинное.

Он напал первым. Но я ловко парировала удар, отбросив его назад, и нанесла свой.

Искры засверкали, стоило двум клинкам столкнуться.

Но как бы я ни храбрилась, как бы ни старалась, Тиан был сильнее и опытнее меня. Лишь изворотливость, воздушные потоки, создаваемые крыльями, еще как-то спасали от проигрыша. Но это не могло происходить бесконечно.

Кроме того, очень отвлекал звон за окном и Коннор... Я чувствовала, что ему плохо. И эта тяжесть на сердце сбивала, заставляя совершать ошибки.

И вот очередной маневр не получился. Задев крылом потолок, я дернулась в сторону, меч Тиана полоснул по крылу, срезая часть

оперения, и рассек плечо.

Кровь тут же хлынула из раны, заставив болезненно ахнуть и отступить.

— Ха! Попалась! Недолго тебе летать!

Правда, радовался мужчина недолго.

Раздался странный треск, запахло гарью.

Прижимая ладонь к ране, я смотрела, как медленно плавился меч.

— Что за ***?! — выругался Тиан, бросая остатки меча на пол и пораженно глядя на руку, словно ждал, что и она сейчас начнет плавиться и исчезать.

— То, что ты и дядя не могут и не хотят понять, — продолжая сжимать ранку, гордо произнесла я. — Что наш мир изменился.

— Как ты это сделала?! Световой меч даже твари уничтожить не могут! Что это за сила?! — вытаращив глаза, проорал братец.

— Та, против которой вы сражаетесь.

Он наконец понял.

— Ты! Ты тоже такая! Ты проклятая!

— Это не проклятье. Это дар. Да, во мне, как и в Конноре, течет светлая и темная кровь, — произнесла я.

Не помогло. Тиан не проникся и своего мнения не изменил. Скорее, наоборот, желание меня прикончить у него стало только сильнее. Но на этот раз голыми руками.

Именно поэтому он и ринулся ко мне, выставив руки вперед, явно пытаясь дотянуться до горла.

Перебросив клинок из больной руки в здоровую, я взмахнула им, рассекая его плечо. Надеюсь, что это хоть немного его отрезвит.

Мужчина взревел, но попыток дотянуться до меня не оставлял.

Увернувшись, я опустилась на пол, выставив клинок впереди себя.

— Остановись!

Несмотря на то, что преимущество было явно на моей стороне, Тиан все равно выигрывал. Понимал, гад, что убивать его я не хочу и поэтому буду подставлять себя, стараясь уберечь родственника.

— Ты не поможешь ему! Я не позволю! — прокричал он, бросаясь на меня сверху.

Еще один взмах клинка. Теперь кровь сочилась из другого плеча.

— Хватит, Тиан! Ты проиграл!

Я снова попыталась взлететь, но крыло, поврежденное в схватке, плохо слушалось, все время заваливаясь набок.

Но беспокоило другое. Если Тиана утихомирить не удастся, то мне... мне придется ранить его сильнее. И, возможно, даже убить.

Вот тут-то моя решимость и таяла.

Но тут пришла помощь откуда не ждали.

Братец снова попытался на меня напасть. Но вместо этого вдруг охнул, закатил глаза и завалился на пол.

— Слабак! — заявила Мел, стоя над ним.

— Ты убила его?!

— Оглушила. За мной! Быстрее!

— Окно заблокировали, — попыталась объяснить я, опускаясь на пол и продолжая изучать неподвижного родственничка.

Крылья тут же исчезли за спиной, но клинок остался.

— Знаю. И долго бы ты с ним в салочки играла?

— Но я...

— Что ты? Пора взрослеть, Айрин Монрей. Он тут за тобой с голыми руками гонялся, а ты от него с мечом бегала. По-твоему, это нормально? — сразу же набросилась на меня девушка.

Я понимала, что она права, но...

— И как ты собралась бороться с миром, если даже с собственными родственниками не можешь?

— Исправлюсь.

Мел недоверчиво хмыкнула.

— Ладно, быстрее, нам пора! Времени и так осталось мало!

Темная торопила. Открыв дверь, девушка выглянула в коридор, а потом потянула меня к лестнице.

— Коннор в подвале? — спросила я, зажимая рану на руке, которая продолжала кровоточить.

— Да, — коротко ответила Темная.

— Но почему он не подождал меня? Мы же должны были...

— А ты что, еще не поняла? — остановившись посреди лестничного пролета, резко спросила Мел.

— Н-нет.

От ее красноречивого взгляда я почувствовала себя самой настоящей дурочкой, которая не понимает очевидных вещей. Кажется, за эту пару минут я упала в ее глазах еще ниже.

— Только ты в комнату ушла, так Коннор сразу же в подвал бросился. Понимал, что ждать нельзя. И ведь зря. Финне Монрей всю свору сюда притащил, чтобы нас уничтожить.

— Но почему?

Мы снова начали путь по лестнице.

— Ты что, не знаешь, как погиб твой прародитель? Орел Монрей?

— Почему же, — обиделась я. — Знаю, конечно. Он отдал свою жизнь, чтобы создать купол. Погиб, спасая нас.

— Ага. Жизнь, силу и кровь. Поэтому только те, в ком течет кровь Орела Монрея, могут заделывать трещину. У вас одна кровь, над которой вы так трясетесь.

Мы оказались на первом этаже.

Столбы валялись, часть колонн обрушилась, пол пошел трещинами, а кое-где и вовсе провалился, образовав ямы. С потолка периодически падали его куски и пыль. Удручающее и жуткое зрелище.

— Коннор поэтому и не позвал тебя. Решил спасти, — процедила Мел. — Для того чтобы уничтожить прежний купол и создать новый, он должен поступить так же.

У меня внутри все похолодело.

— Отдать свою жизнь и кровь...

— Но так уж вышло, что вас двое.

Мел до синяков сжала мои руки.

— Спаси его, Монрей! Спаси! А мы продержимся до нового купола! Должны! Закончите начатое! Измените этот мир!

Я могла лишь кивнуть.

Стоило Мел отпустить меня, как я бросилась в сторону. Туда, где была незаметная лестница, ведущая в подвал.

Вот только лестницы уже не было.

Рухнула, уродливыми обломками скопившись внизу.

Помогли крылья.

Плавнo спустившись вниз, я некоторое время озиралась по сторонам, пытаюсь понять, куда бежать дальше. Оставалось надеяться, что чутье подскажет и Коннор.

Прижав руку к груди, я попыталась сосредоточиться.

Живой! Но ему больно.

Пригибаясь, вздрагивая, когда очередной кусок потолка падал сверху, я бежала вперед, пока не оказалась в небольшом тупиковом помещении. Напротив совершенно гладкая каменная стена.

Но остановило меня не это, а одинокая мужская фигура.

— Явилась, Айрин?

Финне Монрей медленно обернулся.

— Дядя, — произнесла в ответ, вызывая сразу два световых клинка.

Они тут же засияли алым цветом. Это явно из-за крови, которая попала на них из раны на руке.

О нет, иллюзий я не питала и знала, что живой глава рода меня к Коннору не пропустит.

— Айрин, — произнес он, слегка склонив голову в приветствии.

А у самого в руках по мечу.

Но не простых, световых, которые вызывались с помощью силы и верного помощника. Дядя выбрал другие, словно знал, что они сейчас более пригодны для боя.

Я знала эти мечи. Раньше они висели на стене в главной зале в доме дяди. Его особая гордость. Мечи прародителя, с тяжелыми рукоятками и древними письменами на сверкающей стали.

— Дай мне пройти, дядя.

— Что ж, проходи.

Финне чуть сдвинулся в сторону, давая мне возможность приблизиться к стене. Но я не спешила.

Что-то не так. Он не мог так просто отступить. Не мог так просто отказаться от своих планов!

— Что же ты стоишь, Айрин? — насмешливо спросил мужчина.

— Что ты задумал?

— Ничего. Всего лишь хочу, чтобы ты открыла проход к Хоторну. Я вот уже минут пять бьюсь и никак не могу попасть внутрь. Сдается мне, что ты сможешь. Не так ли?

Я молчала.

— Ты хочешь попасть к своему любовнику, Айрин? Хочешь ему помочь, не так ли? — продолжал глумиться Финне Монрей, специально провоцируя, заставляя совершить ошибку.

— Коннор мой муж. Законный! — вспыхнула я, но на месте устояла.

Стены и потолок вновь задрожали, осыпаясь рыжим песком и пылью.

— Он знает?

— Да. И тебе это давно известно. И не надо мне говорить, что ты не в курсе, дядя. Если бы ты захотел, то сделал бы все для того, чтобы Коннор не узнал правду. Но ты не стал. Хотел, чтобы все открылось.

Глава рода лишь усмехнулся, не подтверждая и не опровергая мои слова. Да это и не нужно было. Мы оба знали, что это правда.

— Только я не понимаю: зачем? Для чего этот риск?

— Да, действительно риск был. Но этот идиот в тебя влюбился.

— Не говори так о Конноре.

— Как так? Не называть идиотом? — продолжал улыбаться мужчина. — Так разве это не так? Мужчина узнал, что его любимая все это время лгала и притворялась, водила его за нос, выдавая себя за другую. Нормальный мужик отомстил бы, растоптал тебя и всю нашу семью. Но этот слюнтяй предпочел рыдать и зализывать раны на ринге.

— Не смей так о нем говорить! — вскричала я, делая шаг вперед. — Ты и мизинца его не стоишь! Коннор лучше тебя, сильнее, умнее!

Башня опять задрожала, и нас на головы вновь посыпалась пыль. Она забивалась в волосы, щекотала нос, мешала нормально дышать, жгла глаза.

Интересно, как долго удержится потолок? Когда рухнет, похоронив нас под своими руинами?

— Так открой эту дверь, — вкрадчивым голосом произнес Финне Монрей. — Открой ипусти меня к нему. Там мы и проверим, кто из нас сильнее, умнее и лучше.

Этот тон был так хорошо знаком и болью отозвался внутри.

Еще год назад я бы сразу же бросилась исполнять его приказ и даже не подумала бы сопротивляться. Дядя отлично вышколил нас, вложив в голову, что любой его приказ, любое слово должны немедленно исполняться.

Но это было год назад. В той, другой жизни, которая не имела ничего общего со мной настоящей.

— Нет.

— Что так, Айрин? Боишься?

— Ты же знаешь, что Коннор ранен, что он почти без сил и не сможет тебе ответить.

— Так помоги ему, Айрин. Помоги своему мужу, пока можешь. Иначе еще немного — и он умрет, и наш мир вместе с ним.

Последнюю фразу дядя прорычал, как-то незаметно утратив весь свой добродушный вид и вкрадчивость. Передо мной был старый хищник, матерый зверь, который никогда не отступит и будет сражаться до последнего.

— Мир не падет. Купол будет новым, более мощным и сильным. Он защитит нас от тварей Бездны.

— И ты думаешь, я позволю вам это сделать?

— Уже позволил, — возразила я, сильнее сжимая клинки.

Дядя часто сражался со мной на плацу. И пусть за годы тренировок время наших боев увеличивалось, но я никогда не побеждала. Сейчас будет так же.

Но зато я выиграю нечто важное для Коннора и нас всех.

Время.

Я даже почти смирилась с тем, что мы оба погибнем здесь. Я и Коннор. Погибнем, но не позволим дяде все разрушить.

— Глупо, Айрин, очень глупо, — отозвался Финне Монрей, приподнимая мечи. — Ты же понимаешь, что тебе не выстоять.

— Понимаю. Но задержать тебя все равно смогу, — отозвалась я и первая оросилась в атаку.

Дядя легко отразил ее и отпихнул меня в сторону, явно наслаждаясь всей ситуацией, специально медля. Знал, что еще немного — и я не выдержу, поддамся волнению и совершу ошибку. Надо лишь подтолкнуть.

Наши клинки, соприкоснувшись, закрипели, высекая искры, но устояли. Что мои, что его. Моя смешанная кровь не брала металл. А значит, везение закончилось. И как с Тианом уже не будет. Драться придется до конца.

— Сдержать? Думаешь, это ему поможет? — Дядя склонил голову, с интересом меня изучая.

От пронизательного взгляда по коже прошла неприятная дрожь. И это вместо того, чтобы вновь напасть.

«Чего же он медлит?»

— Ты ведь такая же, не так ли?

Я молчала, тяжело дыша и глядя на него исподлобья.

— Вон как клинки огнем горят. Неспроста ведь. В тебе тоже течет темная кровь.

Я снова ничего не ответила.

— Да, мне следовало догадаться. Тогда в живых тебя оставлять нет никакого смысла, Айрин. Для того чтобы открыть проход, я могу взять кровь с трупа!

На этот раз он первый пошел в атаку.

Удар. Еще один.

Кончик меча царапнул по плечу, рассекая ткань платья, но не кожу.

О нападении больше не было и речи, я могла лишь защищаться.

С трудом парировала и отбивала каждый точный удар, которые следовали один за другим, и отступала. Снова и снова.

— Что тебе стоило выполнить приказ, Айрин? Все эти годы я растил тебя для великой миссии, а ты все уничтожила, сломала, поддавшись соблазну, — говорил он между ударами, пытаясь отвлечь меня.

— Кто же из нас больший глупец? — глухо рассмеялась я, отступая еще на два шага назад.

Уже начали болезненно ныть руки и ломить мышцы. Отвыкла я за месяцы ссылки от сражений. Исчезла прежняя легкость и уверенность.

— Растил меня! Ха! Я позволяла тебе так думать. Позволяла учить меня. А сама втайне читала книги, сама осваивала то, чего ты лишил меня. Я никогда не была послушной игрушкой в твоих руках! Всегда старалась думать и анализировать. Всего несколько встреч с Коннором, прорыв у моря, и я поняла, что никогда не сделаю то, что ты просишь.

— Ну конечно. А сюда к степнякам ты приехала тоже по собственной воле? Так хочешь казаться умной и сильной, Айрин? Не нравится роль дурочки на побегушках?

— По-моему, это тебе нравится роль великого и непогрешимого. Я приехала сюда, потому что хотела. Потому что должна была узнать, что именно сделал Коннор, как он меня спас. Я не умная и не сильная, дядя. Многие мне не известны, но я единственная, кто решился задавать вопросы, — произнесла я, пытаясь восстановить дыхание и хоть как-то унять ноющие мышцы. — Кто решился сам все узнать, а не

просто поверить на слово. Первая девушка из рода Монрей, которая отказалась от роли послушной матери семейства. Даже если бы не было этого брака с Коннором, я все равно нашла бы способ развивать силу.

— Кто бы тебе еще позволил!

— Тебе стоило послушать маму, дядя. И отца, и братьев. Они-то знали, что мой характер сложно было назвать покладистым, — широко улыбнулась я. — Но ты решил, что сможешь меня сломать. А я позволила тебе так думать, терпеливо снося все, лишь бы учиться использованию силы.

— Ничего, недолго тебе осталось, — прошипел Финне Монрей, бросаясь на меня.

Ярость хоть и затуманила его рассудок, но хуже сражаться из-за этого он не стал. Да, ошибки были, но это все равно не помогло бы мне победить.

Пара минут, и у меня на руках и плече красовались новые раны.

— Что не такая смелая? — рассмеялся мужчина, наблюдая, как я попятилась назад. — Куда же делась твоя бравада, Айрин?

— А твоя выдержка? — в тон ему ответила я, размышляя, как бы не дать дяде воспользоваться своей кровью.

Сбежать? Нет, подставлять спину дяде я не собиралась. Значит, пока остается тянуть время. Поджечь себя? Меня передернуло. Не уверена, что смогу.

Мы снова сошлись в драке.

Никаких честных приемов.

Улучив момент, мужчина с силой пнул меня в колено, отчего нога подогнулась и я со слабым криком упала.

Атаки я отбивала, но подняться уж не смогла.

Остались последние секунды, а выхода все не найти.

«Коннор...» — пронеслось в голове.

Я не собиралась его звать на помощь. Может, хотела попрощаться — не знаю.

Но в тот момент когда дядя поднял мечи для очередного удара, который у меня отбить уже не получилось бы, за его спиной вдруг возникла огромная темная тень.

Нет, не Коннор.

Эфир.

Огромная темная тварь бесшумно материализовалась из воздуха, заняв собой четверть комнаты. Огромный, крылатый, с острыми зубами и узкой мордой.

Мужчина заметил удивление в моих глазах, но не поверил.

— Не выйдет! — рыкнул он, решив, что я пытаюсь обмануть его, чтобы избежать расправы.

Но нанести удар уже не смог.

Когтистая лапа мощным ударом в голову отбросила его в сторону. Дядя безвольной куклой отлетел в стене и затих, не подавая признаков жизни. А Эфир уставился на меня.

— Спасибо, — прошептала я, с трудом поднимаясь.

Монстр замер, напряженно следя за мной красными глазами.

— Мне надо к Коннору, — зачем-то произнесла я, бросив в сторону дяди короткий взгляд.

Лужа крови, растекающаяся рядом с ним, оптимизма не внушала.

Несмотря ни на что, мне даже стало его жалко.

Столько лет Финне Монрей был слеп и отказывался верить в будущее. Вместо этого все время плел какие-то интриги, строил планы по убийству врагов.

Ради всеобщего мира или все-таки ради себя?

Под пристальным взглядом Эфира я подошла к стене и провела по ней красными от крови руками. Стена задрожала и начала медленно отъезжать в сторону. Всего на пару десятков сантиметров. А потом вдруг застыла, закрипела, несколько раз дернулась и замерла.

Провисший потолок и часть балки перекрыли путь, и шире раскрыться проход не мог. Значит, мне придется как-то протискиваться.

Если бы стена была узкой, то, может, все прошло бы быстро и легко, но перегородка оказалась длиной более метра.

— Бездна, — выдохнула я, отчаянно пытаюсь протиснуться боком.

Грудь, спину и живот сдавило так, что дышать было больно; руки, мокрые от крови, скользили по камню. И вместо того, чтобы продвигаться, я поняла, что застряла.

Все. Это конец. Ни вперед, ни назад я продвинуться не могла, оказавшись ровно посередине прохода.

— Ну же, ну же, — простонала я, бессильно стуча ладонями по камню, пытаюсь хоть как-то увеличить проем.

Толкала, пинала как могла, почти ничего не видя от слез, застывших глаза.

Столько терпела, столько сражалась, и все ради чего?

Чтобы вот так глупо застрять и погибнуть погребенной под обломками! Это же нечестно.

— Ну пожалуйста, — взмолилась я, ни к кому конкретно не обращаясь.

А может, вспомнила о Богах или древних духах, которые так много знали обо мне, как утверждала знахарка.

— Пожалуйста, помогите, в последний раз...

Но проем оставался все таким же узким, и дышать становилось все труднее. Еще немного, и задохнусь, потеряю сознание, проиграв эту битву с камнем и жизнью, которая вновь и вновь пинала меня.

Шум в ушах становился все оглушительнее, легкие горели огнем, а сознание путалось.

И где-то в этой темноте и грохоте вдруг послышалось собственное имя.

— Айрин? Айрин! Держись!

Сначала мне показалось, что это галлюцинации. Что, едва живая и уставшая, я просто принимаю желаемое за действительное. А на самом деле никого здесь нет. Только я и каменный мешок, ставший моей могилой.

— Айрин! Айрин, не молчи же!

Голос становился все громче, все навязчивее.

И, кажется, меня кто-то коснулся, толкнул в плечо.

— Подожди! Потерпи немного, я сейчас. Сейчас помогу!

Питер!

С трудом приоткрыв глаза, я повернула голову, разглядывая в полумраке перепачканное и взволнованное лицо друга.

— Айрин! Дыши! Я сейчас! — кричал он, подпирая плечом каменную дверь и пытаясь ее хоть немного оттянуть в сторону. — Иди сюда! Давай.

Питер вновь потянулся, пытаясь схватить меня за руку и оттащить к себе.

— Нет, — отозвалась я тихо.

Стена вновь закрипела и неожиданно поддалась. Совсем немного, но давление на грудь спало. А я, воспользовавшись

ситуацией, медленно поползла в противоположную сторону.

— Айрин, ты что творишь?

Обернувшись, я бросила виноватый взгляд на друга.

Питер упирался ногой и руками, в которых горели тусклые светлые огоньки, в стену, которая продолжала медленно отодвигаться в сторону, и пораженно смотрел на меня.

— Сюда иди.

— Прости, — прохрипела я, по сантиметру продвигаясь к Коннору, — но я должна...

— Ничего ты не должна. Купол почти рухнул. Хоторн его уничтожил, а новый еще не образовался. Шансов почти нет.

— Будет. — Я с трудом улыбнулась ему. — Спасибо тебе. За все спасибо.

— Айрин, не дури! Я долго не смогу удерживать стену! Потолок вот-вот обрушится! Айрин!

А вот и выход.

Вцепившись в край проема, я буквально вытащила себя наружу, царапая кожу о шершавый камень.

Только я это сделала, как дверь снова заскрипела и плавно закрылась, отрубая меня от всего мира и от Питера, который пытался еще что-то кричать.

Глава 34

Первое, что я сделала, — это рухнула на колени, опираясь руками о пыльную землю, и раскашлялась, вдыхая воздух полной грудью. И только потом огляделась.

Круглый зал, украшенный фресками и барельефами, которые от времени покрылись грязью и паутиной, потрескались, а кое-где и вовсе выпали. Не знаю, что на них было изображено. Наверное, нечто героическое, какие-нибудь моменты из славного прошлого предков до первого прорыва.

В центре, в окружении пяти белых колонн, небольшой пьедестал из темного камня, из которого вверх в потолок бил луч яркого голубого света. Именно на этом пьедестале и лежал Коннор.

Не знаю, откуда взялись силы.

Только едва дышала, а тут раз — и встала. И даже побежала прямо к нему, забыв об усталости, боли. Обо всем.

— Коннор! Коннор!

Только оказавшись рядом, я смогла разглядеть, как из его ран на руках течет кровь, которая словно впитывалась в этот пьедестал, давая энергию световому столбу.

— Коннор!

Упав рядом с ним на колени, я оказалась в этом свете, который затрепетал, задергался и внезапно загорелся еще ярче!

«Еще бы, получил новую порцию крови, вот и радуется».

С трудом перевернув мужа на спину, я взглянула в его бледное лицо и попыталась нащупать пульс.

— Он еще жив, — раздался голос совсем рядом.

Резко обернувшись, я увидела знакомую старушку с кривой клюкой, на которую она тяжело опиралась.

Честно говоря, ее появление не сильно меня удивило. Я давно подозревала, что эта знахарка из лесной деревушки не так проста, как хочет показаться. И про духов мне не просто так рассказывала. Может, я вообще не случайно оказалась именно там и именно тогда.

— Ты успела, — продолжила старушка.

— Что мне делать?

— Разделить его участь. Если ты, конечно, хочешь его спасти.

— Хочу.

Я снова взглянула на Коннора, провела пальцами по его впалым щекам, коснулась бледных губ.

— Тогда действуй.

Первое, что я сделала, — это разорвала подол юбки и перевязала получившимися лоскутами раны на руках мужчины. Затем кое-как спихнула его с пьедестала подальше от яркого света, в котором оказалась сама.

— Он будет жить? — прошептала я, обернувшись к старушке.

Страшная усталость навалилась на плечи, словно на меня разом водрузили десяток мешков с мукой. Теперь я понимала, что означает отдать не только кровь, но и свою силу. Я чувствовала, как сама жизнь вытекала из меня через капельки крови, которые бежали из открывшихся ран. Все быстрее и быстрее.

— А о себе не волнуешься?

— Нет.

— Вот и он такой же. Все тебя спасти хотел. Ведь сразу понял, что будет, когда шкатулку открыл. А все скрывал, тебя защищал.

— Передайте ему, что я его люблю! И всегда любила! — попросила я, уже не в силах бороться с усталостью

Веки закрылись сами собой, и я легла на влажный от крови пьедестал, готовясь отдать всю себя этому миру.

Но прежде, чем я провалилась в пустоту, успела услышать ворчливое:

— Ох уж эти смертные. Все они любят жизнью рисковать, собой жертвовать. Никакого чувства самосохранения. Сама все расскажешь, глупая.

Темнота была колючей, острой, болезненной и такой холодной. Я барахталась в ней, пытаюсь вырваться и не утонуть, не потерять себя.

Но постепенно холод стал отступать... медленно, будто нехотя. То наваливаясь всей тушей, то схлынув, уступая место неожиданному теплу и свету.

Словно солнышко выглянуло из-за туч, лаская израненное тело и душу теплыми лучами.

— Рин... моя Рин...

Тихий шепот появился ниоткуда вместе с солнцем. Я тянулась к нему, пытаюсь найти, рассмотреть сквозь призму яркого слепящего света.

— Айрин...

Мне хотелось крикнуть: «Я здесь! Здесь!»

Но не могла произнести и звука.

— Открой же глаза. Я не позволю тебе уйти! Слышишь? Не дам!

Я и сама не хотела.

Свет внезапно стал темнеть и медленно гаснуть, вызывая у меня панику.

«Нет! Нет! Не надо!»

Я не хотела назад в темноту!

«Пожалуйста».

Следом исчезла и легкость в теле, которое внезапно стало таким тяжелым, неповоротливым и болезненным. Я чувствовала, как ноет

каждая мышца, как горят раны на коже, как тяжело бьется собственное сердце, перегоняя кровь по сосудам.

«Неужели она, эта кровь, во мне еще осталась?»

— Ну вот и умница, — прошептал совсем рядом такой родной и близкий голос.

Открыв глаза, я сначала решила, что ослепла. Вокруг такая темнота, что ничего не разглядеть. Лишь потом начали проявляться какие-то контуры, тени, силуэт склонившегося надо мной мужчины с теплыми темными глазами.

— Кон-н-нор.

Не шептала — хрипела, с трудом выговаривая буквы.

— Отшлепать бы тебя, — неожиданно произнес он, проведя шершавой ладонью по моим волосам.

Но в голосе мужа не было ни угроз, ни злости, поэтому мне было совсем не страшно. Я потянулась к его ласке, поворачивая голову и подставляя ее для нового касания, которое тут же последовало.

И не только это. Мгновение, и я ощутила прикосновение горячих и сухих губ к своим губам. Поцелуй короткий, но такой необходимый, как поток чистого воздуха.

Протестующий стон сорвался с губ, когда Коннор вдруг отдалился, чтобы обнять меня и прижать к себе так сильно, что кости затрещали.

— Что ж ты делаешь, глупая?

Он не ждал ответа, но я все равно произнесла:

— Тебя спасала.

— И сама едва не погибла.

— Сам виноват. Зачем один пошел?

Темнота над нами слегка шевелилась, смотря красными глазами. И я вдруг поняла, что это не потолок, а Эфир. Это темное создание нависло над нами, укрывая, словно пологом.

— Чтобы ты не погибла, — возвращая меня на камень, отозвался Коннор.

— Пойми же, что куда ты, туда и я, — решительно произнесла и осмотрелась. — Где мы?

— Все еще в подвале.

— А почему Эфир над нами?

— Потолок почти полностью рухнул. Он защищает нас.

Я кивнула, смотря в умные красные глаза. Монстр бездны, который внезапно стал другом. Каких только чудес не бывает.

— Ты знаешь, он спас меня.

— Спас?

— Да. От дяди. Я уже думала, что мне конец, а Эфир появился и спас.

— Финне Монрей. Он здесь? — рыкнул Коннор.

— Да. Был.

Говорить о дяде было больно и тяжело, поэтому я быстро перевела разговор.

— Как ты думаешь, у нас получилось?

— Думаю, что да.

Коннор осторожно приподнял меня и прижал к себе, кладя голову себе на грудь. Тело еще плохо слушалось, поэтому я с благодарностью улыбнулась, прильнув к нему сильнее.

— Не могу поверить, что все кончилось, — прошептала я, проведя ладонью по его груди, вслушиваясь в сердце, которое билось только для меня.

— Все только началось, — целуя меня в макушку, сообщил Коннор. — Для нас.

Ладонь нащупала камень на его груди.

Я осторожно коснулась, раз, другой, словно боялась, что это повлечет какую-то реакцию. Но ничего не происходило. Просто камень, только форма у него какая-то странная.

— Это твой магический амулет? Как и у светлых?

Неизвестно сколько еще мы здесь просидим под землей. Я решила воспользоваться моментом и задавать вопросы, которые до сих пор были без ответов.

— Магический, только немного не такой. Это сердце Эфира.

Я тут же одернула руку, словно шпарившись, и недоверчиво переспросила:

— Сердце Эфира?

— Да. Это та самая тайна, которую темные так тщательно скрывали. Обряд в лабиринте, который дают нам силу и власть... Это попытка добыть сердце своего монстра и не умереть при этом.

— Но это же опасно! А если монстр победил бы? Если бы он оказался сильнее?

— Каждое создание подбирают по силе и выносливости. Кроме того, на защите всего стоят темные, готовые прийти на помощь.

— Но ведь Эфира ты поймал не в лабиринте, а во время боя у Котлована Духов, — пробормотала я. — Или это обман?

— Нет. Поймал там, а приручил в лабиринте. Отец тогда до последнего отказывался его выпускать на бой со мной.

— Но ты рискнул и смог.

Я теснее прижалась к мужу.

— Просто почувствовал, что так и должно быть. Как и с тобой. С самого первого мгновения.

— Не обманывай, — проворчала я. — Ты на меня на свадьбе даже не смотрел.

— Смотрел, — не согласился Коннор. — И видел перед собой маленькую, но решительную девочку, которая боялась меня, но всеми силами старалась этого не показать. Кто бы мог подумать, что эта малышка вырастет и станет такой умницей и красавицей.

— Ты ведь совсем меня не знаешь, — пробормотала я, продолжая удерживать ладонь у его груди и вслушиваться в сердце. — Если бы не привязка...

— Думаешь она всему причина?

— Не знаю. А что будет, если она исчезнет?

Мне так не кстати вспомнились слова Питера.

Коннор неожиданно тихо рассмеялся, совершенно не рассердившись.

— Ты разве не чувствуешь?— спросил он.

— Не чувствую, что?

— Ее больше нет. Этой привязки.

Я опешила от неожиданности и сразу не поверила.

— Как нет?

— А вот так. Не знаю, как это произошло, но привязки нет. Нас больше ничто насильно не удерживает.

— Но... но...

Я старательно прислушивалась к себе, пытаюсь понять правду ли муж говорит или нет. А ведь действительно тяжесть, которая так давила на грудь, ушла. Но ведь чувства остались. Настоящие, яркие... живые.

— Ты же сказал, что снять привязку невозможно.

— Невозможно, — согласился Коннор. — Но ее нет.

Я вспомнила старушку с клюкой.

«Неужели это ее рук дело?»

— Ну так что? — спросил муж, целуя меня в висок. — Чувства ушли?

Он хоть и старался выглядеть расслабленным и уверенным, но я уловила нотки беспокойства в голосе.

— Нет. Я люблю тебя. И никакая привязка или ее отсутствие этого не изменит.

— А я люблю тебя.

Я сама потянулась к его губам, не в силах удержаться.

Так прошло еще минут десять.

— И мы создали новый купол? — прошептала я, все еще боясь поверить в произошедшее.

— Создали, — баюкая меня в своих руках, кивнул Коннор.

— И теперь прорывов больше не будет?

— Не знаю, но очень хочу верить, что нет.

Я замолкла, закрыв глаза и вслушиваясь в биение его сердца у себя под ухом.

Всю жизнь бы так пролежать.

— Ты так меня испугала.

Коннор наклонился и невесомо поцеловал меня в висок. Раз, второй, третий. Согревая и щекоча горячим дыханием. И я сильнее зажмурилась от удовольствия, поймав себя на мысли, что совершенно не хочу подниматься наверх. Что здесь под защитой Эфира так легко, свободно и хорошо.

— Я больше никогда не позволю тебе так рисковать. Запру в крепости и не буду выпускать из комнаты... а еще лучше из постели.

Мурашки от его дыхания и слов побежали по коже, разнося спасительное тепло, которое скручивалось болезненным узлом в животе. Это чувство было незнакомым, но не неприятным, а даже наоборот.

— Но сначала свадьба, — вдруг заявил Коннор.

— Но мы же женаты, — отозвалась я. — Почти два раза.

— Женаты, — согласился он. — Но против воли. А теперь все будет по-настоящему.

— Это как?

— Мы возобновим наши клятвы. Без принуждения, под своими именами, по своему желанию. Как ты на это смотришь?

— Твой отец не согласится.

— Согласится. Мы же теперь герои. — Коннор теснее прижал меня к себе, баюкая, как ребенка. — И просто обязаны быть вместе.

Радость как-то разом потухла, да и жар ушел.

— Обязаны? — переспросила я, глотая ком у горла. — Ты из-за этого...

— Глупая! — он рассмеялся, быстро целуя меня в нос, губы, щеки, лоб и снова в губы. — Я люблю тебя! Всегда любил, только не понимал этого. И теперь никому тебя не отдам. Слышишь?

— И простил?

Мне очень важно было услышать ответ на этот вопрос.

— Давно уже. И забыл. Одна мысль, что я могу тебя потерять, уничтожила проклятую гордость и остатки сомнений. Я не смогу без тебя жить, Айрин Монрей Хоторн. Ни сейчас, ни потом. Так что ты скажешь? Согласна ли ты снова стать моей женой? Только на этот раз настоящей.

Я тут же ответила, ни на секунду не задумываясь:

— Да! Сто тысяч раз — да!

Коннор вновь поцеловал меня.

На этот сильнее, жарче, не скрывая своих чувств.

И я ответила со всем пылом, на которой была способна.

А над нами уже трещали завалы, которые пытались разобрать маги.

До нашего спасения остались считанные минуты.

А впереди новый мир! Мир, который мы создадим сами!

Эпилог

Наша третья свадьба состоялась через два месяца.

Как Коннор ни старался сократить это время хотя бы раза в два, у него ничего не получилось.

— Это не просто свадьба двух представителей древнейших родов. Вы наши герои! — пафосно заявил первый министр Императора,

принимая нас в своем кабинете с выходом на центральную площадь.

Герои!

Мы?!

Я до сих пор не могла поверить.

Но купол... новый, яркий, сияющий голубым пламенем, так горел над нашими головами, на столетия обеспечивая защиту мира от монстров Бездны.

Вот только не все были рады и довольны переменами.

Сколько проклятий в свой адрес и угроз пришлось выслушать, сколько оскорблений проглотить от тех, чьи родные и близкие погибли в тот небольшой, но такой трагический промежуток времени между двумя куполами.

Всего пятнадцать минут...

Пятнадцать минут, когда армады тварей всех мастей и размеров бесчинствовали по всей Империи. Кристаллы спасали и удерживали. Но сколько было тех, кто не успел спрятаться. Сколько Светлых, Темных и обычных магов погибло, пытаясь спасти других?

И в этом, конечно же, обвиняли нас.

Я не могла их винить за эту ненависть, причины которой прекрасно понимала.

— Герои очень хотят свою награду, — прорычал Коннор, с трудом сдерживаясь, чтобы не наорать на бедного лысого старикашку с пышными седыми бакенбардами. — Неужели мы не заслужили свое долго и счастливо?

— Конечно, заслужили. И мы устроим все первоклассно. Вы только представьте: главный храм в центре столицы...

— Нас вполне устроит тот храм, в котором мы венчались в первый раз, — заявил муж, резко перебив министра.

— Он не вместит столько гостей! — ахнул старичок, всплеснув руками.

— А мы обойдемся без гостей, — тихо, но весьма зловеще отозвался Коннор. — Мне вполне достаточно моей жены и священнослужителя. А тебе, Айрин?

— И мне, — кивнула я, впервые подав голос.

— Вас будет венчать главный епископ страны!

— Мы уже венчаны. Хотим просто обновить клятвы. Можно без свидетелей. Совсем! А вы нам навязываете не пойми что!

Коннор не выдержал и вскочил с кресла, стремительно зашагав по комнате.

Сильный, стремительный, такой красивый, что аж дух захватывало. Никогда не думала, что могу любить его сильнее, а вижу и понимаю, что могу. Каждый раз все больше. И это чувство не вытравить, не уничтожить. Оно лишь будет расти.

— Это приказ Императора! Он тоже будет присутствовать.

Император, свита, придворные, первые лица страны, представители великих семей и народов...

Меня даже затошнило от масштабов этого события.

Разве об этом мы мечтали, находясь под развалинами?

Муж промолчал, хотя, судя по заходившим на лице желвакам, сказать он хотел много, но благоразумно решил оставлять свои мысли при себе.

— Это будет свадьба десятилетия! Нет! Столетия! Платье невесты будет шить королевская портниха. Драгоценности достанут из королевской сокровищницы. Все, что захотите. Император пообещал часть в качестве свадебного подарка.

Я нервно хихикнула. И тут же нарвалась на пылающий взгляд Коннора, которому было совсем не весело.

Не скажешь же этому министру, что муж больше всего мечтает меня увидеть в своей постели с минимальным количеством одежды, а лучше вообще без нее! И как можно быстрее.

Когда нас вытаскивали из-под завалов, то он весьма опрометчиво пообещал мне, что первая брачная ночь у нас будет после свадьбы. И я согласилась.

Мы уже были уверены, что обновим клятву в ближайшие дни. А тут два месяца. Вот нервы мужа и не выдержали.

— Украсим храм цветами и лентами. А какой будет банкет! С пятью сменами блюд. Королевский кондитер испечет трехъярусный торт, украшенный сахарными цветами. Нет! Лучше пятиярусный!

— Что ж не десяти?! — съязвил Коннор, встав у моего кресла.

Я осторожно взяла его за руку, пытаясь хоть немного успокоить.

Есть вещи, с которым нам придется смириться. Хотим мы этого или нет.

— Можно и десять, — тут же обрадовался министр, потирая ладошки. — Но времени на подготовку понадобится больше. Месяца

три.

— Два! — рявкнул Коннор. — А еще лучше один!

— Я же объясняю: это невозможно! Ваша свадьба — дело государственной важности. Тем более что мы не можем устроить ее до проведения суда над бывшим главой рода Монрей.

◇ ◇ ◇

Дядя выжил.

Его вытащил на поверхность Питер, не дав погибнуть под завалами.

Дик, как узнал, сплюнул и сказал, что таким всегда везет.

Команда Коннора тогда лишь чудом выжила. Такой силы был натиск тварей, которые стремились добраться до нас и помешать создать новый купол.

Стоило закрыть глаза, как я вновь видела их перед собой. Измученных, покрытых копотью, пеплом и кровью. Выстоявших и не сломленных. Хотя Мел крепко досталось, она до сих пор лежала в лазарете, восстанавливаясь после многочисленных ран и переломов.

Да, дяде всегда везло. До этого момента. Потому что Император многое мог простить и на многое мог закрыть глаза. Но не на такую явную ложь и предательство. Дяде, а также его приспешникам предстояло ответить за все.

Но Финне Монрей уже сдался. От того сильного, уверенного мужчины, которого мы все знали и так боялись, не осталось и следа. Сутулый, жалкий, полуслепой и искалеченный.

Эфир нанес точный удар, выбив дяде правый глаз и изуродовав половину лица страшными шрамами, которые не извести никакой магией.

Не знаю, понял ли Финне Монрей свои ошибки, осознал ли, как сильно ошибался. Мы с ним так и не поговорили. Коннор просил этого не делать.

— Пойми, этот разговор ни к чему не приведет, а ты лишь расстроишься, — уговаривал меня муж. — Тебе не нужно его прощение и понимание. Мы все сделали правильно. А что думает об этом бывший глава рода, уже никого не интересует. У него будет время высказаться на суде.

И я подчинилась...

◇ ◇ ◇

— Это еще почему? Мы можем обновить наши клятвы в день суда, — произнес Коннор, вырывая меня из не слишком радостных воспоминаний.

Министр лишь беспомощно развел руками.

— Мне жаль...

— Издевательство какое-то! — выдал Коннор и снова зашагал по кабинету, потирая затылок.

— Поймите, у вас же еще поездка по Империи.

Муж закрипел зубами от досады.

— Она как раз займет эти два месяца. Вернетесь, а в столице все для свадьбы готово! — продолжал убеждать министр.

◇ ◇ ◇

Да, поездка по империи. Ее отложить было нельзя. Нам предстояло посетить все крупные города во всех частях Империи, чтобы рассказать о новом куполе. О том, как теперь будем жить и по каким правилам.

Коннор — представитель семейства Хоторнов. Я — Монрей.

Мы готовы были к этому путешествию. Но в статусе женатой пары.

А теперь выходило, что вроде муж и жена, а все равно порознь.

С главами рода все тоже было беспокойно.

Хоторнами продолжал управлять Салах. Свекор ничего не сказал о том, что я солгала ему и Коннору, и при встрече был по-прежнему любезен и сосредоточен.

Не знаю, чего я ждала, может, обвинений, угроз или требований извинений. Но это молчание настораживало. Я по-настоящему боялась, что стоит отвернуться, как Салах нанесет удар, от которого уже не оправиться.

— Ты зря волнуешься, — заверил меня Коннор, когда я поделилась с ним своими подозрениями. — Ничего не будет. Отцу выгоден этот брак.

— Думаешь?

— Конечно.

— Но я лгала ему и тебе. Была заодно с дядей, хотела тебя убить.

— Скажем так, моего отца больше интересует конечный вариант.

А он в любом случае оказался в выигрыше.

— Все равно странно, — вздохнула я.

— Он умнее меня, — со вздохом признался Коннор. — Отец ведь быстро понял, кто ты на самом деле.

— Насколько быстро? — тут же насторожилась я.

— Наверное, когда ты сама явилась в крепость. Может чуть позже.

Я вспомнила взгляды, которыми меня одаривал глава темных.

«Вот это выдержка. Знать, что в его доме находится обманщица и предательница и молчать. Так не каждый сможет».

— Думаешь?

— Уверен.

— И молчал?

— Говорю же, у него своя выгода.

После этого я продолжала бояться свекра еще больше. Зато с мамой Коннора мы сразу нашли общий язык.

Госпожа Илара оказалась удивительно похожа на мой маму. Такая же добрая, стойкая и болтливая, готовая на все ради своих близких. А еще она, в отличие, от мамы не боялась высказывать свое мнение и даже спорить.

— Коннор тебя любит, — заявила она при первой встрече.

— А я люблю его.

— Вот этого мне хватит. С остальным вы разберетесь сами.

Удивительно отношение.

◇ ◇ ◇

Новым главой рода Монрей стал Питер.

Когда Император во время нашей первой встречи спросил меня, кого бы мне хотелось видеть на должности главы рода, я сразу же назвала Питера. И Коннор полностью меня поддержал.

И дело не в том, что мужчина был моим другом, помощником и советником все это время, что он единственный, кто не отвернулся от меня. Нет, я действительно считала, что Питер отлично справится с этой ролью и наведет порядок в семье.

Не скажу, что он обрадовался такой новости, скорее наоборот. Но это было предложение, от которого ему не позволили бы отказаться, как и нам.

— Глупости. Какой из меня глава. Айрин? — с досадой произнес Питер, когда я сообщила ему о разговоре с Императором.

— Самый лучший.

— Я воин. Всегда был и всегда буду. Все эти интриги, закулисные игры и козни точно не для меня.

— Вот именно. Не надо больше интриг. Семья Монрей нуждается в другой жизни. И ты как никто это знаешь.

Питер с досадой взглянул на меня, явно готовясь возразить.

— Послушай. — Я встала с кресла и шагнула к нему, осторожно касаясь плеча и заглядывая в глаза. — Ты же сам понимаешь, что новый купол — это лишь начало. Впереди много работы. Изменения, которые не каждый сможет и готов будет принять. Например, обучение девушек. Возможность выйти замуж за темного или любого другого мужчину.

— О да, советники Монрей взбунтуются, — кисло усмехнулся Питер.

— Так набери новых. Тех, кому будешь доверять, мнение которых готов услышать.

— Отчего же ты сама не встанешь во главе?

— Тебя они еще примут, а меня — точно нет. Я женщина.

Моя ладонь скользнула по его плечу, но Питер успел ее поймать и сжать в руке, поднося к своим губам.

— Ты счастлива, Айрин? — тихо спросил мужчина, глядя меня в глаза.

— Да, — честно призналась ему. — И хочу, чтобы и ты был счастлив.

Питер отпустил мою руку и отвернулся.

— У тебя странные представления о моем счастье. Но хорошо, я подумаю над предложением Императора.

— Спасибо.

◇ ◇ ◇

Свадьбу перенести нам так и не позволили.

Несмотря на нетерпение Коннора и его стремление как можно быстрее возобновить клятвы, первой не выдержала я.

Те минуты, которые я провела в небытии, на грани жизни и смерти, когда отдавала свою жизнь, силы и кровь, не прошли даром.

Если днем еще как-то удавалось держаться, не вспоминая о страшной темноте и жутком холоде, пробирающем до костей, то, когда наступала ночь, кошмар возвращался.

Я спала под двумя одеялами, накрывшись сверху еще и покрывалом, с камином, в котором никогда не гас огонь, и светильником, который всегда горел, рассеивая темноту ночи.

Но это все равно не помогало. Я мерзла, дрожала и засыпала лишь под утро.

Единственным моим спасением был Коннор. Именно в его руках я умудрялась дремать днем во время поездок. Лишь рядом с ним чувствовала себя спокойно и расслабленно.

Шла третья неделя нашего путешествия.

Той ночью мы объезжали северные земли. Совсем недалеко был тот самый городок, в котором я целый месяц работала магичкой в отеле. Размышляя о том, что надо обязательно навестить Нину, я лежала, глядя в потолок, и мерзла.

А сон все не шел.

Единственным моим желанием было, чтобы поскорее наступило утро. Я могла прижаться к Коннору и раствориться в нем, забывая обо всем на свете, прогоняя кошмары прошлого, которые никак не желали отпускать.

Если бы не Император... мы бы уже давно были вместе. Как законные муж и жена, которыми и являемся.

Решение пришло неожиданно.

Сев в постели, я удивлялась своей глупости. Ведь это так просто!

Мы же муж и жена! Уже пять лет! Перед богами и людьми. А этот брак лишь картинка для всех, подтверждение союза, который давно был заключен.

«Тогда чего я теряюсь? Чего жду? А Коннор? Ладно я, дурочка неопытная, но почему он ничего не делает?!»

Отшвырнув в сторону одеяла, я вскочила с постели, накинула теплый халат и прямо босиком выскользнула в коридор, стараясь не создавать лишнего шума.

Где была комната Коннора, я не знала, но была уверена, что смогу найти, почувствую.

Свернув за угол, я прокралась дальше. Охраны на этаже не было, что значительно облегчало мне задачу.

Раз, два, три...

Третья дверь справа.

Сердце влекло меня именно туда.

Не сомневаясь ни секунды, я открыла дверь и вошла в комнату, плотно закрыв ее за собой.

И тут же попала в плен черных глаз.

Коннор не спал, как и я.

Мужчина стоял у окна, в штанах и рубашке навыпуск, расстегнутой на все пуговицы. В камине горел огонь, отбрасывая причудливые тени и краски на мужа.

Стоило мне войти, как он тут же обернулся.

— Айрин?

В голосе слышалось удивление.

— Мне холодно, — тихо, но решительно произнесла я, делая шаг вперед. — Все время холодно. Я никак не могу согреться и уснуть.

— Кошмары?

Он быстро подошел ко мне, нежно обнимая и делясь своим теплом, которое сейчас было так необходимо.

— Так и не отпускают? — прошептал муж мне на ушко, баюкая меня, словно ребенка.

— Нет, — прижимаясь к нему как можно теснее, отозвалась я.

— Ложись, я побуду рядом.

Коннор уложил меня на кровать, укутал, а сам лег сбоку, прямо поверх одеяла, крепко обнимая.

«М-да, не этого я ожидала, когда шла сюда».

— А тебе не холодно? — осторожно спросила я, взглянув на мужа.

— Нет, — улыбнулся он, целуя мне в лоб. — Спи. Я буду рядом. И никому не позволю тебя обидеть.

«Это все, конечно, хорошо. Но совсем не то».

— Может, все-таки укроешься?

Коннор ответил не сразу. Как-то странно кашлянул, поправляя одеяло у моего горла, ласково коснулся волос, и только потом тихо произнес:

— Это не самая лучшая идея, Айрин.

— Почему?

Я повернулась к нему лицом, пытливо глядя в глаза.

— Видишь ли... Помнишь, мы с тобой говорили о том, что происходит между мужем и женой в спальне?

— После появляются дети, — с готовностью кивнула я и добавила: — Знаю и понимаю. Даже раз узнала кое-что.

— Неужели? — сдавленно спросил Коннор.

То ли смех пытался сдержать, то ли просто говорить было тяжело. Жаль, не понять.

Но я точно была уверена, что не отступлю.

Особенно когда он смотрит так...

Даже не описать словами. Но взгляд мужчины медленно скользил по моему лицу, надолго задержавшись на губах. И внезапно стало горячо. И дело совсем не в одеяле, в которое он меня укутал. Жар исходил от самого Коннора и от меня тоже...

Только мерзла, а вот уже внутри словно лава плескалась, заполняя каждый миллиметр тела.

И одеяло совсем не нужно, в отличие от мужа, который был так близко и в то же время далеко.

— Да. И... не боюсь.

— Айрин, — простонал вдруг Коннор, прислонившись лбом к моему лбу. — Ты ведь даже не понимаешь....

— Понимаю, — упрямо прошептала я, выбираясь из теплого кокона и с вызовом глядя на него. — Что ты мой муж, а я твоя жена. Что больше не могу и не хочу мерзнуть без тебя.

— Но свадьба...

— Лишь картинка. Я твоя уже много лет, а ты мой. Так почему мы должны быть вдали друг от друга? Я люблю тебя, а ты меня. И почему мне еще приходится тебя уговаривать? — с нервным смешком спросила я. — Или ты не хо...

Коннор не дал мне договорить, резко повалив на подушку и нависая сверху. Целуя так, что все мысли из головы исчезли, растворились в жаре, от которого не скрыться.

— Хочу, — прошептал он, на мгновение оторвавшись от моих губ.

И снова поцеловал. На этот раз медленно, нежно, предвкушающе, не оставляя сомнений в том, что произойдет с нами дальше.

— Все время, каждую минуту, но ты... ты же ребенок совсем.

— Глупый, — улыбнулась я, ласково проведя ладонью по его щеке, чувствуя, как колкая щетина слегка царапнула нежную кожу.

— Не ребенок — жена. Твоя жена.

Снова поцелуй. Не знаю, как такое возможно, но он каждый раз другой. Как клеймо, которое навеки отпечаталось на наших сердцах.

Глаза закрылись сами собой. Да и не нужны они сейчас.

Не хочу видеть, хочу чувствовать. Каждое мгновение рядом с ним.

Нежные, но такие требовательные руки заскользили по телу, до хруста сжимая тонкую ткань сорочки, поглаживая бедра, взвешивая в ладони ноющую грудь с набухшими и болезненными вершинками.

Одно прикосновение, и мое тело будто пронзило молнией.

Тихий стон сорвался с губ, когда я выгнулась в его руках, прижимаясь и дрожа от желания, природы которого пока не понимала.

Но точно знала, что так правильно.

Мне так хотелось коснуться его. До дрожи в руках, до покалывания в ладонях. И я не собиралась отказывать себе в этом удовольствии.

Губы Коннора ласкали кожу на шее, спускаясь все ниже к ключицам, к груди, все еще скрытой под тонкой тканью сорочки. Он подхватил горошинку соска, слегка прикусив, заставив меня вновь гортанно застонать.

На муже тоже было много одежды. Слишком много.

Вынырнув из дурмана, я ласково провела пальцами по его торсу, касаясь каждой выемки, каждого жуткого шрама и ожога, который было так много. И с удовольствием чувствовала, как он дрожал от моих прикосновений, как участилось его и без того сбивчивое дыхание.

— Я все делаю правильно? — сглотнув, прошептала я, поднимая на него взгляд.

— Очень, — прохрипел Коннор, подхватив мою нижнюю губу и слегка прикусив.

Тихо рыкнув от нетерпения, я рванула его рубашку в сторону, стремясь снять ее как можно быстрее.

И Коннор мне помогал.

Раздался треск ткани, который показался легким шумом на общем фоне грохота пульса в голове, частого, тяжелого дыхания и тихого шороха простыней.

Следом улетела и моя сорочка.

Наверное, стоило смутиться, но я не хотела!

Меня уже не было. Лишь комок оголенных нервов, которые искрили от каждого прикосновения, поцелуя, ласок.

Таких запретных, опасных и желанных.

Даже прикосновения к внутренней стороне бедра не смущали и не отрезвляли. Я просто знала, что так правильно, так и должно быть! И сама выгибалась ему навстречу, до крови царапая кожу на спине.

— Тихо, тихо, — прошептал Коннор, ловя губами мои тихие стоны. — Сейчас... сейчас, моя маленькая... сейчас...

Он уже был рядом, так близко, что представить невозможно. Или можно?

Осторожное проникновение, посылающее вспышки по всему телу, а следом короткое мгновение боли. Она исчезла так же быстро, как и появилась, уступив место наслаждению, которое накрыло с головой.

Коннор! Коннор!

Его имя пульсом билось в голове.

«Только он! Центр моего мира! И другого не надо! Раствориться в нем, с ним, стать единым целым!»

И когда казалось, что сил больше нет, что выдержать уже невозможно, мир взорвался сотней огней. Я утонула в нем, в этих эмоциях и ощущениях, не в силах сдержать крик.

Муж и жена.

Теперь уже по-настоящему.

И больше отдельно мы не спали. Как бы ни косились сопровождающие, как бы ни шептались слуги.

Только вместе. Я и он.

◇ ◇ ◇

Наша третья свадьба действительно была проведена с поистине императорским шиком и размахом.

Сотни приглашенных, храм в центре столицы. Вот только священник был тот самый, что венчал нас пять лет назад. Отец Эммет. Это Коннор настоял. Я даже обрадовалась ему, как родному.

Все было как в сказке: живая музыка, богато украшенный зал, платье невероятной красоты, драгоценности из императорской сокровищницы.

Но я думала лишь о Конноре.

— Надеюсь, ты будешь счастлива, — прошептала мама перед входом в церковь.

Меня провожали родители. Братья... они сообщили, что не могут приехать. А я не настаивала. Хотя долго не могла понять причин этого странного отчуждения.

— Это из-за Питера, — пояснил Коннор.

— А при чем здесь Питер? Свадьбу Кая с Заликой же никто не отменял.

— Всем известно, что это мы с тобой посоветовали Питера на должность главы рода.

— И что?

— Мы выбрали Питера, а не кого-то из твоих братьев.

Я даже растерялась на мгновение.

— А должны были?

— По их мнению, да, — улыбнулся Коннор, целуя меня в нос, а потом в подбородок.

Его ладонь легла на бедро и начала медленно ползти вниз.

— Но подожди. — Я чуть отстранилась. — С чего они вообще решили, что мы можем предложить их?

— Ты же их сестра. Родная кровь.

— Но это глупо.

— Они это поймут, и все будет хорошо.

Надеюсь, что когда-нибудь эта стена между нами растает и мы сможем друг друга понять. Но это будет потом.

— Я уже счастлива, мама, — обнимая ее, произнесла я.

— Это самое главное, — со слезами на глазах ответила она.

Папа лишь улыбнулся.

Он мало говорил, но я чувствовала его поддержку, и это сейчас было самое главное.

Там, стоя у алтаря рядом с Коннором, я внезапно почувствовала на себе чей-то особо пристальный взгляд. Осторожно повернув голову, я увидела в самом дальнем углу знакомую старушку с неизменной клюкой.

Она улыбалась мне и кивала.

Не знаю, благословение ли это, но мне показалось, что да.

Когда я вновь взглянула в ту сторону, ее уже не было. Выполнив задуманное, она исчезла, позволив нам самим строить свою судьбу.

Следом был грандиозный свадебный банкет, с которого мне так хотелось побыстрее сбежать. Тошнота, которая преследовала меня по утрам, дала о себе знать и вечером, так что я почти ничего не ела, в том числе и грандиозный торт в пять ярусов.

Хорошо, что все списали это на волнение.

Чуть ли не каждый тост сопровождался пожеланием детей, и побольше. Конечно, все ждали нового поколения смешанной крови, которая смогла бы поддержать мир и порядок. Ведь пока были лишь мы с Коннором.

Мне удалось разгадать загадку свекра.

То единственное, что помогло нам спасти друг друга и изменить, — любовь. Именно она сделала нас выше остальных. Вот почему у остальных не получилось. Мы рисковали собой, отдавали часть себя, лишь бы помочь и спасти. Многие ли готовы пойти на такие жертвы?

Но, судя по поведению императора, он собирался в ближайшее время заключить как можно больше брачных союзов между Монрей и Хоторнами.

И я могла лишь посочувствовать Питеру, который должен был стать первой жертвой грандиозных планов.

Ближе к полуночи нас с песнями и шутивными пожеланиями, от которых иной раз приходилось краснеть, отпустили в покои.

— Клянусь, когда ты забеременеешь, я сделаю все, чтобы об этом как можно дольше никто не узнал, — проворчал Коннор, когда мы вошли в спальню, которую для нас выделили в императорском дворце.

— Правда?

— Да. Это будет наш ребенок, а не достояние общественности.

— Что ж, — улыбнулась я, снимая с шеи тяжелое ожерелье, — тогда тебе стоит начать уже сейчас.

— Начать что? — переспросил муж, застыв с шейным платком в руке.

— Конспирироваться. Времени осталось не так много, — отозвалась я, поворачиваясь к нему.

На растерянное лицо Коннора было приятно смотреть. Он все никак не мог поверить в сказанное.

— Ты хочешь сказать...

— Что во время путешествия мы были... весьма плодотворными, — ответила я и взвизгнула, когда он вдруг бросился ко мне, обнял и

закружил.

— Это правда? Правда?!

— Конечно, правда.

— Ты уверена? — Коннор опустил меня на пол, пытливо глядя в глаза.

А у самого улыбка до ушей и такой восторг, что я едва не расплакалась.

— Более чем.

Муж опустился на колени, прижимаясь лицом к моему животу.

— Мы никому не скажем.

— Хорошо.

— И уедем в отпуск.

— Конечно.

— На год. Или лучше два.

— Нас не отпустят.

— Все равно. Я не позволю тебе разъезжать по Империи на потеху публике. И ребенка не дам! Он наш!

— Наш, — согласилась я, не в силах сдержать улыбку.

Коннор быстро поднялся, жарко целуя и обнимая.

— Люблю тебя. Больше всего люблю!

— И я тебя.

Кто бы мог подумать, союз, который изначально был обречен на провал, вдруг сделал нас самыми счастливыми.

Пусть наш мир менялся. С треском, с волнениями, иногда с болью и разочарованием. Но одно в нем оставалось неизменным — наша любовь друг другу!

◇ ◇ ◇

Через восемь месяцев после свадьбы родилась наша дочка.

Селения. Первая из нового поколения смешанной крови. Первая, но не последняя. Через четыре года появились на свет близнецы.

А мир продолжал меняться.

Если в самом начале старшее поколение в штыки воспринимало все нововведения, то сейчас ситуация стала потихоньку меняться. И, конечно, благодаря Питеру.

Как я и предполагала, император решил закрепить союз между двумя родами и весьма недвусмысленно намекнул Питеру присмотреться к Мелиссе.

Самое удивительно, что он так и сделал.

Это был странный союз, непонятный и какой-то неправильный. Я пыталась поговорить с Питером по душам, но ничего хорошего из этого не вышло.

— Что ты хочешь от меня услышать, Айрин? — резко спросил мужчина.

— Ничего, — тут же пошла на попятную я. — Но ты уверен, что хочешь этого союза?

— Он одобрен Императором.

— С каких это пор ты делаешь все по его указке?

— А почему нет? С вами же он угадал, — съязвил Питер. — Может, и мне повезет Стану одним из избранных, отцом нового поколения смешанной крови.

— А как же любовь? — тихо спросила у него.

— Я уже любил. Хватило.

На это мне ответить было нечего.

С Мел разговора вообще не получилось. Она просто послала меня далеко и надолго и велела не лезть не в свое дело.

Но свадьба так и не состоялась.

Невеста пропала перед самым торжеством. Села в карету, чтобы отправиться в часовню, но до нее так и не доехала.

Искали ее долго и упорно. И какой скандал был, когда оказалось, что выкрал ее не кто иной, как Дик Шеррил. Мало того, что выкрал, так еще и уговорил тайно обвенчаться в захудалой часовне.

Как же ругался Коннор. Я давно не видела его таким злым.

— Идиоты! Чокнутые! Зачем было доводить до такого?!

Я передала задремавшую малышку няне и подошла к мужу.

— Ты знал?

— Нет, конечно! Подозревал. Они же столько лет цапались по поводу и без повода. Цеплялись друг к другу. Я подозревал, что это не просто так, даже пытался поговорить с Диком. Думал, что у него хоть есть голова на плечах. Ошибся! Идиот! Считал себя недостойным ее, а когда понял, что теряет, дотянул до последнего. А ведь я его предупреждал! Убил бы! Обоих!

— Но все же хорошо закончилось, — попыталась успокоить я его.

— И как все это объяснять Императору? — привлекая меня к себе, спросил Коннор, привычно целуя в макушку.

— Любовь.

— А как быть с Питером?

— Я думаю, он даже рад такому повороту, — призналась я, вслушиваясь в биение его сердца.

— Все равно некрасиво вышло.

— Ничего, уверена, он найдет свое счастье.

◇ ◇ ◇

И ведь нашел.

После долгих поисков и множества рассмотренных кандидатур, которых ему с завидной регулярностью присылал император и большая часть министров, обнаружил там, где никак не ожидал.

У себя на тренировочной площадке.

Это был первый выпуск девушек из рода Монрей, прошедших полный пятилетний курс обучения использования силы. И Питер, как глава, обязан был присутствовать и оценивать.

Там он и встретил Анику.

— Она мне тебя напомнила, — признался мужчина, наблюдая за молодой женой, которая возилась с Селенией в парке у пруда.

Они собирали полевые цветы и делали из них красивые венки. Один из них уже украшал кудрявую голову моей малышки.

— Меня?

Честно говоря, это сравнение не очень понравилось и даже напрягло.

Я более пристально взглянула на Анику. Маленькая, худенькая, светловолосая и страшная хохотушка. Они с Селенией смеялись не переставая, о чем-то заговорщицки перешептываясь.

Разве мы похожи?

— Упрямством, — пояснил Питер. — Она же была самой маленькой в выпуске. Худенькая, невысокая, как подросток. Но упрямая и цепкая. Как и ты? Дралась до последнего. И ведь выиграла.

— Надо же.

Аника почувствовав взгляд мужа, обернулась, и махнула ему рукой.

— А потом? — поинтересовалась я, стараясь устроиться поудобнее в плетеном кресле.

Вторая беременность протекала сложнее. Да и размеры живота уже начали всерьез беспокоить акушера, который начал подозревать

двойню. В любом случае, внутренности мне отбивали за двоих.

— Потом, я понял, как сильно вы с ней отличаетесь и пропал окончательно, — улыбнулся он.

Я была только рада.

Питер заслуживал счастья как никто другой. Ну, а императору пришлось смириться с тем, что детей со смешенной кровью в семье молодого главы рода Монрей пока не будет.

А вот Рейн неожиданно для всех женился на Снеже. Мало того, уехал с ней в степь — строить новую жизнь. Коннор, конечно, скучал по другу, но понимал, что так лучше.

Прорывов больше не было.

Ни одного за эти годы. Купол оставался все таким же крепким и мощным, не давая тварям попасть в наш мир.

Обучение светлых и темных почти не изменилось.

Если со светлыми все было понятно, то у Хоторнов возникли небольшие, но очень серьезные проблемы.

Появление нового купола затруднило существование лабиринта. Для того, чтобы темные могли получить силу, они должны были сразиться с тварью из Бездны, победить ее и вырезать сердце.

Звучало, кончено, жутко. Но так оно и было.

Теперь, когда прорывов не было и существа больше не попадали в наш мир, пройти инициацию было сложно. Пока спасало наличие в клетках лабиринта существ. Но их было немного.

Поэтому было принято решение создавать собственные гибриды, на основе крови существ и магии.

Работа предстояла трудная и сложная. Пока было создано всего несколько штук, которые росли и развивались под тщательным контролем не только темных, но и всего мира.

Питер пристально следил, за тем, чтобы данный эксперимент не вышел из-под контроля. Не хотелось бы потерять наш приобретенный мир из-за удара изнутри.

Но новые создания разительно отличались от тварей Бездны, умели слушать, подчинялись командам, участвовали в тренировках и подчинялись страхам.

Эфир, как раз и стал тем старшим. Связь с Коннором после создания купола только укрепилась, да и я была благодарна ему за помощь.

Кроме того, мой муж разрабатывал специальную методику воспитания будущих стражей смешанной крови. Именно им предстояло защищать наш мир после нас.

Смешанных браков пока было немного, но они были. И в каждом уже росли свои особенные дети.

На десятую годовщину нового купола было уже более двадцати одаренных. Их количество будет только расти.

— Знаешь, мне кажется, что это и есть счастье, — заметил Коннор, подходя сзади и нежно обнимая.

Мы стояли на краю беседки, наблюдая, как в саду резвятся наши дети. Дети, которым уже не грозит ужас прорывов, звон трещин купола. Они не будут хранить магические кристаллы и бояться, что в любой момент мир может рухнуть.

— Как ты смотришь на то, что оно скоро станет еще немного больше? — спросила я, опуская его ладони чуть ниже и кладя их на свой живот.

Руки чуть дрогнули.

— Значит, мы будем еще чуточку счастливее, — улыбнулся он, целуя меня за ушком. — Счастье — оно такое. Его не может быть много...

И я с ним была полностью согласна.

Конец